

ISSN 2310-1083

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА.
ЮГ РОССИИ**

2014

№ 1 (3)

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

ЮЖНАЯ СЕКЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЮЖНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
«ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»,

Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

**REGIONAL ECONOMY.
SOUTH OF RUSSIA**

2014

№ 1 (3)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА.
ЮГ РОССИИ

REGIONAL ECONOMY.
SOUTH OF RUSSIA

2014 № 1 (3)

Научно-практический журнал
Выходит два раза в год
Издается с июня 2013 года

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-57210 от 11 марта 2014 г.)

Главный редактор — д.э.н., проф. О.В. Иншаков
Заместитель главного редактора —
д.э.н., профессор И.В. Митрофанова

Научно-редакционный совет:

Л.А. Аносова, д.э.н., проф. (Москва);
А.А. Анфиногентова, акад. РАН (Саратов);
О.В. Иншаков, д.э.н., проф. (председатель)
(Волгоград); Г.Б. Клейнер, чл.-кор. РАН
(Москва); В.Л. Макаров, акад. РАН (Москва);
Г.Г. Матишов, акад. РАН (Ростов-на-Дону);
П.А. Минакир, акад. РАН (Хабаровск);
А.И. Татаркин, акад. РАН (Екатеринбург);
И.В. Гришина, д.э.н., проф. (Москва);
А.Г. Дружинин, д.э.н., проф. (Ростов-на-Дону);
Б.С. Жихаревич, д.э.н., проф. (Санкт-
Петербург); С.А. Липина, д.э.н., доц. (Москва)

Редакционная коллегия:

В.А. Авксентьев, д.ф.н., проф.; М.М. Амирханов,
д.э.н., проф.; И.Д. Аникина, д.э.н., доц.;
В.В. Батманова, к.э.н., доц. (отв. секретарь);
Л.Ю. Богачкова, д.э.н., проф.; М.Э. Буянова,
д.э.н., проф.; Г.Г. Вукович, д.э.н., проф.;
И.А. Гришин, д.э.н., проф.; М.М. Гузев, д.э.н.,
проф.; Е.Б. Дьякова, д.э.н., доц.; Н.П. Иванов,
д.э.н., проф.; Е.И. Иншакова, д.э.н., проф.;
А.Э. Калинина, д.э.н., проф.; В.В. Курченков,
д.э.н., проф.; Р.А. Канцеров, к.э.н., проф.;
А.А. Керашев, д.э.н., проф.; Н.Н. Киселева, д.э.н.,
проф.; Н.Н. Лебедева, д.э.н., проф.;
В.О. Мосейко, д.э.н., проф.; Р.А. Попов, д.э.н.,
проф.; И.Е. Рисин, д.э.н., проф.; Е.Г. Русскова,
д.э.н., проф.; Г.В. Тимофеева, д.э.н., проф.;
Д.П. Фролов, д.э.н., проф.; Л.С. Шаховская,
д.э.н., проф.; М.Б. Щепакин, д.э.н., проф.

© ФГАОУ ВПО «Волгоградский
государственный университет», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Павлов К.В.

Межрегиональная экономика
как перспективное направление
исследований 6

Фригман Ю.А., Речко Г.Н., Логинова Е.Ю.

Инновационное развитие сырьевых отраслей
как драйвер роста конкурентоспособности
региона: концепция исследования 14

Никитаева А.Ю., Андрущенко О.Г.

Роль государственных институтов в обеспечении
инновационного развития промышленности
на региональном уровне 20

Кан Е.Н.

Влияние духовного воспроизводства
на региональное развитие 27

Жуков А.Н.

Риски реализации
территориальных мегапроектов 33

УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

Матвеева Л.Г.

Инновационный потенциал промышленности
Юга России: инструментарий управления
в целях снижения
региональной асимметрии 42

Дядечко О.В.

Информатизация социальной сферы — источник
поступательного развития хозяйственной системы
Южного макрорегиона 55

Иванов Н.П., Митрофанова И.А., Чепрасов Е.В.,
Майорникова М.Г.

Тенденции привлечения иностранного капитала
в социохозяйственный комплекс ЮФО 62

Родионова Е.В.

Внедрение стандарта АСИ
в регионах ЮФО 74

Волков С.К.

Перспективы развития туризма
в Волгоградской области в условиях ВТО 80

Патракеева О.Ю.

Характеристика и проблемы кадастровой оценки
сельскохозяйственных земель
Ростовской области 85

Бабков Г.А., Муратова Л.И., Захохова М.Р.

Оценка и развитие сферы
продовольственного обеспечения населения:
региональный аспект 90

Пожилова И.В.

Стратегический вектор развития
жилищного рынка ЮФО 99

СТРАТЕГИИ, ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

Селютин В.В., Горшкова А.Н., Ушканова Е.В.
Методологические аспекты
стратегического планирования развития
региональных систем 105

Чернова О.А.
Методические подходы к развитию системы
отношений «центр — периферия» в стратегиях
сбалансированного развития региона 114

Курченков В.В., Матюхина К.Ю.
Использование программно-целевого метода
управления устойчивым развитием
региона 122

Месропян К.Э.
Аналитическая поддержка системы
стратегического планирования:
методика оценки сравнительной эффективности
экономики регионов ЮФО 128

Котова Л.А.
Геотранзитная архитектура
социально-экономической системы Еврорегиона
«Донбасс» 134

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ И ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКСЫ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Липина С.А.
Геоэкономические ресурсы развития АПК
в Северокавказском регионе 139

Оксанич Н.И.
Трансформация мер государственной поддержки
АПК Южного федерального округа
в условиях ВТО 148

Клинцевич Р.И.
Направления совершенствования разработки
региональных программ развития АПК 156

Залепухин В.В., Мытарев М.А.
Эволюция систем и средств контроля
за состоянием воздушного бассейна 168

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

Туманянц К.А.
Возможности и ограничения бюджетной политики
субъектов Юга России в условиях
экономической стагнации 174

Бондаренко Л.Н., Шор Д.М.
Страхование как фактор обеспечения
социально-экономической стабильности
в Южном федеральном округе 182

Козенко Ю.А.
Антикризисное проектирование
финансовых результатов предприятий АПК
Южного макрорегиона 189

ЭКОНОМИКА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ

Кайль Я.Я.
Роль муниципалитетов в реализации задач
социально-экономического развития
субъектов РФ 194

Епинина В.С.
Развитие партисипативных институтов
публичного управления
в субъектах ЮФО 204

Камбарова Е.А.
Современный уровень
социально-экономического развития
прибрежных территорий
Краснодарского края 211

ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЮГА РОССИИ

Гукова А.В., Аникина И.Д.
Стратегия развития предприятий
металлургического комплекса ЮФО
в контексте модернизации
региональной промышленной политики 216

Соболева С.Ю.
Кластерная интеграция
фармацевтических предприятий
Южного федерального округа 222

Коростелева Т.В., Стрекалова Г.Р.
Совершенствование процесса управления
основным капиталом предприятий
пищевой промышленности 227

ОБ АВТОРАХ 233

ABOUT THE AUTHORS 236

CONTENTS

FUNDAMENTAL RESEARCHES OF THE SPATIAL ECONOMY

- Pavlov K.V.*
Interregional economy as a perspective trend
of research 6
- Friedman Yu.A., Rechko G.N., Loginova E.Yu.*
Innovative development of the raw material
industries as the driver of growth of the regional
competitiveness: conception of the research 14
- Nikitaeva A.Yu., Andryushchenko O.G.*
Role of state institutions in the provision
of the innovative development of the industry
at the regional level 20
- Kan E.N.*
Influence of the spiritual reproduction
on the regional development 27
- Zhukov A.N.*
Risks of the realization of territorial
megaprojects 33

CONDITIONS, RESOURCES, FACTORS AND MECHANISMS OF THE DEVELOPMENT OF THE SOUTH OF RUSSIA

- Matveeva L.G.*
Innovative potential of the production
of South of Russia: instruments of management
for the purpose of the lowering
of the regional asymmetry 42
- Dyadechko O.V.*
Informatization of the social sphere is a source
of the progressive development of the economic
system of South macroregion 55
- Ivanov N.P., Mitrofanova I.A., Cheprasov E.V.,
Mayornikova M.G.*
Tendencies of the attraction
of the foreign capital into the social
and economic complex
of the South Federal District 62
- Rodionova E.V.*
Introduction of the ASI standard in the regions
of the South Federal District 74
- Volkov S.K.*
Prospects of the tourism development
in the Volgograd region under the conditions
of the World Trade Organization 80
- Patrakeeva O.Yu.*
Characteristics and problems of the cadastral
assessment of the agricultural lands
of the Rostov region 85
- Babkov G.A., Muratova L.I., Zakhokhova M.R.*
Assessment and the development of the sphere
of the food provision of the population:
regional aspect 90
- Pozhilova I.V.*
Strategic vector of the development of the housing
market of the South Federal District 99

STRATEGIES, PROGRAMS AND PROJECTS OF THE MODERNIZATION OF THE ECONOMIC SYSTEM OF THE SOUTHERN MACROREGION

- Selyutin V.V., Gorshkova A.N., Ushkanova E.V.*
Methodological aspects of the strategic planning
of the regional development planning 105
- Chernova O.A.*
Methodical approaches to the development
of the system of the relations "center –
periphery" in the strategies of a balanced
development of the region 114
- Kurchenkov V.V., Matokhina K.Yu.*
Use of the program and targeted method of the
management of the sustainable development
of a region 122
- Mesropyan K.E.*
Analytical support of the system of the strategic
planning: methodology of the assessment
of the comparative efficiency of the economy
of the regions of the South Federal District 128
- Kotova L.A.*
Geotransit architecture of the social and economic
system of the Euroregion "Donbass" 134

AGROINDUSTRIAL AND NATURAL ECONOMIC COMPLEXES OF THE SOUTH OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT

- Lipina S.A.*
Geeconomic resources of the agricultural
development in the North Caucasus region 139
- Oksanich N.I.*
Transformation of the measures
of the state support of the agricultural sphere
of the South Federal District under the conditions
of the World Trade Organization 148
- Klintsevich R.I.*
Directions of the elaboration improvement
of the regional programs development
of the agricultural sphere 156
- Zalepukhin V.V., Mytarev M.A.*
Evolution of the systems and the means
of the control under the condition
of the air basin 168

FINANCIAL MECHANISM OF THE REGULATION OF THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE SOUTHERN MACROREGION

- Tumanyants K.A.*
Opportunities and limitations of the budgetary
policy of the regions of the South of Russia
under the conditions
of the economic stagnation 174
- Bondarenko L.N., Shor D.M.*
Insurance as a factor of social and economic
stability in the South Federal District 182

<i>Kozenko Yu.A.</i>	
Anticrisis projecting of the financial results of the agricultural enterprises of the South macroregion	189

ECONOMY OF THE MUNICIPAL ADMINISTRATION AND THE DEVELOPMENT OF THE MUNICIPALITIES OF SOUTHERN REGIONS

<i>Kayl Ya.Ya.</i>	
Role of municipalities in the realization of the tasks of social and economic development of the regions of the Russian Federation	194

<i>Epinina V.S.</i>	
Development of the participative institutes of the public management in the regions of the South Federal District	204

<i>Kambarova E.A.</i>	
Trends of the social and economic development of the coastal territories of the Krasnodar kray	211

INNOVATIVE VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISES OF THE SOUTH OF RUSSIA

<i>Gukova A.V., Anikina I.D.</i>	
Strategy of the development of the enterprises of the metallurgical complex of the South Federal District under the context of the modernization of the regional industrial policy	216

<i>Soboleva S.Y.</i>	
Cluster integration of the pharmaceutical enterprises of the South Federal District	222

<i>Korosteleva T.V., Strekalova G.R.</i>	
Improvement of the process of the management of the core capital of food industry enterprises	227

ABOUT THE AUTHORS	236
-------------------------	-----

УДК 330.352
ББК 65.01

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

К.В. Павлов

В статье анализируется система межрегиональных взаимодействий, рассматриваются различные типы межрегиональных социально-экономических и экологических отношений, а также обосновывается целесообразность выделения межрегиональной экономики как перспективное направление научных исследований.

Ключевые слова: межрегиональная экономика, межрегиональная экология, типы межрегиональных отношений, перспективное направление исследований.

INTERREGIONAL ECONOMY AS A PERSPECTIVE TREND OF RESEARCH

K. V. Pavlov

In the article the system of interregional interactions is analyzed, various types of the interregional social and economic and ecological relations are considered, and also the expediency of allocation of interregional economy as the perspective direction of scientific researches is based.

Key words: interregional economy, interregional ecology, types of interregional relations, perspective direction of research.

Соотношение между межрайонными и внутрирайонными экономическими связями неодинаково для различных отраслей. Наибольшее значение имеют межрайонные связи для цветной металлургии, машиностроения, парфюмерной промышленности, некоторых отраслей пищевой промышленности (более 70 %). Меняется соотношение между этими двумя видами территориальных связей и по районам. Наиболее интенсивны связи с соседними экономическими районами. По мере удаления от очагов зарождения грузопотоков их интенсивность и мощность, как правило, падают. Каждый из этих очагов создает свою зону влияния, в которой осуществляются связи по менее транспортабельным, но более массовым грузам. За пределы зон выходят грузы в основном более транспортабельные. При оценке межрайонных связей важно сопоставление темпов роста средней дальности перевозок с темпами роста и уровнем комплексности развития хозяйства.

Очевидно, что те районы, уровень комплексного развития которых невелик, требуют ускоренного роста вспомогательных и обслуживающих отраслей с тем, чтобы снизить транспортные затраты на завоз в эти районы многих видов продукции, необходимой отраслям их специализации и населению. Для определения уровня комплексности используют систему показателей [18], к которым относят законченность важнейших производственных циклов, обеспеченность продукцией собственного производства, развитие сферы обслуживания, соотношение межрегиональных и внутрирегиональных перевозок грузов и ряд других. Показатель, характеризующий уровень комплексного развития района, можно определять и на основе отношения удельного веса внутрирайонных перевозок района во внутрирайонных перевозках страны к удельному весу района в площади страны. В СССР максимальное значение межрайонный обмен имел для Волго-Вятского, Южного, Поволжского и Центрально-Черноземного районов. Наименьшее значение межрайонные экономические связи имели для Закавказского, Среднеазиатского и Дальневосточного районов.

Для определения зависимости района от других экономических районов по отдельным видам продукции используется индекс ввоза по каждому виду продукции, который рассчитывается как отношение ввоза данной продукции в какой-то район из другого района к потреблению этой продукции в первом районе. Этот показатель также следует включить в приведенную выше систему показателей, характеризующих межрегиональные экономические отношения.

По характеру транспортного баланса экономические районы делятся на два вида: экономические районы с превышением вывоза над ввозом (активный транспортный баланс) и экономические районы с превышением ввоза над вывозом (пассивный транспортный баланс). Для улучшения транспортного баланса следует устранить или хотя бы уменьшить нерациональные перевозки, которые по причинам их возникновения и влиянию, оказываемому на работу транспорта, можно классифицировать на следующие укрупненные группы: 1) встречные; 2) излишне дальние; 3) повторные (на одном и том же виде транспорта); 4) короткопробежные (для железнодорожного); 5) осуществляемые по железным дорогам в направлениях, где более эффективно использовать другие виды магистрального транспорта; 6) перевозки недостаточно подготовленной к транспортировке продукции. Для главных топливных и сырьевых индустриальных районов характерен активный транспортный баланс. Пассивный транспортный баланс, как правило, имеют районы индустриально-аграрного типа и районы обрабатывающей промышленности. В СССР к районам с положительным сальдо по вывозу грузов относились Северо-Западный, Поволжский, Казахстанский, Западно-Сибирский и ряд других, а к районам с отрицательным сальдо по вывозу грузов относились Закавказский, Уральский, Южный, Прибалтийский и многие другие.

Таким образом, в условиях социализма межрегиональные экономические связи являлись основой формирования экономики всей системы районов и каждого района в отдельности. На характер и масштаб межтерриториальных связей влияют: 1) степень специализации хозяйства; 2) уровень комплексности экономических районов; 3) эффективность используемых ресурсов; 4) достижения в управлении и организации хозяйственной деятельности экономических районов; 5) региональная взаимозависимость отраслей народного хозяйства; 6) рациональность размещения отраслей производства и отдельных предприятий. Очевидно, что многие выявленные факторы и показатели, характеризующие межрегиональные эко-

номические отношения при социализме, можно использовать при анализе межрегиональных взаимодействий и в иных социально-экономических условиях, в том числе и при рыночных производственных отношениях.

Необходимо заметить, что вопросами межрегиональной экономики и отечественные, и зарубежные исследователи в той или иной форме занимались и раньше, правда, происходило это в основном спорадически. Как такового целенаправленного исследования межрегиональных социально-экономических проблем до сих пор не было и, поэтому, для того чтобы восполнить этот пробел, нужно создать условия и принять необходимые меры для полноценного и комплексного развития межрегиональной экономики как особой и специализированной теоретической дисциплины.

Как уже отмечалось, межрегиональные проблемы и раньше время от времени рассматривались в специальной литературе. Так, например, за рубежом такого рода вопросами занимался выдающийся специалист в области регионального анализа У. Изард. В своей классической работе «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах», рассматривая характерные черты экономики любого региона, У. Изард отмечал, что специфический путь его развития и эти характерные черты связаны запутанным клубком взаимозависимостей, причем в этом клубке переплетаются межрайонные проблемы народонаселения, обеспеченности ресурсами, размещения производства, местных особенностей хозяйства, распределения доходов между различными социальными группами, состояние платежного баланса, рынков сбыта, центральных мест и городских конурбаций, административной и политической организации, институтов и даже моральных ценностей, стимулов и социальных целей [6]. Все эти системы связаны межрайонными системами межотраслевых потоков товаров и денег, перемещений населения, транспортных путей и вообще социально-культурным взаимодействием, включая и процессы принятия решений.

Большой интерес представляет содержащийся в монографии У. Изарда анализ возможностей использования различного рода экономико-математических моделей в разрешении межрегиональных проблем. Так, представляет значительный интерес использование гравитационной модели при изучении социально-экономических взаимосвязей между разными регионами, в частности, при анализе вопросов об оптимальном сочетании районов разных размеров и форм. Широкие возможности имеет также использование метода сравнительных издержек, особенно при решении задач оценки эф-

фективности размещения отдельных видов производств и предприятий в тех или иных регионах. Можно выделить и другие экономико-математические модели — линейную межрайонную модель, использование метода изучения связей по схеме «затраты — выпуск» как для описания существующих межтерриториальных связей, так и для прогноза их динамики.

Отечественные исследователи также определенное внимание уделяли вопросам межрегиональной экономики. Так, в советский период в ведущих научно-исследовательских организациях: Совете по изучению производительных сил при Госплане СССР, Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и ряде других еще с середины 60-х гг. разрабатывались межтерриториальные экономико-математические модели. Например, под руководством С.А. Николаева (СОПС) была разработана и экспериментально проверена межрайонная, межотраслевая модель размещения промышленного производства (на 1971 — 1980 гг.). Задачей модели было оптимальное распределение приростов производства отдельных видов промышленной продукции на перспективный период по крупным экономическим районам с учетом наилучшего использования районных ресурсов. При разработке модели исходили из минимальных суммарных издержек производства всех видов продукции и перевозок сырья и готовой продукции [17]. На основе сокращенного варианта данной модели были проанализированы производственные связи между микрорегионами и определена экономически обоснованная отраслевая структура восточных районов страны. В Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР были разработаны различные варианты оптимизационной межотраслевой, межрегиональной модели (ОМММ-1 и ОМММ-2 — в последнем варианте рассматривалась модель с оптимизируемыми параметрами роста капиталовложений) [4]. Эти модели были предназначены для использования на разных этапах предплановых обоснований территориальной системы хозяйства при изучении тенденций и закономерностей размещения производительных сил, разработке конкретных мероприятий региональной экономической политики.

Вопросами межрегиональной экономики занимались и ряд других зарубежных и отечественных исследователей. Так, Каррозерс сформулировал принципы и условия оптимального сочетания районов общего типа. По его мнению, оптимальное сочетание районов общего типа должно как можно полнее отвечать следующим требованиям:

- 1) не допускать концентрации масс на периферии района;
- 2) обеспечить в пределах каждого района определенный узловой центр тяжести масс;
- 3) предопределить совпадение центров тяжести масс и фактической территории;
- 4) обусловить правильные геометрические формы территории каждого района;
- 5) обеспечить примерно одинаковые размеры территории смежных районов при примерно однородной плотности масс;
- 6) создать пропорциональную зависимость размеров территории района от плотности масс [6].

Г. Ричардсон считал, что удовлетворительная теория должна объяснять несбалансированный рост в межрайонной системе и пространственную неравномерность развития в каждом районе. Залогом достижения подобной цели он считал увязку различных направлений, размещенческих исследований и концепций, разработанных в их рамках [2]. В первую очередь Г. Ричардсон ставит вопрос об интеграции региональной макроэкономики и традиционной теории размещения, что, по его мнению, позволило бы экономистам более реалистично интерпретировать процессы, протекающие в области пространственных структур.

Большое внимание межрегиональным проблемам уделяли такие выдающиеся экономисты, как В. Леонтьев, Я. Тинберген, Г. Разул и другие [19]. Отечественные экономисты довольно давно занимаются вопросами сравнительного анализа социально-экономического развития разных районов страны, их взаимосвязями и взаимозависимостями. В социалистическую эпоху в этой связи следует выделить работы Ю. Воробьева [3], В. Кистанова [7], Г. Лаппо [8] и пр.; немало исследований российских ученых появилось и в переходный период. Так, можно выделить монографию О. Дмитриевой [5], коллективную монографию по сравнительному анализу экономического развития регионов, входящих в Северный экономический район [22] и ряд других.

Таким образом, в той или иной форме проблемами межрегиональной экономики занимались как отечественные, так и зарубежные ученые. Однако подходы к решению межрегиональных проблем, содержащиеся в работах отечественных и зарубежных ученых, порой существенно отличаются. Это связано с тем, что работы отечественных исследователей социалистического периода основывались на том, что директивно-приказные методы управления являлись стержневым звеном функционирования социально-экономической системы, тогда как зарубежные ученые анализировали межрегио-

нальные проблемы в условиях рыночных методов хозяйствования. Данное положение справедливо и в отношении всей теории региональной экономики, одним из разделов которой и является межрегиональная экономика. Чтобы не быть голословными, приведем в пользу выказанного положения некоторые аргументы.

Один из крупнейших советских ученых, многолетний руководитель СОПСА академик Н. Некрасов писал, что задачей региональной экономики как нового направления в экономической науке является постановка и разработка новых теоретических проблем, необходимых для практического решения современных задач планирования и территориальной организации хозяйства страны [13]. На наш взгляд, в работах по региональной экономике социалистического периода есть немало ценного, которое можно использовать и в настоящее время.

В этой связи не следует впадать в другую крайность и слепо, некритически использовать труды зарубежных исследователей. Во-первых, несмотря на очевидные отличия различных социально-экономических систем (развитый рынок, переходный период, социалистическая экономика), во всех случаях имеется широкий круг общих региональных проблем, ибо важнейшей составляющей предмета исследований теории региональной экономики является изучение пространственного аспекта общественного воспроизводства. Во-вторых, общность проявляется в том, что во всех случаях региональные экономические исследования процессов рационального размещения производительных сил и формирования комплекса хозяйства экономических районов по существу исходят из одних и тех же объективных принципов, к которым относятся следующие: постоянное совершенствование территориального разделения труда, определяющего рациональную производственную специализацию экономических районов; достижения высокой экономической эффективности общественного производства, определяемой созданием и развитием единого народно-хозяйственного комплекса; последовательного развития комплексности хозяйства каждого региона страны [13]. В-третьих, несмотря на многообразие, можно выделить общие, независимые от типа социально-экономической системы, факторы оптимального размещения материального производства. К ним, в частности, относятся: использование экономических природных ресурсов; рациональное использование трудовых ресурсов; оптимальные размеры производства и его организации; рост эффективности производственных связей новых предприятий.

Таким образом, общность подходов к решению региональных проблем безотноситель-

но к типу социально-экономической системы в конечном счете коренится в объекте исследования (как в этой связи отмечают некоторые ученые, при условии неизменности границ объект региональной экономики можно считать в определенной мере «вечным», не меняющимся [20]). По определению, под объектом территориального управления понимается весь хозяйственный, экономический и производственный комплекс, который формируется независимо от состава отраслей и ведомственной подчиненности объединений (предприятий), организаций и учреждений, расположенных на определенной территории [23]. Таким образом, понятие «регион», являющееся объектом исследования в региональной экономике, предполагает рассмотрение районов совершенно различной площади [10–12].

Однако возможность использования методов региональной экономики при анализе территориальных воспроизводственных процессов вне зависимости от типа общественной системы объясняется не только общностью, неизменностью объекта исследования. Дело в том, что сами различные типы социально-экономических систем, несмотря на существенные отличия, содержат и немало общих компонентов, ибо в каждой системе присутствуют (хотя и в разных пропорциях) и государственные, и рыночные (товарно-денежные) механизмы и регуляторы. Но, тем не менее, коренная трансформация хозяйственной системы, переход к рынку привели к существенному смещению акцентов в направлении использования результатов регионального анализа. И если раньше региональные исследования были, прежде всего, направлены на обслуживание потребностей централизованной системы управления, в связи с чем превалировал общесоюзный подход к решению региональных проблем, то в настоящее время начали существенную роль играть региональные и местные интересы [20]. В новых условиях центр тяжести исследований перемещается с вопросов размещения производства на проблемы социально-экономического развития республик и регионов, при этом директивное установление производственных заданий по территории уступает место вариантной проработке возможных сценариев развития экономических и социальных процессов в регионах страны, а прямое распределение ресурсов — разработке экономических и правовых рычагов воздействия на процессы размещения инвестиций и регионального развития.

Важно и то, что во многом меняются критерии эффективного и оптимального функционирования регионального производства. Так, если раньше преобладали народнохозяйственные кри-

терии, то при развитом рынке должны преобладать социальные и экологические ориентиры. Вместе с тем в новых условиях хозяйствования появляются и совершенно новые для региональной экономики направления исследований, такие как анализ процесса разгосударствления собственности в разных регионах, изучение свободных экономических зон, исследование нового финансового механизма взаимодействия территорий и пр. [21]. Все вышесказанное относится и к межрегиональной экономике как специальному разделу теории региональной экономики. Вместе с тем новые условия хозяйствования существенно повлияли на предмет исследования и способствовали появлению новых направлений в межрегиональной экономике.

Таким образом, межрегиональные социально-экономические (в том числе и эколого-экономические) отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики [15]. В частности, в настоящее время не приходится говорить о существовании достаточно полной системы показателей, на основе которой можно получить всестороннюю комплексную информацию о состоянии и динамике межрегиональных хозяйственных взаимодействий и связей. Во многом именно с этим обстоятельством связано отсутствие полной и достаточно достоверной статистической информации об эколого-экономических отношениях между разными регионами России в условиях формирования рыночных отношений. В связи с этим весьма актуально рассмотрение проблемы о системе показателей, характеризующих различные направления и формы межтерриториальных хозяйственных взаимосвязей.

В этой системе в особую группу следует выделить показатели, характеризующие межрегиональную торговлю. Целесообразно использовать показатели регионального экспорта и импорта, измеряемые как в стоимостной, так и в натуральной форме. Правда, в этой связи может возникнуть путаница из-за того, что многие регионы, особенно относящиеся к пограничным, непосредственно торгуют с другими государствами, и поэтому в этих случаях более правильным было бы, если под региональным импортом и экспортом понимать соответственно ввоз в регион и вывоз товаров и услуг из данного региона за границу, а для обозначения результатов собственно межрегиональной торговли использовать показатели межрегионального ввоза и межрегионального вывоза. Такое разграничение понятий позволит осуществлять более точный учет торговых отношений определенного региона как с иными регионами страны, так и с другими государствами

[17]. Если же мы хотим получить общее представление о торговых отношениях определенного региона (то есть вне зависимости от того, с каким субъектом хозяйствования осуществляются торговые операции — со страной или с другим регионом), то целесообразно, на наш взгляд, использовать показатели совокупного ввоза в данный регион и совокупного вывоза из региона.

Предложенный подход позволяет учитывать в статистике особенности торговых отношений региона в зависимости от специфики его торгового партнера (то есть иного региона той же самой страны или другого государства). Таким образом, в соответствии с авторским подходом применительно к конкретному региону под региональным экспортом понимаются товары или услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других странах. Под региональным импортом понимаются приобретенные в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под межрегиональным вывозом понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям в других регионах того же самого государства. Под межрегиональным ввозом понимаются приобретенные в других регионах страны и ввезенные в данный регион товары и услуги. Под совокупным вывозом из региона понимаются товары и услуги, произведенные в данном регионе и проданные покупателям как в других странах, так и в других регионах того же самого государства. Поэтому совокупный вывоз из региона равен сумме между региональным экспортом и межрегиональным вывозом.

Под совокупным ввозом в регион понимаются приобретенные как в других регионах страны, так и в других государствах и ввезенные в данный регион товары и услуги. Поэтому совокупный ввоз в регион равен сумме между региональным импортом и межрегиональным ввозом. В связи с необходимостью учета экологической составляющей в каждом из этих показателей следует выделить ту часть, которая приходится на экологически чистую продукцию (то есть в статистическом учете следует использовать и такие показатели, как региональный экспорт и импорт экологически чистой продукции, межрегиональный ввоз и вывоз экологически чистой продукции, показатели объемов экологически грязных ингредиентов, движущихся из одного региона в другой, в том числе и объемы выбросов веществ, загрязняющих окружающую среду и т. д. — этими вопросами должна заниматься межрегиональная экология).

Как известно, в статистике международной торговли выделяют также показатели экс-

портной квоты и импортной квоты, под которыми понимаются установленные государственными организациями соответственно объемы экспорта и импорта конкретных товаров. В определенном смысле эти понятия могут использоваться и на региональном уровне, ибо устанавливаемые в целом по стране количественные ограничения на экспорт и импорт определенных товаров далее распределяются по конкретным регионам. По аналогии могут использоваться показатели квоты межрегионального ввоза или вывоза, а также квоты совокупного ввоза в регион или совокупного вывоза из региона (в том числе и экологически чистой продукции), причем такого рода квоты могут в принципе устанавливаться как на государственном уровне, так и самими региональными властными структурами. Подобная ситуация особенно часто встречается в условиях кризиса недопроизводства.

В статистике международной торговли выделяют также такой показатель, как чистый экспорт товаров и услуг, под которым понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом страны за год. Очевидно, что понятие чистого экспорта товаров и услуг может использоваться не только на национальном, но и на региональном уровне. В этом случае под чистым экспортом региона понимается разница между совокупным экспортом и совокупным импортом региона за год. По мнению автора, имеет смысл по аналогии для более точной оценки объемов межрегиональной торговли ввести понятия чистого межрегионального вывоза и чистого совокупного вывоза из региона. При этом под чистым межрегиональным вывозом следует понимать разницу между межрегиональным вывозом и межрегиональным ввозом конкретного региона за определенный период времени (обычно за год). В свою очередь, под чистым совокупным вывозом из региона следует понимать разницу между совокупным вывозом из региона и совокупным ввозом в регион за год [16].

Учитывая высокую продуктивность использования аналогии между положениями теории международных экономических отношений и положениями теории межрегиональных экономических отношений, особое внимание следует уделить анализу такого важного показателя статистики международной торговли, каковым является внешнеторговый оборот. Как известно, под внешнеторговым оборотом понимается сумма стоимостей экспорта и импорта за определенный период: месяц, квартал, год. По аналогии можно ввести понятие внешнеторгового оборота региона, под которым следует понимать сумму стоимостей регионального эк-

спорта и регионального импорта за определенный период. Для более точной оценки объемов межрегиональной торговли целесообразно использовать такие показатели межрегионального оборота (или товарооборота), определенного для конкретного региона и совокупного внешнеторгового оборота региона. При этом под межрегиональным оборотом региона следует понимать сумму межрегионального ввоза и межрегионального вывоза региона за определенный период: месяц, квартал, год. Под совокупным внешнеторговым оборотом региона следует понимать сумму между совокупным ввозом в регион и совокупным вывозом из региона за определенный период. Все эти показатели можно использовать и для учета экологически чистой продукции.

Следовательно, группа статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, включает значительно больше показателей, чем аналогичная группа показателей, характеризующих международную торговлю. Это связано с тем, что регион как объект хозяйствования в системе торговли связан с большим числом разновидностей хозяйственных объектов, чем страна, как объект хозяйствования в системе международной торговли. Поскольку регион, как правило, имеет торговые отношения не только с другими регионами, но и с другими государствами. Именно поэтому в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональную торговлю наряду с показателями экспорта, импорта, внешнеторгового оборота (то есть наряду с показателями, характеризующими также и международную торговлю) целесообразно включить и такие показатели, как межрегиональный оборот, совокупный внешнеторговый оборот региона и ряд других, специфичных именно для статистики межрегиональной торговли. Причем удельный вес такого рода специфичных показателей в общей группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, напрямую будет зависеть от той доли, какую во внешней торговле данного региона занимает межрегиональная торговля, а какую — торговля с другими государствами.

Важно учитывать также следующее обстоятельство. Подобно тому, как мировой товарооборот определяется путем суммирования внешнеторгового оборота всех государств планеты, можно определять межрегиональный товарооборот каждой страны путем суммирования межрегионального товарооборота каждого ее региона. Именно эта величина и характеризует на макроуровне взаимосвязь всех регионов страны в сфере торговли, причем межрегиональный товарооборот государства меньше на-

ционального товарооборота на величину суммы внутрирегионального товарооборота каждого региона (очевидно, что товарооборот любого региона складывается из двух частей: межрегионального товарооборота региона и его внутрирегионального товарооборота). В группе показателей, характеризующих межрегиональную торговлю, необходимо учитывать также показатели товарной структуры и географического распределения межрегиональной торговли (в том числе и экологически чистой продукции), показатели торгового баланса региона, причем все показатели следует учитывать не только в статике, но и в динамике.

В соответствии с кейнсианской теорией экспорт оказывает множительное (мультиплицированное) воздействие на доход, подобно инвестициям и государственным расходам. Поэтому экспорт и импорт, как и другие составляющие совокупных расходов, действуют с мультипликационным эффектом. В связи с этим при анализе торговых отношений на теоретическом уровне существенную роль играет такой показатель, как мультипликатор внешней торговли, который характеризует зависимость между приростом национального дохода и вызвавшим этот прирост чистым экспортом товаров и услуг. Причем, ясно, что этот показатель может использоваться и на региональном уровне. Очевидно, что по аналогии можно ввести понятие мультипликатора межрегиональной торговли, который характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым межрегиональным вывозом. Сумма мультипликатора межрегиональной торговли и мультипликатора внешней торговли региона будет равна мультипликатору совокупной внерегиональной торговли данного региона. Этот показатель характеризует зависимость между приростом чистого дохода региона и вызвавшим этот прирост чистым совокупным вывозом из региона.

Наряду с межтерриториальной торговлей, важнейшей формой межрегиональных экономических отношений является межтерриториальная миграция рабочей силы. Поэтому другой важнейшей группой показателей, характеризующих межрегиональные взаимодействия, является блок показателей межрегиональной миграции рабочей силы. Эта группа показателей достаточно полно разработана, рассмотрим их подробнее.

Здесь выделяют такие показатели, как число выбывших из региона за определенный период (в том числе в трудоспособном возрасте), число прибывших в регион, сальдо миграции, отраслевая и территориальная структура миграции, доля выбывших и прибывших в общей численности жителей региона и т. д. Важней-

шую роль в осуществлении межрегиональных взаимодействий играет транспорт, как грузовой, так и пассажирский. Показатели статистики транспорта включают следующую систему показателей: показатели статистики перевозок, эксплуатационной деятельности подвижного состава, материально-технической базы транспорта, статистики труда, статистики издержек производства и себестоимости перевозок, статистики финансов транспорта. Причем многие показатели из этой системы имеют непосредственное отношение к характеристике межрегиональных взаимодействий, например, показатели важнейшего раздела транспортной статистики, характеризующие результаты основной деятельности транспорта по перемещению созданного продукта или пассажиров из одного региона в другой, коэффициент равномерности перевозок по направлениям и ряд других.

Наряду с физическими потоками товаров и перемещением населения существуют и другие типы межрегиональных связей. Другие потоки, такие, например, как денежные и коммуникационные, оставаясь большей частью невидимыми, имеют не менее важное значение. В связи с этим в систему статистических показателей, характеризующих межрегиональные эколого-экономические взаимодействия, необходимо включить группы показателей, отражающих межтерриториальное движение капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств (в том числе на природоохранные мероприятия), информационных потоков. Так, например, показатель сальдо по движению капиталов и инвестиций учитывает приток и отток капиталов из региона. Очевидно, что инвестирование капиталов из других регионов и стран в какой-то регион означает приток капитала, равно как и размещение акций и облигаций в других регионах и странах и получение краткосрочных ссуд извне. Наоборот, инвестирование капиталов, созданных в регионе, в другие регионы и страны, покупка предприятиями и населением региона облигаций, акций в других странах и регионах, а также предоставление краткосрочных ссуд экономическим субъектам в других регионах формирует отток капитала из региона.

В отдельный блок следует выделить группу показателей, характеризующих социальный аспект межрегиональных отношений, межтерриториальных взаимодействий. Сюда, прежде всего, следует отнести показатели, связанные с миграцией рабочей силы из одного региона в другой, что позволит уменьшить территориальную дифференциацию по уровню безработицы. В эту группу следует отнести такие показатели, как сальдо межрегионального миг-

рационального обмена, количество уехавших из региона с высоким уровнем безработицы, количество приехавших и уехавших специалистов определенного профиля и ряд других.

Таким образом, система показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические отношения и хозяйственные связи, должна включать различные блоки, группы показателей: показатели межрегиональной торговли, миграции населения, межтерриториального перемещения капиталов и инвестиций, финансово-кредитных средств, информации. В особую группу следует выделить сводные показатели, дающие комплексную оценку динамики межрегиональных экономических отношений, — показатели платежного баланса регионов, торгового баланса и пр. В каждой из этих групп показателей следует выделить те показатели, которые характеризуют природоохранную деятельность.

В данной статье проблема о разработке системы показателей, характеризующих межрегиональные социально-экономические и экологические отношения, по существу рассмотрена лишь в постановочной форме. Только дальнейшие исследования позволят создать комплексную систему показателей, характеризующих все многообразие форм и направлений межтерриториальных хозяйственных связей. Тем не менее очевидно, что разработка такого рода системы показателей является одной из актуальных задач экономической и экологической статистики.

Примечание

¹ Начало статьи см. в № 2 (2) за 2013 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов, Н. Т. Закономерности и принципы размещения и территориальной организации производства / Н. Т. Агафонов, Р. А. Ислаев. — Л. : Изд-во ЛФЭИ, 1987. — 50 с.
2. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ) / под ред. А. Д. Сапожникова. — М. : Мысль, 1981. — 252 с.
3. Воробьев, Ю. Ф. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик / Ю. Ф. Воробьев. — М. : Наука, 1965. — 217 с.
4. Гранберг, А. Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства / А. Г. Гранберг. — М. : Экономика, 1973. — 211 с.
5. Дмитриева, О. Г. Региональная экономическая диагностика / О. Г. Дмитриева. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1992. — 274 с.

6. Изард, У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах : сокр. пер. с англ. / У. Изард. — М. : Прогресс, 1966. — 659 с.

7. Кистанов, В. В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР / В. В. Кистанов. — М. : Экономика, 1968. — 193 с.

8. Лаппо, Г. М. Развитие городских агломераций в СССР / Г. М. Лаппо. — М. : Наука, 1978. — 198 с.

9. Лексин, В. Н. Региональная политика России: концепции, проблемы, решения / В. Н. Лексин, Е. Н. Андреева, А. И. Ситников, А. Н. Швецов // Российский экономический журнал. — 1993. — № 12. — С. 50–60.

10. Митрофанова, И. В. Региональная экономика и политика : учеб. пособие / И. В. Митрофанова, В. В. Батманова. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. — 378 с.

11. Митрофанова, И. В. Стратегическое программирование развития макрорегиона / И. В. Митрофанова. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 528 с.

12. Митрофанова, И. В. Регион: эволюция подходов к идентификации и типологизации / И. В. Митрофанова, Н. А. Гаспарян // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 22. — С. 51–59.

13. Некрасов, Н. Н. Региональная экономика: Теория, проблемы, методы / Н. Н. Некрасов. — 2-е изд. — М. : Экономика, 1978. — 344 с.

14. Николаев, С. А. Межрайонный и внутрирайонный анализ размещения производительных сил / С. А. Николаев. — М. : Наука, 1971. — 192 с.

15. Павлов, К. В. Межрегиональные социально-экономические отношения / К. В. Павлов. — Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1999. — 223 с.

16. Павлов, К. В. Региональные эколого-экономические системы / К. В. Павлов. — М. : Магистр, 2009. — 351 с.

17. Павлов, К. В. Эколого-экономические процессы в регионе / К. В. Павлов. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. — 374 с.

18. Перцовская, К. Б. Межрайонные экономические связи : учеб. пособие для вузов / К. Б. Перцовская. — Л. : Изд-во ЛФЭИ, 1981. — 74 с.

19. Региональное программирование в развитых капиталистических странах / под ред. Р. А. Солдатов. — М. : Наука, 1974. — 327 с.

20. Региональная экономика: новые подходы / под ред. Л. А. Козлова, И. А. Ильина, Б. М. Штульберга. — М. : Наука, 1993. — 127 с.

21. Региональная экономика: опыт и перспективы рыночных преобразований / под ред. Г. П. Лузина. — Апатиты : Изд-во КНЦ РАН, 1995. — Ч. 1. — 181 с.

22. Северный экономический район: проблемы, тенденции, перспективы развития / под ред. Г. П. Лузина. — СПб. : Наука, 1992. — 256 с.

23. Территориальное управление общественным производством : словарь-справочник / под ред. А. П. Сысоева, Д. Г. Черника. — М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1993. — 176 с.

24. Экономическая география СССР : учеб. пособие / под ред. А. Т. Хрущева. — М. : Изд-во МГУ, 1988. — 288 с.

УДК 332.14
ББК 65.04

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЫРЬЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ КАК ДРАЙВЕР РОСТА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА: КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

**Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко,
Е.Ю. Логинова**

В статье обосновывается необходимость и предлагается концепция разработки методов и инструментария оценки роли и места сырьевых отраслей как драйверов инновационного развития с целью усиления конкурентных преимуществ региона (на примере угольной промышленности Кузбасса).

Ключевые слова: концепция, инновации, методы оценки, регион, сырье, угольная промышленность, конкурентоспособность.

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RAW MATERIAL INDUSTRIES AS THE DRIVER OF GROWTH OF THE REGIONAL COMPETITIVENESS: CONCEPTION OF THE RESEARCH

**Yu.A. Friedman, G.N. Rechko,
E.Yu. Loginova**

The paper discusses the necessity and proposes the concept of the development methods and tools for assessing the role and place of resource industries as drivers of the innovation development with the purpose of strengthening the competitive advantages of the region (in Kuzbass coal industry case).

Key words: concept, innovations, estimation methods, region, raw material, coal industry, competitiveness.

Считается, что термин «инновацию» как экономическую категорию в научный оборот ввел австрийский ученый-экономист Й. Шумпетер [12], пользуясь на тот период терминологией о «новых комбинациях», «лучших способах», «использовании», «влиянии» изменений в развитии. Согласно Й. Шумпетеру, выделяется пять типичных изменений в развитии:

- (1) использование новой техники, технологических процессов, или нового рыночного обеспечения производства;
- (2) внедрение продукции с новыми свойствами;
- (3) использование нового сырья;
- (4) изменения в организации производства и его материально-техническом обеспечении;
- (5) появление новых рынков сбыта.

При разработке своей теории конкурентного преимущества американский экономист М. Портер формулирует следующее определение нововведения: «Фирмы добиваются конкурентного преимущества, находя новые способы конкуренции в своей отрасли и выходя с ними на рынок, что можно назвать одним словом — "нововведение". Нововведение в широком смысле включает и улучшение технологии, и совершенствование способов и методов ведения дел. Конкретно обновление может выражаться в изменении товара или производственного процесса, новых подходах к маркетингу, новых путях распространения товара и новых концепциях сферы конкуренции» [9].

Между тем сегодня в экономической литературе, как отечественной, так и зарубежной, существует многообразие различных точек зрения, трактовок и интерпретаций определения понятия «инновация» (рис. 1), что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии общепризнанного определения важной экономической категории.

Один из немногих общих признаков, которые можно выделить в этих определениях, — это новизна: все исследователи подчеркивают новизну как *непременный атрибут инновации*, будь это результат деятельности или процесс.

Общемировая практика показывает, что *инновационная деятельность осуществляется лишь в случае, если создаваемые в результате новые (усовершенствованные) продукты (технологии) дают больший экономический эффект, нежели старые*, что позволяет повысить конкурентоспособность субъекта.

Подводя итог, отметим, что инновация, с одной стороны, есть новый продукт, услуга, а с другой — новый способ их производства или новшество в организационной, финансовой, рыночной, научно-исследовательской и других сферах. Инновация есть любое усовершенство-

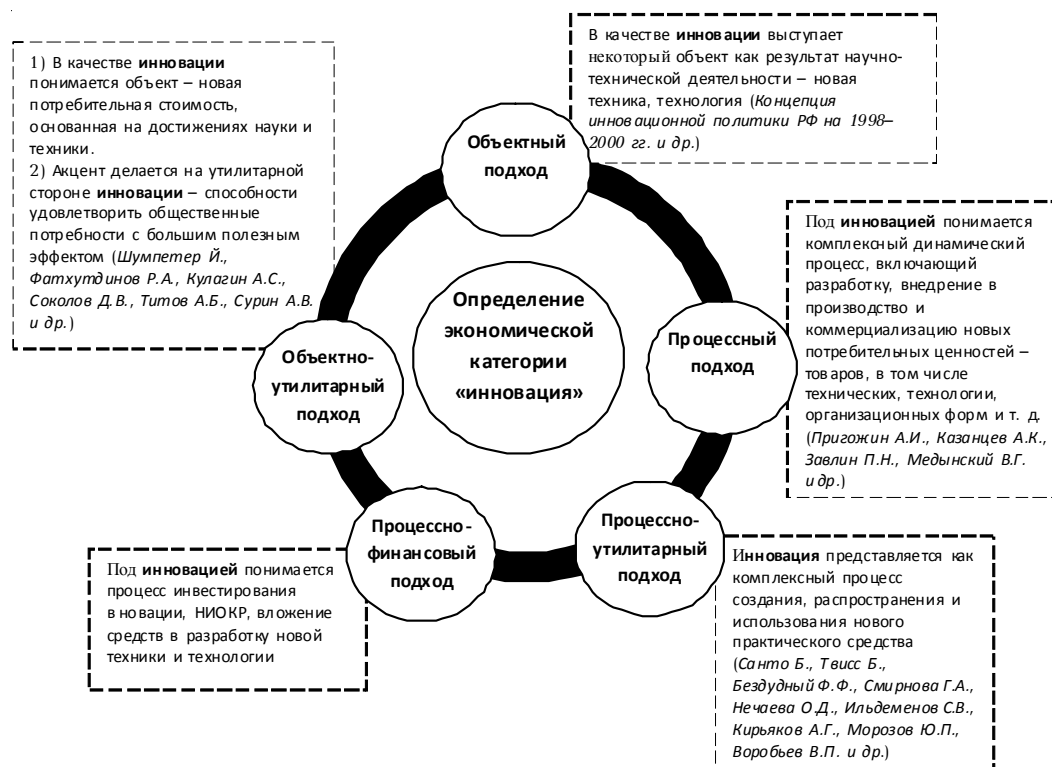

Рис. 1. Основные подходы к определению экономической категории «инновация»

вание, обеспечивающее более качественное удовлетворение потребностей покупателей или экономию затрат.

Основой инновационной экономики являются новейшие технологии. От других видов экономик ее отличает то, что основную часть прибыли создает интеллект ученых, менеджеров, новая информационная среда, а не простое материальное производство, характерное для индустриальной экономики.

Россия, как и большинство ее регионов, в настоящее время стремится перестроить свою экономику на путь инновационного развития.

Большинство концепций инновационного развития сырьевых регионов в России исходят из необходимости создания новых отраслей и производств, не связанных с добычей природных ресурсов, и сокращения доли сырьевых отраслей в валовом региональном продукте (ВРП). Между тем попытки реализации на практике вышеназванных концепций приводят к отвлечению ресурсов на малопродуктивные проекты (по принципу «лишь бы они не были связаны с сырьем») и актуализируют риски деградации потенциала системообразующих отраслей таких регионов. В России практически нет исследований, показывающих, что сырьевые отрасли могут выступать в роли драйверов ин-

новационного развития и являться крупнейшими потребителями инноваций. Специалисты лишь приступили к «прощупыванию» таких сценариев развития российской экономики.

Показателен в данном смысле круглый стол Института региональных проблем «Роль сырьевых секторов экономики в инновационном развитии регионов и страны, необходимость разумного баланса инновационной и сырьевой составляющих в российской экономике» [7], прошедший весной 2013 г., где поднимались следующие вопросы:

- какие источники инновационного развития есть у России?
- существует ли антагонистическое противоречие между сырьевым и инновационным секторами российской экономики?
- возможно ли использовать сырьевой сектор как инструмент инновационного развития или он лишь препятствие на пути инноваций?
- каким видится баланс между сырьевым и инновационным секторами?
- баланс этих двух секторов и российские регионы.

В ходе обсуждения было подчеркнуто, в частности, что *противопоставление сырьевого и инновационного путей развития искусственно*, и нет более направленного на иннова-

ции сектора в России, чем ТЭК: именно он и генерирует инновации — как внутри отрасли, так и в других отраслях. Это подтверждают и недавние высказывания авторитетных специалистов — В. Иноземцева и Г. Грефа [1–3].

Подчеркнем, что мировая практика знает множество примеров использования «сырьевого преимущества» для развития инновационных экономик.

Например, *Норвегия* смогла, используя свои сырьевые преимущества, не только создать национальную инновационную систему, но и сделать ее частью глобальной. Норвегия до сих пор остается сырьевым придатком Евросоюза, по многим параметрам отставая от государств-соседей. Однако провозглашенный в стране несколько лет назад курс на инновации позволил ей стать мировым лидером в ряде технологических сегментов: при наличии уникальной ресурсной базы норвежские компании научились воспринимать и использовать внешние знания и исследования, компенсируя низкий уровень собственных НИОКР. Уже к 2020 г. Норвегия намерена не просто значительно увеличить инновационную составляющую в своем экспорте, а позиционировать себя как экспортера новых технологий в добыче нефти и газа. Государство играет ключевую роль в формировании рынка инноваций, экономически грамотно выстраивает взаимоотношения с транснациональными компаниями, работающими на местном рынке, при которых корпорациям выгодно проводить локализацию своих технологий в Норвегии или передавать их норвежским научно-исследовательским институтам [8].

Интересен *опыт Австралии* в использовании сырьевого потенциала для диверсификации внутреннего производства и формирования инновационной системы [6]. Австралийская экономика уже давно признана одной из наиболее инновационных, однако сырьевые, добывающие отрасли по-прежнему имеют серьезное значение для формирования экспортных поступлений страны. При этом австралийские экспортеры успешно диверсифицируют экспорт. Наблюдается не противопоставление «старой» и «новой» экономик, а их взаимопроникновение.

И наконец, *новейшая американская модель* под названием «сланцевая революция», поднявшая с колен американскую промышленность [5]. Инновации в добыче сланцевого газа привели к появлению на рынке дешевого топлива, которое, в свою очередь, послужило основанием для развития инновационных производств в перерабатывающих отраслях и, одновременно, вернуло США статус сырьевой державы.

Мы поставили перед собой задачу на примере угольной промышленности Кузбасса показать и доказать, что инновационное развитие сырьевых отраслей является мощным драйвером роста конкурентных позиций региона. Отметим, что в настоящее время нет общепризнанных методов количественной оценки инновационной емкости сырьевых отраслей и их влияния на инновационное развитие территории в целом. Нами разработана и реализуется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) концепция подобного исследования (см. рис. 2).

Отсутствие серьезных научных разработок в данной сфере уже привело к тому, что программы инновационного развития сырьевых регионов РФ на 15–20 лет изначально содержат слабо обоснованные, спорные, а порой ошибочные рекомендации, реализация которых приводит к снижению конкурентоспособности регионов.

В 2007 г. в Кузбассе была разработана «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года»¹ [10], которая провозгласила в качестве основного тренда развития региона снижение роли «базового» сектора экономики и рост новых высокотехнологичных отраслей. По оценкам авторов Стратегии, к 2025 г. доля добывающих отраслей в структуре формируемого в Кемеровской области валового регионального продукта должна снизиться до 17 % (инерционный сценарий) против 23,7 % в 2007 году. Новыми драйверами роста были названы оптовая и розничная торговля, «городские» услуги и несырьевые отрасли промышленности.

За период 2007–2013 гг. в кузбасском регионе реализовано несколько проектов в несырьевых отраслях: вагоностроение, автомобилестроение (автосборочные производства), нефтепереработка, сервисное обслуживание угольного бизнеса, глубокая переработка древесины.

Однако они практически не повлияли на конкурентоспособность региона. Удельный вес торговли в ВРП Кемеровской области за период с 2007 г. снизился с 14,8 до 10,9 % (2012 г.). Наоборот, *начиная с 2007 г.* практически по всем основным экономическим параметрам *отмечается достаточно существенное усиление роли угольной промышленности в экономике Кемеровской области* [11]. Мы отследили динамику нескольких индикаторов развития региональной экономики² (см. рис. 3).

За период с 2007 г. *вклад угольной отрасли* в ВРП Кемеровской области вырос более чем на 10 п. п. и уже превысил 35 %. Показатели, которые должны были бы быть достигнуты

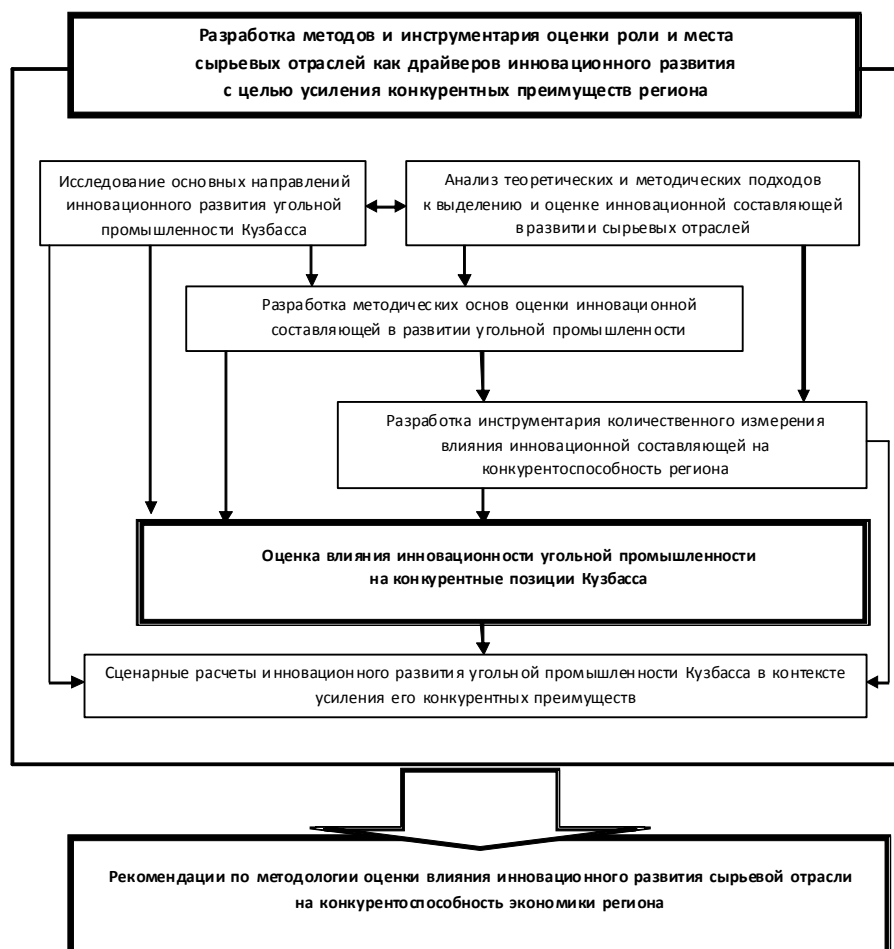

Рис. 2. Блок-схема исследования «сырьевая отрасль — инновации — конкурентоспособность региона» (на примере угольной промышленности Кузбасса)

в результате реализации Стратегии развития региона на долгосрочную перспективу, предусматривали удельный вес угольной отрасли в производстве валовой добавленной стоимости Кемеровской области в 2012 г. на уровне 21,1 – 21,6 % (активный и инерционный сценарии соответственно).

Угледобыча, наряду с металлургией, также обеспечивает *основной объем поступлений в бюджетную систему на территории Кемеровской области*. Доля угольной отрасли на протяжении последних шести лет варьируется в пределах от одной четверти до одной пятой совокупных поступлений налогов и сборов в консолидированный бюджет региона.

Важнейшим фактором региональной конкурентоспособности, бесспорно, является привлекательность региона для бизнеса. *Участие отрасли в улучшении инвестиционного климата в регионе является важным индикатором ее «полезности» для инновационного развития территории*. Для количественной оценки «уча-

стия» можно воспользоваться показателями, отражающими инвестиционную привлекательность региона — объем инвестиций в основной капитал, поступление иностранных инвестиций в экономику региона и оборот организаций с участием иностранного капитала, экспорт и его структура.

Центром притяжения инвестиций в основной капитал (больше половины инвестиций в экономику региона) и иностранного капитала (три четверти от общего объема поступления иностранных инвестиций в экономику региона и более 40 % оборота организаций с участием иностранного капитала) является угольный бизнес.

Достаточно сказать, что именно представители топливно-энергетического комплекса Кемеровской области остаются первыми и единственными из компаний региона, кто успешно провел размещение своих акций на публичном рынке и обрел рыночную капитализацию. Это стало возможным в значительной степени бла-

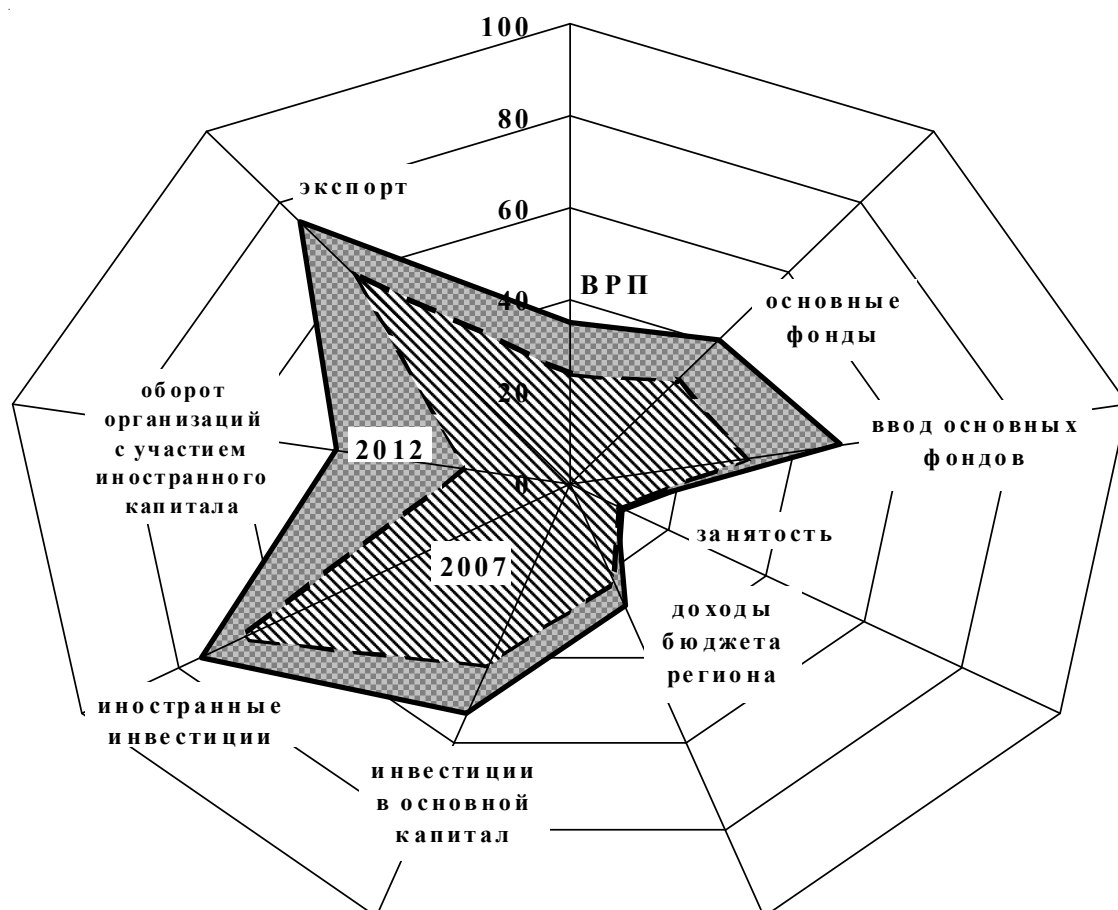

Рис. 3. Место угольной отрасли в экономике Кемеровской области ³
(штриховкой выделен «вклад» угольной отрасли в соответствующий индикатор экономики региона)

Примечание. Рассчитано авторами по данным Кемеровостата и УФНС по Кемеровской области.

годаря тому, что, в частности, в крупных угольных компаниях региона активно внедряются международные корпоративные стандарты управления бизнесом, которые делают их понятными мировому экономическому сообществу и открытыми для инвесторов.

При этом за последние 10 лет в угольной отрасли лишь приблизились к инновационной стратегии развития. По итогам 2013 г., по расчетам министерства энергетики РФ, удельный вес производственных мощностей с использованием прогрессивных технологий в угольной отрасли достиг всего 10,1 % [4].

Примечания

¹ Стратегия утверждена в 2008 г., стратегический анализ проведен в 2006 – 2007 годах.

² Состав показателей не является догмой и может уточняться в зависимости от целей исследования и предпочтений исследователя. В данном случае мы анализировали лишь некий базовый вариант показателей, который, с нашей точки зрения, в

необходимой и достаточной степени отражает процессы, происходящие в экономическом пространстве региона.

³ По показателям «ВРП» и «ввод основных фондов» использованы данные за 2011 г. (ввиду отсутствия на момент написания статьи утвержденных данных по этим показателям за 2012 год).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Греф, Г. Проклятых нефтяников и газовиков нужно всячески поддерживать / Г. Греф. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/15/01/2014/899479.shtml> (дата обращения: 11.01.2014). — Загл. с экрана.
- Иноземцев, В. Ресурсы нужно добывать сейчас и строить на этом будущее / В. Иноземцев. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/14975951/zhit-zaschet-resursov> (дата обращения: 09.01.2014). — Загл. с экрана.
- Иноземцев, В. Сырьевая специализация может быть благом для России / В. Иноземцев. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/14931611/vybor>

prioritetov (дата обращения: 14.11.2013). — Загл. с экрана.

4. Итоги работы ТЭК России в 2013 году. Задачи на среднесрочную перспективу. Презентация Министерства энергетики РФ (А. В. Новак), 13.01.2014. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://minenergo.gov.ru/press/doklady/> (дата обращения: 01.02.2014). — Загл. с экрана.

5. Кассельман, Б. «Ржавый пояс» Америки возрождается благодаря дешевому газу / Б. Кассельман, Г. Рассел. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/companies/news/5391631/rzhavyj_poyas_ameriki_vozrozhdaetsya_blagodarya_deshevomu?full#cut (дата обращения: 29.01.2014). — Загл. с экрана.

6. Крюков, А. А. Особенности современного экономического развития Австралии : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / А. А. Крюков. — М., 2012. — 25 с.

7. Материалы круглого стола Института региональных проблем. РИА «Новости», Москва, 16.05.2013. — Электрон. текстовые дан. — Режим

доступа: <http://ecpol.ru/2012-04-05-13-39-38/2012-04-05-13-39-53/783-innovatsii-ne-v-nagruzku.html> (дата обращения: 23.09.2013). — Загл. с экрана.

8. Медовников, Д. Неумолимый рок инноваций / Д. Медовников, А. Механик // Эксперт. — 2008. — № 28 (617). — С. 13—14.

9. Портер, М. Международная конкуренция : пер. с англ. / под ред. В. Д. Щетинина. — М. : Международ. отношения, 1993. — 896 с.

10. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.ako.ru/PRESS/MESS/TEXT/prez.asp> (дата обращения: 01.02.2014). — Загл. с экрана.

11. Фридман, Ю. А. Угольный бизнес как фундамент инновационного развития Кузбасса / Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, Е. Ю. Логинова // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. — 2013. — № 6. — С. 139—143.

12. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко. — М. : Прогресс, 1982. — 456 с.

УДК 332.13
ББК 65.05

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А.Ю. Никитаева, О.Г. Андрющенко

Показана важная роль государственных институтов в обеспечении инновационного развития промышленности на региональном уровне. Обоснована целесообразность интеграционного развития промышленных предприятий в структуре кластеров. Предложены направления развития государственных институтов как ключевых звеньев поддержки промышленных кластеров в регионе. Приведены приоритетные сферы развития кластеров в регионах Южного федерального округа.

Ключевые слова: инновационное развитие промышленности, региональное развитие, кластеры, государственные институты, направления институциональной поддержки кластеризации региональной промышленности.

ROLE OF STATE INSTITUTIONS IN THE PROVISION OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY AT THE REGIONAL LEVEL

A.Yu. Nikitaeva, O.G. Andryushchenko

The important role of government institutions in providing the innovative industrial development at the regional level is shown in the paper. The article focuses on the reasonability of industrial companies' integration into the structure of a cluster. Main directions of governmental institutions development as key elements of industrial clusters support in the region are suggested. The paper includes priority spheres of clusters' development for the regions of Southern Federal District.

Key words: innovative industrial development, regional development, clusters, government institutions, institutional support directions, clustering of regional industry.

В условиях глобализации мировой экономики развитие российской промышленности и повышение конкурентоспособности отечественных промышленных предприятий не представляется возможным без существенного увеличения инновационной активности в реальном секторе экономики. При этом, принимая во внимание неблагоприятные макроэкономические показатели и отрицательные тенденции, характеризующие текущую ситуацию в российской экономике, внимание целесообразно концентрировать в первую очередь не на продуктовых нововведениях, а на разработке и внедрении новых организационных и управленческих решений, способных создать устойчивые постоянно действующие механизмы осуществления эффективной инновационной деятельности промышленных предприятий страны. В реализации такого подхода ключевую роль способны сыграть государственные институты на региональном уровне экономики при условии корректного определения векторов насыщения институциональной среды и формирования механизмов институционального обеспечения инновационного промышленного развития.

После большого количества научных дискуссий экономистов о целесообразности государственного присутствия в экономике, пик которых пришелся на 90-е гг. прошлого века, фокус исследовательской проблематики сместился в сторону определения наиболее рациональной степени участия государства в экономике и поиска форм и форматов такого участия. Собственно важность государственного регулирования экономических процессов в рыночной системе хозяйствования в настоящее время сомнений не вызывает. При этом нужно учитывать зависимость взаимовлияния государства и экономики от конкретных исторических условий, а также принимать во внимание факт наличия перманентных и временных функций государства, выполняемых для реализации конкретных задач, порожденных существующими условиями и потребностями общества.

Для российской экономики, характеризующейся большим количеством сильно дифференцированных по своим характеристикам и показателям социально-экономического развития регионов, определение роли государства в активизации инновационного развития промышленного комплекса страны исключительно на макроуровне не является целесообразным. Это обусловлено тем, что для успешных регионов и территорий, отстающих в своем развитии даже от среднероссийских показателей, не может быть универсальных рецептов, определяющих системную комбинацию мер государственного

регулирования промышленности, обеспечивающую ее динамичное инновационно ориентированное развитие.

Поиск таких мер особенно осложняется для менее благополучных, экономически и финансово ослабленных регионов. Как отмечает в своих исследованиях А. Эмин, мировой опыт свидетельствует о том, что ни политика, базирующаяся на кейнсианском наследии, ни неолиберальные прорыночные эксперименты не принесли значимых положительных результатов в экономическом развитии относительно менее развитых регионах. В первом случае региональная политика, поддержав занятость и повысив доходы населения, оказалась не способна добиться значимого роста производительности в сравнении с более богатыми регионами и потерпела поражение в обеспечении самоподдерживающегося экономического роста, базирующегося на локальных ресурсах и региональных взаимосвязях хозяйствующих субъектов. Во втором случае — с «рыночной терапией» — результаты оказались еще хуже, демонстрируя выбор между зависимым от государственных трансфертов и других экзогенных факторов развитием и его фактическим отсутствием [16, р. 365].

В заданном контексте, базируясь на положительном опыте ряда регионов, использовавших сильные локальные взаимосвязи хозяйствующих субъектов для активизации промышленного роста (в качестве примера выступают итальянские промышленные районы, земля Баден-Вюртемберг в Германии и т. п.), целесообразно рассматривать в качестве перспективного альтернативного варианта развития региональной экономики концентрацию на ее эндогенном потенциале и его наращивании посредством усиления внутрирегиональных хозяйственных связей партнерского типа [ibid., р. 366]. Для этого важно определить условия, обеспечивающие формирование широкой базы устойчивых внутрирегиональных взаимосвязей и разблокировку собственного потенциала территории, а также выработать регулирующие воздействия региональных органов государственной власти, нацеленные на создание предпосылок для реализации соответствующего сценария развития.

То есть складывается ситуация, когда, с одной стороны, развитие промышленного комплекса региона требует активизации инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, его составляющих. С другой стороны, поведение последних рассматривается не с индивидуальных позиций, а с точки зрения коллективной и социальной природы экономического поведения. В связи с чем решающую роль

в региональном механизме промышленного развития играют различного рода партнерские и сетевые объединения, альянсы, кластерные структуры.

При этом надо учесть, что именно кластерные структуры зарекомендовали себя как наиболее результативные для обеспечения инновационно ориентированного развития промышленности. Принимая во внимание наличие множества интерпретаций сущности кластера и существование разных научных школ, в которых данный тип объединения предпринимательских структур выступает объектом исследования, солидаризируемся с определением М. Портера. С его позиции промышленный кластер представляет собой группу географически сконцентрированных интеграционно взаимодействующих фирм и институтов в определенной сфере экономической деятельности. Кластер охватывает группу взаимосвязанных отраслей и акторов для усиления конкурентных преимуществ отдельных компаний и кластера в целом. Кооперационные связи промышленного кластера выстраиваются вверх и вниз по цепочке создания стоимости (поставщики, потребители и т. п.) [20, р. 5].

Целесообразность использования в качестве теоретической платформы развития промышленных кластеров в российских регионах исследования М. Портера обусловлена тем, что именно он акцентировал внимание на инновационной природе конкуренции, а также объяснял результативность кластера факторами, лежащими за пределами характеристик отдельной фирмы или собственно кластера, например, условиями спроса и условиями функционирования. В пользу последнего утверждения свидетельствует большая разница результатов функционирования кластеров в разных странах и различных региональных условиях. Кроме того, именно исследователи в рамках научной школы М. Портера показывают, что формирование таких факторов и рост производительности кластера в значительной степени происходит под влиянием соответствующей государственной политики. Однако государственная политика при этом должна ориентироваться не на создание кластеров практически с нуля по инициативе властных структур, а отталкиваться от социальных отношений хозяйствующих субъектов, которые удерживают кластер вместе [ibid., р. 6].

Более высокая производительность и эффективность промышленных кластерных структур по сравнению с отдельными фирмами в значительной степени обусловлена эффектом синергии и способствует появлению таких результатов, как рост масштабов деятельности,

спроса на факторы производства, включая рабочую силу, объема экспорта и поступающих в регион финансовых ресурсов. Обмен знаниями приводит к активизации инновационной деятельности, ускоренному развитию образовательных и научных учреждений, наращиванию социального и культурного капитала региона [7]. Более того, кластеры выступают в роли как определенных экономических зон, так и в роли механизмов инноватизации региональной экономики [5]. При этом кластерные инициативы включают коллективный маркетинг специализации региона, что повышает осознание сильных сторон его промышленности [6, с. 10–11].

Хотя в мировой хозяйственной практике присутствуют и достаточно слабые кластеры, характеризующиеся невысоким уровнем конкурентоспособности, в большинстве случаев кластеры промышленных предприятий более конкурентоспособны, чем отдельные хозяйствующие субъекты в схожих отраслях. Как показали результаты исследования, проведенного М. Энрайтом, из 160 промышленных кластеров более 60 % являются мировыми лидерами и только около 20 % характеризуются слабой конкурентоспособностью [19]. Сопоставимые результаты были получены и в отношении характеристик инновационного потенциала кластеров (см. рисунок).

Однако для развития кластеров на региональном уровне на начальном этапе их формирования и становления ключевую роль играют государственные институты. Более того, речь идет фактически об изменении региональной политики, заключающемся в уходе от государственной поддержки отдельных хозяйствующих субъектов к стимулированию партнерского взаимодействия промышленных предприятий и других организаций региона для эффективного использования его эндогенного потенциала посредством интеграции региональных активов и акторов. Другими словами, можно говорить об инкорпорировании кластерного подхода в региональную политику [18].

По мнению М. Портера, поддерживать нужно все без исключения кластеры, так как именно данная организационная форма обладает наибольшими детерминантами конкурентоспособности, а предугадать заранее скорость и результативность развития кластера не представляется возможным [22].

Однако вопрос о формах государственной поддержки хозяйственных объединений предпринимательских структур в современных российских условиях остается недостаточно проработанным. На наш взгляд, в данном случае важно не только и не столько прямое государственное стимулирование кластерообразования (посредством предоставления налоговых льгот

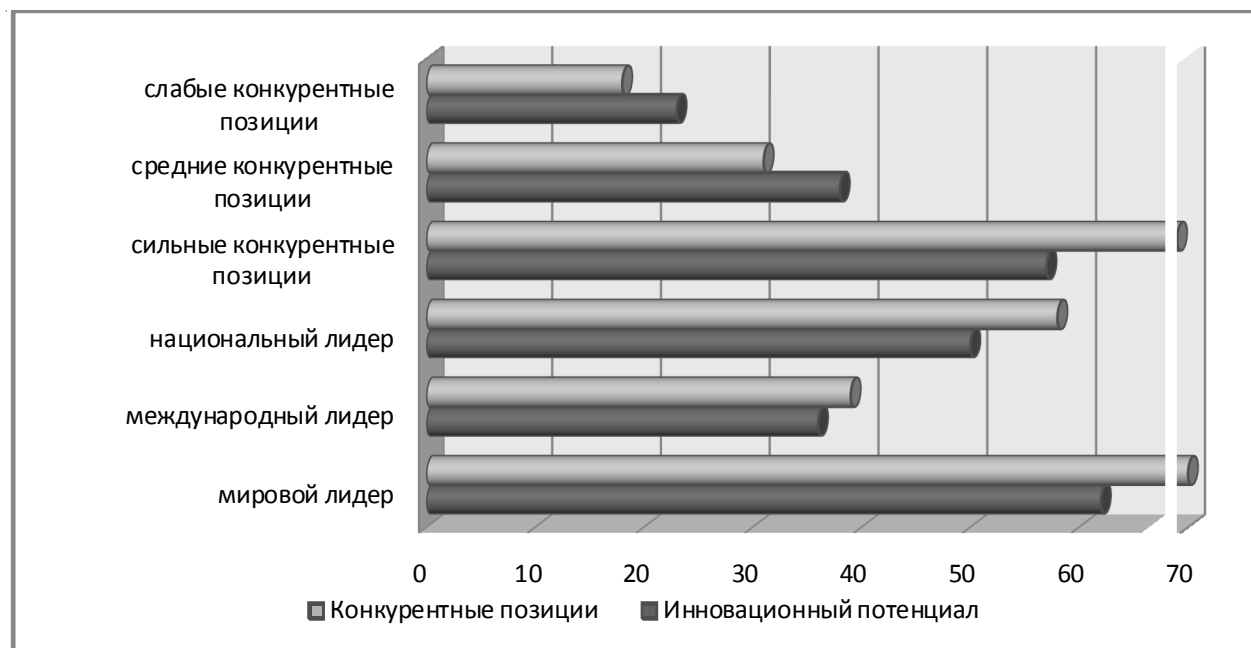

Рисунок. Характеристики инновационного потенциала и уровня конкурентоспособности промышленных кластеров

Примечание. Составлено по: [19, р. 8–10].

или софинансирования на конкурсной основе кластерных проектов), сколько усиление роли государства как институционального посредника при установлении партнерских отношений промышленных структур региона. Это обусловлено тем, что для менее благополучных в экономическом плане регионов ограничение финансовых ресурсов зачастую приводит к отказу от применения комплекса затратных прямых мер поддержки промышленных кластеров, тогда как создание и развитие специализированных институтов, функционирование которых способствует наращиванию партнерских связей, в сочетании с усилением функционала общих институтов, обеспечивающих нормальное ведение бизнеса, способно дать значительный импульс промышленному развитию региона посредством интеграции потенциала его промышленных предприятий.

В настоящее время сильный институциональный дефицит в регионах страны, невыстроенность институциональных связей между региональными субъектами и структурами, по мнению исследователей, существенно ограничивает возможности регионального развития [2, с. 21]. Именно высокая разреженность институциональной среды не позволяет в полной мере активизировать воспроизводственные процессы в регионе и запустить механизмы необходимых модернизационных преобразований в промышленности. При этом, наряду с созданием новых институтов, важную роль в активизации инновационного промышленного развития на основе кластерных структур играет повышение эффективности и модернизация существующих институтов, а также ограничение сферы влияния институциональных ловушек.

В качестве систематизирующей основы выбора векторов развития государственных институтов как ключевых звеньев поддержки промышленных кластеров в регионе целесообразно использовать аксиоматичные установки государственного регулирования региональных межхозяйственных отношений с позиций институционального регионализма, включая следующие [16, р. 14]:

- приоритетная государственная поддержка хозяйственных связей и объединений предприятий, межфирменных партнерств (в том числе кластеров), а не отдельных хозяйствующих субъектов;

- частично целью региональной политики является стимулирование различных мнений, обсуждений и согласований при взаимодействии хозяйствующих субъектов, поддержка появления некоторой процессуальной рациональности их поведения для сохранения стратегического видения, обучаемости и адаптивности;

- приоритет отдается мерам, направленным на мобилизацию множества автономных организаций, поскольку эффективность государственного регулирования экономики лежит за пределами охвата только государственных или только рыночных институтов;

- акцент на посреднические формы государственного регулирования экономики, создание преференций для наращивания локального институционального слоя, включающего институты самого широкого назначения, в частности систему поддержки промышленных предприятий, политические и социальные институты и т. д.

- все решения в области государственного регулирования должны быть вписаны в соответствующий региональный контекст и быть чувствительны к локальным характеристикам экономического развития, зависящим от ранее пройденного пути (path dependence).

Последняя аксиома показывает, что выработка мер государственного регулирования промышленного развития будет тем более результативна, чем больше она основана на условиях и потребностях экономического развития промышленного комплекса конкретных региональных экономик.

В соответствии с вышесказанным в ходе исследования были выделены ключевые направления участия государственных институтов в обеспечении промышленного развития на региональном уровне, определенные на базе конвергенции кластерного подхода и регионально-институционализма и нацеленные на качественное изменение их роли в стимулировании развития промышленных кластеров в региональных экономиках. Фактически эти направления отражают векторы наращивания регионально-институционального слоя, необходимого для активизации инновационного развития промышленного комплекса региона.

Первым направлением является разработка и встраивание комплекса мер поддержки кластерных объединений в региональные стратегии и программы развития. Как показывают результаты исследований европейских ученых, при условии наличия соответствующих государственных программ, партнерские взаимодействия предприятий в инновационной сфере осуществляются гораздо более активно [17, р. 240 – 257]. При этом далеко не всегда целесообразно создание специальных программ поддержки кластеров, а возможно включение соответствующих мер в уже действующие целевые региональные программы. Данное направление фактически состоит в реализации государственными институтами регулирующей функции в регионе.

Второе направление связано с участием государственных структур в кластерах как непосредственных участников таких объединений. Данное направление тесно сопряжено с развитием государственно-частного партнерства (ГЧП) в промышленной сфере региона и предполагает создание на основе ГЧП региональной промышленной инфраструктуры как платформы для реализации модернизационных промышленных проектов, а также осуществления собственно проектов модернизации промышленности с участием частных и государственных структур (преимущественно в топливно-энергетическом, оборонно-промышленном комплексах и других отраслях промышленности) [12, с. 9–15]. И здесь важно отметить преимущества кластера по сравнению, в частности, с бизнес-сетями, поскольку именно в структуру кластера могут входить государственные организации. Кроме того, кластер может формироваться как органически (снизу вверх), так и имплантироваться в региональную экономику посредством регулирующих воздействий органов власти региона при условии наличия в нем соответствующих условий и предпосылок.

При этом нужно принимать во внимание, что за последние десятилетия в России был нарушен воспроизводственный ритм вывода старых и ввода новых мощностей, а рост производства в промышленности достигался в основном не за счет ввода в действие новых предприятий, а посредством сверхэксплуатации старых [13, с. 3]. По результатам опроса российских предприятий, проведенного Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, в первой половине 2013 г. в числе наиболее важных внутренних проблем респонденты чаще всего упоминают задачу модернизации производства и внедрения новых технологий — 73,86 % ответов [11]. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата РФ), доля предприятий, занимающихся разработкой и внедрением наукоемких технологий, в стране составляет менее 10 %, удельный вес организаций промышленного производства (без субъектов малого предпринимательства), осуществивших технологические инновации в период с 2005 по 2011 г., не превышал 9,6 %, а количество созданных передовых производственных технологий по-прежнему незначительно [15, с. 12]. Эмпирически выявлено, что чем выше уровень обработки, тем ниже конкурентоспособность отечественной промышленной продукции [9, с. 124].

В этой ситуации важно учесть, что конкурентные преимущества зарождаются не на этапе производства уникальной продукции или выхода на новый рынок, а при появлении но-

вой идеи, реализующейся в новой технологии [9, с. 125]. Соответственно, поддержка предприятий, генерирующих такие идеи и технологии, является особенно важной. На наш взгляд, в данном случае целесообразно реализовать третье направление участия государственных институтов в стимулировании хозяйственного взаимодействия предприятий промышленной сферы региона и/или инорегиональных структур. Оно состоит в реализации роли государства как институционального посредника, фасилитирующего механизмы партнерства и финансирования промышленных инноваций. Данное направление тесно связано с развитием в России институтов развития.

В качестве примера можно привести поддержку компанией Microsoft совместно с правительством Москвы стартапов, о чем стало известно в ноябре 2013 г. после подписания соглашения между Центром инновационного развития Москвы и компанией «Майкрософт Рус». В рамках данного соглашения будет создана точка присутствия Фонда посевного финансирования Microsoft на первом в России акселерационном базисе международного класса API Moscow. Соглашение предполагает проведение целого комплекса мер в рамках API Moscow, которые запустит Microsoft при непосредственном участии резидентов кластера, а малые и средние инновационные предприятия получают гранты (в настоящее время грантовое финансирование получили тридцать пять стартапов, общая сумма выданных средств составляет 1,36 млн долларов) [21]. Данная программа не состоялась бы без участия Центра инновационного развития города Москвы. Другой пример в рамках указанного направления — деятельность Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, которое, в том числе благодаря снятию административных барьеров и содействию в поиске партнеров, способствовало реализации ряда инновационных промышленных проектов и развитию межфирменных партнерств.

Наполнение конкретным содержанием каждого из трех обозначенных направлений важно осуществлять с учетом региональной специфики. Актуальность учета мезоэкономических особенностей наглядно демонстрируют, в частности, регионы Южного федерального округа (ЮФО). Юг России в постсоветский период остается регионом, развитие которого идет по ресурсно-сырьевой модели со слабой индустриальной составляющей, постиндустриальные виды экономической деятельности представлены фрагментарно [8, с. 50, 149–150; 10]. При этом в регионах ЮФО наблюдается дос-

таточно диверсифицированная производственная специализация [3].

Несмотря на существующие потребности в области кластеризации региональной промышленности (для повышения ее инновационности и конкурентоспособности), а также наличие предпосылок создания сильных кластеров в регионах округа, развитие данных интегрированных форм ведения бизнеса идет достаточно медленными темпами. По результатам исследования перспектив развития научно-инновационных кластеров в российских регионах (особенно в сфере наноиндустрии), по наличию инфраструктурного обеспечения, а также по публикационной и патентной активности в привязке к территориям Южный федеральный округ оказался в аутсайдерах, причем явных перспектив изменения ситуации не наблюдается [4]. По результатам федерального конкурсного отбора программ развития 25 территориальных кластеров для финансирования (перечень кластеров был согласован 13 июня 2012 г.) программы регионов ЮФО в итоговый перечень не попали (вместо изначально заявленного числа 5–6 инновационных территориальных кластеров было отобрано 25 проектов) [14].

В настоящее время для регионов Южного федерального округа можно выделить различные сферы экономической деятельности, в которых создание и развитие кластерных структур представляется наиболее целесообразным [1]:

— Республика Адыгея: агропромышленный кластер, туристско-рекреационный кластер, многофункциональный социальный кластер, строительный кластер на базе месторождений нерудного сырья;

— Краснодарский край: транспортно-логистический, топливно-энергетический, лесопромышленный, агропромышленный, зерновой кластеры, кластер производства одежды, обуви и аксессуаров, кластер в строительной индустрии;

— Волгоградская область: химический, нефтехимический, металлургический, машиностроительный, энергетический, агропромышленный, судостроительный, биохимический кластеры, производственно-транспортный кластер на базе Волжского интермодального терминала, текстильный кластер (на базе ООО «УК «Камышинский ХБК»»);

— Республика Калмыкия: агропромышленный, промышленный, энергетический, туристско-рекреационный, транспортно-логистический кластеры, строительный кластер (по производству сборного и товарного бетона, кирпича, производства пластиковых труб, асфальто-

бетона, керамзитового гравия, кирпича и карьерной выработке песка, гравия и т. д.);

— Астраханская область: кластеры в агропромышленном комплексе, рыбной промышленности, инженерно-технологический кластер в топливно-энергетическом комплексе, кластер в судостроительстве;

— Ростовская область: агропромышленные кластеры, молочный, рыбный кластеры, кластеры в пищевой промышленности, туристической сфере, промышленности строительных материалов, сельхозмашиностроении, легкой промышленности.

Принимая во внимание особенности регионального развития, важно также отметить, что именно при помощи государственных институтов мезоуровня (в том числе специализированных программ развития промышленных инновационных кластеров, агентств инвестиционного и стратегического развития, переговорных и медиационных площадок) возможно согласование глобальных целей крупных транснациональных структур и интересов конкретных региональных экономик.

Таким образом, государственные институты играют ключевую роль в обеспечении инновационного развития промышленности на мезоуровне экономики. Соответственно, совершенствование институциональной среды региона по целому ряду направлений позволит существенно усилить региональный механизм инновационного развития промышленного комплекса территорий за счет активизации интеграционного потенциала предприятий и организаций и их кластеризации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешин, А. В. Концептуальная модель межфирменного партнерства для решения актуальных проблем и модернизации экономики регионов Юга России / А. В. Алешин, А. Ю. Никитаева // Вопросы регулирования экономики. — 2013. — № 4. — С. 34–40.
2. Алешин, А. В. Стратегии и механизмы развития взаимодействия разномасштабных субъектов бизнеса в региональной экономике : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / А. В. Алешин. — Ростов н/Д, 2013. — 58 с.
3. Андриященко, О. Г. Современные инструменты менеджмента в механизме промышленного развития регионов Юга России / О. Г. Андриященко, А. Ю. Никитаева // Экономика и предпринимательство. — 2012. — № 3. — С. 34–38.
4. Балякин, А. А. Особенности наукометрического анализа при выявлении перспектив развития высоких технологий в российских регионах. Система информационно-аналитических ресурсов по инновационной и технологической тематике. 2012 / А. А. Балякин, В. Г. Жулего, Г. Е. Кунина, В. П. Рубцов. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа:

<http://innclub.info/012/07/11> (дата обращения: 10.02.2014). — Загл. с экрана.

5. Бушуева, М. А. Кластеризация как способ инновационного развития региона и повышения его конкурентоспособности / М. А. Бушуева // Наука и экономика. — 2010. — № 1 (1). — С. 40–43.

6. Валетко, В. Промышленные кластеры как институциональные структуры инновационного развития. Центр системного анализа и стратегических исследований НАНБ / В. Валетко. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.ekonomika.by/downloads/valetka2004_clusters_innovations.pdf (дата обращения: 21.01.2014). — Загл. с экрана.

7. Велев, М. Анализ влияния промышленных кластеров на конкурентоспособность регионов и страны / М. Велев // Актуальные проблемы управления экономикой региона : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.freu-conference.engesc.ru/arkhiv-sbornikov-materialov> (дата обращения: 11.11.2013). — Загл. с экрана.

8. Дружинин, А. Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии / А. Г. Дружинин. — Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2009. — 288 с.

9. Институты конкурентной политики в регулировании новой индустриализации / отв. ред. д-р экон. наук И. Р. Курнышева ; науч. ред. д-р экон. наук, проф. А. Е. Городецкий. — М. : ИЭ РАН, 2012. — 272 с.

10. Колесников, Ю. С. Силуэты региональной экономической политики на Юге России / Ю. С. Колесников, В. Н. Овчинников. — Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. — 176 с.

11. Кувалин, Д. Б. Российские предприятия весной 2013 г.: восстановление инвестиционной активности и рост закупок зарубежной техники / Д. Б. Кувалин, Р. А. Галецкая, А. К. Моисеев. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/kuv28> (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.

12. Никитаева, А. Ю. Государственно-частное партнерство в инновационном развитии промышленной сферы: направления и механизмы реализации на региональном уровне / А. Ю. Никитаева // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 34. — С. 9–15.

13. Новая экономическая политика: политика экономического роста / под ред. академика В. В. Ивантера. — М. : Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2013. — 54 с.

14. Официальный интернет-сайт Минэкономразвития. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc20120907_02 (дата обращения: 09.09.2013). — Загл. с экрана.

15. Статистика инноваций в России. Федеральная служба государственной статистики. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/science/> (дата обращения: 09.11.2012). — Загл. с экрана.

16. Amin, A. An Institutional Perspective on Regional Economic Development / A. Amin // International Journal of Urban and Regional Research. — 1999. — № 23. — P. 365–378.

17. Busom, I. The impact of firm participation in R&D programmes on R&D partnerships / I. Busom, A. Fernandez-Ribas // Research Policy. — 2008. — № 37. — P. 240–257.

18. Competitive Regional Clusters: National Policy Approaches. — Electronic text data. — Mode of access: www.oecd.org/publications/Policybriefs (date of access: 09.11.2013). — Title from screen.

19. Enright, M. J. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results / M. J. Enright. — Electronic text data. — Mode of access: http://www.paca-online.org/cop/docs/Michael_Enright_Survey_on_the_characterization_of_regional_clusters.pdf (date of access: 01.03.2013). — Title from screen.

20. Ingstrup, M. B. Cluster initiation and development: A critical view from a network perspective! Competitive paper / M. B. Ingstrup, P. V. Freytag, T. Damgaard. — Electronic text data. — Mode of access: <http://www.impgroup.org/uploads/papers/7208.pdf> (date of access: 15.08.2013). — Title from screen.

21. Microsoft совместно с правительством Москвы поддержит стартапы. Агентство по инновациям и развитию. — Electronic text data. — Mode of access: <http://www.innoros.ru/news/regions/13/11/microsoft-sovmestno-s-pravitelstvom-moskvy-podderzhit-startapy> (date of access: 10.02.2014). — Title from screen.

22. Porter, M. E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction / M. E. Porter // The Free Press, 1990. — N. Y. : Palgrave Tenth Edition, 1998. — 896 p.

УДК 2964
ББК 65.01

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Е.Н. Кан

Начало XXI в. было ознаменовано быстрым развитием научно-технического прогресса, переходом к постиндустриальному обществу и множеством экономических проблем. Поэтому пришло время взглянуть на экономику с позиций ее гуманизации. В статье исследуется, какие существуют подразделения общественно-го воспроизводства и как их трансформация может повлиять на региональное развитие и экономический рост.

Ключевые слова: воспроизводство, постиндустриальное общество, научные знания, информация, гуманизация, экономический рост.

INFLUENCE OF THE SPIRITUAL REPRODUCTION ON THE REGIONAL DEVELOPMENT

E.N. Kan

The beginning of the XXI century was marked by the development of scientific progress, postindustrial society appearance and number of economic problems. That is why it is high time to look at the economic problem from the humanizational point of view. The paper describes reprocessing subdivisions that exist and how their transformation can impact on the new society development type and economic growth as well.

Key words: reprocessing, postindustrial society, booklore, information, humanizing, economic growth.

Вопросы, связанные с потребностями человека в увеличении материальных благ, волновали общество с незапамятных времен. Для каждого времени и правителя понятие «экономики», то есть ведения домашнего хозяйства (впервые использованное Ксенофонтом), понималось в зависимости от категории морали, нравственности и этики: для одних это была идея создания рабовладельческого общества (Аристотель), для других — идея идеального (справедливого) государства (Платон). Особенность современной экономики заключается в том, что значительную часть вопросов необходимо решать с учетом региональных интересов, региональных традиций, духовных и культурных ценностей. В связи с этим одной из актуальных проблем является проблема разработки регионально-экономических решений, отвечающих требованиям современности, особенно для такого многонационального и многоконфессионального государства, каким является Россия.

Вопросам экономического и общественно-го развития были посвящены работы таких ученых, как К. Маркс, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, З. Бжезинский, И. Вернадский, Н. Бердяев, Э. Араб-Оглы, Ю. Яковец и др. [1; 2; 3; 6; 7; 12; 17].

В настоящее время чаще всего рассматриваются три вида общества: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное, отличающиеся между собой рядом признаков.

Считается, что доиндустриальный способ организации общества — это ранняя стадия развития общества, для которой характерны трудоемкие технологии, использование мускульной силы человека, не требующей длительного обучения, эксплуатация природных ресурсов (в частности, сельскохозяйственных земель) и низкие темпы экономического роста.

Для индустриального способа, корни которого берут начало во времена зарождения класса буржуазии, характерно машинное производство, использование «внемускульных» источников энергии, капиталоемкие технологии, требующие длительного обучения, рост населения, рывок в экономическом росте (в основном в Европейской зоне).

Постиндустриальный способ, ростки которого мы наблюдаем в наше время, основан на наукоемких технологиях, информации и знаниях, как основном производственном ресурсе, творческом подходе, непрерывном самосовершенствовании и повышении квалификации в течение всей жизни.

Модель общественного воспроизводства, впервые представленная Ф. Кенэ [10, с. 25—33], тоже претерпела трансформацию, но за отправную точку мы возьмем модель воспро-

изводства К. Маркса [12, с. 214], раскрывающую взаимодействие между двумя подразделениями общественного воспроизводства — производством средств производства (ПСП) и производством предметов потребления (ППП).

В 1940 — 1950-е гг. эта модель была дополнена экономистами К. Кларком и Ж. Фурастье [2, с. 5], которые разделили все общественное производство на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы, предвещая увеличение доли третичного сектора. Изучение третичного сектора было дополнено Д. Беллом [2, с. 146], который предложил сегментирование данного сектора еще на три сегмента: третичный: транспорт, коммунальное хозяйство; четвертичный: торговля, финансы, страхование, недвижимость; пятеричный: здравоохранение, образование, исследования, государственное управление, отдых.

Д. Белл также подчеркивает тот факт, что благодаря исследованиям изменения в секторах и видах занятости западные ученые П. Хатт и Н. Фут [2, с. 146] смогли вычислить наиболее важные аспекты: постоянно растущую профессионализацию труда и решающее значение «пятеричного», по их мнению — интеллектуального, сектора.

Т. Селищева дает авторскую трактовку структуры экономики в разрезе 6 секторов: первичный (добывающие и сырьевые отрасли); вторичный (обрабатывающие отрасли); третичный (торгово-посреднический сектор); четвертичный (услуги материального характера); пятеричный (услуги нематериального характера); шестеричный (отрасли ИКТ-сектора). Выделение шестеричного сектора в качестве самостоятельного дает возможность реально оценить степень продвижения национальной экономики к информационной стадии развития. При

движении экономики от доиндустриальной к индустриальной, постиндустриальной (информационной) стадиям, растет число секторов, изменяется их значимость [8, с. 11–12; 14, с. 35–37; 15, с. 5–6].

В настоящее время модель общественного воспроизводства была преобразована и дополнена Ю. Яковцом [17, с. 297–330] на основе работ Д. Белла, А. Тоффлера, К. Кларка, В. Вернадского и др., в которую он ввел еще несколько подразделений, а именно: производство военной техники, воспроизводство природных ресурсов и *воспроизводство духовной сферы* (табл. 1).

Таблица 1

Схема воспроизводства

Подразделение	Производство	Описание
I	Средства производства	Машины, здания, оборудование
II	Предметы потребления	Жилье, одежда, продукты...
III	Услуги	Транспорт, связь, бытовые, коммунальные...
IV	Военная техника	Средства обороны, госуправление
V	Природные ресурсы	Охрана окружающей среды, обеспечение в случае стихийных бедствий
VI	Духовная сфера	Духовные ценности (научные знания, культурные ценности, нравственные устои, религиозные ценности...)

Примечание. Составлено по: [17, с. 297–330].

В свою очередь, духовная сфера (подразделение VI) тоже имеет множество сепаратных сфер, которые могут быть представлены в таблице (табл. 2).

Подразделение «Духовная сфера», по мнению автора, представляет наибольший интерес, поскольку является нематериальной и определяет:

Таблица 2

Подразделение «Духовная сфера»

Подразделение «Духовная сфера»				
Научные знания	Образование	Деятельность в области культуры	Нравственные ценности	Религиозная деятельность
– фундаментальная наука – прикладная наука	– процесс обобщения и передачи поколениям накопленных знаний	– искусство – литература – архитектура – кино – СМИ	– основа поведения человека и коллектива – служат критериями оценки – определяют нравственные устои семьи и общества	– и др. формы идеологического формирования – идеалы человека, поддерживающие нравственные устои семьи и общества

Примечание. Составлено по: [17, с. 297–330].

— общественный продукт, который не потребляется и не расходуется в отличие от любого товара;

— общественный продукт, не имеющий цены и в то же время в случае необходимости цена для которого может быть рассчитана в зависимости от требований рынка на определенный момент времени;

— собственность, которая при передаче или продаже все равно остается у создателя;

— ресурс, который не имеет ограничений, в отличие от природных, трудовых и других ресурсов, и который принадлежит всем;

— средство, оказывающее серьезное влияние на все предыдущие подразделения воспроизводства;

— институциональный инструмент, способный гуманизировать общество, экономику, мир.

Одним из важнейших компонентов духовной сферы являются научные знания. Например, первый в мире журнал появился в 1665 г., но их число стало непрерывно расти только с 1750 г., когда в Европе установилась регулярная почтовая связь [11]. По подсчетам ученых, с начала нашей эры для удвоения знаний потребовалось 1 750 лет, второе удвоение произошло в 1900 г., а третье — к 1950 г., то есть уже за 50 лет, при росте объема информации за эти полвека в 8–10 раз [5]. И эта цифра постоянно растет, например, объем знаний в мире к концу XX в. возрос вдвое, а объем информации увеличился более чем в 30 раз. Подобное явление, развивающееся по экспоненциальному закону, получило название «информационный взрыв», может свидетельствовать о рождении века информации [9].

Начиная со второй половины 60-х гг. прошлого века в ряде развитых стран стала популярной концепция «информационного общества» как модификация концепций постиндустриального общества. Основной смысл концепции информационного общества заключался в следующем: 1) большинство людей будет занято информационной деятельностью; 2) информация — одна из главных ценностей, главный продукт производства и обмена; 3) власть переходит к держателям информации; 4) классовая структура общества нивелируется, расплывается, конвергируется, превращаясь в элитарно-массовую культуру; ожидается новый пролетариат «когнитариат» и новое компьютерное поколение людей — «homo interneticus» [13].

Для того чтобы определить фазу перехода от индустриальной к постиндустриальной и информационной стадиям, можно воспользоваться критериями занятости [16]. В соответствии с ними считается: если в обществе более 50 % населения занято в сфере услуг, то наступила

постиндустриальная стадия его развития; если же в обществе более 50 % населения занято в сфере информации, то наступила информационная стадия.

Этот критерий развития (критерий занятости) был довольно ярко описан диаграммой Порэта (см. рисунок).

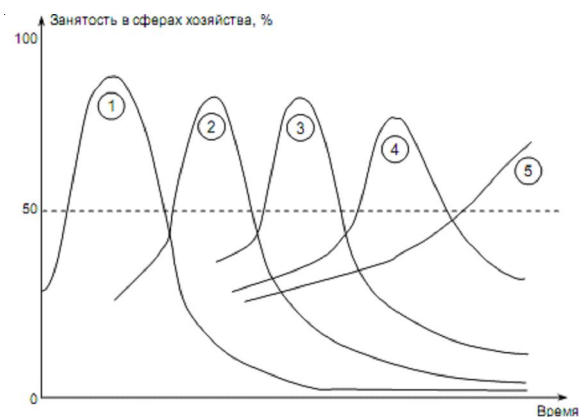

Рисунок. Эволюция социальных систем — диаграмма Порэта (занятость в ведущей отрасли): 1 — в производстве продуктов питания (аграрное общество); 2 — в материальном производстве (индустриальное общество); 3 — в сфере услуг (постиндустриальное общество); 4 — в сфере информационных услуг (информационное общество); 5 — в сфере интеллектуальной деятельности (ноосферное общество)

Примечание. Источник: [9, с. 11].

Можно согласиться и со словами Д. Белла, что «...представляется маловероятным, что наука, как “республика добродетели”, способна поднять моральный дух общества; скорее рухнут этические устои самой науки. Это означает, что общество остается без высшей идеи, дающей людям ощущение цели, без точек опоры, придающих обществу стабильность и наполняющих смыслом человечество» [2, с. 109].

Другими словами, научные знания сами по себе не представляют такой силы, которая разовьет общество и повлияет на развитие экономики, поэтому, полагаем, что только совместное «творчество» всех сегментов VI подразделения (духовной сферы), а именно: образование, культура, нравственные ценности и религиозная деятельность (это могут быть просто идеалы), сможет дать людям точку опоры, импульс и цель.

Но даже в таком случае это условие является необходимым, но не достаточным, поскольку не определяет вектора духовности. Например, человек может быть высокообразованным, любить культуру, творить искусство, иметь определенные нравственные ценности, быть религиозным, но в то же время истреб-

Признаки различных типов обществ

Признаки	Типы обществ			
	Доиндустриальное	Индустриальное	Постиндустриальное	Неогуманистическое
Человек	слушающий – эпоха племенного индивида с преобладанием устной речи в качестве коммуникации в акустическом мире	смотрящий – эпоха типографического или индустриального индивида с преобладанием печатного слова над устной речью в коммуникации	слушающий и смотрящий – эпоха информационного индивида в условиях победы электронной коммуникации, повышающей интеллектуальные способности и творческий характер личности	интеллектуальный и интуитивный – эпоха сверхчувственного индивида в условиях победы технотронной коммуникации, повышающей способность коммуникации на расстоянии (передача мысли на расстоянии посредством новых технологий)
Мир	Природный	Вещевой (консьюмеризм)	Социальный	Духовный
Акцент	Индивидуализация	Интеграция	Глобализация	Культурализация (объединение по духовному идентификатору)
Экономический сектор	Первичный (сельское хозяйство)	Вторичный (промышленность)	Третичный (сфера услуг) четвертичный пятеричный (интеллектуальный)	Дополнительный (духовная сфера)
Главная сфера экономического сектора	(extracting) – добывающие отрасли: сельское хозяйство, горное дело, рыболовство	(manufacturing) – обрабатывающая промышленность: производство и переработка; строительство	(processing) – сфера человеческой деятельности, предназначенная для связи всех типов экономических секторов Третичный: транспорт, коммунальное хозяйство Четвертичный: торговля, финансы, страхование, недвижимость Пятеричный: здравоохранение, образование, исследования, государственное управление, отдых	(humanizing) – гуманизация, на этапе которой происходит одухотворение / «очеловечивание» каждого типа экономического сектора
Основные профессии	Крестьяне Горняки Рыбаки Чернорабочие	Инженеры Полуквалифицированные рабочие	Профессионалы Технические работники Ученые	Ученые Учителя (Гуру) Инновационщики Профессионалы
Технология производства	Ручная	Машинная	Информационная, Интеллектуальная	Духовная
Лимитирующий фактор	Земля	Капитал	Информация + Знания + Время	Психоэмоциональное здоровье
Господствующая социальная группа	Землевладельцы	Собственники капитала (буржуа)	Собственники информации (сословия ученых и высококвалифицированных специалистов)	Интуитивисты (люди с высокоразвитой интуицией)

Признаки	Типы обществ			
	Доиндустриальное	Индустриальное	Постиндустриальное	Неогуманистическое
Временные горизонты	Ориентация на прошлый опыт	Приспособление к конкретным ситуациям Прогнозирование	Ориентация на будущее Научное предвидение	Ориентация на будущее Научно-интуитивное предвидение
Принцип создания материальных благ	Рабство, крепостничество, грабеж, война, прямая эксплуатация	Увеличение производительности, сосредоточение благ в руках немногих за счет обнищания остальных	Массовое распространение и внедрение новых технологий	Внедрение технологических, социальных и гуманизационных инноваций как в сфере производства, так и в сфере производственных отношений
Подразделения воспроизводства (превалирующее)	I – Производство средств производства (ПСП) II – Производство предметов потребления (ППП)	I – ПСП II – ППП IV – Производство военной техники	III – Производство услуг IV – Производство военной техники V – Воспроизводство природных ресурсов VI – Духовное воспроизводство	V – Воспроизводство природных ресурсов VI – Духовное воспроизводство

Примечание. Составлено автором по: [2; 4; 6; 9; 17].

лять целые нации (например, А. Шикльгрубер / А. Гитлер). Поэтому необходимо ввести гуманистическую составляющую, которая, изменяя общество, положительно повлияет и на экономику.

Под гуманизацией экономики понимается процесс реализации социально-этических, культурно-нравственных принципов, направленных на развитие такой системы экономических отношений, при которой человек становится доминантой, а всеобщие понятия справедливости, сопереживания, личной ответственности, интеллектуальной свободы и просто человечности приобретают реальную значимость, способствуя тем самым возрождению экономики, как источника благополучия и счастья не для отдельно взятых групп, а для всех людей.

На основании работ Д. Белла, В. Вернадского, Н. Бердяева, Ю. Яковца и других ученых, а также экспоненциального закона, можно предположить, что «духовное воспроизводство» в постиндустриальном обществе может стать новым ресурсом для возникновения нового типа общества — «неогуманистического» (то есть нового человека. — Е. К.) (см. табл. 3).

Нужно сказать, что *неогуманистическое* общество будет сочетать в себе как наработки предыдущих типов, так и обладать новыми признаками.

Так, на смену слушающему человеку приходит человек интеллектуально-интуитивный, мир из природного переходит в духовный (если можно сделать такое сравнение, то он как бы проходит по спирали, но поднимается на другой уровень). Если в доиндустриальную эпоху производство было индивидуальным, то через интеграцию и глобализацию акцент опять сместится в сторону культурализации (самобытности, объединения по духовным признакам), но уже на мировом уровне.

В экономическом секторе появится еще один дополнительный сектор, который затронет духовную сферу (знания, образование, искусство, ценности, религию), причем ее главной сферой деятельности будет гуманизация.

Лимитирующий фактор производства (труд, земля, капитал, информация) тоже претерпевает изменения. Уже сейчас мы видим зачатки изменений, когда люди все больше начинают заниматься своим духовным здоровьем.

ем, йогой и другими практиками оздоровления. Подразделения воспроизводства меняются от материальных к нематериальным, от производства средств производства и предметов потребления к духовному воспроизводству.

Таким образом, «духовное воспроизводство» как гуманистическая составляющая может привести к созданию нового типа общества — неогуманистического и экономики особого типа с высокой духовной составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Араб-Оглы, Э. Взгляд из XXI века / Э. Араб-Оглы // Свободная мысль. — XXI. — 2000. — № 12. — С. 60 — 70.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл. — М., 2001. — 783 с.
3. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский ; пер. с англ. М. Десятовой. — М. : Астрель, 2012. — 285 с.
4. Бердяев, Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. — 1989. — № 2. — С. 147 — 162.
5. Васильев, Р. Ф. Охота за информацией / Р. Ф. Васильев. — М. : Знание, 1973. — 261 с.
6. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — М. : Наука, 1989. — 258 с.
7. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. — М. : АСТ, 2004. — 602 с.
8. Дятлов, С. А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование / С. А. Дятлов, В. П. Марьяненко, Т. А. Селищева. — СПб., 2008. — 130 с.
9. Ефремов, О. В. Социальные аспекты современных компьютерных технологий / О. В. Ефремов, П. С. Беляев. — Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2006. — 80 с.
10. Жид, Ш. История экономических учений : пер. с фр. / Ш. Жид, Ш. Рист. — М. : Экономика, 1995. — 544 с.
11. Капица, П. А. Экспериментальная теория, практика / П. А. Капица. — М. : Наука, 1987. — С. 196 — 197. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://vikent.ru/enc/18> (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.
12. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии. Т. I / К. Маркс. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 1200 с.
13. Морозова, И. А. Особенности реализации концепции корпоративной социальной ответственности российскими промышленными предприятиями (на примере ООО «ЛУКОЙЛ-ЭНЕРГОСЕТИ») / И. А. Морозова, С. К. Волков, И. А. Бритвин // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 42. — С. 7 — 16.
14. Селищева, Т. А. Трансформация структуры российской экономики / Т. А. Селищева. — СПб. : Изд-во СПбГИЭУ, 2005. — 302 с.
15. Селищева, Т. А. Структура российской экономики: на пути к информационному обществу / Т. А. Селищева. — СПб. : Изд-во СПбГИЭУ, 2006. — 184 с.
16. Соколова, И. В. Социальная информатика и социология: проблемы и перспективы взаимосвязи : монография / И. В. Соколова. — М. : Союз, 1999. — 228 с.
17. Яковец, Ю. В. Глобальные экономические трансформации века XXI века / Ю. В. Яковец. — М. : Экономика, 2011. — 382 с.

УДК 338.2
ББК 65.05

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ МЕГАПРОЕКТОВ

А.Н. Жуков

В статье уточняется понятие и раскрываются идентификационные признаки собственно территориального мегапроекта, исследуются универсальные и специфические риски, характерные для разных фаз его жизненного цикла, особое внимание уделяется таким видам риска, как компетентностный, репутационный и коррупционный.

Ключевые слова: территория, мегапроект, развитие, комплексность, жизненный цикл, риск, уникальность.

RISKS OF THE REALIZATION OF TERRITORIAL MEGAPROJECTS

A.N. Zhukov

The article specifies the notion and the identification signs of the territorial megaproject itself. Universal and specific risks typical for different types of its life cycle are given. A special attention is paid to such types of the risk as competence one, reputational one and a corruption one.

Key words: territory, megaprojects, development, competence, life cycle, risk, uniqueness.

Новым инструментом стратегического территориального менеджмента в макроэкономическом и глобальном измерении становится *мегапроектирование* [18; 19]. Отличительными чертами мегапроектов являются:

- 1) высокая стоимость (около 1 млрд \$);
- 2) капиталоемкость, фонды для реализации мегапроектов обычно превышают финансовые резервы и необходимы дополнительные источники финансирования: банковское финансирование; экспортные кредиты; смешанное кредитование;
- 3) осуществление финансирования мегапроекта консорциумом фирм;
- 4) большой общий объем работ в человеко-часах: 2 млн человеко-часов на проектирование, 15 млн человеко-часов для строительства объектов;
- 5) сроки реализации: 5–7 лет и более (время на проектирование и строительство составляет как минимум 5 лет, 1 год или более добавляется для выполнения экологических требований);
- 6) высокий уровень доходов и расходов при значительной динамике активов;
- 7) необходимость решения проблем международного бизнеса;
- 8) отдаленность районов, где реализуются мегапроекты, дополнительные затраты на инфраструктуру;
- 9) влияние на социальную и экономическую сферы региона и даже страны, где реализуется мегапроект [22].

Мегапроект может быть выбран в качестве самостоятельного формата для разработки стратегии конкретного региона, округа. То есть территориальный мегапроект — это, собственно, интегральная целевая межрегиональная программа фронтально-маятникового или очагового типа, которая, в отличие от моноотраслевых, локальных или конгломератных мегапроектов, содержательно представляет собой комплекс взаимосвязанных разноотраслевых подпроектов, объединенных единой концепцией и генеральной целью (преобразование экономического пространства территории), выделенными ресурсами а также общим организационным механизмом (институтом развития) [5–8; 14, с. 13; 26]. Подпроекты территориального мегапроекта реализуются последовательно или параллельно в рамках единого жизненного цикла и направлены на достижение более значимого синергетического эффекта по сравнению с автономной реализацией [7; 21].

Успех территориальных мегапроектов во многом зависит от степени защищенности от разнообразных рисков, порождаемых как флуктуациями внешней среды, так и сложностью

самых проектов. Риски возникают в ситуации неопределенности, понимаемой как результат неполного знания, недостаточной изученности природных и общественных явлений, в сферу взаимодействия которых «вторгается» проект. Мерой, адекватно учитывающей фактор неопределенности и защищающей проект от рисков, является глубокая и многоаспектная научная подготовка проекта, неотъемлемой частью которой представляются методы оценки его ожидаемой эффективности. Причем последние ввиду относительности любого знания в каждый конкретный момент времени должны, во-первых, представлять собой синтез теоретического и эмпирического знания и, во-вторых, базироваться на критическом анализе имеющихся precedентов [5; 16; 18; 19; 27].

Поскольку мегапроект связан с долговременной перспективой, усиливающей его вероятностный характер, то на каком-то этапе реализации могут возникнуть обстоятельства, способные снизить его надежность в целом. Это, например, может произойти в случаях, если: 1) имеют место изменения в стратегии пространственного развития, размещения производительных сил, переоценка потенциальных природно-сырьевых возможностей отдельных регионов в результате открытия крупных месторождений сырья, топлива и т. п.; 2) возникают сложности в обеспечении преемственности ранее принятых территориальных стратегий, мегапроектов и программ, и, соответственно, приоритетов социально-экономического развития территорий; 3) если утвержденная временная последовательность строительства и ввода в эксплуатацию отдельных объектов мегапроекта были не вполне обоснованы с точки зрения технологических связей, экономической целесообразности или, например, отличались слабой увязкой с развитием фондообразующих отраслей территории [1, с. 102; 23, с. 10–12, 56–59].

Причиной возникновения рисков является неопределенность, присущая каждому проекту. *Неопределенность* чаще всего понимается как неточность и неполнота информации об условиях (сценариях) реализации проекта. Результаты проявления неопределенности могут быть положительными (прибыль, доход, другая выгода), отрицательными (ущерб, потери, убытки) или нулевыми (бесприбыльность, безубыточность). *Риск* же есть субъективная характеристика проекта с точки зрения одного из его участников, отражающая возможность реализации неблагоприятных для него сценариев или последствий.

В свое время Ф. Найт развил выявленное Й.Х. Тюненом различие между риском и нео-

предельностью, отмечая, что единственный риск, ведущий к прибыли, — есть уникальная неопределенность, проистекающая от осуществления функции ответственности в последней инстанции, причем эта неопределенность по своей природе не может быть ни застрахована, ни капитализирована, ни оплачена в форме заработной платы [2].

Дж.М. Кейнс в своих работах также делал акцент на неопределенность экономической жизни, не поддающейся вероятностным оценкам. Поэтому, утверждал он, инвестиции колеблются вместе с колебаниями доверия к сфере бизнеса и не находятся ни в какой предсказуемой зависимости от стандартных экономических величин. Причем действие инвестиционного мультипликатора на активизацию экономики не всегда однозначно [2].

Р.Д. Шпехт по этому поводу замечал: «...Главная причина того, что методы оптимизации не удовлетворяют требованиям реальности состоит в той роли, которую играет неопределенность ...Мы (оптимизируя) не анализируем проблему, имеющую вполне определенное содержание, характерными только для нее средствами. Мы не можем точно определить наши цели. Вместо этого мы должны пытаться построить (а не анализировать) систему, которая будет в некотором смысле удовлетворительно действовать при разнообразных непредвиденных обстоятельствах, лишь смутно проступающих в будущем» [24, с. 112].

Существуют различные интерпретации понятия «риск».

1. Под риском понимается деятельность субъектов хозяйствования, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в которой имеется возможность оценить вероятности достижения желаемого результата, неудачи и отклонения от цели, сохраняющиеся в выбираемых альтернативах.

2. Риск связывают с опасениями, что реализация проекта приведет к убыткам.

3. Риск рассматривают как меру рассеяния (дисперсию) полученных в результате множественного прогноза оценочных показателей рассматриваемого проекта (прибыль, рентабельность капитала и т. д.).

4. Риск сопоставляют с опасностью того, что цель инновационного проекта не будет достигнута в намеченном объеме. При этом полагают, что вместо ожидаемого состояния внешней среды возникнет худшая ситуация (например, прибыль будет уменьшена на определенную величину).

Уникальность каждого мегапроекта влияет на возникновение типичных и специфических рисков, в числе которых: макроэкономичес-

кие, политические, географические, инжиниринговые, технические, финансовые, коммерческие, организационно-правовые, тарифные, налоговые, компетентностные, кадровые, коррупционные (криминальные), репутационные и т. д.

Коммерческие риски представляют собой совокупность рисков, возникающих в процессе реализации товаров, работ и услуг. Основными предпосылками коммерческих рисков являются волатильность спроса на товары, работы, услуги, ограниченность поставщиков, сложность цепочки поставок, особенности физических свойств товаров, работ, услуг (портативность, сохранность и т. д.). Эти риски обычно возникают из ассоциированных с конкретными условиями договоров сторон, участвующих в процессе проектирования и планирования, строительства и снабжения, закупок.

Ключевые коммерческие риски часто сводятся к особенностям ценообразования и порядку построения взаимоотношений между участниками проектов и рынка в целом. Такие риски концентрируют внимание на двух различных областях — условиях контракта, рыночных условиях и их специфике. Сходство в способе нивелирования этих рисков или их снижения до приемлемого уровня влечет за собой необходимость тщательного структурирования обязательств сторон и обеспечения достаточных гарантий и страхования, включенных в условия контракта.

Для минимизации риска неблагоприятного изменения тарифов управляющие компании мегапроектов должны выстраивать долгосрочные отношения с региональными регулирующими органами Федеральной службы по тарифам, добиваться применения механизма индексации тарифов. Риск неблагоприятного изменения цен на продукцию проектов минимизируют путем заключения предварительных соглашений о будущих поставках, а также за счет тщательного анализа рынков сбыта продукции проектов, диверсифицируя каналы продаж, проводя конкурсные процедуры по отбору поставщиков.

Технические риски мегапроектов могут быть менее масштабными и, как правило, являются узкоспециализированными. В то же время данная группа рисков является наиболее обширной, так как включает в себя широкий спектр различных угроз, которые сопровождают реализацию инвестиционных проектов на всех стадиях — проектирование, строительство, эксплуатация и охватывают как структуру их финансирования, так и обязательства третьих сторон (подрядчиков, поставщиков, операторов и др.). Являясь наиболее распространенной и простой группой рисков, связанных

с проектами, технические риски являются самыми сложными рисками для решения методами смягчения. Они не просто требуют тщательного структурирования контрактов, но и значительных усилий со стороны ввода эффективного контроля, стороннего наблюдения и проверки обеспечения работ, выполняемых сторонами, прямо или косвенно связанными с инвестиционными проектами.

Наиболее вероятные технические риски территориальных мегапроектов: 1) нарушение экологических норм в ходе реализации инвестиционных проектов; риск минимизируется мероприятиями, направленными на своевременное выявление действий, которые могут причинять ущерб окружающей среде, и закреплением в договоре с генеральными подрядчиками/подрядчиками положений об ответственности за нарушение экологических норм; управляющая компания следит за выполнением мероприятий по рекультивации нарушенных земель в соответствии с проектной документацией; 2) невыполнение сроков строительства и ввода объектов в эксплуатацию генеральными подрядчиками/субподрядчиками; риск минимизируется путем увеличения и ужесточения критериев по выбору генеральных подрядчиков, проектно-изыскательских институтов, поставщиков оборудования и материалов, включения в договоры подряда банковских гарантий на возврат аванса, увеличения штрафных санкций за срыв сроков выполнения работ и поставки оборудования, осуществления предварительной аккредитации заводов-изготовителей, подрядных организаций, а также за счет непрерывного контроля за исполнением договорных обязательств и использования собственной службы технического надзора за качеством строительства; 3) невыполнение сроков поставки основного производственного оборудования поставщиками; риск минимизируется тщательным отбором поставщика и заключением договоров поставок на следующих условиях: предусматривается фиксированная стоимость оборудования и твердые сроки исполнения обязательств; поставщик гарантирует возмещение убытков, возникающих при задержке поставки оборудования; в договоре предусматриваются механизмы обеспечения исполнения обязательств в форме штрафов и пени; также данный риск минимизируется за счет того, что поставщиками технологического оборудования выступают компании-производители оборудования или официальные дилеры данных компаний, что позволяет усилить контроль за качеством поставляемого оборудования, услугами поставщиков по его монтажу и сроками поставок; 4) неблагоприятные изменения в операционной деятель-

ности объектов на стадии эксплуатации, риск может проявляться в превышении операционных затрат, сбоях в операционной деятельности объектов, недостижении проектной мощности; риск минимизируется следующими действиями: тщательным отбором персонала с профильным опытом работы и управления в сфере реализации проекта, регулярным мониторингом реализации проектов, снижением зависимости от единственного поставщика [20].

С техническими тесно связаны *экологические риски*. Важной, по мнению автора, методологической посылкой является необходимость комплексного решения задачи, связанной с обеспечением гармоничного взаимодействия элементов производительных сил территории с природной средой в процессе обоснования и реализации мегапроекта. В триаде «человек — производство — окружающая среда» неизбежно возникают трудности, связанные: с преодолением объективно существующих противоречий между богатыми природно-сырьевыми ресурсами, уникальными климатическими условиями и ограниченными трудовыми ресурсами требуемого качества; с созданием условий, отвечающих всем материальным, культурно-бытовым, медико-санитарным требованиям, формируемым под влиянием природно-климатических особенностей и производственной специализации территории; с обеспечением режима природопользования, не приводящего к нарушению допустимых «норм вторжения» людей и управляемых ими производств в природную среду; с применением таких технологических схем и средств производства, которые с учетом закономерностей взаимодействия и взаимосвязей элементов производительных сил с компонентами природной среды позволяли бы вырабатывать наиболее эффективную стратегию их развития с применением на всех стадиях трудосберегающей политики. Планируя в процессе реализации жизненного цикла территориального мегапроекта неизбежные контакты с природной средой, следует учитывать как ее способность естественно восстанавливать нарушаемый человеком и производством экологический процесс, так и ресурсные, производственно-технические возможности для восстановления экологического равновесия.

Политический и макроэкономический риски в меньшей степени поддаются регулированию. Эти риски находятся вне контроля управляющих компаний и возможные процедуры их минимизации ограничены. Корпорации развития взаимодействуют с органами государственной власти всех уровней.

Географические риски. Важный фактор — особенность географического месторасположения объектов, поэтому при планировании деятельности обязательно должны учитываться сезонность производства работ и сезонные риски, связанные с труднодоступным или специфическим географическим положением.

Организационно-правовые и институциональные риски неизбежны из-за меняющейся правовой среды. Перманентно правятся нормативно-правовая база Инвестиционного фонда РФ, вносятся изменения в «Закон о концессиях», «Закон об особых экономических зонах» и т. д., трансформируется нормативная база функционирования государственных компаний и корпораций. Так, например, финансирование мегапроекта «Комплексное развитие Южной Якутии» никак не могло начаться из-за частых корректировок «Положения об Инвестиционном фонде РФ» и административных проволочек внутри федеральных министерств и ведомств.

Не надуманна и проблема общей несогласованности и противоречивости правовой среды. В целом хороши Градостроительный кодекс, Бюджетный кодекс, есть вроде бы современное законодательство о земле и о недрах, но в комплексе они не отражают особенности реализации мегапроектов и зачастую не только не способствуют, а скорее, противодействуют интересам инвесторов в их реализации.

Инжиниринговые риски, обусловленные рутинизацией и невысоким качеством инженерных решений, — одни из самых значительных для любых мегапроектов, тем более, когда они реализуются в условиях фактического возрождения в России отечественной инжиниринговой отрасли. И, несмотря на появление в последние годы на российском рынке целого ряда крупных инжиниринговых и строительных мегакомпаний международного уровня, качество оказываемых ими услуг пока отстает от мировых критериев.

В России на протяжении последних 20-ти лет не создавалось новых предприятий и инфраструктур, что привело к серьезной деградации инжиниринга. Необходимо восстанавливать инжиниринговую отрасль заново и создавать сеть отраслевых проектных организаций, используя механизм государственно-частного партнерства. Однако это должно происходить в тесном взаимодействии с лидерами мирового инжиниринга, для чего необходимо либерализовать многое в техническом регулировании и градостроительной политике, поскольку принятые в России технические градостроительные нормы запутанны, во многом консервативны, постоянно усложняются, и год от года проис-

ходит не их унификация и упрощение, а лишь усложнение. Все больше и больше требуется всякого рода согласований, экспертиз и т. д. Необходимо сближение отечественных инжиниринговых стандартов с международными для достижения прогресса в этой важной отрасли. Нужны прозрачные инструменты государственной поддержки для создания жилищно-коммунальной инфраструктуры, особый порядок распоряжения землей и недрами в рамках реализации комплексных мегапроектов территориального развития [15].

Финансовые риски возникают в связи с финансированием контрактов и соглашений, заключенных при реализации инвестиционных проектов. К финансовым рискам относятся валютный, процентный риски и риск ликвидности. Управление финансовыми рисками должно осуществляться централизованно. Риск изменения процентных ставок связан с возможным изменением стоимости обслуживания привлеченных заемных ресурсов и может отразиться на финансовых результатах корпорации. Лишь имея безупречную репутацию, корпорации развития могут привлекать кредитные ресурсы на привлекательных условиях с использованием фиксированных и плавающих процентных ставок.

Риск ликвидности связан с тем, что управляющая компания не сможет оплатить свои обязательства при наступлении срока их погашения. Поэтому, например, департамент экономики и финансов управляющей компании обеспечивает централизованное управление ликвидностью. Управление ликвидностью осуществляется с использованием процедур детального бюджетирования, ведения платежной позиции, ежемесячного составления кассового плана исполнения бюджета. Для управления ликвидностью должны формироваться резервы ликвидных средств, достаточных для осуществления деятельности, учитывая возможность валютных и процентных рисков.

Все мегапроекты на основе ГЧП структурированы на базе официальной матрицы макропоказателей, которые утверждаются Министерством экономического развития РФ. Однако инфляционная реальность зачастую оказывается выше официальных прогнозов, а среднесрочные прогнозы независимых аналитиков из банковского сектора существенно расходятся с официальными прогнозами. Поэтому так важно учитывать и *инфляционный риск*.

Инфляционная реальность по тем группам товаров и услуг, которые потребляются при реализации мегапроектов, может оказаться еще более критической. По мнению экспертов, в регионах реализации мегапроектов инфляция

может достигать 30–50 % в год. Прежде всего, это касается продукции промышленности строительных материалов, услуг инжиниринго-строительных компаний и т. д. Вследствие этого реальная сумма капиталовложений, которые потребуются для реализации большинства мегапроектов, может быть заметно выше первоначально заявленной [3; 4; 11; 25].

Территориальные мегапроекты, особенно инфраструктурные, должны индексироваться по мере роста инфляции, это должно учитываться при формировании величины Инвестиционного фонда РФ.

Юридический риск может возникнуть вследствие несоответствия нормативных и иных актов управляющей компании существующим федеральным и региональным законодательным нормам и требованиям или вследствие их несоблюдения. К внешним факторам нарушений государственных нормативов и стандартов относятся: несовершенство правовой системы (отсутствие достаточного правового регулирования, противоречивость законодательства Российской Федерации, его подверженность изменениям, в том числе в части несовершенства методов государственного регулирования и (или) надзора, некорректное применение законодательства иностранного государства и (или) норм международного права). Для минимизации соответствующих рисков в управляющей компании должен вестись мониторинг информационно-правовых систем с целью своевременного учета текущих изменений в федеральном и региональном правовом пространстве, а также выявления подготавливаемых законопроектов и проектов нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, способных в перспективе повлиять на деятельность управляющей компании.

Юридические риски могут также выражаться в возможности возникновения убытков вследствие несоблюдения контрагентами требований нормативных правовых актов и заключенных договоров. В связи с невозможностью разрешения отдельных спорных вопросов, возникающих в процессе исполнения договоров, путем переговоров, существует возможность возникновения судебных разбирательств и, как следствие, риск принятия судебным органом неблагоприятного для управляющей компании решения.

Последствиями нарушений нормативов и стандартов в деятельности любого юридического лица являются: юридические санкции или санкции регулирующих органов; существенные финансовые убытки и/или потери репутации в результате несоблюдения ею законов, инструкций, правил, кодексов поведения.

Налоговые риски связаны, прежде всего, с потенциальными изменениями в налоговом законодательстве, а также в практике применения действующего законодательства налоговыми органами. Основные принципы налогообложения, а также порядок исчисления и уплаты конкретных налогов установлены Налоговым кодексом Российской Федерации. Налоговая реформа в России находится в завершающей стадии, в связи с чем изменения, вносимые в законодательство, в основном являются текущими, касаются отдельных вопросов исчисления налогов и не приводят к значимому увеличению налоговой нагрузки. Однако при этом сохраняется потенциальный риск расхождения толкования норм налогового законодательства между налоговыми органами и налогоплательщиками, что также можно отнести к юридическим рискам.

Административно-управленческие риски. И международная практика, и отечественный опыт реализации мегапроектов свидетельствуют, что наиболее масштабные неудачи крупных проектов ГЧП — прямое следствие применения неэффективных управленческих схем. Реализуемые в России сегодня мегапроекты, а особенно наиболее сложные из них комплексные территориальные мегапроекты явно страдают неоптимальным управленческим устройством [15; 20].

Существует проблема множественности ответственных исполнителей со стороны государства. Так, например, мегапроект «Комплексное развитие Южной Якутии» — типичный пример, где со стороны государства действуют четыре отраслевых ответственных исполнителя и еще два куратора в лице МРР и МЭР РФ, а сам регион — Республика Саха (Якутия) является координатором.

Инициаторы проекта «Комплексное развитие Южной Якутии» (как, впрочем, и практически всех остальных комплексных мегапроектов, представляющих бизнес) разработали для государства схему «одного окна» — специальную управляющую компанию «Корпорация развития Южной Якутии», которая выступает единственной стороной инвестиционного соглашения с государством. Необходимо, чтобы и от государства был также один ответственный исполнитель, иначе реализация территориальных мегапроектов будет постоянно ингибироваться из-за отсутствия элементарной согласованности и ответственности в действиях многочисленных государственных контролирующих органов [12].

Ситуация для инициаторов и инвесторов мегапроектов осложняется еще и тем, что государство периодически совершает заметные

административные преобразования на федеральном уровне, передавая инвестиционные полномочия от одного министерства к другому, преобразовывая агентства в госкорпорации и т. п., что замедляет этап реализации в жизненном цикле мегапроекта.

Таким образом, мегапроекты сталкиваются с административно-управленческими рисками в результате неэффективного управления, множества ответственных исполнителей и др. Инвесторам важно, чтобы как от инициаторов, представляющих бизнес, так и от государства был один ответственный исполнитель (принцип «одного окна»).

Кроме того, как показали последние годы реализации российских территориальных мегапроектов нового уровня, первопричиной их ребрендинга может стать *риск компетенций*, проявившийся в крайней неточности прогнозов, что уже на предпроектной стадии может стать причиной отрицательного мультипликативного эффекта и привести к изменению всей концепции мегапроекта, значительно снизив его стратегический характер и значимость.

При реализации современных российских территориальных мегапроектов («Урал Промышленный — Урал Полярный», олимпийский мегапроект «Сочи-2014» и др.) проявились взаимосвязанные коррупционный (криминальный) и репутационный риски.

Коррупционный (криминальный) риск вызван влиянием теневой экономики, использованием теневых, нелегальных схем в финансово-хозяйственной деятельности.

Так, внушительный объем инвестиций в мегапроект «Урал Промышленный — Урал Полярный» (далее — УП—УП) в 200—500 млрд руб. привлек к нему внимание и структур с сомнительной репутацией (*репутационный риск*). Именно этим обстоятельством было вызвано создание Администрацией Президента РФ специальной ревизионной группы, которая составила резюме на потенциальных исполнителей проекта. Поскольку строительный заказ было поручено выполнять структурам и руководителям, уже зарекомендовавшим себя как неэффективные распорядители средств, это могло «обрушить» весь проект и отпугнуть инвесторов.

Особые вопросы у ревизоров проекта вызвало ПСМО «Ямалтрансстрой», ежегодно получавшее от ОАО «Газпром» на прокладку железной дороги более 0,5 млрд рублей. На эти деньги сдавалось лишь 7—10 км трассы в год. Несмотря на мощное финансирование, практически все из нескольких десятков предприятий, входивших в объединение, являлись должниками или банкротами, рабочим по году не

выплачивалась зарплата. Кредиторская задолженность самого «Ямалтрансстрой» достигла 1 млрд руб., из которых около 200 млн приходилось на долги перед государством.

Определяющую роль в борьбе этой структуры за контракт в рамках уральского мегапроекта сыграли родственно-коммерческие связи. В 2006 г. при помощи влиятельных лоббистов отец и сын В. Нак и И. Нак, которые в 2004 г. приобрели около 80 % акций ПСМО «Ямалтрансстрой», выиграли тендер на продолжение строительства железной дороги Обская — Бованенково. Контракт стоимостью почти 80 млрд руб. был заключен со спешно зарегистрированным в Москве ОАО «Ямалтрансстрой», которое не имело необходимых для выполнения заказа специалистов и техники. Субподрядчиком стало ОАО «Мостострой-13». Новый участок дороги протяженностью 260 км грозил превратиться в «золотой». Несложные расчеты показывают, что стоимость каждого километра дороги обойдется в 268 млн рублей. По мнению экспертов, смета была завышена минимум в 10 раз. По оценкам СМИ, семья Наков заработала на «откатах» 150 — 200 млн долларов.

Затем выяснилось, что хотя формально ПСМО «Ямалтрансстрой» работало на уральский мегапроект, однако с 2007 г. подконтрольное И. Наку ОАО «Нефтересурсы» постоянно участвовало в тендерах на право разработки участков полезных ископаемых, которые исследовались за бюджетные средства в рамках «УП — УП». Акционерное общество также пропагандировало идею строительства в тундре металлургических заводов, которые будут работать на местном сырье, что прямо противоречило идеологии уральского мегапроекта — привозить руду для загрузки заводов в Челябинской и Свердловской областях. Некоторыми экспертами высказывалось предположение, что «Нефтересурсы» выполняют «заказ» международных посредников — торговцев металлургическим сырьем, направленный против реализации проекта. Но более правдоподобной, по мнению авторов, представляется другая версия — эти участки в дальнейшем должны были стать предметом спекулятивных сделок.

В марте 2011 г. очевидные для экспертов и инвесторов финансовые нарушения заинтересовали правоохранительные структуры. Было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата чужого имущества) против гендиректоров ОАО «Мостострой-13» и ООО «Сигма». По материалам следствия, с сентября 2009 г. по март 2010 г. ими были присвоены по подложным договорам средства «Мостостроя-13», сумма ущерба составила порядка 844 млн руб., из которых 743 млн руб.

были легализованы через подставные компании. Возбуждение такого рода уголовных дел негативно влияет на привлекательность «УП — УП» для потенциальных инвесторов [15; 20].

Прикладной метод оценки крупномасштабных проектов «затраты — выгоды» (cost-benefit analysis)¹ — аналитическое ядро анализа систем и программного подхода к управлению их развитием. Метод предназначался для использования при анализе слабоструктуризованных проблем и оценки сравнительной ожидаемой эффективности альтернативных вариантов их разрешения в военном планировании, где риск и неопределенность имманентны самой сути военного дела. Идеи метода в разных модификациях получили широкое распространение при планировании новой техники и стратегическом планировании корпораций, в гражданской сфере вообще. К настоящему времени они стали элементом культуры административного управления и ведения бизнеса, методической базой современных средств компьютерной поддержки принятия сложных решений.

Как отмечают А.А. Кин, Е.Б. Кибалов, советская экономическая наука не смогла преодолеть «романтических устремлений к поиску оптимальных решений детерминистских экономико-математических моделей и адаптировать рабочие инструменты “вскрытия” неопределенности будущего — системный анализ и программный подход — к ведомственным реалиям “развитого социализма” вообще и к специфике обоснования крупномасштабных инвестиционных проектов в условиях неопределенности в частности» [9, с. 69].

Сегодня в экономике России методологические и методические проблемы учета фактора неопределенности при оценке крупномасштабных инвестиционных проектов, имевшие место в плановой экономике, не только не решены, но и, на наш взгляд, обострились. Например, в «Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция)» указанные проблемы обозначены, но пути их решения должным образом не прописаны. Между тем для документов такого рода, претендующих на роль стандартов, более естественными были бы исчерпывающие указания о приемах «вскрытия» неопределенности или, по крайней мере, о способах снижения ее уровня [13].

Нерешенным, как и в прежних советских методиках, остался вопрос о различении подходов к оценке эффективности «малых» и «крупномасштабных» инвестиционных проектов. Методика в этом вопросе четко не позиционирована, а практика оценки, как всякая практика, идет по наиболее простому пути: крупно-

масштабные инвестиционные проекты оцениваются по тем же формулам, что и малые проекты. Хотя очевидно, что в методологическом плане это нонсенс.

Общая культура проектирования, планирования и реализации мегапроектов остается недостаточной. Как подчеркивают Е.Б. Кибалов и А.А. Кин, «келейность и коммерциализация процедур обоснования проектов, ангажированность экспертного сообщества препятствуют объективной оценке инвестиционных проектов, а стремление сэкономить на этапах научных обоснований и опытно-экспериментальных проверок, где, собственно, и снимается основной слой неопределенности, приводят к авантурным решениям и непредсказуемым последствиям» [9, с. 71].

В этом плане первоочередными являются следующие мероприятия. Во-первых, все действующие нормативно-методические материалы, регламентирующие оценку крупномасштабных территориальных мегапроектов, должны быть сертифицированы на предмет отражения в них научно обоснованных способов учета неопределенности и рисков.

Во-вторых, при любой форме ГЧП регламентирующие материалы должны содержать четкие указания относительно методов выбора и оценки конфигурации механизмов реализации проектов и разделения рисков между бизнесом и государством.

В-третьих, критерии качества сертифицируемых материалов должны разрабатываться структурами РАН, равно как и создаваться органы, принимающие решения о выдаче сертификата на корпоративные методики.

Решение крупных технологических и иных задач или попытки реализации территориальных мегепроектов, как с экономической, так и с политической точки зрения, очень рискованны, отмечает И. Клебанов. Особенно для страны, в которой отсутствует четкая региональная политика, а макроэкономическое равновесие неустойчиво. «Для государства, пытающегося определить свое место в иерархии современной экономики, настроить свои отношения с бизнесом и с регионами, пройти по тонкой грани между грубым администрированием и гибким рыночным управлением, усилить, наконец, свое влияние внутри страны и за ее пределами, любой необдуманный крупномасштабный проект может принести огромный, даже непоправимый, ущерб» [10].

В современной экономике мегапроекты, как правило, являются очень рискованными. Именно поэтому, при тщательном анализе их привлекательности (не только коммерческой), их продвижение во многих случаях основыва-

ется на консолидации ресурсов (не только финансовых, но и интеллектуальных) различных стран. Создаются разнообразные, например, технологические альянсы, которые позволяют объединить ресурсы, избежать дублирования и снизить риск [16; 17; 28].

Одной из причин экономического кризиса в России в начале 80-х гг. XX в. стало, по мнению многих зарубежных специалистов, увеличение количества крупномасштабных проектов, таких, например, как дальнейшее освоение сырьевых ресурсов труднодоступных районов Сибири и Дальнего Востока в условиях значительного падения цен на мировом нефтяном рынке. Такова была технологическая парадигма советского периода [10].

Между тем государство не всегда в состоянии оценить коммерческую привлекательность многих инновационных проектов, в первую очередь из-за высоких компетентностных рисков. В условиях отсутствия риска собственным капиталом оно не способно правильно рассчитать стратегию и тактику, оценить рынок и построить гибкое управление процессом внедрения технологии в производство. Поэтому во многих странах первоначальной задачей является формулировка государственной экономической стратегии, создание соответствующей среды для частного бизнеса, а затем косвенное поощрение компаний, участвующих в реализации национальной стратегии, стратегии регионального (пространственного развития), и тем самым выполняющих и общую цель — скрепления единого экономического пространства.

Примечание

¹ В отечественной и переводной иностранной литературе этот метод называется по-разному: «стоимость — эффективность», «функционально-стоимостный анализ», «затраты — выгоды».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян, А. Г. Региональные комплексные программы (на примере Сибири) / А. Г. Аганбегян, Р. И. Шнипер // Программно-целевое управление социалистическим производством. Вопросы теории и практики / редкол. А. Г. Аганбегян, Б. З. Мильнер, Г. Х. Попов. — М.: Экономика, 1980. — С. 83—110.
2. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе: пер. с англ. / М. Блауг. — 4-е изд. — М.: Дело Лтд, 1994. — 720 с.
3. Галкин, И. Мегапроекты возвращаются. В другие времена и при иной экономике / И. Галкин // Российская бизнес-газета. — 2006. — № 555 от 16 мая.
4. Дорогие «чудеса света». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/pressa2002/?show=10183&selected=1334&PHPSESSID>

=0e98bce74b (дата обращения: 12.12.2013). — Загл. с экрана.

5. Жуков, А. Н. Стратегическое программирование социально-экономического развития макрорегиона: потенциал мегапроектирования / А. Н. Жуков // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. — 2011. — № 4, ч. 2. — С. 119–126.

6. Жуков, А. Н. Стратегия социально-экономического развития округа в формате территориального мегапроекта / А. Н. Жуков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 23. — С. 34–38.

7. Жуков, А. Н. Возможности и ограничения территориального мегапроектирования в современной России / А. Н. Жуков // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 41. — С. 33–39.

8. Иншаков, О. В. Потенциал эволюционного подхода в стратегическом менеджменте мезотерриториальных систем / О. В. Иншаков // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: ежегодник. Вып. 12. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. — С. 111–126.

9. Кибалов, Е. Б. Проблема учета фактора неопределенности при оценке ожидаемой эффективности крупномасштабных инвестиционных проектов / Е. Б. Кибалов, А. А. Кин // Регион: экономика и социология. — 2007. — № 3. — С. 69–71.

10. Критическая технология (Интервью с заместителем председателя правительства И. Клебановым) // Эксперт. — 2002. — № 1–2. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.innovrussia.ru/Torical002.html> (дата обращения: 13.09.2013). — Загл. с экрана.

11. Мегапроекты подороже терроризма будут. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.realtimg.com/cgi-bin/archive.cgi?action=article&part=interes&num=128> (дата обращения: 23.01.2013). — Загл. с экрана.

12. Мегапроекты и риск: анатомия амбиций. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://sos-yuntolovo.spb.ru/activity/ifi/vp_1.htm/ (дата обращения: 14.09.2013). — Загл. с экрана.

13. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: (Вторая редакция) / М-во экон. РФ, М-во финансов РФ, ГК по стр-ву, архит. и жил. политике; рук. авт. кол.: В. В. Косов, В. Н. Лившиц, А. Г. Шахназаров. — М.: Экономика, 2009. — 421 с.

14. Митрофанова, И. В. Разработка стратегии развития Южного макрорегиона в формате мегапроекта / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. — 2010. — № 2. — С. 13.

15. Митрофанова, И. В. Проблемы Уральского территориального мегапроекта / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Общество и экономика. — 2012. — № 9. — С. 128–154.

16. Митрофанова, И. В. Мегапроекты как инструмент стратегического территориального менеджмента / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 3 (21). — С. 74–85.

17. Митрофанова, И. В. Мегапроекты в системе стратегического территориального менеджмента современной России / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2012. — № 3. — С. 147–153.

18. Митрофанова, И. В. Потенциал мегапроектирования в стратегическом управлении развитием территорий / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Экономика устойчивого развития. — 2012. — № 10. — С. 69–79.

19. Митрофанова, И. В. Стратегический территориальный менеджмент: возрождение мегапроектов / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 22. — С. 2–10.

20. Митрофанова, И. В. Ребрендинг и риски мегапроекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 11. — С. 2–13.

21. Митрофанова, И. В. Трансформация роли и видов целевых программ развития территории / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков // Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы. — Вып. 13. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 182–197.

22. Определение типологии проектов и бизнес-планирование // Финвест ЛТД. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.biz-plan.ru/metod7.php> (дата обращения: 14.08.2012). — Загл. с экрана.

23. Шнипер, Р. И. Регион: экономические методы управления / Р. И. Шнипер. — Новосибирск: Наука, 1991. — 308 с.

24. Шпехт, Р. Д. Зачем и каким образом создается модель / Р. Д. Шпехт // Квейд, Э. Анализ сложных систем / Э. Квейд; пер. с англ. И. М. Верещагина [и др.]; под ред. И. И. Ануреева и И. М. Верещагина. — М.: Сов. радио, 1969. — 520 с.

25. Штыров, В. Российские мегапроекты: анализ и управление рисками / В. Штыров. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://ilin-yakutsk.narod.ru/time_yak/2009-1/04.htm (дата обращения: 21.09.2013). — Загл. с экрана.

26. Mitrofanova, I. Elaboration of the macroregion development strategy in the territorial megaproject format: prospects for Russia / I. Mitrofanova // Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. — 2011. — Vol. 5, Part 2. — P. 50–57.

27. Mitrofanova, I. Analysis of the experience of the realization and the assessment of the contemporary prospects of the modernization and territorial megaprojects in Russia / I. Mitrofanova, V. Batmanova, A. Zhukov // Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. — 2012. — Vol. 6, pt. 2. — P. 142–152.

28. Mitrofanova, I. V. Megaprojects as constructors of the mesoeconomic spaces of the contemporary Russia: potential, risks, trends and prospects / I. V. Mitrofanova, I. A. Mitrofanova // Journal of International Scientific Publications: Economy & Business. — 2013. — Vol. 7, pt. 2. — P. 167–177.

УСЛОВИЯ, РЕСУРСЫ, ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

УДК 332.142.2
ББК 65.05

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА РОССИИ: ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ В ЦЕЛЯХ СНИЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ

Л.Г. Матвеева

Общероссийский вектор модернизации промышленного производства на основе инноваций, проецируясь на мезоуровень, значительно корректируется под воздействием региональных детерминант, которые существенно дифференцируются не только в масштабах страны, но и отдельных регионов. Применение адаптивного инструментария оценки и управления потенциалом промышленных инноваций, учитывающего сложившиеся в конкретном регионе тенденции, является одним из инструментов снижения региональной асимметрии и достижения сбалансированного модернизационного развития промышленного производства.

Ключевые слова: промышленность региона, научно-инновационный потенциал, региональная асимметрия, сбалансированное развитие, региональная инновационная политика.

INNOVATIVE POTENTIAL OF THE PRODUCTION OF SOUTH OF RUSSIA: INSTRUMENTS OF MANAGEMENT FOR THE PURPOSE OF THE LOWERING OF THE REGIONAL ASYMMETRY

L.G. Matveeva

The all-Russian vector of modernization of industrial production on the basis of innovations, being projected on mesolevel, the determinant

which is significantly differentiated not only in country scales, but also certain regions is considerably corrected under the influence of a region. Use of adaptive tools of the assessment and management of the potential of the industrial innovations, taking into consideration the tendencies which have been developed in the concrete region, is one of the instruments of lowering of regional asymmetry and achievement of the balanced modernizational development of industrial production.

Key words: region industry, scientific and innovative potential, regional asymmetry, balanced development, regional innovative policy.

Императивы устойчивого развития модернизационных процессов в российской промышленности инициируют необходимость формирования новой структуры системы ведения промышленного производства, где ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности становится инновационно ориентированная модель функционирования бизнеса. В настоящее время возможности инерционного развития промышленности не только исчерпаны, но и неперспективны в силу принципиальных изменений в структуре мирового хозяйства, характеризующихся тем, что все большую долю ВВП развитых и развивающихся стран занимает продукция наукоемких технологий. Это требует систематического эффективного управления инновационным потенциалом промышленности в направлении достижения баланса проводимых модернизационных преобразований на всех ее уровнях.

В последние годы в России в области обоснования механизмов устойчивого развития и модернизации промышленного сектора экономики, стратегического обновления технологической базы на основе инноваций, адекватной оценки промышленного потенциала, в том числе инновационного, появилось много публикаций. Промышленные инновации, научный потенциал промышленной сферы и проблемы управления ими выступают в качестве ключевого элемента экономических исследований многих

авторов. Закрепление инновационных детерминант в модернизации промышленного производства в сопряжении с необходимостью его сбалансированного развития, как в народнохозяйственном контексте, так и в разрезе отдельных регионов, стало причиной смещения исследовательских акцентов с уровня отдельного промышленного предприятия на региональный. Это объясняется тем, что регион как экономическая система, во-первых, является более мобильным по сравнению с макроэкономикой с точки зрения практического осуществления стратегических планов и программ развития промышленности; во-вторых, именно на уровне отдельного региона возможна и эффективна координация государственных усилий по регулированию и управлению инновационной деятельностью отдельных промышленных предприятий, локализующих свою деятельность на его территории [1 – 3; 6; 7], в направлении синхронизированного развития промышленной научно-технической и инновационной политики [4; 5]. Кроме того, в пользу регионального аспекта изучения проблемы управления промышленными инновациями свидетельствует тот факт, что остаются востребованными исследования и разработки, посвященные совершенствованию управленческого инструментария, направленного на снижение характерной для российского экономического пространства региональной асимметрии социально-экономического развития.

В данном контексте следует отметить, что достижение сбалансированного устойчивого развития промышленности как системы, состоящей из подсистем разных иерархических уровней (макропромышленность в целом, мезорегиональные промышленные секторы, а также промышленные корпорации и микроотдельные промышленные предприятия), в современных условиях все более обеспечивается не только высокой скоростью и масштабами внедрения промышленных инноваций, но и их тесным сопряжением с ресурсами отраслевой науки. Именно научно-инновационный потенциал промышленности выступает в качестве основной «движущей силы» экономического роста отрасли, ее модернизации, причем от его наращивания и использования зависит не только интенсивность этих процессов, но и их вектор. При этом концептуальные основы управления потенциалом промышленных инноваций как ключевого фактора и условия модернизации отрасли, хотя и отражают общеэкономические тенденции и императивы, тем не менее, формируются под воздействием особенностей производства конкретной промышленной сферы региона [11].

Соответственно, в фокус исследования инновационной проблематики в промышленной сфере попадают также вопросы разработки концептуальных положений и прикладного инструментария поддержки принятия решений в рамках многоуровневой системы структурно-функционального управления использованием и наращиванием научно-инновационного потенциала промышленности для активизации модернизационных преобразований, включая развитие информационного инструментария поддержки принятия инновационно ориентированных решений. Причем речь идет в данном контексте о многоаспектном исследовании этой проблемы: о создании единого информационного пространства инновационных процессов в промышленном секторе экономики страны (макроуровень); о формировании единого регионального информационного пространства проектов инновационного характера в промышленности конкретного региона (мезоуровень); о совершенствовании информационной среды поддержки принятия инновационных решений и, соответственно, поддержки процесса реализации проектов по созданию либо внедрению промышленных инноваций на предприятии (микроуровень).

При этом важно акцентировать, что основным «носителем» потенциала промышленных инноваций является микроуровень, то есть отдельное промышленное предприятие, где, во-первых, принципиально возможно и производство инноваций, но главное — очевидно их осуществление (заимствование, внедрение, распространение, скоринг и диффузия инноваций). Следовательно, вопрос информационно-инструментарной поддержки промышленных инноваций в практико-прикладном аспекте, пожалуй, является особенно важным для отдельных предприятий, но не умаляет ее значения на других уровнях промышленного производства.

Оценка состояния и использования инновационного потенциала отдельных промышленных предприятий региона, целеориентированное взаимодействие которых в рамках достижения общерегиональных целей модернизации промышленного комплекса территории на основе инноваций способствует достижению синергетического и мультипликативного эффекта, представляет сложную комплексную задачу. Это объясняется тем, что требуется оценить не только величину указанного потенциала, но также степень его вовлеченности в воспроизводственные процессы, а также эффективность использования, проявляющуюся в масштабах участия промышленных инноваций в результирующих показателях деятельности предприятий. Иными словами, — оценить со-

стояние и эффективность использования наличного потенциала промышленных инноваций как динамической характеристики производственной системы региона, что отражает современное понимание его сущности, содержания и функционального назначения.

Поэтому научно обоснованная концепция управления научным и инновационным потенциалом региональной промышленности базируется на системном подходе к исследованию его структуры. При этом следует исходить из оценки места и роли научных исследований и инноваций в процессе расширенного регионального воспроизводства как элементов единого научно-инновационного цикла. Только комплексное рассмотрение всех аспектов научной и инновационной деятельности и необходимых для ее осуществления ресурсов — трудовых, материальных, информационных, финансовых и других — во взаимосвязи с результатами их использования позволяет получить объективное представление о тенденциях научно-технического развития промышленного сектора региона. Кроме того, в рамках такого подхода появляется возможность интеграции разрозненных, иногда не сопоставимых между собой показателей, характеризующих отдельные элементы научно-инновационного цикла региональной промышленности, в целостную систему.

Учитывая сказанное, в составе системы показателей научного и инновационного потенциала промышленного сектора региональной экономики представляется целесообразным сформировать в относительно обособленные группы характеристики *ресурсов* и *результатов* научных исследований и инновационной деятельности промышленных предприятий региона, а также их внутренних и внешних связей [8]. В соответствии с этим всю совокупность статистических показателей, характеризующих состояние научного и инновационного потенциала промышленности региона, можно представить следующим образом.

Ресурсная компонента: численность персонала, занятого в научных исследованиях и разработках; численность аспирантов и докторантов; численность промышленных организаций, имеющих подразделения НИР и ОКР; затраты на технологические инновации.

Результативная компонента: инновационная активность промышленных предприятий; объем научно-технических работ, выполненных промышленными предприятиями своими силами; число созданных передовых технологий; объем производимых инновационных товаров и услуг.

Проведем оценку данных показателей инновационного потенциала промышленности для регионов ЮФО (см. рис. 1).

Анализ показателей кадров науки в ЮФО (см. рис. 1, 2) позволяет сделать вывод о наличии устойчивой тенденции к снижению занятых в научных исследованиях и разработках. Одновременно следует отметить, что в разрезе отдельных регионов ЮФО из всей численности занятых в научных исследованиях 58 % приходится на Ростовскую область, тогда как на Республики Калмыкия, Адыгея только по 1 %, на Астраханскую область — 4 %.

Достаточно сложная ситуация характерна и для системы подготовки кадров для научно-исследовательской деятельности в промышленной сфере регионов округа (см. рис. 3, 4).

Несмотря на имеющийся в последние 10 лет рост численности аспирантов и докторантов в регионах ЮФО, показатели выпуска с защитой диссертации остаются в целом на одном уровне. Отмеченное снижение научного потенциала отражается на результативных показателях инновационной деятельности промышленных предприятий всего региона (см. рис. 5).

Из данных рисунка 6 видно, что некоторый рост инновационной активности в ЮФО произошел только в Республике Адыгея и в последние годы в Республике Калмыкия.

При этом на фоне других регионов Республика Калмыкия отличается наиболее низким значением данного показателя. В Астраханской области после наметившегося в 2006 — 2009 гг. роста инновационной активности произошло резкое снижение данного показателя. Волгоградская и Ростовская области на протяжении последних 10 лет демонстрируют устойчивую тенденцию к снижению уровня инновационной активности предприятий и организаций.

Одновременно императивы инновационного развития и необходимость реализации проектов модернизации в целях повышения уровня конкурентоспособности регионов и отдельных хозяйствующих субъектов побуждают промышленные предприятия к осуществлению инвестиций в инновации. Так, в целом в России в последние годы возросло количество промышленных предприятий, имеющих в своей структуре подразделения, занимающиеся научными исследованиями и разработками (см. рис. 7).

Значительными темпами увеличивается объем научно-технических работ, выполненных самостоятельно промышленными предприятиями (см. рис. 8), причем в большей степени данные исследования приходятся на обрабатывающие производства (11,6 % обрабатывающих производств осуществляют научные исследования и разработки).

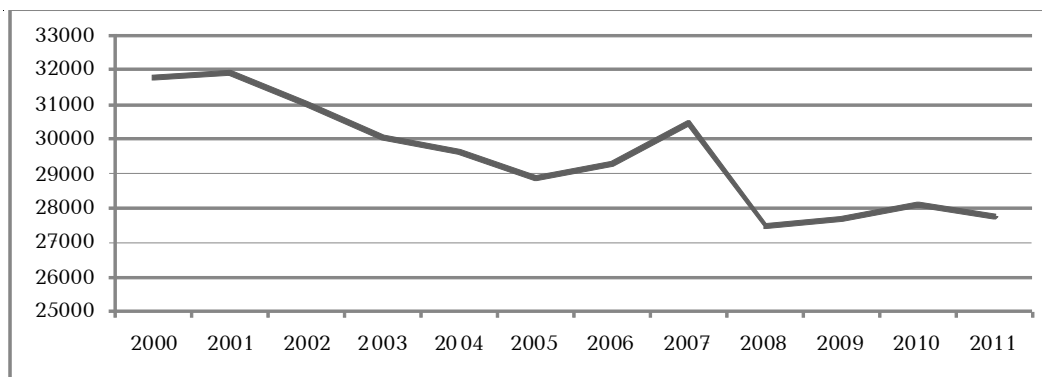

Рис. 1. Численность персонала, занятого в научных исследованиях и разработках, в ЮФО, чел.

Примечание. Составлено автором по: [10].

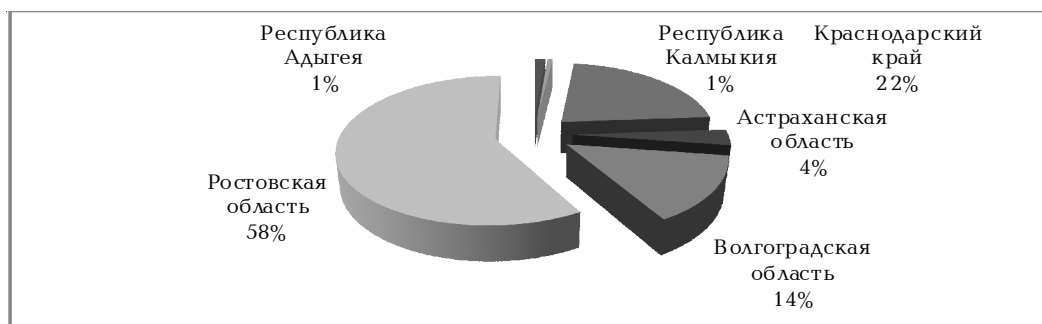

Рис. 2. Доля занятых в научных исследованиях и разработках в регионах ЮФО, %

Примечание. Составлено автором по: [10].

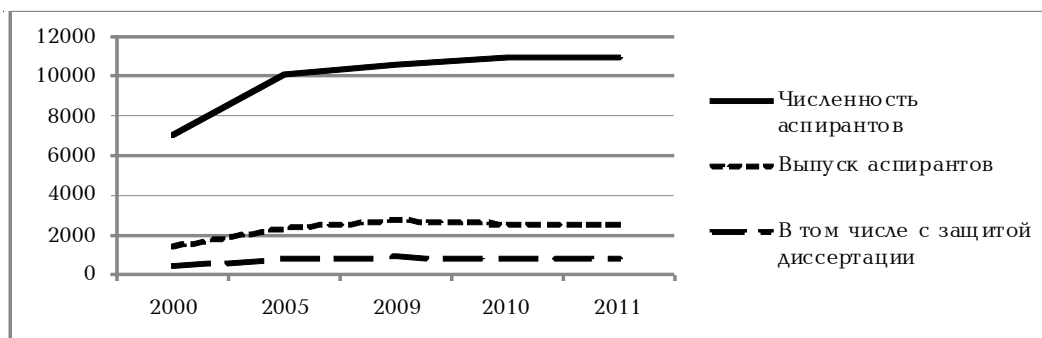

Рис. 3. Численность обучающихся в аспирантуре в ЮФО, чел.

Примечание. Составлено автором по: [10].

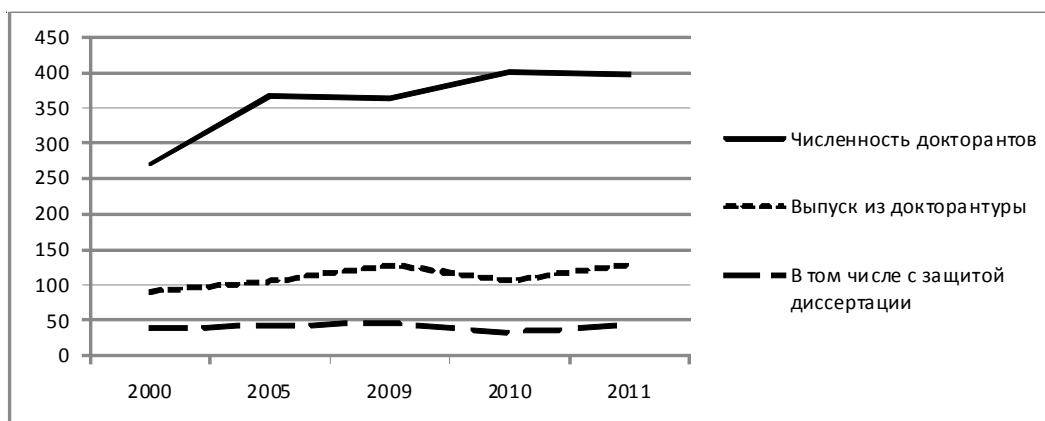

Рис. 4. Численность обучающихся в докторантуре в ЮФО, чел.

Примечание. Составлено автором по: [10].

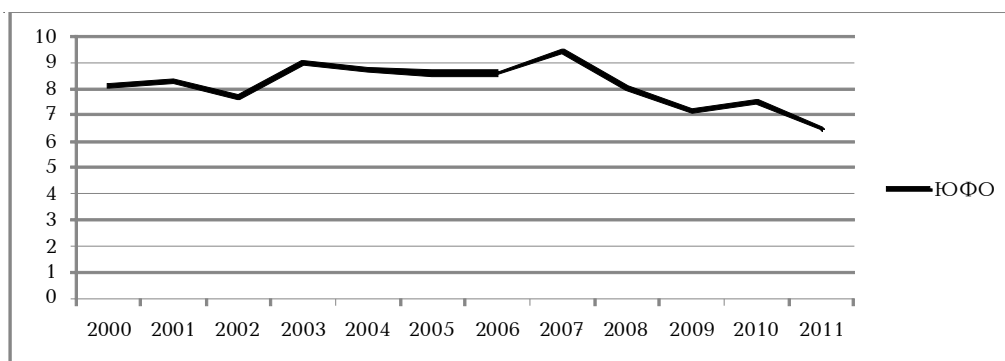

Рис. 5. Инновационная активность промышленных предприятий (организаций) в ЮФО, %
Примечание. Составлено автором по: [10].

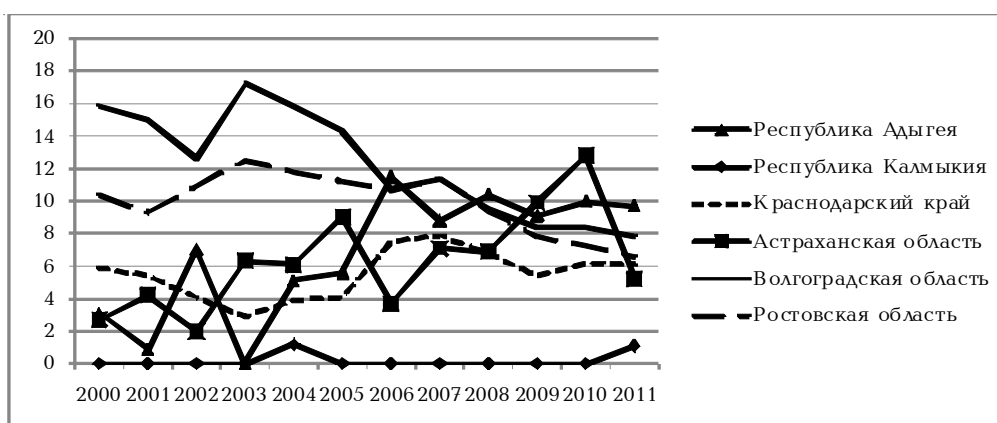

Рис. 6. Инновационная активность организаций в регионах ЮФО, %
Примечание. Составлено автором по: [10].

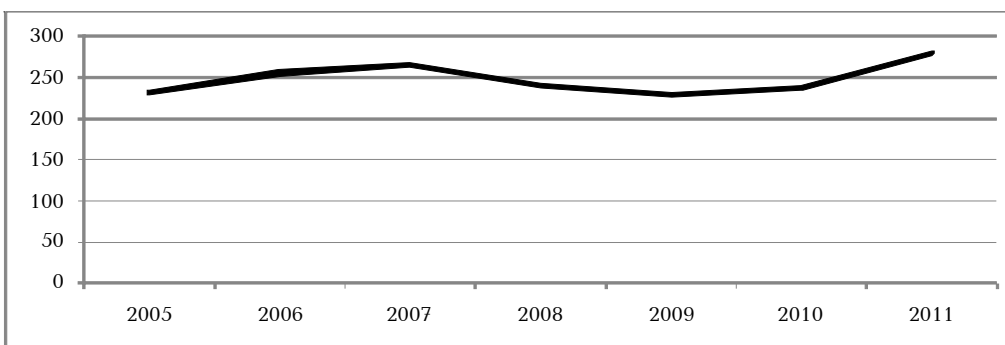

Рис. 7. Число промышленных организаций, имеющих подразделения НИР и ОКР, ед.
Примечание. Составлено автором по: [10].

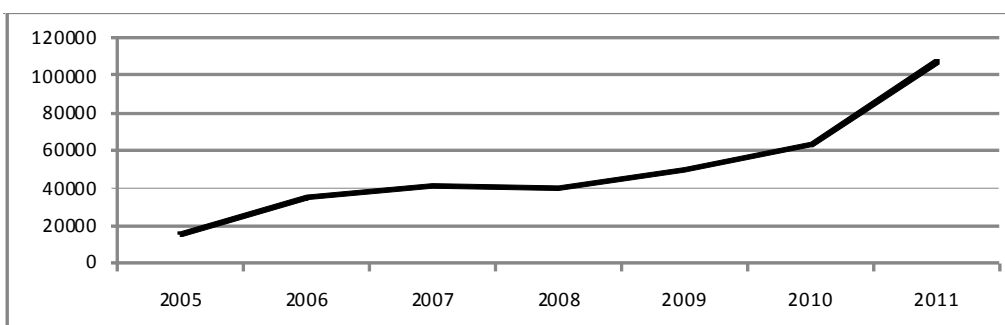

Рис. 8. Объем научно-технических работ, выполненных промышленными предприятиями своими силами, млн руб.

Примечание. Составлено автором по: [10].

Как показывают результаты анализа, за последние 10 лет величина внутренних затрат на технологические инновации в ЮФО и на проведение научных исследований и разработок выросла более чем в 8 раз (см. рис. 9, 10). При этом большая часть затрат ориентируется на выполнение научно-прикладных разработок, о чем свидетельствуют данные рисунка 11, приведенные для Ростовской области.

Наряду с проведением собственных исследований и разработок предприятия и организации Ростовской области ориентируются на заимствование новых технологий, реализацию модернизационных проектов на основе приобретения нового оборудования (см. рис. 12).

Об этом же свидетельствует сопоставление данных о количестве созданных и используемых передовых технологий (см. рис. 13, 14), показатели по которым отличаются между собой в сотни раз, что практически подтверждает мнение академика В.М. Полтеровича о целесообразности для российской промышленности в современных экономических условиях не производства собственных, а заимствования имеющихся на мировых рынках промышленных инноваций, причем не только технологических, но и продуктовых. По его мнению, развивающаяся страна имеет обозначаемое данным тезисом преимущество перед развитыми странами, поскольку этот путь сопряжен с меньшими затратами, чем создание новых технологий [9].

Как наглядно показано на рисунке 15, в разрезе отдельных регионов наблюдается существенная дифференциация в уровне использования передовых технологий, что отражает естественную асимметрию в уровнях их совокупного экономического потенциала.

Примечательно, что для регионов, отличающихся низкими показателями социально-экономического развития (Республики Калмыкия и Адыгея, Астраханская область), характерна устойчивая динамика роста отдельных составляющих инновационного потенциала, в том числе и количества используемых передовых технологий.

В то время как для Волгоградской области и Краснодарского края после периода значительного роста показателей инновационной активности в период 2003–2007 гг. в последнее время наметился спад. Относительно равномерно идет увеличение числа используемых новых технологий в Ростовской области, что в целом позволило к 2011 г. оказаться ей на первом месте по уровню данного показателя в макрорегионе.

Результативная составляющая инновационного потенциала регионов ЮФО в целом

отражает общую тенденцию его снижения в 2011 г. (см. рис. 16), что подтверждает отмеченный выше вывод о том, что к 2010 г. возможности экстенсивного роста промышленности были исчерпаны и в настоящее время необходим качественно новый рост инновационного потенциала отечественной промышленности.

Таким образом, приведенные показатели в своей совокупности обеспечивают комплексную оценку масштабов, состава и динамики научного и инновационного потенциала регионального промышленного комплекса в их органическом единстве. Это объясняется отмеченным выше ключевым свойством научно-инновационного потенциала промышленности — динамичностью, что обуславливает необходимость управления его наращиванием и развитием с целью, во-первых, придания потенциалу нужного направления, во-вторых, достижения стабильности такого целеориентированного развития. При этом под стабильностью развития в исследуемом контексте понимается наличие устойчивой тенденции перехода научно-инновационного потенциала региональной промышленности из одного состояния в другое, более высокого уровня. Описанный переход возможен на основе идентификации соотношения между состоянием отдельных элементов инновационного потенциала региональной промышленности и его интегральной величиной, решение которой представляется эффективным на основе использования матрицы, показанной на рисунке 16.

Значения оценок отдельных составляющих и интегральной величины научно-инновационного потенциала промышленности могут попасть либо в один из четырех квадрантов матрицы, либо в одно из четырех «чистых» состояний, характеризующих вектор, по которому происходит изменение научно-инновационного потенциала промышленного сектора региона. Из «чистых» состояний позитивными являются два — повышение и развитие, их антиподы — понижение и деградация, безусловно, отрицательны. Однако попадание в «чистые» состояния, хотя и возможно теоретически, практически представляется маловероятным — скорее всего, потенциал промышленных инноваций территории будет занимать некоторое промежуточное положение, поэтому представляется необходимым отдельно проанализировать значения отдельных его компонент с точки зрения перспектив реализации и наращивания интегрального значения потенциала. Характеристика показателей научно-инновационного потенциала промышленной сферы региона по выделенным признакам представлена в таблице 1.

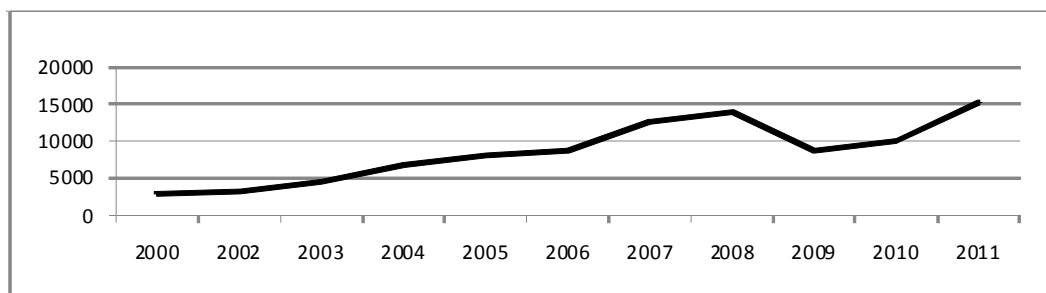

Рис. 9. Затраты на технологические инновации в ЮФО, млн руб.

Примечание. Составлено автором по: [10].

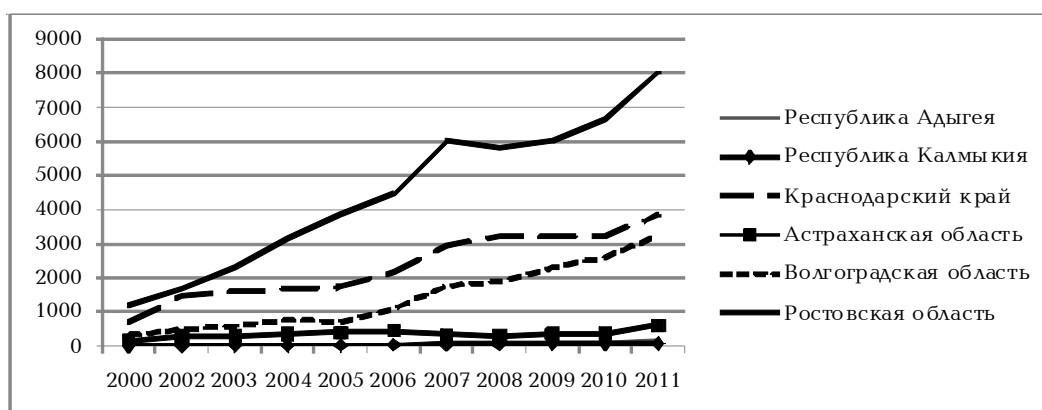

Рис. 10. Внутренние затраты на научные исследования и разработки в регионах ЮФО, млн руб.

Примечание. Составлено автором по: [10].

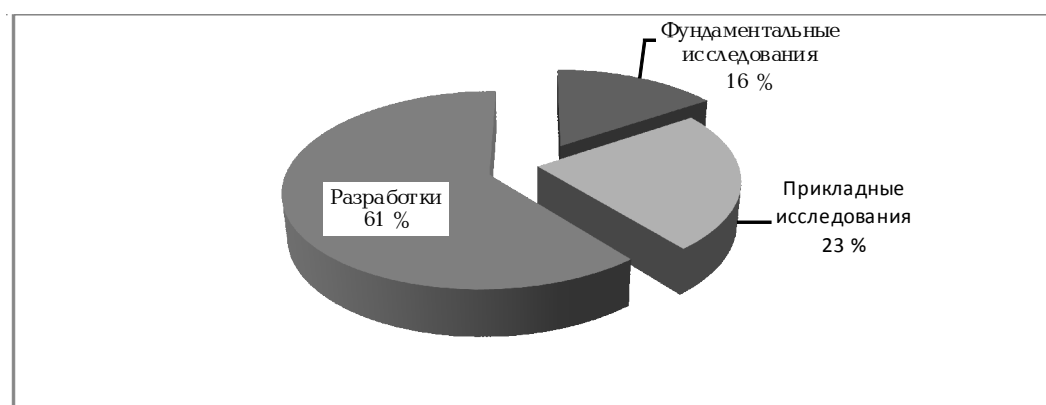

Рис. 11. Соотношение затрат на научные исследования и разработки в Ростовской области в 2011 г., %

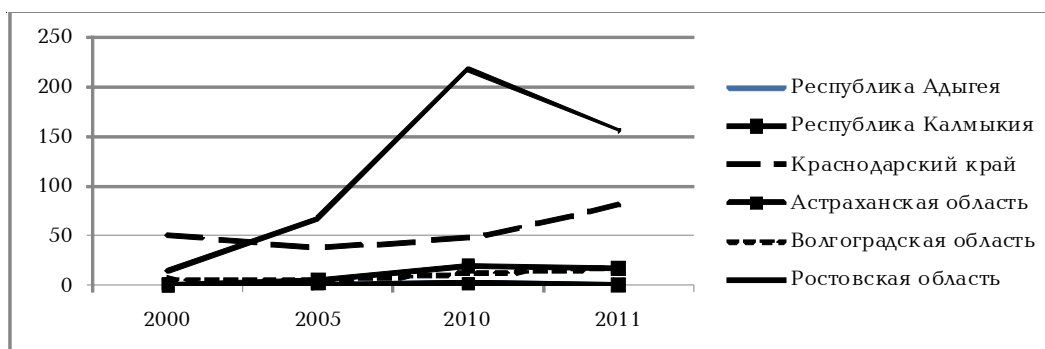

Рис. 12. Затраты на приобретение оборудования в регионах ЮФО, млн руб.

Примечание. Составлено автором по: [10].

Рис. 13. Число созданных передовых технологий в ЮФО, ед.

Примечание. Составлено автором по: [10].

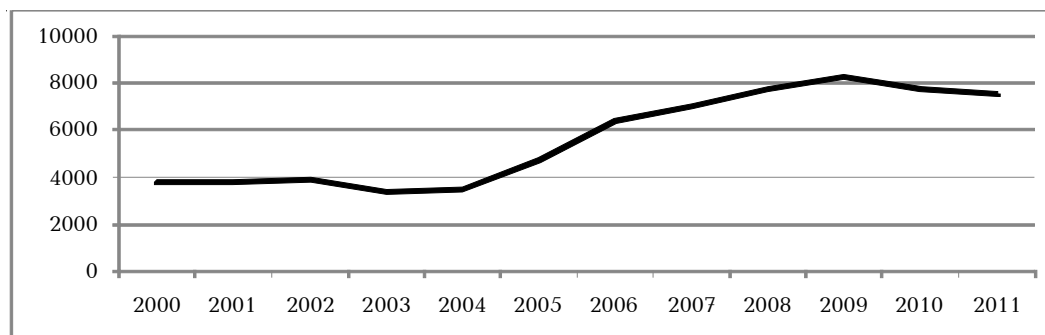

Рис. 14. Число используемых передовых технологий в ЮФО, ед.

Примечание. Составлено автором по: [10].

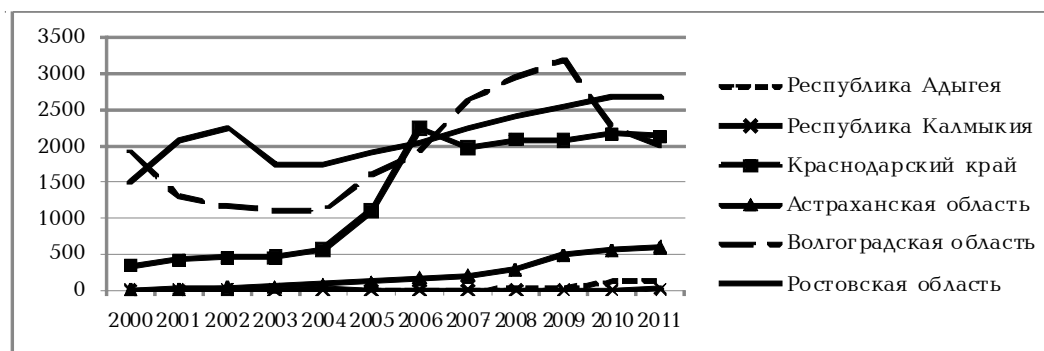

Рис. 15. Число используемых передовых технологий в регионах ЮФО, ед.

Примечание. Составлено автором по: [10].

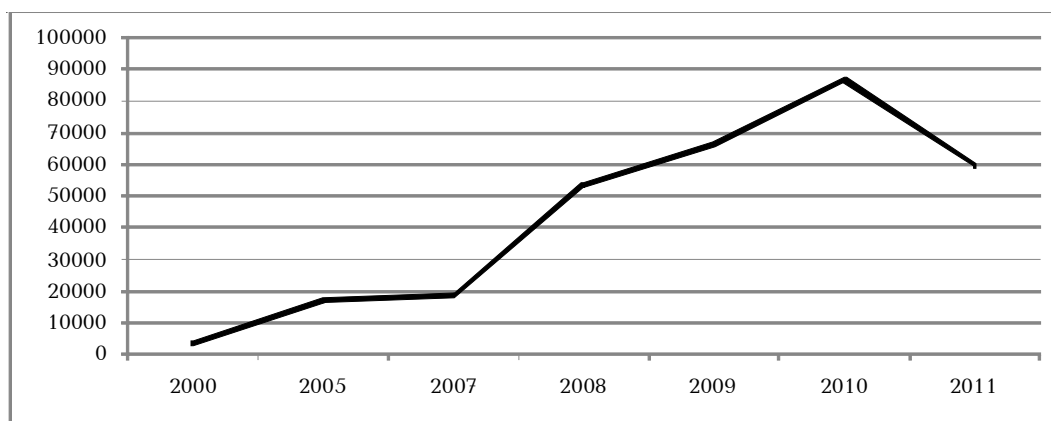

Рис. 16. Объем производимых инновационных товаров (услуг) в ЮФО, млн руб.

Примечание. Составлено автором по: [10].

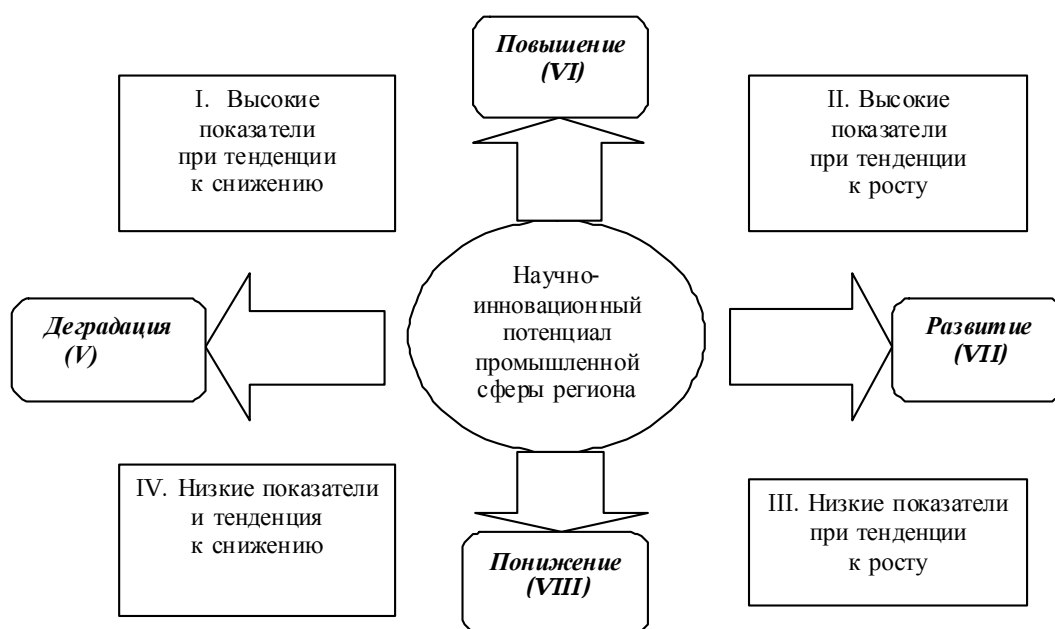

Рис. 17. Матрица анализа состояния и вектора научно-инновационного потенциала промышленного комплекса региона

Примечание. Составлено автором.

Аналогичный анализ можно провести также в разрезе территорий по каждому региону, входящему в состав ЮФО. При этом в зависимости от сочетания отдельных динамических характеристик потенциала промышленных инноваций в регионе можно выделить следующие типы региональной политики: поддержание сложившихся в промышленном секторе региона инновационных тенденций; модернизацию промышленного производства на основе внедрения инноваций; обновление технологической базы промышленной сферы региона.

Иными словами, предложенный подход позволяет не только оценить значение иннова-

ционного и научного потенциала промышленности региона на текущий момент времени, но и определить основные целевые установки региональных политик (инновационных, инвестиционных и пр.), задающих направленность сбалансированному промышленному развитию.

Однако используемые здесь показатели являются абсолютными, что не дает возможности сравнения инновационных процессов в разрезе отдельных промышленных предприятий, отраслей региональной промышленности, видов экономической деятельности, регионов. В этой связи отметим, что для характеристики уровня изобретательской активности, ин-

**Результаты сравнительного анализа показателей состояния и развития
инновационного потенциала промышленности ряда регионов ЮФО**

	Инновационная активность предприятий	Затраты на технологические инновации	Число используемых передовых технологий	Число используемых передовых технологий промышленными предприятиями своими силами	Доля производимых инновационных товаров и услуг	Число созданных передовых технологий	Численность аспирантов и докторантов	Число промышленных организаций, имеющих подразделения НИР и ОКР
Республика Калмыкия	- ↑	- ↑	- ↑	- ↓	Нет	Нет	- ↑	- ↓
Республика Адыгея	- ↑	- ↑	- ↑	- ↑	- ↑	Нет	- ↑	- ↑
Астраханская область	+ ↓	- ↑	- ↑	- ↑	- ↑	- ↓	- ↑	-
Волгоградская область	+ ↓	- ↑	+ ↓	+ ↑	+ ↑	- ↑	+ ↓	+ ↓
Ростовская область	+ ↓	+ ↑	+ ↑	+ ↑	+ ↑	+ ↓	+ ↓	+ ↓
Краснодарский край	- ↑	- ↑	+ ↑	+ ↑	+ ↓	+ ↑	+ ↓	+ ↑

Примечание. Составлено автором. Знаки «+» и «-» показывают соответственно низкое и высокое значение показателя по отношению к среднему в регионе, стрелки ↓ и ↑ — соответственно тенденции роста или снижения данного показателя.

тенсивности распространения национальных научно-технических достижений, степени технологической зависимости страны (в статистике) применяются следующие относительные показатели:

— коэффициент изобретательской активности, определяемый как число патентных заявок на изобретения, поданных отечественными заявителями в патентное ведомство страны, в расчете на 10 тыс. человек;

— коэффициент самообеспеченности передовыми технологиями — отношение числа созданных передовых технологий в регионе к общему числу используемых передовых технологий;

— удельный вес затрат на приобретение оборудования в общей величине затрат на научно-исследовательскую работу;

— объем инновационных товаров (работ, услуг), приходящихся на один рубль затрат на технологические инновации;

— удельный вес инновационной продукции в общем объеме производства.

Безусловно, перечень данных показателей не является исчерпывающим и может быть дополнен в соответствии с целями исследования. Расчет отдельных относительных показателей, характеризующих уровень развития инновационного потенциала промышленности в регионах ЮФО, представлен в таблице 2.

Как видно из данных таблицы 2, имея достаточно высокий научно-технический потенциал, регионы ЮФО характеризуются недостаточным уровнем реализации промышленных инноваций. На сегодняшний день чуть более 6 % от общего количества крупных и средних предприятий проявляют инновационную активность, а доля инновационной продукции в среднем по региону составляет лишь 3,7 % в общем объеме промышленной продукции. В немалой степени это объясняется тем, что область не располагает достаточно эффективной региональ-

**Относительные показатели развития инновационного потенциала промышленности
в регионах ЮФО в 2011 г.**

Регион	Показатель				
	Коэффициент изобретательской активности	Коэффициент самообеспеченности передовыми технологиями	Удельный вес затрат на оборудование в общей величине затрат на НИР	Объем инновационных товаров (работ, услуг), приходящихся на 1 рубль затрат на технологические инновации	Удельный вес инновационной продукции в общем объеме производства, %
Республика Адыгея	—	—	0,006 152	0,095 474	6,4
Республика Калмыкия	—	—	0,006 188	—	—
Краснодарский край	0,03	0,0075	0,022 327	0,971 413	0,8
Астраханская область	0,06	0,0030	0,031 905	0,451 369	2,8
Волгоградская область	—	—	0,005 539	0,192 698	5,2
Ростовская область	0,03	0,0049	0,019 822	0,194 562	4,9

Примечание. Составлено автором.

ной инновационной системой (РИС), обеспечивающей трансформацию научных идей в технологии и продукты и позволяющей концентрировать инвестиционные и интеллектуальные ресурсы на прорывных направлениях промышленных инноваций. Создание действенной РИС в Ростовской области — это самостоятельная научная и практическая проблема, однако следует отметить, что важнейшим условием ее становления и развития является формирование в регионе единого информационного пространства инновационной деятельности и целеориентированной системы институтов развития, способных стимулировать и поддерживать инновационные инициативы промышленных предприятий региона.

Таким образом, поскольку проблемы эффективного использования и наращивания научно-инновационного потенциала промышленности приобрели к настоящему времени ярко выраженную «территориальную локализацию», предлагаемые инструменты управления ориентированы на максимально полный учет региональной специфики. Например, низкие показатели инновационного развития производства, а по некоторым показателям — полное их отсутствие, характерные для Республики Калмыкия, Астраханской области, Республики Адыгея, свидетельствуют о том, что фактически меры промышленной политики в данных регионах должны быть тесно увязаны с решением задач оздоровления депрессивных территорий, со все-

ми вытекающими социально-экономическими и социально-политическими последствиями.

В работе Л.Н. Рошиной предложен алгоритм последовательного наращивания размеров научно-инновационного потенциала промышленности, показанный на рисунке 17 [11]. При этом отмечается следующее: несмотря на то что разработка программ, как правило, идет сначала снизу вверх, а затем сверху вниз по уровням агрегирования, процессное представление возможно при последовательном развертывании программы сверху вниз. На макроуровне разрабатывается программа наращивания научно-инновационного потенциала промышленности в целом; затем она развертывается, как процесс, до представления на уровне отрасли и региона, которые, в свою очередь, детализируются до уровня отдельных предприятий; далее каждое промышленное предприятие, используя программу вышестоящего уровня в качестве «входа» процесса, развертывает программу как совокупность подпроцессов, подлежащих реализации для достижения собственных целей по развитию инновационного потенциала. Таким образом, программы на всех уровнях агрегирования промышленных систем представляют своего рода «матрешки», а единство методологического представления обеспечивает унификацию как процесса разработки программ, так и мониторинга их реализации (см. рис. 18).

Это позволяет ввести инновационный метод согласования программ наращивания на-

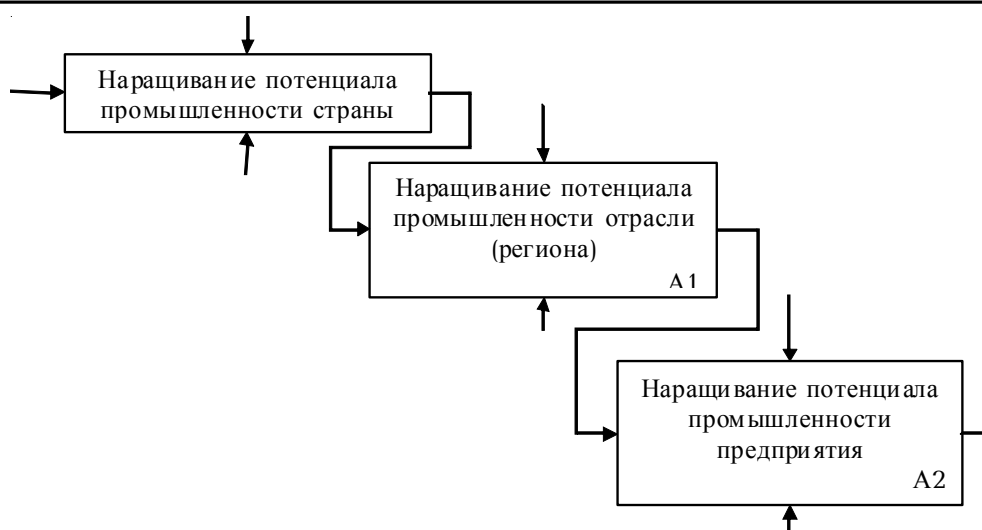

Рис. 18. Вложенность программ наращивания научно-инновационного потенциала промышленности: поуровневое представление

Примечание. Составлено автором.

учно-инновационного потенциала промышленности, основанный на необходимости согласования действий на всех уровнях промышленного производства. При этом каждая программа, вне зависимости от уровня агрегирования, должна содержать ряд мер по стимулированию инновационной активности, а также основываться на всестороннем анализе состояния промышленности в регионе, поскольку, как отмечалось, именно региональный уровень является ключевым в системе управления научно-инновационным потенциалом промышленности.

Для решения этих основных проблем промышленная политика Ростовской области предполагает достижение следующих целей и задач.

Цели промышленной политики:

1. Повышение конкурентоспособности промышленности.
2. Повышение эффективности промышленного производства.
3. Обеспечение устойчивого роста промышленного производства.
4. Решение социальных задач, повышение качества жизни населения и устойчивости региональной экономики.
5. Сбалансированное пространственное развитие промышленности.

Задачи промышленной политики:

1. Повышение энергоэффективности промышленности.
2. Повышение эффективности использования ресурсов и активов.
3. Увеличение доли промышленных видов деятельности с высокой добавленной стоимостью.

4. Разработка механизма адресной поддержки значимых для экономики области промышленных предприятий.

5. Импортозамещение и увеличение доли местных товаропроизводителей на потребительском и промышленном рынке Ростовской области, в том числе с использованием системы закупки товаров для государственных и муниципальных нужд.

6. Обеспечение выхода промышленных предприятий, находящихся в сложной финансово-хозяйственной ситуации, на устойчивый режим работы, либо проведение их реструктуризации. Организация мониторинга проблемных предприятий совместно с их собственниками и менеджментом.

7. Увеличение экспорта промышленной продукции с высоким уровнем добавленной стоимости, в частности продукции машиностроения.

8. Формирование механизма привлечения и размещения прямых инвестиций, включая иностранных, в основной капитал промышленных отраслей области и создание новых производств.

9. Стимулирование НИОКР, внедрения инноваций и создания новых производств. Обеспечить государственную поддержку развития инновационного потенциала области. Определить главные направления и выработать действенные меры проведения инновационной диверсификации промышленности.

10. Стимулирование внедрения новых информационных и телекоммуникационных технологий, включая спутниковых и навигационных, в управление и организацию производства.

11. Обеспечение сбалансированного развития инфраструктуры промышленности.

12. Увеличение налоговых поступлений в бюджет Ростовской области.

13. Обеспечение консолидации средств бюджетов всех уровней на ключевых направлениях промышленного развития и инвестиционных проектах, обеспечивающих гарантированный рост промышленного производства.

14. Создание в области эффективного механизма координации деятельности государственных и местных органов управления по вопросам реализации мер промышленной политики.

15. Обеспечение действенного контроля и пресечение «оптимизационных» схем в налогообложении промышленных предприятий.

16. Решение проблем несбалансированности территориального развития промышленности. Снижение уровня дифференциации развития муниципальных образований Ростовской области и решение проблем депрессивных территорий, а также территорий с уровнем социально-экономического развития ниже среднеобластного. Повышение уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований для решения проблем жизнеобеспечения населения территорий.

17. Повышение безопасности производства и готовой продукции промышленности.

18. Снижение вредного воздействия промышленности на экосистему.

19. Повышение социальной ответственности и престижности промышленных видов деятельности.

20. Проведение анализа потребности в кадрах рабочих специальностей и разработка механизма стимулирования руководства промышленных предприятий к софинансированию обучения и переобучения по востребованным в промышленности профессиям.

Как видно, подавляющее большинство целей и задач промышленной политики Ростовской области являются в целом инновационными, в силу чего только наращивание научно-инновационного потенциала региона и отдельных промышленных предприятий способно привести к их достижению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасенко, И. Д. Интеллектуальный потенциал / И. Д. Афанасенко / Государство и рынок: механизмы и методы регулирования в условиях перехода к инновационному развитию. — СПб. : Изд-во СПб-Астерион, 2010. — 356 с.

2. Белякова, Е. В. Методологический подход к реализации управленческих технологий инновационного развития региона / Е. В. Белякова // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 1. — С. 41–45.

3. Бендиков, М. А. Высокотехнологичный сектор экономики России / М. А. Бендиков, И. Э. Фролов. — М., 2007. — 583 с.

4. Боровская, М. А. Взаимодействие науки и бизнеса в сфере инновационно-технологического контроллинга / М. А. Боровская, Л. Г. Матвеева // Материалы XIII Международного симпозиума по контроллингу. — М., 2007. — С. 47–54.

5. Боровская, М. А. Программно-целевой подход к реализации промышленной политики в многоуровневой экономике: инструментальный аспект / М. А. Боровская, И. К. Шевченко, Е. И. Лабуцкая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 30. — 161 с.

6. Доничев, О. А. Определяющие факторы становления и развития производственно-технологической инновационной экономики в регионе / О. А. Доничев, С. А. Никанорова // Региональная экономика: теория и практика. — 2009. — № 17. — С. 20–27.

7. Дорошенко, Ю. А. Управление формированием и развитием инновационного потенциала предприятия / Ю. А. Дорошенко, О. В. Кочеткова. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://conf.bstu.ru/conf/docs/0028/0492.doc/> (дата обращения: 23.12.2013). — Загл. с экрана.

8. Курс социально-экономической статистики : учеб. для вузов / под ред. проф. М. Г. Назарова. — М. : Финстатинформ : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. — 771 с.

9. Полтерович, В. М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации / В. М. Полтерович // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 4–22.

10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 990 с.

11. Рощина, Л. Н. Научно-инновационный потенциал промышленности: теория и методология исследования, инструментарий управления / Л. Н. Рощина. — М. : Вуз. кн., 2012. — 312 с.

УДК 332.02
ББК 65.05

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ – ИСТОЧНИК ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

О.В. Дядечко

В статье отражены результаты исследования процессов информатизации Южного макрорегиона, выявлены проблемы информатизации его социальной сферы, сделан вывод о необходимости совершенствования институционального проектирования процессов информатизации социальной сферы.

Ключевые слова: информатизация, социальная сфера, институциональное проектирование, развитие, Южный макрорегион.

INFORMATIZATION OF THE SOCIAL SPHERE IS A SOURCE OF THE PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC SYSTEM OF SOUTH MACROREGION

O.V. Dyadechko

The paper deals with the processes of the informatization of the Southern macroregion. The problems of social sphere informatization were identified. The author makes the conclusion that particular attention should be paid to the institutional planning of the informatization processes of the Southern macroregion in social sphere.

Key words: informatization, social sphere, institutional planning, development, South macroregion.

Информатизация экономики представляет собой процесс распространения и проникновения во все сферы деятельности общества агрегированных движущих сил информационной экономики, способствующий преобразованию хозяйственной деятельности в такую, где информационные продукты и услуги становятся её важнейшими объектами. Это преобразование с применением новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) представляет собой одно из направлений модернизации современной экономики.

Информатизация выступает катализатором социально-экономического развития, так как «ИКТ играют сегодня ведущую роль в развитии инноваций, повышении производительности и конкурентоспособности, диверсифицируют экономику и стимулируют деловую активность, тем самым способствуя повышению уровня жизни людей» [1].

В таблице 1 приведены данные сравнительного анализа показателей информатизации Южного макрорегиона и прилежащих макрорегионов. По показателям, связанным с использованием ИКТ в организациях, дела обстоят лучше, чем в среднем по России. Следует признать, что на данном этапе Южный макрорегион является аутсайдером по значительному числу показателей, связанных с использованием ИКТ в личных целях [3]. Однако грамотная политика и проработанная стратегия информатизации могут стать для этого региона «счастливым билетом».

Информатизация экономики не является обособленным явлением и оказывает обширное влияние на все сферы хозяйственной системы Южного макрорегиона. Социальная сфера является составной частью экономики, а соответственно, также подвержена влиянию информатизации, как и другие сферы экономики.

В социальной сфере можно наиболее ярко проследить синергию двух концепций современной экономической теории. С одной стороны, теория экономики знаний проявляется в социальной сфере, так как она делает упор на социальный и институциональный аспект развития экономики. С другой стороны, тенденции к информатизации общества делают информационные технологии неотъемлемой частью процесса оказания услуг социальной сферы, что обеспечивает проявление закономерностей информационной экономики в социальной сфере.

Рассмотрим, какие трудности возникают в социальной сфере Южного макрорегиона в связи с применением ИКТ. Для этого построим карту проблем информатизации социальной сферы, которая позволит выявить зависи-

Таблица 1

Показатели информатизации Южного макрорегиона (в сравнении с некоторыми другими макрорегионами РФ), 2012 г.

Наименование параметра	Макрорегион					
	Южный	Центральный	Центрально-Черноземный	Поволжский	Уральский	Российская Федерация
Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к Интернету в расчете на 100 чел. населения, ед.	6,7	14,1	12,1	15,6	15,0	14,4
Проникновение подвижной радиотелефонной (сотовой) связи на 100 чел. населения, шт.	147,5	181,1	167,0	168,8	169,9	182,7
Доля организаций, использующих ПК (в % от общего числа организаций)	94,3	94,1	92,4	93,6	96,8	94,0
Организации, использующие Интернет (в % от общего числа организаций)	86,9	85,9	81,3	87,2	91,9	86,9
Организации, использующие средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, в общем числе обследованных организаций	79,5	85,2	82,5	85,5	91,3	85,8
Организации, проводившие дополнительное обучение сотрудников в области информационных технологий	4,9	7,5	5,4	6,9	7,4	7,0
Доля населения, пользующегося преимуществами получения услуг в электронной форме, в общем числе членов домашних хозяйств	7,0	8,3	4,5	8,4	9,9	11,0

Примечание. Составлено автором по: [2; 4].

мости между проблемами и обозначить ключевые проблемы, требующие первостепенного решения (см. рис. 1).

Исходя из специфики социальной сферы и основываясь на данных карты проблем, к ключевым проблемам информатизации, влияющим на современное развитие социальной сферы рассматриваемого макрорегиона, следует отнести: цифровое неравенство, отсутствие институционального проектирования внедрения ИКТ, дефицит статистических показателей, оценивающих трансформацию социальной сферы в ходе информатизации и управленческий кризис в социальной сфере. Данные проблемы требуют первостепенного решения на подготовительном этапе информатизации социальной сферы. В таблице 2 определена значимость выявленных проблем.

Дадим краткую характеристику ключевых проблем, затрудняющих эффективное проникновение ИКТ в социальную сферу Южного макрорегиона.

1) Цифровое неравенство проявляется в разной доступности ИКТ для разных слоев населения. Данный фактор существенно сказывается на адаптации человека в современном обществе, открывая или сокращая его перспективы самореализации и личностного развития. В Южном макрорегионе наблюдается пространственная дифференциация по уровню доступа к ИКТ. Разница между показателями оснащенности средствами стационарной телефонной связи в Республике Северная Осетия — Алания и Чеченской Республике — 21 раз; сотовой подвижной связи в Краснодарском крае и Республике Дагестан — почти 2 раза; доступом в Интернет в Волгоградской области и Чеченской Республике — 139 раз (см. табл. 3).

2) Отсутствие институционального проектирования внедрения ИКТ затрудняет формирование институциональной среды, которая является основой для формирования эффективных экономических систем и процессов. Целенаправленное создание институтов информатизации будет способствовать модернизационному развитию социальной сферы Южного макрорегиона.

3) Проблема отсутствия статистических показателей, отражающих применение ИКТ в социальной сфере, затрудняет проведение анализа влияния ИКТ на рассматриваемый элемент хозяйственной системы. Статистический ежегодник предлагает ограниченный перечень показателей отраслевой статистики, которого не достаточно для того, чтобы оценить цели и масштабы использования ИКТ в социальной сфере как на региональном, так и на феде-

ральном уровне. Очень ограниченный объем статистических данных затрудняет управление ходом процесса информатизации в социальной сфере и принятие управленческих решений.

4) Управленческий кризис социальной сферы проявляется в необоснованной задержке решения многих проблем из-за неэффективности используемых ресурсов и отсутствия современных, адекватных ситуации методов управления. Именно на фоне происходящей трансформации социальной сферы прослеживается несовершенство управления и проблемы регулирования административно-правовых отношений. Опыт реализации федеральной программы «Информационное общество» свидетельствует о необходимости создания системы управления информатизацией социальной сферы, потому что без нее денежные инвестиции и техническое оснащение организаций не обеспечивают желаемый эффект.

Нерешенность описанных ключевых проблем до момента применения ИКТ в социальной сфере приводит к невозможности принятия обоснованных решений о целесообразности использования ИКТ на разных этапах оказания услуг социальной сферы и может привести к непрогнозируемым негативным последствиям как для потребителей услуг, так и для персонала.

По мнению автора, учитывая события, происходящие в Южном макрорегионе в связи с проведением Олимпиады, российского этапа Гран-при Формула-1 следует особое внимание уделить разработке решения проблемы отсутствия институционального проектирования. Нельзя не отметить тот факт, что проникновение информационных технологий в Южный макрорегион носит стремительный характер и это является своеобразным вызовом для социальной сферы Южного макрорегиона, которая и так полна проблем.

С одной стороны, искусственная концентрация информационных технологий является прекрасным стимулом для резкого подъема уровня человеческого капитала региона. С другой стороны, при условии отсутствия внутренних стимулов населения к принятию быстро изменяющихся условий данные мероприятия могут быть провальными. Чтобы этого не произошло, необходимо обеспечить благоприятную среду для создания новых современных институтов и установок поведения. Для этого необходимо заниматься обучающей и просветительской деятельностью, активно демонстрировать преимущества ИКТ перед устоявшейся системой ведения хозяйства.

Анализ научной литературы [3; 5–7] позволяет сделать вывод, что в настоящее время

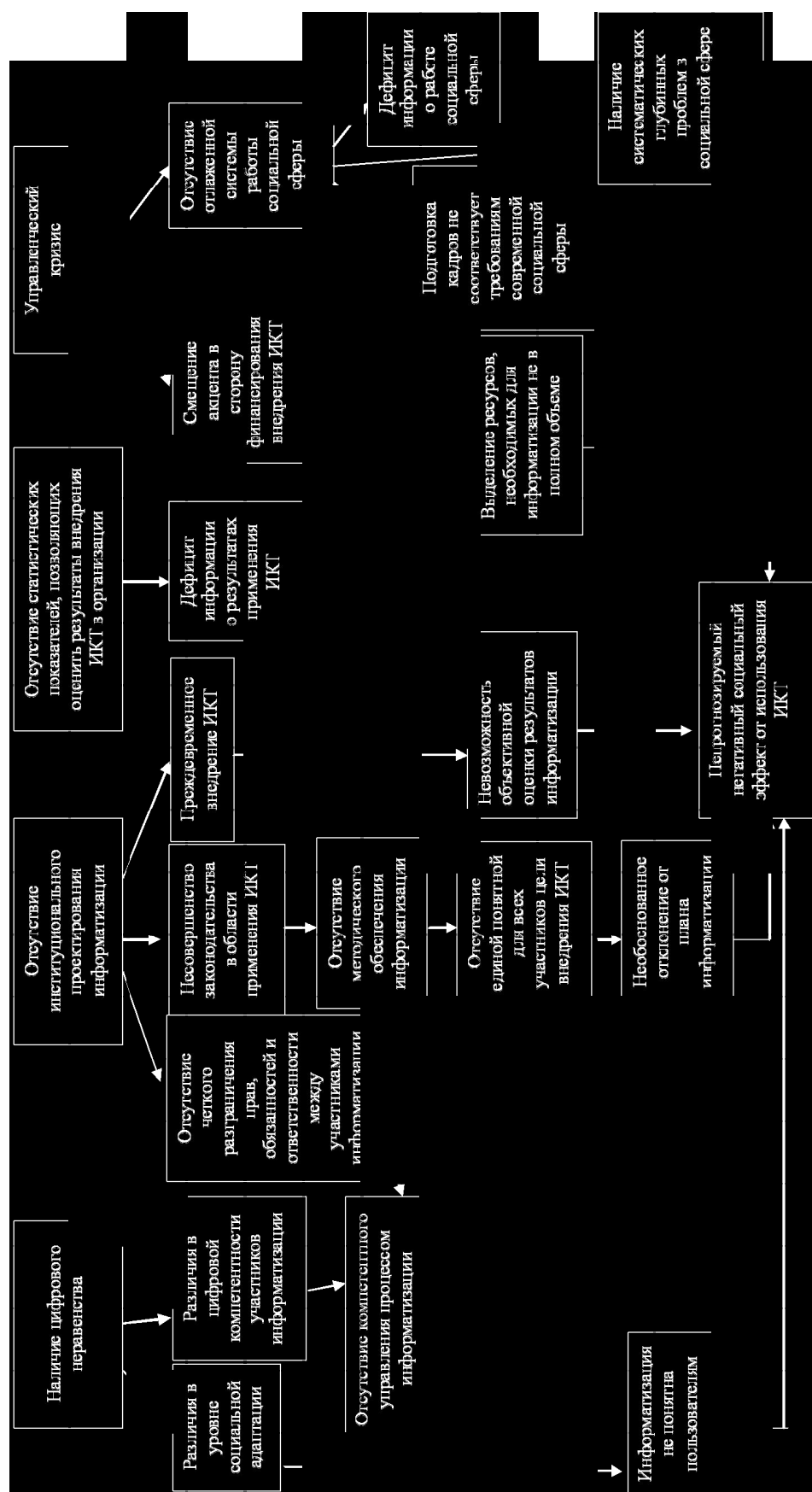

Рис. 1. Карта проблем использования ИКТ в социальной сфере Южного макрорегиона

Примечание. Составлено автором.

Проблемы применения ИКТ в социальной сфере Южного макрорегиона

Проблемы информатизации социальной сферы Южного макрорегиона	Значимость			
	Низкая	Средняя	Высокая	Первостепенная
Выделение ресурсов, необходимых для информатизации социальной сферы, не в полном объеме		X		
Дефицит информации о работе социальной сферы			X	
Дефицит информации о результатах применения ИКТ в социальной сфере			X	
Информатизация не понятна пользователям	X			
Наличие систематических глубинных проблем в социальной сфере, которые не связаны с областью приложения информатизации		X		
Наличие цифрового неравенства				X
Невозможность объективной оценки результатов информатизации		X		
Необоснованное отклонение от плана информатизации	X			
Непрогнозируемый негативный социальный эффект от использования ИКТ в социальной сфере			X	
Несовершенство законодательства в области применения ИКТ в социальной сфере			X	
Отсутствие единой понятной для всех участников цели внедрения ИКТ в социальной сфере		X		
Отсутствие институционального проектирования информатизации социальной сферы				X
Отсутствие компетентного управления процессом информатизации			X	
Отсутствие методического обеспечения информатизации социальной сферы			X	
Отсутствие отлаженной системы функционирования социальной сферы			X	
Отсутствие статистических показателей, позволяющих оценить результаты внедрения ИКТ в организации социальной сферы				X
Отсутствие четкого разграничения прав, обязанностей и ответственности между участниками информатизации социальной сферы			X	
Подготовка кадров не соответствует требованиям современной социальной сферы		X		
Преждевременное внедрение ИКТ в социальную сферу			X	
Различия в уровне социальной адаптации			X	
Различия в цифровой компетентности участников информатизации социальной сферы			X	
Смещение акцента в сторону финансирования внедрения ИКТ в социальной сфере			X	
Управленческий кризис в социальной сфере				X

Примечание. Составлено автором.

Доступность основных ИКТ в субъектах Южного макрорегиона, 2012 г.

Субъект макрорегиона	Средства телефонной связи в расчете на 100 чел. населения, шт.		Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к Интернету в расчете на 100 чел. населения, ед.
	Телефонные аппараты	Терминалы сотовой подвижной связи	
Астраханская область	21,8	185,7	11,3
Волгоградская область	26,2	171,9	13,9
Кабардино-Балкарская Республика	16,1	130,6	6,8
Карачаево-Черкесская Республика	13,8	129,7	5,6
Краснодарский край	22,6	201,8	11,4
Республика Адыгея	15,8	122,7	4,9
Республика Дагестан	2,8	116,8	0,9
Республика Ингушетия	2,3	120,2	0,6
Республика Калмыкия	16,3	163,3	6,1
Республика Северная Осетия – Алания	27,1	135,7	6,9
Ростовская область	24,8	164,5	9,9
Ставропольский край	21,5	153,8	9,0
Чеченская Республика	1,3	120,5	0,1

Примечание. Источник: [4].

процессы информатизации не имеют четкого администрирования и носят точечный характер. Отсутствует четкое представление о том, какой должна быть социальная сфера информационного общества и какая институциональная основа должна сопровождать ее становление. Если власти сконцентрируются не только на сосредоточении всех самых новейших технологий для создания суперсовременной инфраструктуры региона, но и предложат населению приемлемые способы для применения ее в повседневной жизни, то, несомненно, это приведет к поступательному устойчивому развитию и процветанию региона.

Трансформация социальной сферы связана с определенными трудностями, но она предоставляет расширенные возможности, способные при правильном использовании преодолеть кризисное состояние социальной сферы Южного макрорегиона. Это потребует действий как от государства и региональных властей (экономических, нормативно-правовых), так и от бизнеса (модернизация оборудования, рабочей силы) и гражданского общества (создание неформальных институтов).

Явления информатизации экономики делают информационные технологии доступными для применения в социальной сфере, дея-

тельность которой направлена на воспроизводство человеческого капитала. Таким образом, внедрение информационных технологий и снабжение ключевых направлений (инфраструктурных составляющих) социальной сферы информационным наполнением стимулирует переход к обществу знаний. Информатизация социальной сферы может послужить своеобразным трамплином к обществу знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирный экономический форум: индекс сетевой готовности 2013 года. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/04/11/5816> (дата обращения: 09.01.2014). — Загл. с экрана.
2. Индикаторы информационного общества: 2013: стат. сб. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. — 328 с.
3. Острая, Т. Б. Институциональные преобразования в социальной сфере как условие экономического развития России: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Т. Б. Острая. — Томск, 2006. — 15 с.
4. Показатели развития информационного общества в Российской Федерации. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/it_technology/ (дата обращения: 07.12.2013). — Загл. с экрана.

5. Реализация инновационного потенциала современных технологий в социальной сфере : монография / Л. В. Анпилогова, М. А. Валеева, Ю. Н. Егорова, М. П. Квадрициус, Ю. В. Квадрициус, Л. Г. Пак, Н. А. Позднякова. — Оренбург : Оренбург. ин-т экономики и культуры, 2011. — 357 с.

6. Социальные трансформации и модернизация российского общества : монография / В. В. Бирю-

ков, В. П. Плосконосова, П. В. Ополе. — Омск : СибАДИ, 2013. — 268 с.

7. Тихомирова, Н. В. Smart-города: не за горами. 16 марта 2012 / Н. В. Тихомирова. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://smartmesi.blogspot.ru/2012/03/smart.html> (дата обращения: 26. 10.2013). — Загл. с экрана.

УДК 332.1
ББК 65.9(3)

ТЕНДЕНЦИИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЮФО

**Н.П. Иванов, И.А. Митрофанова,
Е.В. Чепрасов, М.Г. Майорникова**

В статье раскрываются основные мотивационные причины инвестирования в социохозяйственный комплекс Южного федерального округа, исследуется структурно-отраслевая специфика процессов привлечения иностранного капитала в разрезе регионов ЮФО по сравнению с общероссийскими тенденциями.

Ключевые слова: регион, Южный федеральный округ, инвестирование, иностранные инвестиции, структура, динамика, проект.

TENDENCIES OF THE ATTRACTION OF THE FOREIGN CAPITAL INTO THE SOCIAL AND ECONOMIC COMPLEX OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

**N.P. Ivanov, I.A. Mitrofanova,
E.V. Cheprasov, M.G. Mayornikova**

The article reveals the basic motives for the investing into the social and economic complex of the South Federal District, the structural and sectoral specificity of processes of the foreign capital attraction into the regions of the South Federal District in comparison with the Russian tendencies are analyzed.

Key words: region, South Federal District, investment, foreign investments, structure, dynamics, project.

Для реализации «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 г.» в хозяйственный комплекс ЮФО необходимо привлекать по \$26 млрд в год. Всего в экономику Юга России следует инвестировать порядка \$520 млрд [23]. При этом средняя ежегодная потребность в инвестициях в инфраструктуру и социальную сферу ЮФО составляет более \$13 млрд, что почти в 5 раз превышает текущий объем государственных инвестиций в экономику ЮФО.

По данным Южного инвестиционного агентства, основные мотивационные причины инвестирования в ЮФО следующие: одно из лучших инвестиционных законодательств в РФ; наиболее благоприятные в РФ природно-климатические условия для жизнедеятельности людей; богатый потенциал природных ресурсов; выгодное геополитическое и геоэкономическое положение территории округа, определяемое его приграничным характером по отношению к стратегически важным для России государствам Кавказского макрорегиона, Украине и Казахстану, а также непосредственным выходом к морским транспортным коммуникациям, соединяющим Российскую Федерацию со странами Средиземноморского, Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов; наличие на территории округа ряда развитых и развивающихся кластеров с высоким потенциалом роста в различных отраслях и секторах экономики, что дает возможность реализации инвестиционных проектов в любой отрасли экономики; система государственного сопровождения инвестиционных проектов на всех этапах — от подписания протоколов о намерениях до сдачи объектов в эксплуатацию; развитая финансовая инфраструктура; сравнительно развитая и продолжающая интенсивно развиваться транспортная инфраструктура, включающая широко разветвленную сеть автомобильных дорог с твердым покрытием, портовую инфраструктуру (морской и речной транспорт), железнодорожные пути, аэропорты, трубопроводную сеть; концентрация современных высокообразованных производительных сил; значительная емкость регионального рынка, определяемые сравнительно высокой численностью и концентрацией населения, а также сравнительно высокая миграционная привлекательность территории округа для экономически активного населения других регионов страны [8–10; 15].

После сокращения притока в ЮФО иностранных инвестиций почти на 45 % в первом (после финансового кризиса 2008 г.) посткризисном 2009 г., начиная с 2010 г. общий объем поступающих в хозяйственный комплекс ЮФО

в посткризисный период средств ежегодно устойчиво прирастает (табл. 1, 2).

В год выделения ЮФО из состава Южного макрорегиона в качестве самостоятельного округа (январь 2010 г.) общий приток иностранных инвестиций по сравнению с 2009 г. вырос на 23,7 % в основном за счет прочих инвестиций, тогда как приток ПИИ (поступление иностранных инвестиций) сократился на 35,5 %.

Таблица 1

Виды и объемы поступления иностранных инвестиций в экономику ЮФО в 2007–2012 гг., млн \$

Годы	Виды иностранных инвестиций			
	Прямые	Портфельные	Прочие	Всего
2007	725,800	237,060	1 203,510	2 166,370
2008	536,170	712,950	1 958,900	3 208,020
2009	459,680	33,220	1 271,360	1 764,260
2010	296,300	1,900	2 015,900	2 314,100
2011	532,700	7,430	3 069,200	3 609,290
Январь – сентябрь 2012 г.	728,740	0,249	2 113,840	2 842,820

Примечание. Составлено по: [16 – 20; 22].

Таблица 2

Структура поступления иностранных инвестиций в хозяйственный комплекс ЮФО по видам, 2007–2012 гг., %

Годы	Виды иностранных инвестиций			
	Прямые	Портфельные	Прочие	Всего
2007	33,50	11,00	55,50	100,00
2008	16,70	22,20	61,10	100,00
2009	26,10	1,80	72,10	100,00
2010	12,80	0,10	87,10	100,00
2011	14,80	0,20	85,00	100,00
Январь – сентябрь 2012 г.	25,60	0,01	74,40	100,00

Примечание. Составлено по: [16 – 20; 22].

В 2011 г. ситуация изменилась: на фоне общего роста притока иностранных инвестиций в ЮФО в 1,56 раза объем привлеченных в хозяйственный комплекс округа ПИИ вырос в 1,8 раз, что является положительной тенденцией. Кроме того, за 9 месяцев 2012 г. ПИИ уже поступило в ЮФО в 1,37 раза больше, чем за весь 2011 год.

На общероссийском фоне среди других федеральных округов доля ЮФО по объему

привлеченных иностранных инвестиций составила около 2 % (см. рис. 1); по данным за 9 мес. 2012 г. ЮФО делил вместе с Сибирским ФО предпоследнее место, обогнав только СКФО. Лидером по привлечению иностранного капитала является Центральный ФО (см. рис. 2).

В структуре иностранных инвестиций, поступающих в экономику ЮФО, по-прежнему преобладают «прочие инвестиции», в состав которых входят разного рода кредиты, чья меньшая привлекательность детерминруется платностью (кредиты необходимо погашать с выплатой процентов). Причем, если в 2007 г. их доля составляла чуть больше половины от привлеченных в ЮФО иностранных инвестиций, то в 2010–2011 г. она достигла уже 85–87 % (табл. 2).

Динамика поступления ПИИ в хозяйственный комплекс ЮФО нестабильна: в 2007–2010 гг. наблюдалась понижающаяся тенденция: устойчивое снижение притока ПИИ; в 2010 г. в ЮФО поступило на \$432,5 ПИИ меньше, чем в 2007 году [16 – 19].

В отношении ПИИ в 2011 г. стала заметной повышающаяся тенденция, закрепившаяся за 9 месяцев 2012 г.: в 2011 г. в ЮФО поступило ПИИ на \$236,4 млн больше, чем в 2010 г., а за январь – сентябрь 2012 г. – уже на \$196,04 млн больше, чем за весь 2011 год [20; 22].

Доля портфельных инвестиций в ЮФО остается незначительной, но следует отметить, что при этом за период 2007–2011 гг. стала явной понижающаяся тенденция: если в 2007 г. доля портфельных инвестиций в общей структуре поступивших иностранных инвестиций составляла 11 %, то в 2011 г. – уже 0,2 % (табл. 2).

Благоприятное отношение к прямым иностранным инвестициям и портфельному капиталу определяется тем, что, в отличие от кредитов, эти вложения объединяют риски инвестора и производителя и осуществляются не на условиях платности, срочности и возвратности, в отличие от прочих иностранных инвестиций [11].

Однако не только прямое инвестирование позволяет привлечь капитал в экономику региона. Рынок ценных бумаг в современном мире также служит источником притока инвестиций в реальный сектор. Иностранные агенты покупают акции компаний других стран с целью диверсификации рисков и получения большего дохода. Это говорит о том, что при прочих равных условиях иностранные инвесторы будут вкладываться в те ценные бумаги, которые обладают большей доходностью. Риски вложения в ЮФО по-прежнему высоки, поэтому для их компенсации необходимо предложение более

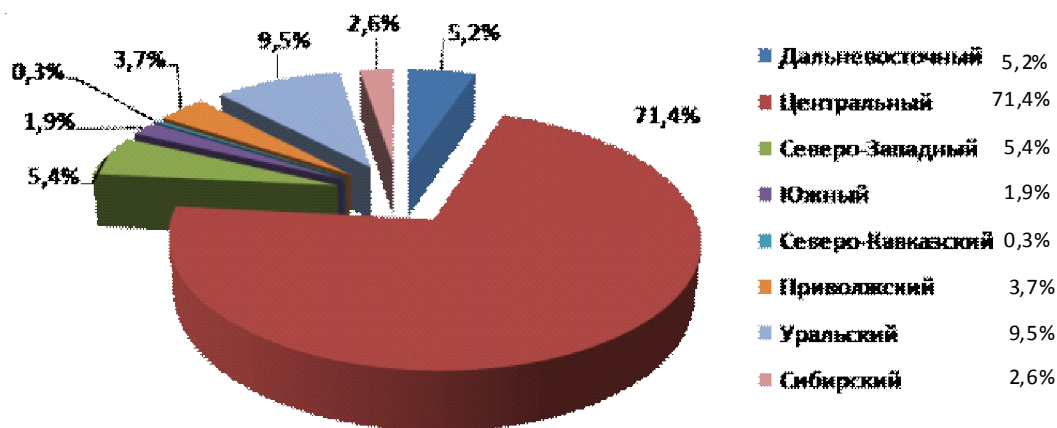

Рис. 1. Доля федеральных округов России в привлечении иностранных инвестиций (Россия = 100 %), %

Примечание. Источник: [7].

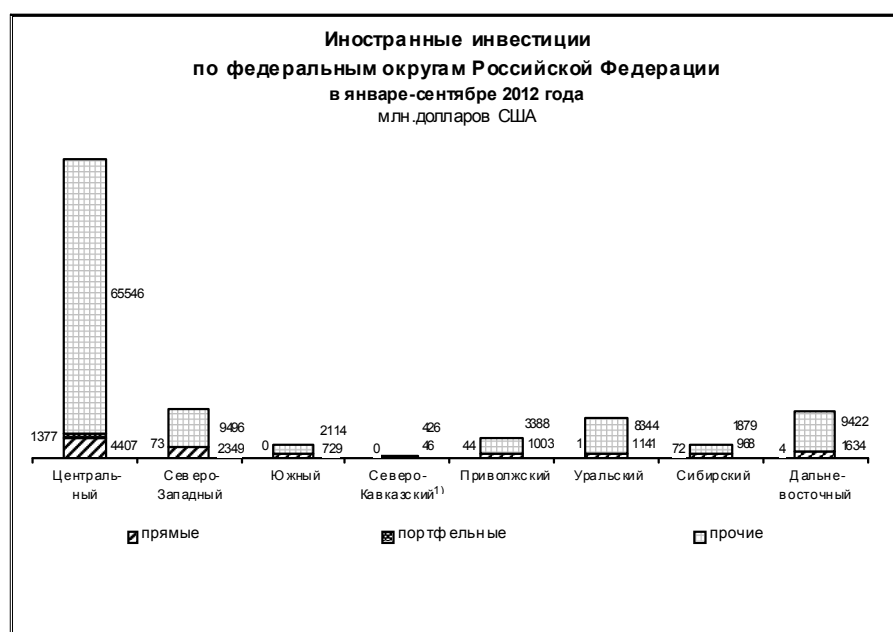

Рис. 2. Поступление иностранных инвестиций по федеральным округам РФ в январе — сентябре 2012 г., млн \$

Примечание. Источник: [22, с. 46]. ¹⁾ По Северо-Кавказскому федеральному округу объемы прямых и прочих иностранных инвестиций, поступивших в экономику округа, составили соответственно 46 и 426 млн долл. США.

высоких ставок доходности. К сожалению, число отечественных предприятий, которые могут удовлетворять таким условиям, невелико.

Мировая практика показывает, что большая часть портфельных инвесторов предпочитает держать ценные бумаги национальных эмитентов, которые легче контролировать. Положение осложняется отсутствием ликвидного фондового рынка, масштабы которого соответствовали бы масштабам российской экономи-

ки в целом, а также нежеланием отечественных акционерных предприятий продавать свои акции внешним инвесторам. По имеющимся оценкам, на сегодняшний день в финансировании нуждаются 97 % российских предприятий и только 7 % из них готовы предоставить долю в своем капитале, предпочитая получать кредиты, а не продавать свои акции. Оздоровление финансовой ситуации в стране в целом и восстановление фондового рынка со време-

нем создадут условия для притока в страну, а значит и в регион, иностранных капиталов и в форме портфельных инвестиций, которые будут использоваться для финансирования предпринимательской деятельности, не создавая риска установления иностранного контроля за российскими предприятиями [4].

Существенного притока портфельных инвестиций в экономику субъектов ЮФО в ближайшем будущем ожидать вряд ли стоит, и данные за январь – сентябрь 2012 г. это под-

тверждают (см. табл. 1). Тем не менее привлечение средств в компании, не имеющие выхода на внешние рынки капитала, должно оставаться важным ориентиром в развитии — как экономики ЮФО, так и всего российского рынка ценных бумаг.

Динамика привлечения иностранных инвестиций в 2007–2012 гг. по регионам ЮФО отражена в таблице 3.

Поскольку инвестиционная привлекательность субъектов ЮФО неодинакова, это при-

Таблица 3

**Объемы иностранных инвестиций по видам,
поступившие в регионы ЮФО в 2007–2012 гг., млн \$**

Годы	Регионы ЮФО	Всего поступило ИИ	В том числе по видам		
			Прямые	Портфельные	Прочие
2007	Республика Адыгея	8,30	1,60	0,0000000	6,70
	Республика Калмыкия	0,0	0,0	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	714,30	171,50	0,5000000	542,30
	Астраханская область	41,61	20,40	0,0100000	21,20
	Волгоградская область	184,22	94,20	0,0000000	90,02
	Ростовская область	867,40	333,90	2,4000000	531,10
2008	Республика Адыгея	44,90	20,80	0,0000000	24,10
	Республика Калмыкия	0,00	0,00	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	1 179,40	312,70	4,1000000	862,60
	Астраханская область	27,50	3,90	0,0010000	23,60
	Волгоградская область	81,70	27,90	0,0000000	53,80
	Ростовская область	1 096,80	115,40	0,8000000	980,60
2009	Республика Адыгея	46,60	15,05	0,0000000	31,10
	Республика Калмыкия	0,00	0,00	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	579,50	234,90	1,7000000	342,90
	Астраханская область	51,82	7,90	0,0200000	43,90
	Волгоградская область	225,42	3,40	0,0000002	222,02
	Ростовская область	741,90	131,90	0,3000000	609,70
2010	Республика Адыгея	102,30	22,90	0,0000000	79,40
	Республика Калмыкия	0,00	0,00	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	543,30	208,60	0,1000000	334,60
	Астраханская область	15,20	4,50	0,0000000	10,70
	Волгоградская область	192,40	16,60	1,5000000	174,30
	Ростовская область	1 460,90	43,70	0,3000000	1 416,9
2011	Республика Адыгея	110,80	50,70	0,0000000	60,10
	Республика Калмыкия	0,00	0,00	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	767,51	254,60	6,3500000	506,60
	Астраханская область	11,57	3,39	0,0010000	8,18
	Волгоградская область	423,70	54,91	0,0000000	368,79
	Ростовская область	2 295,73	169,14	1,0800000	2 125,52
Январь – сентябрь 2012 г.	Республика Адыгея	48,46	35,21	0,0000000	13,26
	Республика Калмыкия	0,37	0,37	0,0000000	0,00
	Краснодарский край	768,85	337,73	0,1700000	430,95
	Астраханская область	5,13	2,37	0,0000000	2,75
	Волгоградская область	327,23	134,18	0,0000000	193,05
	Ростовская область	1 692,78	218,87	0,0800000	1 473,83

Примечание. Составлено по: [16 – 20; 22].

водит к существенным диспропорциям в распределении инвестиций по территории округа. В ЮФО наиболее инвестиционно привлекательны три субъекта (Ростовская область, Краснодарский край, Волгоградская область), которые поглощают порядка 87 % иностранных капиталовложений. Данные субъекты обладают благоприятным географическим положением и квалифицированными трудовыми ресурсами, характеризуются экономической и политической стабильностью.

Преимущественно иностранные инвестиции направляются в Ростовскую область, объем которых к 2010 г. увеличился с \$389,5 до \$1460,9 млн. Результаты анализа показывают, что лидерство Ростовской области в привлечении зарубежных капиталовложений обусловлено главенствующей ролью в округе, Ростов-на-Дону — столица ЮФО. В то же время рост объема прочих иностранных инвестиций в Ростовской области указывает на нехватку предприятиям собственных средств и необходимость в дополнительном капитале преимущественно в виде торговых кредитов и банковских вкладов для дальнейшего развития своей деятельности.

С начала 2009 г. в области выполнялось около 30 крупных проектов: компания Ball corporation приобрела участок земли под завод 1,5 млрд алюминиевых банок в год; компания «Фрито лэй Мануфактуринг» запустила завод снековой продукции; открытие завода безалкогольных напитков компанией «Кока-кола эйч би си Евразия» и др. [21].

Из зарубежных инвесторов на территории Ростовской области наиболее активны компании Франции, Германии, США, Великобритании, Казахстана, Украины, Австрии и Бельгии [2].

В Ростовской области уже реализованы проекты таких ведущих компаний, как Guardian, Lafarge, Ball Corporation, Coca-Cola, PepsiCo, AGC Flat Glass, Fondital, Air Products, ContourGlobal, Auchan, Leroy Merlin, Castorama, ECE, Real и др.

В 2010 г. в Азовском индустриальном парке введен в эксплуатацию первый объект PepsiCo — завод по выпуску картофельных чипсов Lay's, кукурузных палочек Cheetos, хлебных сухариков Хрустteam. Объем инвестиций в этот проект уже составил \$110 млн, а с перспективой расширения в течение 2011–2015 гг. достигнет \$170 млн [5].

Успешный старт подобных проектов сыграл роль катализатора интереса со стороны зарубежных партнеров: в настоящее время все больше иностранных компаний интересуются донским регионом в качестве места локализации своих новых индустриальных проектов.

В их числе — американский производитель промышленных газов PRAXAIR, французская корпорация IMERYS Group и др. [24].

Активизацию бизнес-контактов в регионе специалисты также связывают с реализацией ряда крупных инфраструктурных проектов. Так, создание в Ростовской области аэропорта-хаба и подготовка в различных городах ЮФО к проведению чемпионата мира по футболу 2018 г. привлекло внимание зарубежных предпринимателей, поскольку для реализации столь масштабных проектов выделяются значительные финансовые ресурсы [25].

2-е место у Краснодарского края в привлечении иностранных инвестиций, хотя к 2010 г. их объем снизился до \$543,2 млн.

Уникальность и перспективность Краснодарского края заключена в том, что на его территории представлены все интересные для мирового инвестора отрасли: АПК, туризм и рекреация, производство товаров народного потребления, промышленность, строительство, топливный и транспортный сектора [25]. Активный приток иностранных инвестиций в экономику края в 2011–2012 гг. обусловлен масштабными планами нового строительства спортивных и сопутствующих инфраструктурных объектов для успешного проведения Олимпиады-2014. Практически в каждой отрасли экономики края начиная с 2009 г. ощущается мультипликативный эффект от реализации в крае олимпийского мегапроекта.

Краснодар занимает 3-е место в рейтинге лучших городов для ведения бизнеса в стране после г. Москвы и г. Санкт-Петербурга. То, что население Краснодарского края составляет 5,2 млн человек и уровень жизни считается достаточно высоким, делает область привлекательной для зарубежных инвесторов. Но и почти в два раза больше (\$463,7 млн) область нуждается в заемных средствах — что свидетельствует о том, что Краснодарский край все еще не справляется с реализацией задуманных проектов самостоятельно.

Рейтинг Краснодарского края в мировом бизнес-сообществе весьма высок — РА «Стэн-дарт энд Пурс» региону присвоен международный кредитный рейтинг «Би плюс Позитивный». Кроме того, край входит в семерку российских регионов с наименьшими инвестиционными рисками и занимает второе место в рейтинге российских регионов по законодательной активности в сфере иностранных инвестиций [12].

Результат — крупными зарубежными компаниями в крае реализуются многочисленные инвестиционные проекты в различных сферах деятельности, которые оказывают позитивное влияние на объемы импортозамещающей про-

дукции, рост производства топливно-энергетических ресурсов. Технологии, которые приходят в край при реализации проектов, во многом уникальны. Всего в крае зарегистрировано более 800 предприятий с инвестициями из семидесяти стран мира, в том числе таких известных компаний, как ООО «Кубань-Кнауф», ОАО «Филип Моррис Кубань», «Шеврон», ООО «Нестле Кубань», ООО «Кеско-М», ООО «Бондюэль Кубань», «Метро», группа «Секаб», группа компаний «РУСАГРО», ООО «АБС-Кубань», ООО «Buhler-Russia» (Канада), ООО «Каргил Юг», торговая сеть «Auchan» (Франция), ЗАО «Тетра-Пак-Кубань», торговая сеть «Леруа Мерлен» (Франция).

Основными странами — инвесторами Кубани по итогам 2011 г. стали Германия, Швейцария, Франция, Нидерланды, США и Люксембург. В 2012 г. общий объем иностранных инвестиций, поступивших в экономику края, увеличился в 1,4 раза по сравнению с 2011 г. и составил свыше \$1,1 млрд [3].

Наиболее активно Краснодарский край сотрудничает с Турцией; на Кубани, например, работает множество турецких строительных компаний. Крепкие деловые отношения связывают край и с Германией. На территории края реализованы такие крупные совместные проекты, как завод по производству комбайнов CLAAS и производство строительных материалов Knauf [12].

3-е место Волгоградской области в привлечении иностранных капиталовложений (к 2010 г. объем составил \$192,4 млн) было связано с развитием инфраструктуры области, строительства новых объектов на ее территории, обрабатывающих производств, оптовой и розничной торговли — что положительно образом влияет на привлекательность области перед зарубежными инвесторами.

По итогам 2011 г. из регионов ЮФО основной поток иностранных инвестиций поступил в Ростовскую область (63,6 %), в Краснодарском крае сосредоточено 21,3 % общего объема по округу, в Волгоградской области — 11,7 %, Адыгее — 3,1 %, Астраханской области — 0,3 %. В Калмыкию, как и в предыдущем году, иностранные инвестиции не поступали. Рост поступлений иностранных инвестиций в 2011 г. по отношению к предыдущему году отмечен в Республике Адыгея, Краснодарском крае, Волгоградской и Ростовской областях (см. рис. 3).

В разрезе видов деятельности более $\frac{2}{3}$ иностранных инвестиций ЮФО направлены в обрабатывающие производства, что главным образом определяется значительным объемом поступлений в Ростовскую область, возросшим по отношению к 2010 г. в 1,7 раза.

Далее по убывающей следуют поступления в организации, осуществляющие деятельность по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг, а также в организации транспорта и связи.

Рост поступлений иностранных инвестиций в торговый бизнес был отмечен в 2011 г. в Астраханской и Волгоградской областях (см. табл. 4).

С началом кризиса иностранные компании стали активнее в своей деятельности: рубль девальвировался, земля подешевела — появилось больше возможностей в подборке участка. Девальвация рубля помогла иностранным инвесторам снизить издержки, в частности, из-за удешевления рабочей силы. Данная ситуация положительно отразилась на развитии регионов, и как следствие, округа в целом.

В Республике Адыгея ПИИ с 2006 — 2010 гг. циклично увеличивается с \$1,4 до \$22,9 млн. Но, несмотря на положительную динамику, на фоне лидирующих регионов заметны значительные отставания в привлечении зарубежного капитала в отрасли республики.

В 2011 г. общий объем поступивших в хозяйственный комплекс Адыгеи иностранных инвестиций вырос по сравнению с 2010 г. на \$8,5 млн, причем произошло это преимущественно за счет роста объема ПИИ на \$27,8 млн и сокращения прочих иностранных инвестиций на \$19,3 млн (см. табл. 3).

Предприятия региона продолжают ощущать нехватку дополнительных капиталовложений для осуществления деятельности и реализации намеченных проектов.

Основным видом привлечения иностранных инвестиций в республику пока остается создание совместных производств [9; 10]. По количеству предприятий, созданных с участием иностранного капитала, первенство принадлежит сферам торговли и питания — 40 %. Наиболее стабильно работают: российско-французское предприятие «Адыгея-Моро» (клепка стандартная для вино-коньячных бочек) и ООО «Курмел-Гюл Сентетик Амбалаж Санай Майкоп» — предприятие со 100%-м иностранным капиталом по производству полиэтиленовых мешков и полипропиленовых вкладышей.

Перспективными направлениями привлечения иностранных инвестиций в республику являются агропромышленный и лесопромышленный комплексы, туризм [1].

В отчете инвестиционной привлекательности рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2010 г. рядом с Республикой Адыгея располагалась и Астраханская область, отнесенная к регионам-аутсайдерам по отношению объема ПИИ численности населения [13].

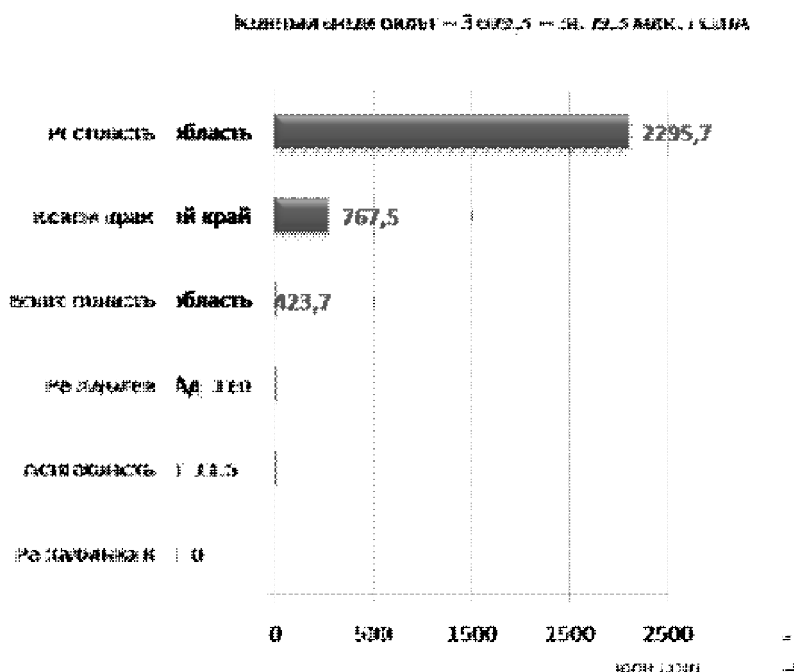

Рис. 3. Привлечение в регионы ЮФО иностранных инвестиций всего, млн \$, 2011 г.

Примечание. Источник: [7].

В 2006–2010 гг. объем привлеченного иностранного капитала в область сократился с \$20,7 до \$4,5 млн, при этом портфель прочих иностранных инвестиций также сократился за данный период с \$41,7 до \$10,7 млн. Причинами столь отрицательной динамики в привлечении зарубежных инвесторов в Астраханскую область в этот период являлись, скорее всего, недостаток опыта работы региональной власти с крупными инвестиционными проектами и опыта культурного взаимодействия с зарубежными инвесторами – недостаток квалифицированных кадров, которые могут привлекать и оперировать инвестиционными капиталовложениями.

В 2011 г. понижательная тенденция в привлечении иностранных инвестиций в Астраханской области не изменилась: сокращение по сравнению с 2010 г. составило \$3,63 млн.

Основными по убыванию странами – инвесторами в Астраханской области выступают представители из 21 страны, такие как Кипр, Япония, Австрия, Виргинские острова (Британия), Мальта, Иран, Нидерланды, Люксембург и др. [6].

В 2012–2012 гг. внешнеторговые связи Астраханской области заметно расширились. Прежде всего, это касается партнеров области по каспийскому региону. Местные верфи по-

лучили заказы на строительство судов для Казахстана и ремонт рыбопромысловых судов из Туркмении. Прорабатывалась возможность ремонта в Астрахани железнодорожного транспорта из Азербайджана.

Активно осваивает астраханский рынок иранский бизнес. В Астрахани появились первые иранские предприятия в сфере промышленного производства и транспортного обслуживания. Иранская судоходная компания разместила заказ на ремонт своих судов на астраханских предприятиях, хотя раньше иранские суда ремонтировались исключительно на бакинских заводах. Иранцы приобрели контрольный пакет акций одного из местных портов и начали работы по его техническому перевооружению [25].

Самая негативная ситуация по привлечению иностранных инвестиций в округ наблюдается в Республике Калмыкия, в которой, по данным Федеральной службы статистики, вопрос о зарубежных капиталовложениях в прямом смысле слова не сдвинулся с нулевой отметки. В 2006–2010 гг. в республику не было привлечено ни одной даже тысячи долларов в форме иностранных инвестиций. Причиной данной ситуации являлась, во-первых, неосвоенность территории республики. Республика Калмыкия еще сравнительно молодой нефтедобы-

**Иностранные инвестиции * по отдельным видам экономической деятельности (ВЭД),
поступившие в регионы ЮФО в 2011 г. (по данным территориальных органов Росстата, млн \$)**

ВЭД	Субъекты ЮФО, в которые поступили иностранные инвестиции				
	Адыгея	Краснодарский край	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область
Всего, в том числе по организациям с основным ВЭО	110,8	767,5	11,6	423,7	2295,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,2	25,7	–	X **	–
Добыча полезных ископаемых	–	3,4	2,5	X **	6,9
Обрабатывающие производства	7,6	395,5	1,1	375,0	2091,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	–	6,3	0,1	–	–
Строительство	0,6	4,4	–	X **	2,4
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	85,2	79,2	5,4	30,2	14,2
Транспорт и связь	–	137,4	1,4	–	9,3
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	102,5	71,1	1,3	12,1	164,4

Примечание. Составлено по: [7]. * Включены рублевые инвестиции, пересчитанные в \$.

** Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с ФЗ от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

вающий регион относительно Волгоградской и Астраханской областей, Республики Адыгея. Средняя степень выработки месторождений в Волгоградской области составляет 80 %, в Республике Адыгея – 99 %, в то время как в Республике Калмыкия только 63 %. Во-вторых, добычу нефти на территории республики осуществляют 5 крупных отечественных предприятий: ОАО «Калмнефть», ЗАО «КалмТатнефть», ЗАО НК «Калмистерс», ЗАО НК «Калмпетрол», ООО

«ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», остро конкурирующих между собой в завоевании лидирующих позиций. Одна только компания ОАО «Калмнефть» осуществляет около 47 % всей добычи нефти в республике. Данная ситуация негативно отражается на укреплении международных связей в вопросе привлечения иностранных инвестиций в данную отрасль региона.

По итогам 9 месяцев 2012 г. в экономику Калмыкии поступило \$370 тыс. ПИИ [22, с. 46],

что, безусловно, является позитивным фактором, который, однако, еще не стал тенденцией.

Как известно, иностранные инвесторы вправе принимать деловое участие в любых организационно-правовых формах российского предпринимательства, кроме унитарных предприятий и государственных корпораций. Они могут создавать совместно с юридическими лицами и российскими гражданами и без них любые предпринимательские фирмы, которые, тем самым, будут полностью или частично им принадлежать. В результате создания предпринимательских фирм с участием иностранного капитала происходит интернационализация деятельности российских субъектов предпринимательского бизнеса, имеющих различные организационно-правовые формы. Выделяются два вида предпринимательских фирм с участием иностранного капитала — фирмы со стопроцентным участием иностранного капитала и совместные предпринимательские фирмы (совместные предприятия) [8; 10].

Число компаний с участием иностранного капитала в России растет, за 2006 — 2012 гг. их число выросло на 28 %, а стоимость активов — в 1,5 раза [13]. Присоединение России к ВТО содействует активизации инвестиционной деятельности, расширению масштабов и качества присутствия в ЮФО иностранных инвесторов, риски которых снижают признанные инвесторами механизмы ВТО по защите инвестиций. Юг России привлекает капитал ведущих мировых экономик и стран-членов СНГ.

Лидеры ЮФО по числу организаций с участием иностранного капитала — Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области (табл. 5). В ЮФО число организаций с участием иностранного капитала выросло в 2011 г. по сравнению с 2008 г. в 1,8 раза. В том числе рост их числа составил: в Краснодарском крае — в 1,83 раза, Ростовской области — в 2,2 раза, Волгоградской области — в 1,55 раза, Астраханской — в 1,42 раза, Адыгее — в 1,52 раза. В Республике Калмыкии число таких организаций сократилось с 7 до 5 предприятий, но произошло увеличение среднесписочной численности занятых в них работников — с 0,4 до 1,2 тыс. чел. [19, с. 418; 20, с. 449].

Важным показателем деятельности организаций с участием иностранного капитала в ЮФО являются осуществляемые ими инвестиции в основной капитал (табл. 5). В целом по ЮФО их объем в 2011 г. по сравнению с 2007 г. вырос на 39 327,5 млн руб., или на 87,5 %.

Среди организаций ЮФО с участием иностранного капитала в страновом разрезе по итогам 2011 г. лидируют: из стран СНГ — Ук-

раина (210), из стран дальнего зарубежья — Кипр (417) и Германия (111).

Иностранные компании не только способны обеспечить значительную финансовую поддержку экономике регионов ЮФО за счет своих инвестиций, они также привносят с собой новые технологии и стандарты работы.

Между тем, по мнению аналитиков ИА INFOLine, для принятия стратегических решений о реализации проектов на территории России и ее регионов для последующего постоянного контроля и сопровождения развития бизнеса иностранным инвесторам зачастую не хватает информации о специфике регионального рынка. Им нужно учитывать не только особенности российского законодательства, связанного с работой нерезидентов, российской системы бухгалтерского учета и законов российского банковского рынка, но и знание особенностей российского потребителя [5]. Реализация инвестиционных проектов с иностранным участием порой наталкивается и на сложнопреодолимые бюрократические преграды.

Зарубежным инвесторам также не всегда хватает знаний географии региона. У них «на слуху» в основном крупные города ЮФО: Сочи, Краснодар, Ростов-на-Дону. Однако в районах, расположенных на некотором удалении от центров, зачастую больше преимуществ для развития проектов: недорогая земля, избыток рабочей силы, большая заинтересованность местных властей, готовых оказывать всевозможную поддержку иностранным партнерам. Иностранные инвесторы больше ориентированы на частный бизнес и мало используют возможности, которые возникают при выполнении государственных заказов.

По данным Росстата, в I квартале 2012 г. приток иностранных инвестиций в экономику РФ сократился на 14,7 %, что эксперты связывают с нестабильной ситуацией на мировых финансовых рынках, прежде всего, в Еврозоне: многие компании сворачивают инвестиционные программы, опасаясь серьезных потрясений.

Но динамика привлечения иностранных инвестиций на Юге России идет вразрез с общероссийскими тенденциями. Начало 2012 г. отмечено всевозрастающей активностью потенциальных иностранных инвесторов на Юге России. Так, в марте 2012 г. Ростовскую область посетили делегации более 60 крупнейших иностранных компаний, заинтересованных в сотрудничестве с российскими предприятиями, хотя еще несколько лет назад иностранные инвесторы не рассматривали южнороссийские регионы в качестве приоритетных направлений для развития новых бизнес-проектов.

Таблица 5

Показатели деятельности организаций с участием иностранного капитала в ЮФО

Субъекты ЮФО	Показатели							
	Число действующих организаций (на конец года)				Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), тыс. человек			
	2008 г.*	2009 г.*	2010 г.*	2011 г.**	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ЮФО	1 116	1 212	1 137	2 030	170,5	175,2	165,8	182,4
Республика Адыгея	17	13	20	26	0,7	1,6	3,4	3,4
Республика Калмыкия	7	6	2	5	0,4	0,4	0,3	1,2
Краснодарский край	569	536	492	1 042	51,0	50,0	43,6	55,4
Астраханская область	142	147	133	201	5,4	4,8	5,1	7,9
Волгоградская область	128	145	131	199	37,6	44,7	45,9	44,2
Ростовская область	253	365	359	557	75,4	73,6	67,7	70,3

Окончание таблицы 5

Субъекты ЮФО	Показатели			
	Оборот организаций, млрд руб.			
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
ЮФО	554,6	505,4	606,2	796,2
Республика Адыгея	0,3	0,4	2,2	3,8
Республика Калмыкия	0,4	0,4	0,3	1,3
Краснодарский край	222,9	245,3	277,2	343,6
Астраханская область	14,3	17,5	18,4	19,7
Волгоградская область	62,0	68,5	88,0	101,7
Ростовская область	254,7	173,1	220,1	326,0

Примечание. Составлено по: [19; 20].

* Данные по: [19, с. 418]. ** Данные по: [20, с. 449].

Таким образом, важнейшим результатом использования преимуществ членства России в ВТО, Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве для регионов ЮФО представляется рост объемов экспорта, поступления прямых иностранных инвестиций, конкуренция за которые в мире усиливается. Накопленный на Юге России производственный, ресурсный, кадровый потенциал, геостратегическое положение региона, опыт и инициатива предприятий и организаций-участников ВЭД, их усилия по выходу на мировые рынки позволяют в долгосрочной перспективе прогнозировать динамичное развитие внешнеторговой и международной инвестиционной сфер субъек-

тов РФ ЮФО. Глобализационный инвестиционный процесс при этом выступит катализатором наращивания экспортного потенциала, объемов привлекаемых ПИИ и устойчивой динамики социально-экономического развития регионов Юга России.

Органам исполнительной и законодательной власти субъектов ЮФО, бизнес-сообществу Юга России необходимо уделять большое внимание тем иностранным инвестициям, которые способствуют развитию экономики ЮФО. Для подобных проектов необходимо по возможности снять имеющиеся административные барьеры и принять максимум мер для упрощения и ускорения таможенных процедур.

**Инвестиции в основной капитал организаций с участием иностранного капитала в ЮФО
(в фактически действовавших ценах, млн руб.)**

Субъекты	Годы				
	2007	2008	2009	2010	2011
РФ	1 093 751,0	1 176 239,0	1 117 339,0	1 159 310,0	1 602 164,0
ЮФО	44 945,7	61 232,2	52 477,3	56 269,3	84 273,2
Республика Адыгея	120,0	2 172,5	2 726,0	2 642,5	4 896,0
Республика Калмыкия	398,3	253,5	408,8	568,2	4 584,6
Краснодарский край	17 645,6	23 741,3	22 044,8	31 248,9	41 685,8
Астраханская область	1 370,0	1 418,4	991,0	964,0	3 176,9
Волгоградская область	4 613,3	4 404,3	3 422,2	7 032,8	10 807,7
Ростовская область	20 798,5	29 242,2	22 884,5	13 812,8	19 122,1

Примечание. Составлено по: [20, с. 946].

Уровень инвестиционной привлекательности ЮФО напрямую зависит от эффективного социально-экономического развития региональной экономики. В этой связи основополагающим документом, содержащим концептуальные основы повышения инвестиционной привлекательности Южного федерального округа, является «Стратегия социально-экономического развития ЮФО на период до 2020 года».

Вступление России в ВТО уже предъявляет новые требования к конкурентоспособности регионов. Новые вызовы неизбежно повлекут за собой смену существующей инвестиционной политики. Поэтому, чтобы закрепить позитивную тенденцию прироста иностранных инвестиций (в первую очередь, ПИИ), регионам ЮФО следует внести существенные изменения в инвестиционную политику. Процесс привлечения крупных иностранных инвесторов должен сопровождаться отказом от привычных методов поддержки инвестиционной деятельности. Льготы и преференции отдельным компаниям, пусть даже предоставляемые на конкурсной основе, не дадут масштабного эффекта, необходимо сосредоточить все имеющиеся ресурсы на создании инфраструктуры для бизнеса и подготовке инвестиционных площадок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внешнеэкономическая деятельность // Республика Адыгея. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.adygeya.ucoz.ru/index/0-14> (дата обращения: 23.12.2013). — Загл. с экрана.

2. В поисках «точек роста» // «Панорама». Все новости Ростова и области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.panram.ru/ar_6076357 (дата обращения: 24.09.2013). — Загл. с экрана.

3. В 2012 г. иностранные инвесторы вложили в экономику Кубани более 1,1 млрд долларов (13.02.2013). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://investment.krd.ru/news/territorial/index.php?ELEMENT_ID=2514 (дата обращения: 15.11.2013). — Загл. с экрана.

4. Господарчук, Г. Г. Анализ приоритетов в политике привлечения иностранных инвестиций / Г. Г. Господарчук, С. А. Господарчук // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2012. — № 22. — С. 2—10.

5. Инвестиционная экспансия Юга // Business guide. Приложение № 202 (4500). 29.10.2010. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1532129/> (дата обращения: 14.08.2013). — Загл. с экрана.

6. Иностранные инвестиции в Астраханскую область // Молодой предприниматель Астраханской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.astradelo.ru/documents/stati_po_privlecheniyu_investitsiy/642/ (дата обращения: 12.11.2013). — Загл. с экрана.

7. Инвестиционная деятельность ЮФО // Южное инвестиционное агентство. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://invest-yug.ru/climat/yufo/Dejatel/> (дата обращения: 12.11.2012). — Загл. с экрана.

8. Митрофанова, И. А. Совершенствование налога на прибыль как условие привлечения дополнительных инвестиций в экономику региона / И. А. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — № 14. — С. 68—70.

9. Митрофанова, И. А. Экономико-управленческий механизм стимулирования инвестиционно-инновационной деятельности предприятий: направления и условия / И. А. Митрофанова, А. Ю. Кавич // Финансы и кредит. — 2013. — № 21. — С. 57—60.
10. Митрофанова, И. В. Институциональное обеспечение стратегического планирования территориального развития в современной России / И. В. Митрофанова, С. А. Чаркин, И. А. Митрофанова // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2011. — Т. 11, № 1. — С. 43—51.
11. Морозова, И. А. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм инновационного развития экономики / И. А. Морозова, И. Б. Дьяконова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — № 2. — С. 78—81.
12. Объекты инвестирования (инвестиционные проекты и участки) // Презентация Краснодарского края. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.cs-kuban.ru/index.php?vid=9> (дата обращения: 14.11.2013). — Загл. с экрана.
13. Основные показатели деятельности организаций с участием иностранного капитала по видам экономической деятельности // Центральная база статистических данных. Федеральная служба государственной статистики. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 23.11.2013). — Загл. с экрана.
14. Отчет инвестиционной привлекательности регионов // РА «Эксперт». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2010/1.gif> (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.
15. Причины инвестирования в ЮФО // Южное инвестиционное агентство. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://invest-yug.ru/climat/yufo/Dejatel/> (дата обращения: 14.12.2013). — Загл. с экрана.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 : стат. сб. / Росстат. — М., 2008. — 997 с.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 : стат. сб. / Росстат. — М., 2009. — 996 с.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 : стат. сб. / Росстат. — М., 2010. — 996 с.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 : стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 990 с.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 990 с.
21. Ростовская область привлекает иностранные инвестиции // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Информационный канал. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.cci.ru/main/NewsAMShow.asp?id=30945> (дата обращения: 09.11.2013). — Загл. с экрана.
22. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2012 г. — М. : Федер. служба гос. статистики, 2013. — 84 с.
23. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. : (утв. Распоряжением Правительства РФ от 5 сент. 2011 г. № 1538-р) // Официальный сайт Министерства регионального развития РФ. Департамент стратегического планирования. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/yufo (дата обращения: 12.10.2013). — Загл. с экрана.
24. Фомина, И. Иностранные инвесторы предпочитают теплый климат / И. Фомина // Коммерсантъ.ru. Review (Форум «Сочи-2012»). Приложение № 175 (4957). 19.09.2012. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2025791/print> (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.
25. Эксперты: Визиты бизнесменов в ЮФО не гарантируют притока инвестиций (28.05.2012). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://mauer.wffw.info/?p=819> (дата обращения: 15.09.2013). — Загл. с экрана.

УДК 332.02
ББК 65.05

ВНЕДРЕНИЕ СТАНДАРТА АСИ В РЕГИОНАХ ЮФО

Е.В. Родионова

В статье анализируются достигнутые за 2011 – 2013 гг. результаты действий региональных органов власти ЮФО по выполнению запланированных Правительством РФ плана программных мероприятий, направленных на институционализацию стратегического территориального менеджмента как необходимого условия реализации окружной «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года».

Ключевые слова: Южный федеральный округ, социально-экономическое развитие, стратегия, план, мероприятие, программа, эффективность, инвестиционный климат, Агентство стратегических инициатив, стандарт.

INTRODUCTION OF THE ASI STANDARD IN THE REGIONS OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

E.V. Rodionova

The article analyses the results achieved by the regional authorities of the South Federal District in the 2011 – 2013 in the implementation planned by the Government of the Russian Federation project measures directed on the institutional approach of the strategic territorial management as a necessary condition of the realization of the district "Strategy of social and economic development of the Southern Federal District up to 2020".

Key words: South Federal District, social and economic development, strategy, plan, event, program, efficiency, investment climate, Agency for Strategic Initiatives, standard.

Под стратегическим программированием территориального развития следует, по мнению И.В. Митрофановой, понимать относительно самостоятельное формирование окружным, региональным, муниципальным сообществом целей, императивов, ориентиров и приоритетов устойчивого, безопасного социально-экономического развития в динамичной конкурентной среде на основе программно-целевой методологии, что предполагает публичность и открытость процессов создания стратегий, программ, проектов и планов, конкретизирующих миссию и направления развития социоэкономических систем разного уровня иерархии национального экономического пространства.

Стратегическое программно-целевое управление должно строиться на единых принципах — базовых (легитимность, реальность, нормативность, конкретность, контролируемость, транспарентность и др.) и локально-производных (скользящее планирование, балансирование интересов, вариативность и др.), отражающих специфику организации его отдельных элементов и этапов [1; 2].

В соответствии с указанными базовыми принципами стратегического планирования и региональной экономической политики, а также во исполнение решения Правительства РФ от 12.04.2010 Министерством регионального развития РФ при активном участии Совета по изучению производительных сил была осуществлена разработка «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г.» (далее — Стратегии развития ЮФО) в сотрудничестве с администрациями субъектов РФ, входящими в округ, при координации Полномочного представителя Президента РФ в ЮФО.

В Стратегии развития ЮФО определены стратегические цели, задачи, приоритеты и научно-обоснованный и сбалансированный сценарий социально-экономического развития, пути и механизмы достижения поставленных целей, обеспечивающих повышение уровня и качества жизни населения, а также устойчивое развитие экономики ЮФО на период до 2020 года [10].

Оценивать реализацию стратегии следует в контексте выполнения «Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г.», заявленных к реализации в 2012 – 2013 гг., утвержденного Распоряжением Правительства РФ № 507-р от 17.04.2012, с учетом изменений, внесенных распоряжением Правительства РФ № 1449-р от 16.08.2013) (далее — Плана).

План реализации Стратегии развития ЮФО состоит из четырех блоков мероприятий: I блок включает мероприятия, направленные на создание условий для эффективного развития экономики.

II блок включает мероприятия, направленные на социальное развитие ЮФО.

III блок включает мероприятия, направленные на снятие транспортных, энергетических и других инфраструктурных ограничений.

IV блок содержит мероприятия, направленные на решение экологических проблем [9].

Важнейшие институциональные мероприятия I блока Плана направлены в том числе на модернизацию инвестиционной политики в регионах ЮФО и, в частности, включают: а) разработку и реализацию субъектами ЮФО программ улучшения инвестиционного климата (начиная с 2012 г.) и б) обеспечение внедрения в субъектах ЮФО стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (далее — Стандарт); срок исполнения 2012–2013 годы).

С целью селективного отбора лучших инвестиционных практик субъектов РФ, их обобщения и эффективного тиражирования в регионах страны Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов (далее — АСИ) при участии Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» был разработан «Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе» (далее — Стандарт АСИ). Этот документ направлен на улучшение инвестиционного климата в субъектах РФ и представляет собой совокупность определенных требований, которые при эффективной реализации позволят создать условия для увеличения притока инвестиций в регионы путем внедрения лучшей российской и международной практики взаимодействия региональных органов власти с предпринимателями [11].

Стандарт АСИ содержит 15 универсальных требований, которые условно могут быть разделены на три группы: гарантии инвесторам, обеспечение необходимых условий для реализации инвестиционных проектов, а также наличие региональных инвестиционных стратегий. Универсальность и ограниченное количество требований позволяют охватить все регионы и создать базовую инвестиционную среду (см. таблицу).

Внедрение Стандарта АСИ осуществляется на основе пошаговой «дорожной карты» — формализованного плана, определяющего мероприятия по реализации требований Стандар-

та АСИ и сроки их выполнения, а также ответственных сотрудников органов региональной исполнительной власти.

В период с октября 2011 г. по февраль 2012 г. в соответствии с решением Наблюдательного совета АСИ проводилась апробация Стандарта АСИ в шести пилотных субъектах РФ: Республике Татарстан, Пермском крае, Калужской, Липецкой, Свердловской и Ульяновской областях. Результаты внедрения показали, что такой механизм позволяет обеспечить каждый субъект РФ необходимым набором инструментов для повышения инвестиционной привлекательности, создать систему обмена лучшими практиками в области привлечения инвестиций и работы с инвесторами, совершенствовать механизм взаимодействия бизнеса и власти.

Очевидно, что *внедрение Стандарта АСИ осуществимо только во взаимодействии предпринимательского сообщества и региональных органов власти*, например, в формате общественной экспертизы в рамках так сегодня популярных *краудсорсинговых технологий*, активно внедряемых в практику стратегического территориального менеджмента, а также мониторинга апробации и внедрения. Именно в этих целях сегодня в субъектах РФ формируются экспертные группы из представителей предпринимательского и экспертного сообщества, которые осуществляют согласование дорожных карт, ведут мониторинг выполнения предусмотренных ими мероприятий и их соответствия Стандарту АСИ, а также принимаемых региональными органами исполнительной власти во исполнение требований Стандарта документов.

В то же время внедрение Стандарта АСИ затрудняется отсутствием нормативных стимулов для улучшения регионального инвестиционного климата. В этой связи АСИ предлагается внести изменения в систему межбюджетных отношений, а также установить законодательное определение понятий объектов инфраструктуры в целях применения мер государственной поддержки.

Важно, что в соответствии с Указом Президента РФ № 1276 от 10.09.2012 «Об оценке эффективности деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов РФ по созданию благоприятных условий для осуществления предпринимательской деятельности» наличие основных требований Стандарта АСИ стало с 2013 г. одним из девяти направлений оценки деятельности региональных органов исполнительной власти. Таким образом, его внедрение становится обязательным для всех субъектов РФ [11].

Что же сделано к концу 2013 г. по этой группе мероприятий I блока Плана в субъектах ЮФО?

Алгоритм реализации «Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе» [11]

№	Требования Стандарта АСИ	Краткое содержание действий
1	Наличие Стратегии с обозначением приоритетов для инвестиций в регионе	Утверждение высшими органами государственной власти субъекта РФ Инвестиционной стратегии региона
2	Личные гарантии инвесторам от Главы региона	Принятие Главой региона Инвестиционного меморандума, в котором публично декларируются ключевые принципы взаимодействия региональных органов власти с инвесторами, в том числе: <ul style="list-style-type: none"> – обязательства Главы региона по обеспечению и защите прав инвесторов; – случаи вступления руководителей региона в переговоры с инвесторами
3	План строительства необходимой инфраструктуры	Ежегодно публиковать в наглядной форме план создания инвестиционных проектов и строительства объектов инфраструктуры в регионе, позволяющий инвесторам принимать обоснованные решения об участии в реализации планируемых проектов
4	Исчерпывающий перечень видов и форм государственной поддержки инвестиций	Принятие законодательного акта субъекта РФ о защите прав инвесторов, формах и механизмах поддержки инвестиционной деятельности
5	Предотвращение создания административных барьеров и необоснованного регулирования бизнеса	Принятие нормативного акта, регламентирующего процедуру оценки, регулирующего воздействия (ОРВ) принятых и принимаемых нормативно-правовых актов, касающихся предпринимательской деятельности. Определение органа, осуществляющего ОРВ, мониторинг и анализ ситуации, предлагающего решения
6	Публичное обсуждение с Главой региона проблем и решений для инвесторов	Создать общественный совещательный орган – Совет по улучшению инвестиционного климата, обеспечивающий участие бизнеса в принятии ключевых решений и рассмотрение инициатив бизнес-сообщества
7	Взаимодействие инвесторов с государством в лице профессионалов в сфере инвестиций	Создать специализированную организацию, решающую задачи по привлечению инвестиций и работе с инвесторами. В составе учредителей – органы исполнительной власти субъекта РФ
8	Возможности для открытия бизнеса в отсутствие инфраструктурных барьеров	Обеспечить наличие в регионе доступной инфраструктуры для размещения производственных и иных объектов инвесторов. Создать в регионе: техно- и промышленные парки; бизнес-инкубаторы и центры кластерного развития; фонд поддержки предпринимательства
9	Обеспечение бизнеса необходимыми кадрами	Создание образовательных программ, направленных на удовлетворение потребностей инвесторов, системы переподготовки персонала
10	Рост профессионализма и мотивации специалистов органов власти, взаимодействующих с инвесторами	Обеспечить развитие системы обучения, повышения и оценки компетентности государственных служащих субъекта РФ и сотрудников специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами
11	Участие коммерческих потребителей энергоресурсов в регулировании цен естественных монополий	Создать коллегиальный совещательный орган при Региональной экономической комиссии, включающий представителей делового сообщества, потребителей энергоресурсов

№	Требования Стандарта АСИ	Краткое содержание действий
12	Прямая связь инвесторов с руководством региона	Сформировать канал прямой связи (мобильный телефон, Интернет) инвесторов и руководства субъекта РФ для оперативного решения возникающих вопросов в процессе инвестиционной деятельности
13	Размещение необходимой информации на сайте	Создать специализированный двуязычный интернет-портал об инвестиционной деятельности в субъекте РФ
14	Публичный отчет Главы региона о достижениях и планах по привлечению инвестиций	Ежегодное послание высшего должностного лица субъекта РФ «Инвестиционный климат и инвестиционная политика субъекта РФ»
15	Ясная процедура взаимодействия инвесторов с органами власти, прозрачный механизм отбора инвестиционных проектов, претендующих на господдержку	Разработать регламент сопровождения инвестиционных проектов по принципу «единого окна», представления полного спектра инструментов поддержки на всех стадиях инвестиционного процесса

Волгоградская область: 1) Постановлением Правительства Волгоградской области № 463-п от 31.10.2012 была утверждена «Программа создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Волгоградской области на 2012–2014 гг.»; 2) Постановлением Губернатора Волгоградской области № 847 от 13.09.2012 утвержден «Инвестиционный меморандум Волгоградской области на 2012–2013 гг.» — дополнительный документ, разработанный в целях обеспечения инвесторов информацией, необходимой для принятия решения о вложении средств на территории региона; меморандум определяет приоритеты развития инвестиционной деятельности в Волгоградской области, гарантии и обязательства органов исполнительной власти региона по обеспечению прав инвесторов, а также декларирует основные меры государственной поддержки инвестиционной деятельности.

В Волгоградской области процесс внедрения Стандарта АСИ протекает достаточно активно. Основным вопросом остается согласование и утверждение «дорожной карты» внедрения Стандарта АСИ. В ноябре экспертная группа сформировала предложения и комментарии по отдельным пунктам документа. Вполне возможно, что некоторые положения Стандарта АСИ будут пересмотрены или скорректированы, чтобы заработать в регионе в полную силу [3].

Ростовская область. Постановлением Правительства Ростовской области № 6 от 23.09.2011 утверждена и действует областная долгосрочная целевая программа (ОЦП) «Создание благоприятных условий для привлечения инвес-

тиций в Ростовскую область на 2012–2015 гг.» (в ред. Постановлений Правительства Ростовской области № 765 от 16.08.2012, № 1094 от 20.12.2012, № 324 от 24.05.2013, № 413 от 27.06.2013, № 465 от 26.07.2013, № 569 от 16.09.2013). Но эта ОЦП утрачивает самостоятельность с 01.01.2014 в связи с принятием Постановления Правительства Ростовской области № 599 от 25.09.2013 «Об утверждении государственной программы Ростовской области “Экономическое развитие и инновационная экономика”», поскольку становится ее подпрограммой.

Кроме того, Постановлением Правительства Ростовской области № 474 от 31.07.2013 утверждена «Стратегия развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 г.», разработано и действует современное региональное инвестиционное законодательство, утверждена инвестиционная декларация Ростовской области, создан специализированный инвестиционный портал региона, обеспечена работа канала обратной связи для инвесторов.

В рамках внедрения Стандарта АСИ в Ростовской области проведена следующая работа: утверждена дорожная карта, а также ответственные лица; АСИ сформирована экспертная группа по мониторингу внедрения стандарта в регионе, в состав которой вошли представители предпринимательского, научного сообщества, общественных организаций Ростовской области; создана рабочая группа, куда вошли государственные гражданские служащие Ростовской области, замещающие должности в органах исполнительной власти облас-

ти, осуществляющих полномочия в областях, непосредственно связанных с процессом внедрения Стандарта АСИ, рабочей группой осуществляется устранение замечаний экспертной группы, возникающих по итогам проведения предварительной общественной экспертизы выполнения требований Стандарта АСИ [8].

Астраханская область. Постановлением Правительства Астраханской области № 452-П от 22.10.2012 утверждена комплексная долгосрочная целевая программа «Создание условий для обеспечения благоприятного инвестиционного климата в Астраханской области на 2013–2017 годы». Область ведет активную политику по внедрению Стандарта АСИ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата [6].

Краснодарский край. Постановлением губернатора Краснодарского края № 1080 от 29.09.2011 утвержден документ «О некоторых мерах по улучшению инвестиционного климата в Краснодарском крае»; Постановлением губернатора Краснодарского края № 1308 от 07.11.2011 утверждена «Программа улучшения инвестиционного климата в Краснодарском крае на 2011–2015 годы».

Власти Краснодарского края активно ведут работу по внедрению Стандарта АСИ во взаимодействии с АСИ. В регионе уже реализован целый ряд пунктов Стандарта, в том числе работает «горячая линия» для инвесторов, создана комиссия по улучшению инвестиционного климата, действует сайт «Инвестиции и инвестиционные проекты Краснодарского края» (www.investkuban.ru) на русском и английском языках.

Распоряжением губернатора Краснодарского края № 770-р от 09.09.2013 утвержден «План мероприятий ("дорожной карты") и образования рабочей группы (Проектного офиса) по внедрению Стандарта АСИ» [9].

В завершающей стадии находится работа над ключевым пунктом Стандарта АСИ — долгосрочной инвестиционной стратегией, где обозначены приоритетные точки экономического роста региона.

Республика Калмыкия. В 2012–2013 гг. в республике принят пакет документов: 1) Постановлением Правительства Республики Калмыкия № 255 от 13.07.2012 утверждена республиканская целевая программа «Создание благоприятного инвестиционного климата в Республике Калмыкия (2012–2015 гг.)»; 2) принят Закон Республики Калмыкия № 398-IV-З от 26.12.2012 «Об Инвестиционном фонде Республики Калмыкия»; 3) в рамках последовательной работы, направленной на повышение инвестиционной привлекательности, 01.03.2013

принят Закон Республики Калмыкия № 413-IV-З «О государственной поддержке и защите прав субъектов инвестиционной деятельности в Республике Калмыкия», а также ряд других актов, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата в республике.

Правительством Республики Калмыкия до конца 2013 г. планируется полностью внедрить Стандарт АСИ, одним из требований которого является создание специализированного двуязычного интернет-портала об инвестиционной деятельности субъекта РФ, который обеспечит прямую и обратную связь между властью, бизнесом, инвесторами и жителями региона, вовлечение всех заинтересованных лиц в реализации инвестиционной стратегии субъекта РФ [5].

Республика Адыгея. Постановлением Кабинета министров Республики Адыгея № 127 от 04.07.2011 (ред. от 16.05.2013) утверждена долгосрочная целевая программа «Обеспечение инвестиционной привлекательности экономики Республики Адыгея на 2013–2016 годы». В 2012–2013 гг. в Адыгее велась и ведется активная работа по внедрению Стандарта АСИ: разрабатывается «дорожная карта», по большинству мероприятий Стандарта подготовлены необходимые нормативные документы, разработанные в соответствии с методическими рекомендациями АСИ. Внедрение Стандарта АСИ планировалось осуществить до конца 2013 года [4].

Таким образом, с разной степенью интенсивности процессом разработки и внедрения Стандарта АСИ как важнейшего мероприятия Плана реализации Стратегии развития ЮФО до 2020 г. охвачены все субъекты ЮФО и к середине 2014 г. могут быть заметны уже первые результаты, наиболее важным из которых является рост числа инвесторов и общего объема инвестиций в хозяйственный комплекс регионов ЮФО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанова, И. В. Совершенствование технологии стратегического программирования развития южного макрорегиона / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2009. — № 9. — С. 51–60.
2. Митрофанова, И. В. Институциональное обеспечение стратегического планирования территориального развития в России / И. В. Митрофанова, С. А. Чаркин, И. А. Митрофанова // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2011. — Т. 11, № 1. — С. 43–51.
3. Официальный портал губернатора и Правительства Волгоградской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.volgnet.ru>.
4. Официальный интернет-сайт исполнительных органов государственной власти Республики

Адыгея. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.adygheya.ru>.

5. Официальный сайт Правительства Республики Калмыкия. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.kalmregion.ru>.

6. Официальный портал Правительства Астраханской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.astrobl.ru>.

7. Официальный сайт администрации Краснодарского края. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://admkrasnodar.ru>.

8. Официальный портал Правительства Ростовской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.donland.ru>.

9. План мероприятий по реализации «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г» : утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации

от 17.04.2012 № 507-р : (с изм. на 16.08.2013). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150899 (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.

10. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. : (утв. Распоряжением Правительства РФ от 05.09.2011 № 1538-р) // Официальный сайт Министерства регионального развития РФ. Департамент стратегического планирования. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/yufo/ (дата обращения: 24.11.2013). — Загл. с экрана.

11. Южное инвестиционное агентство. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.invest-yug.ru/climat/yufo/Investprivl/Standart/> (дата обращения: 20.10.2013). — Загл. с экрана.

УДК 338.48
ББК 65.2/4

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВТО

С.К. Волков

В статье анализируются перспективы развития регионального рынка туристских услуг после вступления России в ВТО. Приводятся данные о национальных обязательствах России в сфере туризма в контексте членства ее в ВТО. Делается вывод о том, что конкуренция на региональном туристском рынке будет расти. Предлагается механизм обеспечения конкурентоспособности региональных предпринимательских структур, работающих в сфере туризма.

Ключевые слова: ВТО, региональный туристский рынок, туристский маркетинг, малый и средний бизнес, туристское предприятие.

PROSPECTS OF THE TOURISM DEVELOPMENT IN THE VOLGOGRAD REGION UNDER THE CONDITIONS OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION

S.K. Volkov

Development prospects of the regional market of tourist services after Russia's accession into the World Trade Organization are analyzed in the article. Data on national obligations of Russia are given here in the sphere of tourism in the frame of its membership in the WTO. The conclusion is that the competition in the regional tourist market will grow. The mechanism of ensuring the competitiveness of regional enterprise structures working in sphere of tourism is offered

Key words: WTO, regional tourist market, tourism marketing, small and medium business, tourist enterprise.

Современный рынок туристских услуг характеризуется высокой степенью конкуренции. Ситуация на туристском рынке близка к совершенной конкуренции, в том смысле, что на рынке представлено огромное количество свободных в выборе покупателей (туристов), свободных в принятии решений продавцов (турагентства) и отсутствуют жесткие барьеры для вступления в отрасль. Однако рынку туристских услуг присущи также характеристики и свойства монополистической конкуренции: туристские предприятия устанавливают цены на свои товары и услуги в широком диапазоне, так как их предложения могут отличаться друг от друга качественными и количественными показателями. Турфирмам приходится дифференцировать предложения для разных сегментов рынка.

Рынок туристских товаров и услуг РФ характеризуется как развивающийся. По данным Всемирной туристской организации, ежегодный рост российского туристского рынка составляет 4,4 %. Общий объем туристического рынка России, по разным оценкам, в 2010 г. составил 10 – 11 млрд долларов. Россия постепенно интегрируется в мировое туристское пространство, хотя ее доля в структуре мирового рынка туристских услуг до сих пор остается незначительной, и составляет всего 4 % [9, р. 7]. Более глубокой интеграции российского рынка туристских товаров и услуг в структуру мирового рынка будет способствовать вступление России во Всемирную торговую организацию.

Вступление России в ВТО означает усиление конкуренции на внутреннем рынке туристских услуг. Облегчение доступа на внутренний рынок иностранным туристским агентам означает новые вызовы для российских участников рынка. Речь идет именно об облегчении доступа на рынок туристских товаров и услуг, а не о полном его открытии для иностранных партнеров. Так что же изменится на туристском рынке РФ после вступления в ВТО, и как отразится членство России на региональных рынках туристских услуг?

Изучение основных возможных последствий вступления России в ВТО для регионального рынка туристских услуг рассмотрим на примере туристского рынка Волгоградской области. Волгоградская область – один из крупнейших регионов Южного федерального округа России, обладающих большим туристским потенциалом, в силу своего уникального географического положения, природных условий и исторического наследия. Самым крупным городом данной области является город-герой Волгоград. Несмотря на значительную культурно-историческую значимость данного города,

Структура гостиничного рынка г. Волгограда

Категория гостиницы	Количество объектов	Количество мест
1 звезда	9	700
2 звезды	20	1 000
3 звезды	14	1 300
4 звезды	—	—
5 звезд	—	—
<i>Итого</i>	43	3 000

Примечание. По материалам: [2, с. 57].

туристские потоки характеризуются как крайне малые и слабо развивающиеся. Туризм в городе играет второстепенную роль, несмотря на то что Волгоград (Сталинград) известен далеко за пределами России как историческое место мирового масштаба. На территории Волгограда и Волгоградской области находятся культурно-исторические памятники государственного масштаба. К примеру, монумент «Родина-мать зовет!» вошел в список семи чудес России. Кроме того, Волгоградская область располагает колоссальными природными ресурсами. На территории Волгоградской области расположено семь особо охраняемых природных парков, общая площадь которых составляет свыше 600 тыс. гектаров. Данные природно-рекреационные ресурсы могут и должны быть использованы для развития индустрии туризма в регионе [3, с. 66].

Внутренний поток туристов в Волгоградскую область, по данным государственного казенного учреждения «Агентство развития туризма», за последние 5 лет увеличивается в среднем на 4,5–5 %, и составил в 2011 г. порядка 501 тыс. чел. (в 2006 г. — 400 тыс. чел., в 2007 г. — 420 тыс. чел., в 2008 г. — 448 тыс. чел., в 2009 г. — около 470 тыс. чел., в 2010 — около 481 тыс. чел.) [1, с. 44].

Индустрия гостеприимства Волгограда и Волгоградской области развита довольно слабо. В настоящее время на территории Волгоградской области действуют 65 гостиниц, включая ведомственные, общей вместимостью 5 200 человек; 16 санаториев вместимостью 2 130 человек; 217 турбаз общей вместимостью 5 500 человек. Общий среднегодовой коэффициент загрузки объектов размещения составляет 60 %, в то время как сервис оставляет желать лучшего. Однако большинство гостиниц, баз отдыха и других объектов размещения не соответствуют мировым стандартам по уровню сервиса. Примерно 20 % турбаз, работающих на территории области, соответствуют необходимому уровню гигиены и комфортности, способны функционировать круглогодично, поэтому въездной туризм в Волгоградской области имеет ярко выраженный сезонный характер (май — сентябрь).

Индустрия гостеприимства Волгограда и Волгоградской области развита довольно слабо. По данным специалистов-аналитиков, в 2010 г. в г. Волгограде насчитывалось более 40 гостиниц, с совокупным номерным фондом на 3 000 мест. Более 1 000 номеров распределены между 29 объектами гостиничного проживания категории 1–2 звезды. Кроме того, в городе функционируют 14 гостиниц категории 3 звезды на 650 номеров (см. таблицу).

При этом гостиницы категории 4 звезды не прошли государственной сертификации и не соответствуют заявленному уровню классности [2, с. 57]. Очевидно, что гостиничное предложение характеризуется дефицитом в сегменте 4 и 5 звезд. Учитывая тот факт, что большинство посещающих г. Волгоград приезжают с деловыми целями, думается целесообразным и перспективным строительство гостиниц именно в указанном сегменте гостиничного рынка.

Согласно экспертным оценкам, на каждую тысячу человек должно приходиться 6 гостиничных мест. Таким образом, на миллионный город должно приходиться не менее 6 000 мест. Обеспеченность населения и гостей Волгоградской области гостиничным фондом составляет 3 места на 1 000 человек. Очевидно, что в структуре гостиничного предложения существует дефицит номерного фонда, что естественным образом сказывается на динамике туристских потоков как в город, так и в регион в целом.

Средняя стоимость проживания в гостинице категории 1–2 звезды в Волгограде составляет 1 950 рублей. В сегменте 3 звезды этот показатель равен 3 150 рублей. Для сравнения, в Краснодаре стоимость проживания в гостиницах той же классности составляет порядка 2 150 руб. и 3 983 руб. в сутки соответственно. Средняя стоимость проживания в гостиницах Ростова-на-Дону составляет 2 074 руб. в сутки для категории 1–2 звезды и 4 127 руб. для категории 3 звезды [2, с. 57]. Таким образом, Волгоград характеризуется наименьшими ценами на услуги размещения среди крупных городов ЮФО.

Основные пики загрузки гостиничных объектов приходятся на период с марта по ноябрь и связаны с выставочным сезоном, проходящим в это время на территории Волгоградской области. Среднегодовая загрузка гостиничных объектов составляет 60 %. Средняя продолжительность пребывания в гостиницах Волгограда и региона составляет 2,5 суток [там же].

Рынок гостиничных услуг г. Волгограда характеризуется как рынок с четко обозначившимися чертами олигополистической конкуренции. Рынок гостиничных услуг представлен довольно малым количеством продавцов услуг (гостиниц), вход в отрасль новых производителей гостиничных услуг сильно ограничен. На рынке действуют только внутренние игроки. На территории города и региона нет ни одного коллективного средства размещения из мировой гостиничной сети. Все это негативным образом сказывается на уровне конкуренции, а как следствие, и на качестве предоставляемых услуг и на уровне цен.

Рынок гостиничных услуг г. Волгограда на данном этапе его развития далек от насыщения и имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. Необходимо не только строительство новых объектов размещения, но и значительная модернизация уже существующего номерного фонда гостиниц.

Сравнивая слабые стороны туристической отрасли и возможности, имеющиеся на рынке туристических услуг Волгоградской области, можно сделать следующие выводы: существующая система управления, законодательная база, маркетинговая система продвижения регионального турпродукта, кадровый, инвестиционный потенциал и инфраструктура туристической отрасли не позволяют в полной мере реализовать возможности, имеющиеся в Волгоградской области. При существующем положении дел, сложившемся в туристической отрасли, Волгоградской области сложно рассчитывать на активное развитие туризма.

Как же может повлиять вступление России в ВТО на региональный рынок туристских услуг Волгоградской области? 22 августа 2012 г., после ратификации Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО, наша страна официально стала 156-м членом этой организации. Россия в качестве государства — члена ВТО принимает на себя все обязательства по Марракешскому соглашению об учреждении этой организации. Переходные периоды для либерализации доступа на рынок составляют два-три года, по наиболее чувствительным товарам — пять-семь лет. Взятые Россией обязательства распространяются не только на рынки товаров, но и на сферу услуг. В то же время, как отмечают специалисты, сфера услуг, в том числе и туристская отрасль, меньше всего попадает под регулирование нормами ВТО, вследствие чего меньше других отраслей должна почувствовать на себе негативные последствия вступления РФ в ВТО. Более того, многие специалисты высказывают мнение, что вступление Рос-

сии в ВТО положительно скажется на развитии туристского рынка РФ.

Так, заместитель руководителя Ростуризма Е. Писаревский уверен, что присоединение России к ВТО не опасно для российского турбизнеса, уже встроено в мировой туристский рынок, и положительно скажется на его развитии. По его словам, турбизнес давно работает в условиях открытого и свободного рынка. Свидетельство тому — многочисленные сделки слияния и поглощения между крупными зарубежными холдингами и российскими туроператорами. А также то, что некоторые российские компании сами являются собственниками транснациональных туристических корпораций. Например, бизнесмену А. Мордашову принадлежит доля в 20,45 % в европейском туристическом холдинге TUI [8].

Аналогичного мнения придерживается и директор Департамента торговых переговоров Министерства экономического развития РФ — М. Медведков. По его словам, «признавая туристскую деятельность одной из приоритетных отраслей экономики РФ, государство намерено содействовать ее развитию, осуществлять поддержку и защиту российских туристов, туроператоров, турагентов и их объединений. В соответствии с нашими будущими обязательствами, Россия сохранит за собой возможность предоставлять финансовую помощь, направленную на цели развития туризма в областях, связанных с культурой и национальной самобытностью» [6].

Для целей контроля иностранных инвестиций, в российских обязательствах по доступу на отечественный рынок туристических услуг в рамках Всемирной торговой организации зафиксировано требование учреждения иностранными организациями юридического лица в Российской Федерации.

В области туроператорской деятельности гарантией надежности российских партнеров должно стать требование подтверждения не менее 5-летнего опыта работы в стране происхождения инвестора.

При условии перенасыщения иностранного капитала на российском рынке туроператорских услуг, Россия также временно оставляет за собой возможность ввести ограничение на долю иностранного участия в уставном капитале (голосующих акциях) совместного предприятия на уровне 49 % [6].

Однозначно ожидается усиление конкурентной борьбы на всех рынках туристской индустрии (рынок гостиничных услуг, рынок перевозок, рынок общественного питания и т. д.). На российский региональный туристский рынок направятся иностранные агенты, ценовая поли-

тика и уровень сервиса которых значительно выше отечественных участников рынка. Значительные изменения предвидятся на рынке пассажирских авиаперевозок. Приход иностранных авиакомпаний значительно пошатнет позиции отечественных авиаперевозчиков. Предвидится понижение стоимости перелетов для российских туристов, что положительно образом скажется на динамике туристских перемещений. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что это будет дополнительно стимулировать выездной туризм.

Основные проблемы, по мнению автора, связаны с необходимостью значительного упрощения доступа для иностранных организаторов на российский туристский рынок. В частности, крупные иностранные операторы, как, например, немецкий концерн Touristic Union International (TUI), пойдут на российский рынок, в том числе и на региональный, с целью возмещения своих убытков в целом по миру, представляя на нем более качественные и менее дорогие туристские услуги по всем основным туристским направлениям. В этой связи российские туроператоры, ориентированные прежде всего на выездной туризм, будут вынуждены, не выдержав конкуренции, уйти с рынка или превратиться в их младших партнеров или агентов [4]. Уход с рынка мелких и средних туристических операторов положительно скажется на условиях обслуживания туристов, которые в значительной мере будут защищены от риска предоставления некачественных услуг. На российском рынке туроператорских услуг намечается тенденция укрупнения. На рынке останутся исключительно крупные игроки, обладающие значительными материально-техническими ресурсами.

После прихода иностранных туристских агентов на отечественный рынок туристских услуг, они будут вынуждены инвестировать в развитие туристской инфраструктуры в России, без чего национального туризма как сложнейшего межотраслевого комплекса существовать не может по определению. Именно это должно послужить стимулом для привлечения дополнительного числа туристов в Россию, а не слабо выразительные попытки продвижения национального туристского продукта.

Таким образом, можно сделать очевидный вывод о том, что в значительной мере от вступления России в ВТО выиграет потребитель туристских услуг, который получает более дешевое и более качественное обслуживание.

Все вышеперечисленные тенденции характерны и для туристского рынка Волгоградской области. Ожидается, что туристский поток в регион будет расти в преддверии организации и проведения матчей Чемпионата мира по футболу 2018 года. Ожидается увеличение не только

болельщиков, но и бизнес-туристов, которые будут участвовать в инвестиционных проектах реконструкции социально-инженерной инфраструктуры Волгоградской области. По нашим прогнозам, туристский поток в регион может достигнуть 1 млн чел. к 2018 году. В этой связи членство России в ВТО будет способствовать проникновению международных игроков туристской отрасли на региональный рынок. Смогут ли региональные организаторы туризма справиться с возросшей конкуренцией, пока остается не понятно. Очевидно лишь то, что большинство мелких и средних предприятий, работающих в сфере туризма, будут вынуждены уйти с рынка, не выдержав ценовой конкуренции. Ни для кого не секрет, что туристская отрасль на Западе пользуется серьезной государственной поддержкой, чего нельзя сказать об отечественной индустрии туризма, которая, несмотря на декларируемую важность для национальной экономики, по-прежнему остается второстепенной и финансируется по остаточному принципу. Отсюда и вытекает разница в цене туристских услуг. В этой связи региональный малый и средний бизнес в сфере туризма находится в зоне повышенного риска. Что же делать представителям бизнес-сообщества для минимизации предпринимательских рисков в контексте членства России в ВТО?

Предлагается следующий механизм обеспечения конкурентоспособности региональных предпринимательских структур, работающих в сфере туризма.

Во-первых, активизация работы отраслевых ассоциаций. В силу того, что интересы туристской отрасли в рамках ВТО имеет право отстаивать исключительно государство, важную роль будет играть процесс коммуникации между предприятиями туристской сферы и федеральной властью. Международный опыт показывает, что наиболее эффективным способом взаимодействия между бизнес-сообществом и государством являются отраслевые ассоциации. На сегодняшний момент на российском рынке туристских услуг нет единого представителя интересов туристского бизнеса России. Существуют отраслевые ассоциации, которые представляют интересы отдельных сегментов туристского рынка: Ассоциация туроператоров России (АТОР), Федерация Рестораторов и Отельеров России (ФРиО), Российская ассоциация эксплуатантов воздушного транспорта (АЭВТ), ОПОРА РОССИИ и т. д. Однако все перечисленные ассоциации представляют исключительно интересы входящих в их состав предприятий, но не всей туристской отрасли России. В этой связи видится целесообразным создание единой Ассоциации предприятий турист-

ской отрасли России, которая бы объединяла всех организаторов туристского рынка страны и координировала их деятельность в сфере защиты интересов как на внутреннем, так и на международном уровнях.

Во-вторых, усиление роли маркетингового инструментария в хозяйственно-экономической деятельности региональных фирм туристской отрасли. Особое внимание стоит уделить такому маркетинговому инструменту, как программы лояльности потребителей. Программа лояльности — маркетинговый инструмент, помогающий оптимизации взаимоотношений фирм с клиентами. Целью применения программ лояльности является не только привлечение новых клиентов (хотя это тоже является немаловажным фактором), но и установление долгосрочных взаимоотношений с уже имеющимися покупателями. В основе любой такой программы лежит принцип поощрения клиента, с применением индивидуального подхода к удовлетворению нужд и потребностей потребителей [8, с. 56]. Лояльность подразумевает взаимодействие — долгосрочные отношения потребителя (туриста) и компании. В самом общем виде лояльность ассоциируется с совершением повторной покупки и с решением о регулярном потреблении того или иного товара. Формирование лояльного потребителя должно стать мощным инструментом в конкурентной борьбе с новыми игроками регионального туристского рынка.

В-третьих, развитие информационных технологий. Система информационных технологий, используемых в туризме, состоит из компьютерной системы резервирования, системы проведения телеконференций, видеосистем, компьютеров, информационных систем управления, электронных информационных систем авиаалиний, электронной пересылки денег, телефонных сетей, подвижных средств сообщения и т. д. [7, с. 111]. Региональным туристским предприятиям необходимо наращивать свое присутствие в сети Интернет. Необходимо развивать электронную коммерцию (от англ. e-commerce) на региональных бизнес-площадках. Электронная коммерция позволит региональным туристским компаниям более эффективно и гибко осуществлять внутренние бизнес-операции, оперативней взаимодействовать с туристскими контрагентами (авиаперевозчиками, автобусными компаниями, ресторанами, гостиницами и т. п.) и быстрее реагировать на запросы и ожидания потребителей (туристов). Активное использование интернет-технологий в процессе обслуживания туристов поможет не только снизить транзакционные издержки туристским предприятиям, но и будет способствовать повышению их кон-

курентоспособности на международном рынке туристских товаров и услуг.

Таким образом, можно сделать очевидный вывод о том, что региональный рынок туристских услуг не понесет существенных потерь после вступления России в ВТО. Очевидно, что туристская отрасль понесет определенные потери, в том контексте, что с рынка будут уходить мелкие неконкурентоспособные туристские фирмы. Для восполнения возможных потерь мелким и средним туристским фирмам необходимо консолидировать свои усилия в плане защиты и отстаивания своих экономических интересов как на федеральном, так и на международном туристских рынках. Усиливающаяся конкуренция на региональном туристском рынке положительно отразится на интересах потребителей, которые получат более качественный и более дешевый туристский продукт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков, С. К. Особенности маркетингового продвижения Волгоградской области как туристского направления / С. К. Волков // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 46. — С. 43 — 49.
2. Волков, С. К. Современное состояние и перспективы развития рынка гостиничных услуг г. Волгограда / С. К. Волков // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 24. — С. 56 — 59.
3. Волков, С. К. Туристская индустрия Волгоградской области: анализ преимуществ и слабых сторон / С. К. Волков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 34. — С. 65 — 69.
4. ВТО и туристический бизнес в России. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.djoen.ru/notebook/vto-i-turisticheskij-biznes-v-rossii.html> (дата обращения: 24.12.2013). — Загл. с экрана.
5. Вступление РФ в ВТО положительно скажется на развитии туристского рынка. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://mfd.ru/news/view/?id=1664870> (дата обращения: 23.12.2013). — Загл. с экрана.
6. Как отразится вступление России в ВТО на туристской сфере? Какие выгоды для регионального турбизнеса сулит членство в ВТО и какие недостатки? — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.rgwto.com/faq.asp?id=52411&topic_id=2969&full_mode=1 (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.
7. Мацебера, С. А. Информационные технологии в туризме / С. А. Мацебера // Информационные технологии в управлении туристической и курортно-рекреационной экономикой: сб. материалов III науч.-практ. конф. — Бердянск: АУИТ «АРИУ», 2007. — С. 56 — 61.
8. Хлебович, Д. И. Сфера услуг: маркетинг: учеб. пособие / Д. И. Хлебович; под ред. Т. Д. Бурменко. — М.: КНОРУС, 2007. — 240 с.
9. Tourism highlights, 2012 edition. — Madrid: UNWTO, 2012. — 123 p.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

О.Ю. Патракеева

В статье приведена общая характеристика земельных ресурсов Ростовской области в целом и сельскохозяйственных земель в частности. Показано, что кадастровая оценка земель является основой определения их социально-экономической ценности. Обозначены методологические проблемы, возникающие при определении кадастровой стоимости земли.

Ключевые слова: регион, земельные ресурсы, земли сельскохозяйственного назначения, кадастровая оценка, ЮФО, Ростовская область, урожайность, бонитет, земельный налог.

CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF THE CADASTRAL ASSESSMENT OF THE AGRICULTURAL LANDS OF THE ROSTOV REGION

O.Yu. Patrakeeva

The general characteristic of the land resources of the Rostov region and, in particular, agricultural land is discussed in this article. It is shown that the cadastral valuation of land is the basis for the determining its socio-economic value. The methodological issues arising in the determining of the cadastral value of the land are identified.

Key words: region, land resources, agricultural land, cadastral assessment, South Federal District, Rostov region, yield, yield class, land tax.

В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации [3], землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей (гл. 14, ст. 77, п. 1).

В Ростовской области земли сельскохозяйственного назначения составляют 87,3 % территории области (8 813,8 тыс. га), земли населенных пунктов — 4,4 % (448,4 тыс. га), земли лесного фонда — 3,4 % (344,6 тыс. га), земли водного фонда — 2,2 % (217,1 тыс. га), земли запаса — 1,7 % (168,1 тыс. га). Землями промышленности и иного специального назначения (93,3 тыс. га) занято лишь 0,9 % всей территории Ростовской области, землями особо охраняемых территорий и объектов — 0,1 % (11,4 тыс. га) [4].

В соответствии с Земельным кодексом, «в составе земель сельскохозяйственного назначения выделяются сельскохозяйственные угодья, земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, лесными насаждениями, предназначенными для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений, водными объектами, а также зданиями, строениями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции» (гл. 14, ст. 77, п. 2). В целом структура земель сельскохозяйственного назначения Ростовской области представлена в таблице 1.

Как видно из таблицы 2, наиболее плодородными землями располагают южная и восточная природно-сельскохозяйственные зоны. Наименее благоприятны условия для земледелия в восточной зоне.

Социально-экономическая ценность земельных ресурсов определяется при их кадастровой оценке, целью которой является информационное обеспечение регулирования земельных отношений собственников, землепользователей с государством, при этом земля оценивается не как средство производства, а как объект фискальных отношений [1].

Платное землепользование в России было введено Законом «О плате за землю» в ноябре 1991 года. В соответствии с ним земельные платежи включают земельный налог с собственников участков, арендную плату, нормативную плату, по которой осуществляется продажа участков органами государственной власти [5].

Согласно Налоговому кодексу РФ, налоговая база определяется в отношении каждого участка как его кадастровая стоимость. Соот-

Изменения и структура земель сельскохозяйственного назначения Ростовской области, тыс. га

№	Угодья	2011 г.	2012 г.	Изменения за отчетный период, %
Земли сельскохозяйственного назначения		8 815,6	8 813,8	-1,8
1	Сельскохозяйственные угодья	8 162,4	8 161,2	-1,2
1.1	Пашня	5 719,9	5 722,1	+2,2
1.2	Многолетние насаждения	34,9	34,7	-0,2
1.3	Сенокосы	77,7	77,2	-0,5
1.4	Пастбища	2 329,9	2 327,2	-2,7
2	В стадии мелиоративного строительства (сельхозугодья) и восстановления плодородия	19,8	19,4	-0,4
3	Лесные площади	17,0	17,0	–
4	Лесные насаждения, не входящие в лесной фонд	239,0	239,0	–
5	Под водой	106,8	106,8	–
6	Земли застройки	46,1	46,1	–
7	Под дорогами	106,0	106,0	–
8	Болота	32,1	32,0	-0,1
9	Нарушенные земли	1,1	1,1	–
10	Прочие земли	85,3	85,2	-0,1

Примечание. Составлено по: [4].

ветственно, работы по определению государственной кадастровой оценке земель направлены в первую очередь на регулирование ставок земельного налога. Вследствие того, что за последние годы отмечался рост кадастровой стоимости, значительно увеличились ставки арендной платы за пользование землей и величина земельного налога.

Таким образом, переход на кадастровую базу земельного налогообложения затрагивает комплекс финансовых, экономических, нормативно-правовых, политических аспектов земельных отношений [2]. В рыночных условиях определение адекватной оценки земель является одной из актуальных проблем сельскохозяйственного сектора.

Однако, по мнению автора, руководствоваться кадастровой стоимостью для совершения сделок с конкретным земельным участком сельскохозяйственного назначения не представляется возможным вследствие определенных методологических недостатков. К ним относятся: отсутствие использования при расчетах принципа наиболее эффективного использова-

ния, применение агрегированных стоимостных показателей затрат и цен, а также необоснованные норма прибыли и коэффициент капитализации [8].

Для этого необходимо определить его рыночную стоимость, которая находится в прямой зависимости от спроса и предложения на рынке и от характера конкуренции продавцов и покупателей. Для получения актуальной рыночной стоимости следует использовать информацию и отдельные показатели, содержащиеся в земельном кадастре, например, показатель балл бонитета, которые представляет собой качественную характеристику естественных свойств земельного участка. В целом же под ним понимается уровень урожайности на земельном участке сельскохозяйственных культур как суммарный показатель его плодородия.

Бонитировка почв является основой кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения. Однако подобная информация крайне редко обновляется. В Ростовской области оценка земель проводилась ЮЖНИИгипроземом в 1992–1993 гг. на основе крупномасш-

табных почвенных и геоботанических обследований. Основу оценочных работ составила бонитировка почв (оценка почв по природным свойствам) и частная оценка (относительно продуктивности отдельных культур). Данные представлены в таблице 2.

Южная, центральная и приазовская зоны характеризуются высокими показателями рентабельности и прибыли с гектара земли (табл. 3). Наиболее сложная ситуация складывается в восточной зоне. Связано это не только с низким уровнем продуктивности пашни из-за дефицита влаги и невысокого плодородия почвы, но и удаленностью от рынков сбыта, и, соответственно, высокими транспортными расходами.

Проведем первичный анализ зависимости кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения от их урожайности. Анализ проводился по муниципальным образованиям Ростовской области за 2012 год. Как видно из рисунка, урожайность определяет порядка 44 % вариации кадастровой стоимости, хотя в действительности данный показатель вносит гораздо больший вклад в определение стоимости по доходному подходу при прочих равных условиях.

Для определения адекватной кадастровой стоимости земельного участка необходимо вычислить базовые оценочные показатели продуктивности и затрат, рассчитать рентный доход и исходя из этого вывести кадастровую

Таблица 2

Оценка земель природно-сельскохозяйственных зон Ростовской области, баллы

Зоны	Бонитет почв пашни	Частная оценка пашни по культурам					Природные кормовые угодья	
		зерновые	кукуруза на зерно	подсолнечник	овощи	многолетние травы	сенокосы	пастбища
Северо-Западная	54	53	50	43	36	27	11	7
Северо-Восточная	49	51	48	43	34	26	8	6
Центральная	58	67	63	46	50	38	13	7
Приазовская	62	75	76	54	55	42	12	7
Южная	67	80	82	47	57	43	10	6
Восточная	32	45	36	25	34	21	6	5
Область	53	61	61	44	44	32	8	6

Примечание. Составлено по: [4].

Таблица 3

Экономическая оценка структуры посевных площадей

Зоны	Средняя урожайность, ц/га зерн. ед.	Затраты на 1 га пашни, тыс. руб./га	Выручка от реализации, тыс. руб./га	Прибыль, тыс. руб./га	Рентабельность, %
Северо-восточная	22,5	8,2	9,0	0,8	9,7
Северо-западная	25,4	9,1	10,2	1,1	12,1
Центральная	34,5	11,6	13,8	2,2	19,0
Восточная	19,2	7,3	7,7	0,4	5,5
Южная	42,1	13,5	16,8	3,3	24,4
Приазовская	35,2	12,0	14,1	2,1	17,5

Примечание. Составлено по: [4].

стоимость 1 га сельскохозяйственных угодий в целом по региону России. В свою очередь, для определения кадастровой стоимости субъектов оценки требуется расчет интегральных показателей по типам почв, технологическим свойствам и местоположению, являющихся рентообразующими факторами [7]. Данный алгоритм является первым приближением к решению поставленной задачи и требует серьезной проработки и дальнейшего изучения.

Одновременно с этим налог на землю является стимулом рационального использования сельхозугодий в случае, если он не отклоняется от своего оптимального значения. Так, увеличение земельного налога снижает прибыль сельскохозяйственного предприятия, а при нулевой (или крайне низкой) прибыли оно не способно инвестировать в материально-техническую базу. В случае заниженной кадастровой стоимости доходы бюджета будут снижаться.

Таким образом, налогообложение, ориентированное на специфику экономического положения конкретной территории и на принцип оптимальной кадастровой оценки, будет отвечать интересам землепользователей и государства.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках Программы Президиума № 32 «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности» (проект «Инвестиционная привлекательность и сценарии развития южного макрорегиона»).

² Данные по кадастровой стоимости были взяты по 1-й группе земель — земли сельскохозяйственного назначения, пригодные под пашню, сенокосы, пастбища, занятые залежами на дату проведения государственной кадастровой оценки земель, многолетними насаждениями, внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями, лесными насаждениями, предназначенными для обеспечения защиты земель от воздействия негативных (вредных) природных, антропогенных и техногенных явлений, а также водными объектами, предназначенными для обеспечения внутрихозяйственной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апишев, А. А. Социально-экономическая оценка природных (земельных) ресурсов как основа моделирования механизма платного землепользования / А. А. Апишев, Б. А. Хахук // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5, Экономика. — 2011. — № 4. — С. 196–203.
2. Бессонова, Е. А. Совершенствование инструментов кадастровой оценки земельных угодий / Е. А. Бессонова // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. — 2011. — № 1 (28). — С. 184–189.
3. Земельный кодекс РФ. — Режим доступа: <http://www.zemkodeks.ru/> (дата обращения: 17.02.2014). — Загл. с экрана.
4. Зональные системы земледелия Ростовской области на период 2013–2020 гг. Ч. 1 // ФАНО. ГНУ Донской НИИСХ. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.dzni.ru/index.php/produktsiya/sroki-seva/8-institut/29-zonalnye-sistemy-zemledeliya-rostovskoj-oblasti-na-period-2013-2020-gg> (дата обращения: 17.02.2014). — Загл. с экрана.

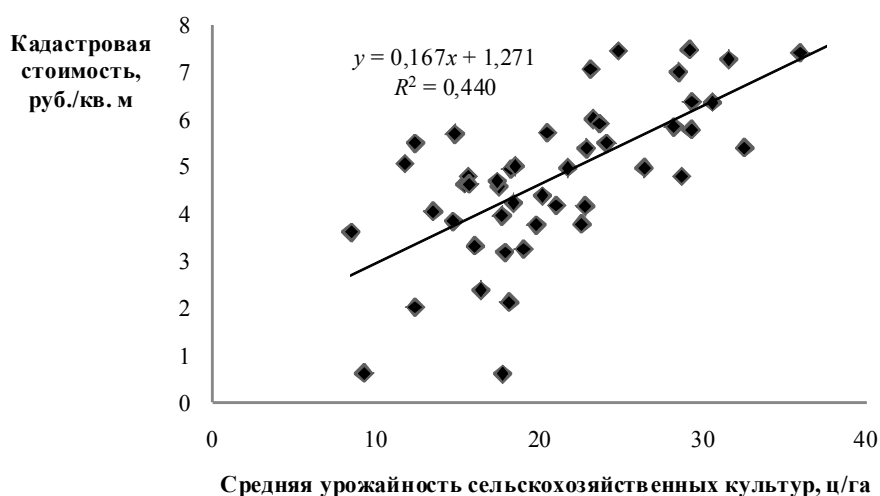

Рисунок. Зависимость кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения от их урожайности ²

Примечание. Рассчитано по: [6].

5. Масаев, К. Э. Формирование кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий РСО – Алания для обеспечения налоговых поступлений / К. Э. Масаев, Р. Б. Албегов // Известия Горского государственного аграрного университета. – 2013. – № 3 (50). – С. 21 – 26.

6. Постановление Правительства Ростовской области от 28.11.2013 № 717 «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения (за исключением земельных участков в составе садоводческих, огороднических и дачных объединений), расположенных на территории Ростовской области» // Официальный пор-

тал Правительства Ростовской области. – Режим доступа: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=124219> (дата обращения: 16.02.2014). – Загл. с экрана.

7. Рассыпнов, В. А. Бонитировка почв как основа кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения / В. А. Рассыпнов, Е. М. Соврикова // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 11 (97). – С. 103 – 106.

8. Чурсин, А. И. Рассмотрение кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения на территории Пензенской области / А. И. Чурсин // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 2. – С. 87 – 93.

УДК 663.2/8; 664; 620.9
ББК 67(2Р-6КБ)

ОЦЕНКА И РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

**Г.А. Бабков, Л.И. Муратова,
М.Р. Захохова**

В статье рассматриваются вопросы сущности и структурных элементов сферы продовольственного обеспечения населения. Разрабатываются и реализуются, на материалах Кабардино-Балкарской Республики, методические подходы к оценке роли изучаемой сферы в региональной экономике, выявлению закономерностей и энергетической оценке потребления продуктов питания, анализу экономической конъюнктуры, обоснованию стратегических ориентиров развития.

Ключевые слова: сфера, продовольственное обеспечение, население, регион, оценка, закономерности, моделирование, продукты питания, конъюнктура, стратегические ориентиры, развитие.

ASSESSMENT AND THE DEVELOPMENT OF THE SPHERE OF THE FOOD PROVISION OF THE POPULATION: REGIONAL ASPECT

**G.A. Babkov, L.I. Muratova,
M.R. Zakhokhova**

In the article the questions of the nature and the structural elements of the sphere of food security for the population. Develops and implements, on the materials of the Kabardino-Balkarian Republic, the methodological approaches to the assessment of the role of the studied sector in the regional economy, regularities and energy assessment food consumption analysis of the economic situation, the substantiation of the strategic guidelines of the development.

Key words: sphere, food security, population, region, assessment, regularities, modeling, food, environment, strategic orientations, development.

В соответствии с Конституцией, Российская Федерация является социальным государством, в котором создаются условия для достойной жизни и свободного развития человека, обеспечивается государственная поддержка населения с гарантиями социальной защиты.

Особую роль в обеспечении государственных социальных обязательств имеет сфера продовольственного обеспечения населения, которая тесно связана с продовольственной безопасностью, соответствием состояния АПК и жизнедеятельности населения пороговым значениям продовольственной независимости с позиций характеристик уровня, структуры и качества питания, несоблюдение которых обуславливает негативные последствия [3; 5; 8].

С этих позиций для АПК страны характерны недостаточный рост и неустойчивое развитие сельского хозяйства и пищевой промышленности, диспаритет цен, закредитованность товаропроизводителей и дефицит финансовых ресурсов при огромных процентных ставках, высокая и повышающаяся продовольственная инфляция, увеличение объемов и удельного веса нетто-импорта продовольствия.

Во многих странах эволюционно осуществляется переход от динамической модели обеспеченности населения пищевой продукцией и продовольственной безопасности страны (связанной с внедрением передовых технологий производства продуктов питания) к инновационной (характеризующейся массовым освоением биотехнологий для производства экологического и безопасного для здоровья и жизни населения продовольствия).

В РФ этап динамических трансформаций пришелся на 80-е гг. прошлого столетия, в настоящее время на качественно ином уровне во многом восстанавливаются предшествующие разработки, тогда как с позиций инновационного развития агропромышленного комплекса наблюдаются только отдельные ростки и благие пожелания.

В этой ситуации очевидна необходимость обоснования и формирования надежной и устойчивой сферы продовольственного обеспечения населения (СПОН), разработки и стратегической реализации совокупности продуктовых балансов, включающих не только характеристики производства и потребления, спроса и предложения пищевой продукции, но также наличия финансовых средств у населения и товаропроизводителей [9], с превышением пороговых значений продовольственной независимости, доминированием отечественного самообеспечения продовольственными ресурсами.

Агропромышленный комплекс как сложная экономическая система включает в себя раз-

личные структурные элементы: сельское хозяйство, пищевую промышленность, продовольственный рынок, производственную и непродовольственную инфраструктуру [2].

Базисом агропромышленного комплекса является сельскохозяйственное производство, представленное в реальной практике сельскохозяйственными организациями, хозяйствами населения и фермерскими, крестьянскими хозяйствами.

Сельское хозяйство производит продовольственную продукцию двоякого назначения: как для непосредственной продажи населению (яйца, мед, часть молочной и мясной продукции и др.), так и для переработки другими отраслями народного хозяйства. Соответственно, пищевая промышленность производит конечную продукцию для потребления населением, а специализированная торговля осуществляет реализацию продовольственной и пищевой продукции.

Субъекты хозяйствования, участвующие в обеспечении населения продуктами питания, во-первых (в рамках деятельности сельскохозяйственных организаций, хозяйств населения и крестьянских, фермерских хозяйств), формируют продовольственные ресурсы, во-вторых (с позиций выпуска пищевой промышленностью соответствующей продукции) — пищевые ресурсы, в-третьих (через функционирование розничной торговли, общественного питания и натуральных поступлений продуктов питания в домохозяйства), осуществляют прямое обеспечение населения продовольствием.

В итоге сферу продовольственного обеспечения населения, имеющую особую роль в обеспечении государственных социальных обязательств, следует рассматривать как область деятельности и часть потребительской подсистемы региональной экономики, в которой, на основе сочетания личных и общественных интересов, осуществляется удовлетворение потребностей человека в продуктах питания.

При этом функциями сферы продовольственного обеспечения населения являются физическая и экономическая доступность достаточной в количественном отношении, качественной, безопасной и питательной пищи, надежность и устойчивость деятельности в рамках производства необходимых объемов и ассортимента продуктов питания, их потребительского соответствия спросу населения.

Базисными элементами региональной сферы продовольственного обеспечения населения являются сельское хозяйство и пищевая промышленность. Кроме того, в рамках функционирования личных подсобных хозяйств многие домохозяйства имеют натуральные поступле-

ния продуктов питания. В целом эта сфера является частью, структурным элементом потребительской подсистемы региональной экономики [1; 7].

Специфическую роль в региональной сфере продовольственного обеспечения населения имеет распределительно-обменный механизм, как характерный признак функционирования торгового сектора, в том числе розничной торговли продовольственными товарами и товарами общественного питания.

Торговый сектор, с одной стороны, осуществляет последовательную трансляцию товаров и денежных средств, с другой стороны, трансформацию продуктов (результатов человеческого труда в материально-вещественной форме) в товар (объект купли-продажи), товара в деньги, денежных средств (в виде издержек и инвестиций) — в воспроизводство новых продуктов.

Сущность разработанного и реализованного алгоритма обоснования и оценки, исходя из статистических данных, объемов деятельности СПОН в регионе заключается в измерении общих объемов производства товаров и услуг (с выделением пищевой продукции, торговли продовольственными товарами, оборота общественного питания), в том числе — продовольственного комплекса и сферы продовольственного обеспечения.

Для этого на первом этапе рассчитывается объем производства товаров и услуг, как сумма промышленности (включающей добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, а также производство и распределение электроэнергии, газа и воды), аграрного сектора, строительства и сферы услуг.

Сущность второго этапа заключается в том, что, в рамках обрабатывающих производств, выделяются объемы пищевых продуктов и рассчитывается их удельный вес в общем объеме производства товаров и услуг. На третьем этапе, в системе розничного товарооборота, выделяются объемы торговли продовольственными товарами, с расчетами соответствующих долей в общем объеме производства товаров и услуг.

Логика четвертого этапа определяется выделением в системе анализируемых показателей, исходя из статистических данных, оборота общественного питания с оценкой его удельного веса в общем объеме производства товаров и услуг.

Рассчитанная на пятом этапе совокупность объемов продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности характеризует размеры продовольственной сферы того или иного субъекта Федерации.

В итоге с помощью корреляционно-регрессионного анализа осуществляется оценка сопоставимых объемов (в постоянных ценах) деятельности сферы продовольственного обеспечения населения в системе видов экономической деятельности региона, что позволяет выявить закономерности их динамических трансформаций.

По КБР в 2012 г. [4] объем производства в текущих ценах товаров и услуг, как сумма промышленности (включая добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, а также производство и распределение электроэнергии, газа и воды), аграрного сектора, строительства и сферы услуг, составил 179 500 млн руб., увеличившись по сравнению с 2011 г. на 9,3 %.

При этом доля сферы продовольственного обеспечения в общем объеме производства товаров и услуг региона составляет 28,8 %, что свидетельствует о том, что эта сфера является значимым элементом в региональной экономике Кабардино-Балкарской Республики.

Анализируя структуру товаров и услуг, с выделением сферы продовольственного обеспечения Кабардино-Балкарской Республики (в среднем за 2005–2008 гг. и 2009–2012 гг.), можно выявить, что во втором периоде, по сравнению с первым, существенно возрос удельный вес пищевой промышленности (на 7,7 п. п.), в итоге доля сферы продовольственного обеспечения увеличилась с 25,9 до 26,4 %.

С учетом индексов физических объемов определены сопоставимые объемы деятельности сферы продовольственного обеспечения, которые за 2005–2012 гг. возросли в 1,905 раз. Поскольку общий индекс, характеризующий изменения объемов деятельности в текущих ценах, равен 2,972 раза, то индекс цен составляет 1,560 раз.

На основе корреляционно-регрессионного анализа выявлена зависимость сопоставимых объемов деятельности сферы продовольственного обеспечения за 2005–2012 гг. от фактора времени. Расчеты, в рамках полученной модели, свидетельствуют о непрерывном увеличении соответствующих характеристик с 24 924 млн руб. в 2005 г. до 51 290 млн руб. в 2012 году.

Для анализируемой динамики характерно непрерывное снижение цепных темпов роста (в % к предыдущему году). Иными словами, наблюдается закономерность замедления темпов роста, с возможным переходом к стагнации объемов деятельности как продовольственного комплекса региона, так и сферы продовольственного обеспечения.

Для аналитико-прогностического исследования аграрного сектора экономики в регионе

разработана технология, включающая этапы информационного обеспечения, расчета скользящих средних, индексного анализа (разложения общего индекса продукции сельского хозяйства в текущих ценах на индексы физических объемов и ценового фактора), расчета объемов продукции в постоянных ценах, корреляционно-регрессионного моделирования динамических зависимостей и прогнозирования развития аграрного сектора экономики.

В динамике по конкретным годам в регионе наблюдаются существенные изменения объемов сельскохозяйственного производства, с сочетанием этапов роста и падения. Такие колебания объемов продукции сельского хозяйства обусловлены, прежде всего, их зависимостью от погодных условий, в связи с чем возникает необходимость нивелирования их влияния посредством расчета средних скользящих характеристик, в которых сочетаются преимущества, с одной стороны, непрерывности анализируемого ряда, с другой стороны, усреднения колеблющихся параметров.

Исходя из объемов продукции сельского хозяйства региона за последний отчетный год, с учетом индексов физических объемов, определяются сопоставимые объемы продукции сельского хозяйства (в постоянных ценах) по годам анализируемой динамики, анализ которых позволяет выявить специфические закономерности трансформаций характеристик производственной деятельности сельскохозяйственного производства региона.

С помощью корреляционно-регрессионного анализа осуществляется изучение зависимостей сопоставимых объемов сельскохозяйственной продукции от фактора времени с выбором лучших моделей, на основе которых проводится прогнозирование развития регионального сельского хозяйства на ближайшие годы.

Аграрный сектор экономики Кабардино-Балкарской Республики развивается в рамках функционирования различных категорий хозяйствования, в том числе сельскохозяйственных организаций (СХО), хозяйств населения (ХН) и крестьянских, фермерских хозяйств (КФХ).

В 2012 г. объем сельскохозяйственного производства по региону составил 30 286 млн руб., включая 6 475 млн руб. (21,4 %) продукции, произведенной сельскохозяйственными организациями, 14 272 млн руб. (47,1 %) – хозяйствами населения, 9 529 млн руб. (31,5 %) – крестьянскими (фермерскими) хозяйствами [4].

Вместе с тем в динамике место, масштабы и значимость различных категорий хозяйствования в аграрном секторе экономики Кабардино-Балкарской Республики существенно разнятся, что объясняется тектонически-

ми сдвигами в процессе реформирования отрасли за последние два десятилетия.

В 1990 г. крестьянских (фермерских) хозяйств не существовало, сельскохозяйственное производство функционировало в рамках предприятий и личных подсобных хозяйств, причем большую часть растениеводческой продукции производили предприятия, а животноводческой — личные подсобные хозяйства.

В дальнейшем, особенно в последние годы, наблюдается бурное развитие крестьянских (фермерских) хозяйств, на фоне разнообразных (в длительной динамике) трансформаций других секторов аграрной экономики региона.

В целом за анализируемый период 1995 — 2012 гг. сопоставимые объемы продукции сельского хозяйства, произведенные всеми категориями хозяйств, увеличились в 2012 г. до 30 286 млн руб. против 13 849 млн руб. в 1995 г., соответственно, по скользящим четырехлетиям — до 27 465 млн руб. в 2009—2012 гг., при 13 219 млн руб. в 1995—1998 годах.

При этом наблюдающийся рост (в 25 раз) объемов продукции сельского хозяйства в текущих ценах, произведенной всеми категориями хозяйств, прежде всего, связан с ценовым фактором, воздействие которого в 5,23 раза выше значимости темпов роста реальных объемов деятельности.

Анализ структуры продукции сельского хозяйства, в постоянных ценах, Кабардино-Балкарской Республики в разрезе различных категорий хозяйств (сельскохозяйственных организаций, хозяйств населения, а также крестьянских, фермерских хозяйств) позволяет сделать ряд выводов.

По сельскохозяйственным организациям, как по растениеводческой, так и животноводческой продукции, на фоне случайных отклонений наблюдается тенденция вначале снижения удельных весов СХО в региональных объемах производства (с минимумами в 2006 г. и 2007 г.), при дальнейшем увеличении в 2008—2012 годах.

Иная ситуация характерна для хозяйств населения, по которым, в рамках обеих базовых подотраслей сельского хозяйства, очевидна тенденция вначале увеличения удельных весов ХН в сопоставимых объемах производства КБР (с максимумом в 1998 г.), при дальнейшем снижении.

Доля крестьянских, фермерских хозяйств первые девять лет была очень низкой (порядка 1 %, как по растениеводческой, так и животноводческой продукции), после чего она возросла к 2012 г. до 39,7 % по первой подотрасли, 21,4 % — по второй, 31,5 % — в целом.

Закономерности развития региональной экономики характеризуются параметрами и прогностическими возможностями регрессионных моделей, которые позволяют выявить и экстраполировать динамические трансформации сельскохозяйственного производства региона. Реалистический сценарий на 2013г. оценивается объемом продукции в размере 31,3 млрд руб., соответственно на 2014 г. — порядка 33,1 млрд рублей.

Основными видами продукции сельского хозяйства региона являются зерно, подсолнечник, картофель, овощи, мясо, молоко, яйца; пищевой промышленности — мясо и субпродукты первой категории, цельномолочная продукция, масло растительное и животное, хлебная продукция и пр.

Сопоставление продовольственной (сельскохозяйственной) и пищевой (произведенной соответствующей промышленностью) продукции КБР в динамике за 1990—2012 гг. свидетельствует о деградации многих подотраслей пищевой промышленности, особенно с позиций производства масла растительного, мясных и молочных продуктов, на фоне явных драйверов роста в виде водки и ликероводочных изделий, вин и минеральной воды. Объясняется это резко разнящейся маржинальностью тех или иных видов пищевой промышленности.

Судя по скользящим четырехлетиям за 1995—2012 гг., наблюдаются различные тенденции развития основных отраслей сельского хозяйства КБР. По зерну, семенам подсолнечника и шерсти, после определенного периода снижения, далее наблюдается в целом последовательный рост, тогда как для картофеля, овощей и бахчевых, мяса, молока и яиц, по существу — непрерывное увеличение объемов производства.

Прогнозные характеристики объемов производства продовольственной продукции в рамках инерционного сценария развития составляют: к 2015 г. на уровне 727 тыс. т зерна, 41 тыс. т семян подсолнечника, 271 тыс. т картофеля, 422 тыс. т овощей и бахчевых, 55 тыс. т мяса, 393 тыс. т молока и 200 млн шт. яиц; по стратегическим ориентирам на уровне 917 тыс. т зерна, 56 тыс. т семян подсолнечника, 362 тыс. т картофеля, 585 тыс. т овощей и бахчевых, 74 тыс. т мяса, 484 тыс. т молока и 250 млн шт. яиц.

В системе воспроизводственного процесса заключительной стадией является потребление, характеризующее использование произведенного продукта для удовлетворения определенных потребностей.

Основным аспектом исследования потребления населения является анализ его обеспе-

чения продовольствием, в рамках балансов соответствующих ресурсов, свидетельствующих о движении продукции от этапа производства до этапа конечного использования.

На их базе осуществляется прогнозирование развития ситуации на потребительском рынке, формируются фонды потребления и рассчитываются среднедушевые характеристики потребления населением пищевой продукции.

Алгоритм анализа и прогнозирования среднедушевых характеристик потребления населением продуктов питания включает ряд соответствующих этапов исследования, нацеленных на изучение закономерностей потребления основных продуктов питания в регионе с прогнозированием его на ближайшие годы.

Вначале, на основе статистических данных, осуществляется информационное обеспечение исследования, проводится изучение рядов динамики, характеризующих среднедушевое потребление населением пищевой продукции.

Далее, на основе корреляционно-регрессионного анализа, осуществляется экономико-математическое моделирование зависимостей потребления конкретных продуктов питания от фактора времени с экстраполяцией соответствующих характеристик на ближайшие годы.

Посредством подстановки в лучшие экономико-математические модели различных значений фактора времени выявляются закономерности динамических изменений среднедушевого потребления населением региона различных продуктов питания, осуществляются экстраполяционные расчеты на ближайшую перспективу.

Проведенные расчеты позволяют также выявить, когда, в рамках сохранения наблюдающегося тренда, в регионе можно будет достигнуть рациональных параметров потребления продуктов питания, отвечающих современным требованиям здорового питания в РФ и нормам Всемирной организации здравоохранения.

Основными продуктами питания населения являются мясо и мясопродукты, молоко и молочные продукты, яйца, сахар, растительное масло, картофель, овощебахчевые, фрукты и ягоды.

Судя по имеющимся данным за 1995–2012 гг. [4], с позиций среднедушевого потребления мяса, после длительного периода снижения (с минимальными параметрами в 1995–2001 гг.), далее, в рамках постепенного ускорения, осуществляется непрерывное увеличение анализируемого показателя.

В итоге в 2012 г. уровень среднедушевого потребления мяса населением КБР (58 кг/чел.) несколько превышает соответствующую характеристику 1990 г., однако, существенно от-

стает от рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (78 кг/чел.), а также от нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (72,5 кг/чел.).

Как показывают результаты моделирования и соответствующие расчеты, достигнуть рациональной нормы потребления мяса, отвечающей современным требованиям здорового питания в РФ, можно уже к 2016 г., а нормы Всемирной организации здравоохранения — к 2017 году.

По молоку за анализируемый период на фоне чередования этапов снижения и стабилизации вплоть до 2007 г. впоследствии наблюдается в рамках существенного ускорения непрерывное увеличение среднедушевого потребления этой продукции в регионе.

Вместе с тем даже в 2012 г. потребление молока населением КБР ниже соответствующей характеристики 1990 года. Кроме того, оно значительно меньше рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (450 кг/чел.) и даже нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (330 кг/чел.).

Как показывают результаты моделирования и соответствующие расчеты, в рамках сохранения наблюдающегося тренда достигнуть рациональной нормы потребления молока, отвечающей современным требованиям здорового питания в РФ, в КБР можно к 2017 г., тогда как нормы Всемирной организации здравоохранения — только к 2023 году.

По растительному маслу за 1995–2012 гг., после длительного периода снижения (с минимальными параметрами среднедушевого потребления в 1995–2002 гг.), далее, в рамках постепенного ускорения, осуществляется непрерывное увеличение анализируемого показателя.

В 2012 г. среднедушевое потребление растительного масла населением КБР не только превышает соответствующую характеристику 1990 г., но и рекомендации Всемирной организации здравоохранения (9,1 кг/чел.), несколько отставая от нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (11 кг/чел.).

Как показывают результаты моделирования и соответствующие расчеты, достигнуть рациональной нормы потребления растительного масла, отвечающей современным требованиям здорового питания в РФ, в КБР можно уже к 2014 году.

По яйцам за 1995–2012 гг., на фоне чередования этапов снижения и стабилизации вплоть до 2009 г., впоследствии наблюдается, в рамках существенного ускорения, непрерывное увеличение их среднедушевого потребления.

Вместе с тем даже в 2012 г. потребление яиц населением КБР ниже соответствующей характеристики 1990 года. Кроме того, оно значительно ниже нормы Всемирной организации здравоохранения (291 шт./чел.) и даже нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (260 шт./чел.).

Расчеты показывают, что в рамках сохранения наблюдающегося тренда достигнуть рациональной нормы потребления яиц, отвечающей современным требованиям здорового питания в РФ, в КБР можно к 2015 г., тогда как нормы Всемирной организации здравоохранения — только к 2020 году.

С позиций среднедушевого потребления картофеля за 1995–2012 гг., после определенного периода снижения (с минимальными параметрами в 1995–2000 гг.), далее, в рамках постепенного ускорения, в целом осуществляется увеличение анализируемого показателя.

В итоге в 2012 г. уровень среднедушевого потребления картофеля населением КБР не только превышал соответствующую характеристику 1990 г., но и норму Всемирной организации здравоохранения (117 кг/чел.), а также норму, отвечающую современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (97,5 кг/чел.).

Исходя из статистической информации по КБР, можно сделать вывод, что среднедушевое потребление сахара составляло в 1990 г. 38 кг/чел. Вместе с тем в 1995–2002 гг. оно существенно снизилось. Далее, на фоне определенной колеблемости, потребление сахара увеличивалось вплоть до 2008–2009 гг., после чего наблюдается по существу его стабилизация.

В 2012 г. потребление сахара населением КБР превысило соответствующую характеристику 1990 года. При этом оно по-прежнему значительно ниже нормы Всемирной организации здравоохранения (47 кг/чел.), но значительно выше нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (26 кг/чел.).

По овощам и продовольственным бахчевым за 1995–2012 гг., после определенного периода снижения (с минимальными параметрами в 1995–1998 гг.), среднедушевое потребление далее, в рамках постепенного ускорения, в целом увеличивается.

В 2012 г. уровень среднедушевого потребления овощей и продовольственных бахчевых населением КБР не только превышает соответствующую характеристику 1990 г., но и норму Всемирной организации здравоохранения (139 кг/чел.), а также норму, отвечающую

современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (130 кг/чел.).

Среднедушевое потребление хлебных продуктов населением КБР составляло в 1990 г. 103 кг/чел., в дальнейшем колебалось примерно вокруг этого уровня, с максимумом потребления в 1995–1996 гг. и 2005 г. (от 106 до 108 кг/чел.), а в последние годы снизилось до 100 кг/чел.

В 2012 г. потребление хлебных продуктов населением КБР несколько ниже соответствующей характеристики 1990 года. При этом оно ниже нормы Всемирной организации здравоохранения (117 кг/чел.), находясь на уровне нормы, отвечающей современным требованиям здорового питания в Российской Федерации (100 кг/чел.).

Потребление населением фруктов и ягод в КБР колеблется за 2005–2012 гг. от 62 кг/чел. в 2006–2007 гг. до 78 кг/чел. в последние годы. При этом наблюдается определенная тенденция роста потребления этих важных продуктов питания. Однако в регионе не достигнут даже уровень, отвечающий современным требованиям здорового питания в РФ (95 кг/чел.), не говоря уже о намного большей норме Всемирной организации здравоохранения (182 кг/чел.).

Судя по статистическим данным, среднедушевое потребление рыбы и рыбной продукции за этот период колебалось от 4,1 кг/чел. в 2005 г. до 4,7 кг/чел. в 2012 г., с определенной стабилизацией в последние годы. Этот продукт питания является самым лимитирующим качественное питание населения в регионе, так как норма ВОЗ составляет 18,2 кг/чел., а норма, отвечающая современным требованиям здорового питания в РФ, достигает 20 кг/чел.

С позиций динамики потребления различных продуктов питания населения КБР выявляются четыре специфические закономерности: в рамках роста, после предшествующего снижения (по мясу, молоку), непрерывного увеличения (по растительному маслу, яйцам, картофелю, овощебахчевым, фруктам и ягодам), замедления роста с переходом к снижению (по сахару), медленного снижения (по хлебным продуктам) и стабилизации (по рыбе и рыбным продуктам).

По сахару, растительному маслу и хлебным продуктам современный уровень потребления примерно соответствует требованиям здорового питания в РФ и рекомендациям ВОЗ.

По картофелю, овощам и бахчевым современные характеристики потребления превышают требования здорового питания в РФ. Вместе с тем по продуктам животного происхождения, включая рыбу и рыбные продукты, а также фруктам и ягодам наблюдается за-

метное отставание от норм как Всемирной организации здравоохранения, так и Российской Федерации.

Экономическая конъюнктура в сфере продовольственного обеспечения населения во многом определяется факторами и условиями, прежде всего, связанными с характеристиками производства и реализации товаров, потребления и стоимости продуктов питания, уровней и динамики цен, а также доходов населения. Соответственно, методика конъюнктурного анализа сферы продовольственного обеспечения включает четыре блока, начиная от информационного обеспечения исследования и заканчивая экономико-математическим моделированием с соответствующим прогнозированием.

В первом блоке, опираясь на предшествующий анализ среднедушевого потребления продуктов питания в динамике, осуществляется энергетическая оценка пищевых рационов населения региона, исследуются их структура и стоимостные характеристики, включающие ценовую оценку как конкретных продуктов питания, так и среднедушевого рациона в целом.

Логика исследования второго блока определяется изучением среднедушевых доходов населения и потребительских цен в сфере продовольственного обеспечения конкретного субъекта Российской Федерации.

В третьем блоке осуществляются, исходя из индексов физических объемов, как сопоставимая оценка (в постоянных ценах) среднедушевых доходов населения, так и трендовое моделирование этих доходов, а также потребительских цен.

Диалектика заключительного, четвертого блока, определяется многофакторным моделированием зависимости объемов пищевого рациона от доходов населения и цен, выявлением закономерностей развития и прогнозированием характеристик пищевого рациона.

Конкретные продукты питания характеризуются разным содержанием килокалорий. С учетом этих характеристик рассчитана энергетическая оценка среднедушевого пищевого рациона по КБР. В 1990 г. соответствующий рацион содержал 869,9 тыс. ккал. В 1995–2002 гг. наблюдался длительный период крайне низкой энергетической ценности рациона, колеблющейся от 725 тыс. ккал в 1995–1996 гг. до 778 ккал в 2002 году. Далее наблюдается этап в целом постепенного увеличения энергетической ценности рациона, вплоть до 929 тыс. ккал в 2012 году.

Доля продуктов животного происхождения в среднедушевом пищевом рационе населения региона в 1990 г. составляла 39,4 %, углеводистых продуктов – 52,4 %. В динамике за

1995–2012 гг. в первом случае наблюдается, после длительного этапа снижения, последовательный рост удельных характеристик, тогда как во втором, после этапа увеличения, последовательное снижение соответствующих параметров.

При этом удельный вес продуктов животного происхождения и в 2012 г. не достиг уровня 1990 г. (39,4 %), тогда как доля углеводистых продуктов в конце анализируемого периода даже несколько выше (56,2 %) характеристики 1990 г. (52,4 %). Во все годы удельный вес углеводистых продуктов существенно (иногда в два раза) больше доли продуктов животного происхождения [6].

Наблюдающиеся значительные различия структуры пищевого рациона, с превалированием углеводистых продуктов, прежде всего, обусловлены влиянием ценового фактора. В 2012 г. стоимость 100 ккал по конкретным продуктам в ранжированном ряду составляла: 0,765 руб. по сахару, 0,797 руб. – по растительному маслу, 1,66 руб. – по хлебным продуктам и картофелю, 4,28 руб. – по овощебахчевым, 6,92–6,93 руб. – по молоку и мясу, 8,22 руб. – по яйцам.

Как видно, полярные различия стоимости 100 ккал энергии по конкретным продуктам питания достигают 10,7 раз. При этом самой дешевой является энергия, потребляемая из продуктов, содержащих жиры, и углеводистых продуктов.

Однако стоимость одного килограмма различных продуктов существенно различается. Поэтому важной является сравнительная оценка продуктов питания, при одинаковых расходах и прочих равных условиях, как с позиций общего количества килокалорий, так и содержания белка, жиров, углеводов.

Соответствующие расчеты показали, что по количеству растительных белков на первом месте находятся хлебные продукты, по животным – мясо. По содержанию жиров растительное масло многократно превышает другие продукты. По количеству углеводов доминирует сахар, за ним следуют хлебные продукты. С позиций комплексного наличия и соотношения белков, жиров и углеводов наиболее гармоничным продуктом является молоко.

Многофакторный корреляционно-регрессионный анализ позволил за разные периоды, с целью оценки адекватности и прогностических свойств полученных моделей, выявить зависимости среднедушевых объемов пищевого рациона от среднедушевых сопоставимых доходов населения и индексов потребительских цен последовательно за 1995–2010 гг., 1995–2011 гг. и 1995–2012 годы.

Сопоставление, на основе использования первой модели, прогнозных характеристик с отчетными за 2011–2012 гг. (при разнице 1,3 %) позволяет сделать вывод о близости прогноза реальным характеристикам. Сравнение, в рамках использования второй модели, прогнозной характеристики с отчетной за 2012 г. свидетельствует об адекватности расчетов, так как разница составляет всего лишь 0,5 %.

Прогнозные характеристики реалистического сценария среднедушевых объемов пищевого рациона на 2013 г. составляли 926,8 тыс. ккал/чел., на 2014 г. — 928,4 тыс. ккал/чел., а на 2015 г. — 927 тыс. ккал/чел. При этом, как показывают расчеты, в динамике наблюдается замедление темпов роста объемов анализируемого показателя.

Методика обоснования стратегических ориентиров развития сферы продовольственного обеспечения населения региона включает этапы анализа динамических рядов и прогнозирования численности населения, расчетов объемов и стоимости фондов потребления пищевой продукции в настоящее время и на перспективу с оценкой обеспеченности населения региона собственными продуктами питания.

Сопоставляя характеристики продовольственной корзины с нормативными рекомендациями по пищевому рациону Всемирной организации здравоохранения и Минздрава РФ с позиций современных требований здорового питания, можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, нормативные рекомендации, с позиций структуры пищевого рациона, резко отличаются от соответствующих параметров продовольственной корзины, в которых, как правило, существенно ниже потребление мяса, молока, яиц, фруктов и ягод, а также овощей.

Во-вторых, в рамках общей калорийности нормативы Всемирной организации здравоохранения значительно превышают как российские нормативы, так и характеристики продовольственной корзины. При этом доля продуктов животного происхождения должна быть в перспективе для населения РФ существенно увеличена.

В-третьих, более качественный и дорогой пищевой рацион, в рамках нормативных требований, с позиций стоимости 100 ккал, требует значительно больших денежных средств. В ценах 2012 г. [4] расходы на питание одного трудоспособного человека, в рамках потребительской корзины, составляли 2,8 тыс. руб. в месяц, тогда как стоимость нормативного рациона составляет порядка 4 тыс. рублей.

С учетом среднедушевых характеристик потребления пищевой продукции, а также численности населения того или иного региона, определяются размеры фондов потребления конкретных продуктов питания по субъекту Федерации.

Очевидно, что для определения размеров фондов потребления пищевой продукции на перспективу необходимо знать соответствующую численность населения, которая обоснована в рамках использования корреляционно-регрессионного анализа.

В соответствии с численностью населения и среднедушевым потреблением продуктов питания рассчитываются соответствующие фонды потребления пищевой продукции в регионе по фактическим данным, а также необходимые по прогнозу, выявляется разное сочетание объемов ввоза (включая импорт) и вывоза (включая экспорт).

Исходя из объемов производства основных продуктов питания (фактических, по прогнозу на 2015 г., а также в рамках стратегических ориентиров) и цен 2012 г., рассчитана стоимость производимой продукции сферы продовольственного обеспечения, соответственно, составляющая 40,4, 44,9 и 59,3 млрд рублей.

Судя по характеристикам структуры, самый высокий удельный вес в стоимости произведенной продукции наблюдается по молоку и молочным продуктам (с существенным снижением в динамике), мясу и мясопродуктам (с определенной стабилизацией), меньший — по подсолнечнику и яйцам (также с определенной стабилизацией). Доля зерна последовательно снижается, тогда как удельный вес овощей, фруктов и ягод последовательно возрастает.

Сравнивая, в рамках стратегических ориентиров, объемы продукции с фондами потребления (при нормативном питании населения), следует ранжировать виды продукции. По яйцам объемы производства и потребления, по существу, совпадают, по зерну, мясу, фруктам и ягодам характеристики производства выше параметров потребления в 1,1 раз, по молоку и молочной продукции — в 1,4 раза, по подсолнечнику (с позиций возможного производства растительного масла) — в 3 раза, по картофелю и овощам, соответственно — в 4,3 и 4,9 раза.

Таким образом, при выходе на стратегические ориентиры сфера продовольственного обеспечения Кабардино-Балкарской Республики сможет не только обеспечивать свои региональные потребности, но и осуществлять значительный вывоз разнообразных видов продукции в другие регионы страны и на экспорт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабков, Г. А. Методика экономических исследований и расчетов в региональной и сервисной экономике / Г. А. Бабков, Л. И. Муратова, С. А. Понамarenko. — Шахты : ЮРГУЭС, 2009. — 584 с.
2. Бабков, Г. А. Сущность и структурные элементы АПК / Г. А. Бабков // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2011. — № 9. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-33-332011/item/599-2011-09-08-08-47-12> (дата обращения: 13.11.2013). — Загл с экрана.
3. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 2010. — 3 февр.
4. Кабардино-Балкария в цифрах. — Нальчик : Кабардино-Балкариятат, 2013. — 276 с.
5. Кушхов, Г. К. Императивы стратегического развития сферы продовольственного обеспечения в регионах ЮФО / Г. К. Кушхов. — Нальчик : Полиграфсервис и Т., 2006. — 314 с.
6. Митрофанова, И. В. АПК Южного макрорегиона: статистика кризиса / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 24. — С. 26–38.
7. Муратова, Л. И. Сущность, сочетание и значимость подсистем региональной экономики в субъектах РФ / Л. И. Муратова, А. Е. Демьяненко // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2012. — № 3. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-39-392012/item/1163-2012-03-24-06-59-21> (дата обращения: 23.11.2013). — Загл с экрана.
8. Роднина, Н. В. Развитие системы продовольственного обеспечения населения в условиях модернизации экономики : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Н. В. Роднина — Якутск : Изд-во СВГУ, 2011. — 43 с.
9. Ушачев, И. Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства России / И. Г. Ушачев // Доклад на Всероссийском конгрессе экономистов-аграрников. — М. : ВНИЭСХ, 2009. — 14 с.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО РЫНКА ЮФО

И.В. Пожилова

В статье обоснована актуальность стратегии развития жилищного рынка ЮФО и вопросов жилищной политики в современных условиях. Анализируются стратегические приоритеты развития российского жилищного рынка и перспективы их достижения, а также основные проблемные сферы. Определены тенденции, особенности и перспективы развития рынка жилья ЮФО. Обоснована логика и необходимость уточнения и оптимизации задач, инструментов и механизмов реализации стратегии развития жилищного рынка ЮФО с учетом межрегиональной дифференциации социально-экономического развития, преимуществ, ограничений, а также эффективности регионального управления.

Ключевые слова: жилищный рынок, жилищная политика, социальная политика, стратегия, жилищное строительство, Юг России, региональное развитие.

STRATEGIC VECTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE HOUSING MARKET OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

I.V. Pozhilova

The understanding of urgency of the strategy of the housing market's development is considered. The strategic priorities of the Russian housing market, prospects of their implementation as well as the problematic spheres are analyzed. Current economic tendencies, peculiarities as well as prospects of the development of the housing market of the South Federal District are shown. The logic and necessity of the effective approaches to the strategy of the housing market's development and housing policy of the South Federal District is proved, taking into consideration regional social, political and economic difference as well as the efficiency of regional management.

Key words: housing market, housing policy, social policy, strategy, housing construction, South of Russia, regional development.

Роль жилищного строительства в социально-экономическом развитии России особенно значима в условиях реализации новой модели экономического роста, которая предполагает в своей стратегической основе повышение уровня качества жизни граждан, соответствие более высоким социальным стандартам. Экономический рост и эффективная социальная политика — базисные и взаимообуславливающие принципы стратегического развития Российской Федерации. Эффективная социальная политика невозможна без экономического роста и, в свою очередь, улучшение качества жизни по основным социально-экономическим показателям за счет экономических и инновационных возможностей создает условия реализации инновационного потенциала, достижения долгосрочных и среднесрочных экономических задач.

Жилье — один из основных факторов качества жизни. Обеспеченность жильем является фундаментальной потребностью каждого человека, важнейшей социально-экономической характеристикой уровня развития страны и регионов, неотъемлемым конституционным правом. Очевидно, что проблема доступности и обеспеченности жильем связана с уровнем развития жилищного строительства, с государственной жилищной политикой, методами и инструментами ее реализации, с мерами государственного регулирования и экономического стимулирования предложения и спроса на рынке жилья.

Жилищное строительство — крупнейшая отрасль национальной экономики с высоким мультипликативным эффектом, а состояние строительного комплекса — один из показателей экономического и технологического развития государства. Развитие жилищного строительства стимулирует производство стройматериалов, машиностроение, металлургию, нефтехимию. Общий объем этой сферы — более 2 трлн руб., из них добавленная стоимость составляет более 1 трлн, или 2,5 % ВВП.

Жилищное строительство активизирует развитие такого сектора создания добавленной стоимости, как сектор операций с недвижимым имуществом, аренда и предоставления услуг. Развитие жилищного строительства определяет темп социально-экономического развития страны, макрорегионов, интенсифицирует процессы модернизации экономики, является фактором инновационного развития и эффективным механизмом защиты сбережений и средств в период экономических кризисов.

Рынок жилья — это сложная, многоаспектная система отношений, интегрированная экономическая категория, которой присущи черты рынков товаров, инвестиций и услуг. Это

инфраструктурная категория, связанная с созданием условий, необходимых для осуществления производственной, коммерческой, социальной и иной деятельности [2, с. 312]. Принципиально важным представляется рассмотрение рынка жилья и его развития во взаимосвязи с жилищной экономикой, поскольку формирование эффективной жилищной экономики включает в себя помимо рынка жилья сектор аренды жилья, жилищное строительство и жилищное финансирование [7]. С одной стороны, именно взаимосвязь этих секторов обеспечивает значительный совокупный эффект от развития и расширения одного из них. Качественное улучшение жилищной экономики обеспечивает интенсивный экономический рост, и в контексте сформулированных стратегических приоритетов развития Российской Федерации жилищная экономика может стать и целью, и средством развития. Вместе с тем проблематика жилищной экономики весьма сложна, поскольку заслуживают отдельного внимания макроэкономический и микроэкономический аспекты.

С другой стороны, сложность разработки и реализации государственной жилищной политики обусловлена поиском баланса между принципами экономической и социальной эффективности в жилищной сфере, учитывая современные условия развития российской экономики и общества, а также дифференциацию в региональном развитии.

Таким образом, система базовых концепций современной жилищной экономики определяет сложность и многоаспектность исследования рынка жилья и обосновывает стратегическую необходимость эффективной государственной жилищной политики.

Формирование эффективных рынков жилья и развитие жилищного строительства — процессы, безусловно, длительные. Анализируя основные результаты жилищной политики за двадцать лет преобразований (с 1991 по 2012 г.), можно утверждать, что проблема обеспеченности комфортным жильем и его доступности остается до настоящего времени нерешенной, а по некоторым категориям граждан эта проблема серьезно усугубилась.

В той или иной степени для всех российских регионов актуальны проблемы износа жилого фонда, дефицита предложения жилья экономического класса, высокой стоимости жилья и низкого платежеспособного спроса на жилье, неблагоприятного предпринимательского климата, законодательной необеспеченности, административных барьеров. Принципиально важные экономические стимулы и механизмы для развития жилищного строительства и ши-

рокомасштабной реализации направлений государственной политики по-прежнему в стадии формирования или начального развития. Современное состояние и основные тенденции развития рынка жилья и жилищного строительства свидетельствуют о неэффективном регулировании, серьезных системных проблемах и противоречиях в этой сфере. Социально-экономические параметры рынка жилищного строительства не отвечают потребностям современной социальной политики, задачам дальнейшего развития экономики и запросам российского общества.

Предыдущий этап преобразований в жилищной сфере, связанный с задачами Национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» (2005–2010 гг.), не получил своего последовательного эффективного развития, однако выявил комплекс системообразующих проблем, которые предстоит решать в дальнейшем. Так, сокращение ввода жилья, износ фондов, административные барьеры, неразвитость правовых и экономических механизмов регулирования, земельных рынков, конфликт интересов субъектов рынка, форсированное стимулирование спроса за счет развития институтов банковской ипотеки, возрастающая монополизация рынка, рост цен, проблемы коммунальной и инженерной инфраструктуры — это те факторы, которые исказили действия рыночных механизмов в жилищной сфере. Эти факторы не были концептуально учтены и, в известной степени, ослабили возможности государственного регулирования. Несмотря на создание основ функционирования рынка жилья и некоторых институтов, обеспечивающих функционирование рынка жилья и жилищного строительства, значительного повышения доступности комфортного жилья для граждан России не произошло.

Объем ввода жилья за 12 лет (с 1999 по 2011 г.) в расчете на 1 млн руб. реальных доходов населения сократился с 2,87 до 1,77 кв. метров. В период с 2004 по 2009 г. цены на жилье в среднем выросли на 91 % в реальном выражении, а реальные доходы населения — только на 48 % [4]. Коэффициент доступности жилья для населения, определяемый исходя из соотношения средней стоимости квартиры к среднему годовому доходу семьи начиная с 1999 г. (значение показателя 5,9 лет), имел положительную динамику, то есть его значение уменьшалось, но с 2005 г. значение коэффициента доступности жилья стало увеличиваться из-за более активного роста цен по сравнению с доходами населения и в 2009 г. составил 5,3 года.

Анализ региональных различий в динамике изменения этого показателя позволил выявить

две группы: в первой группе округов (Южный, Центральный, Северо-Западный, Дальневосточный) за период с 2007 по 2010 г. доступность приобретения жилья снижалась (коэффициент увеличивался), во второй группе (Приволжский, Сибирский, Уральский) тенденция была противоположной [8, с. 57–59].

Современный этап в социальном, экономическом и политическом развитии России сопровождается новыми приоритетными целями и задачами государственного управления. В части государственной жилищной политики также определены стратегические приоритеты. Однако единство, социальная ориентированность, сбалансированность и последовательность государственной жилищной политики — это те характеристики, которые находятся в стадии формирования и уточнения. Вместе с тем ее безусловным социальным и экономическим значением является то, что жилищная политика не сводится к федеральным инициативам антикризисного характера в части финансирования и софинансирования целевых программ, а позволяет разрабатывать долгосрочные меры по взаимодействию с регионами, по выработке эффективных механизмов и инструментов реализации важнейших задач.

Развитие массового жилищного строительства в настоящий момент сдерживается многими ограничениями. Даже низкий платежеспособный спрос населения на жилье превышает предложение жилья на рынке, обуславливая рост цен. Дефицит земельных участков, обеспеченных необходимой инженерной, транспортной и социальной инфраструктурой, необходимость развития новой индустриальной базы, новых технологий и материалов в строительстве — также существенные препятствия для развития массового жилищного строительства. В то же время, исходя из опыта многих европейских стран, рост предложения на рынке жилищного строительства возможен за счет разных форм, учитывающих дифференциацию по доходам и потребностям (жилье экономического класса, малоэтажное строительство, коммерческая и некоммерческая аренда).

Стратегической целью государственной жилищной политики является обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан, а также соответствия объема комфортного жилищного фонда потребностям населения [9]. Реализация этой цели предполагает решение следующих приоритетных задач:

- создание условий для роста предложения на рынке жилья;
- обеспечение соответствия объема комфортного жилищного фонда потребностям на-

селения и формирования комфортной городской среды и среды сельских поселений.

Прогнозируемые результаты реализации новых стратегических направлений государственной жилищной политики к 2020 г. определяются качественно новым уровнем состояния жилищной сферы, соответствующим мировым стандартам, и сопровождаются целевыми ориентирами и индикаторами.

Достижение стратегической цели предлагается осуществлять в рамках двух, во многом противопоставляемых, основных сценариев. Первый сценарий определен задачей увеличения объемов строительства жилья в расчете на 1 чел., второй сценарий исходит из необходимости повышения параметров (количественных и качественных) обеспеченности населения в рамках функционально-пространственного развития территорий и повышения качества городской среды. Возможности же реализации первого сценария сопровождаются серьезными рисками ценового дисбаланса, дисбаланса потребности в жилье с учетом прогнозирования спроса населения, уровня доходов и развития ипотечного кредитования, демографических факторов.

Исходя из этого, обосновывается стратегическое преимущество второго сценария реализации жилищной политики, а именно — замещение старого и неблагополучного жилищного фонда новым, модернизация существующего фонда и повышение качества городской среды в целом. Следует отметить, что основные стратегические направления государственной жилищной политики, представленные в Стратегии долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г., вызвали широкий резонанс и явились предметом активного обсуждения научным, экспертным и профессиональным сообществом. Несбалансированность предлагаемых мер явилась поводом для дальнейшей разработки стратегических направлений жилищной политики. В настоящее время можно говорить об уточнении стратегии развития рынка жилья, жилищного строительства и мер государственного регулирования, которое проводится на всех уровнях концептуальной разработки государственной жилищной политики с учетом анализа и прогнозов социально-экономического развития макрорегионов и регионов РФ.

Определим основные проблемные сферы государственной жилищной политики, которые отражены в ее стратегических направлениях. Это жилищное строительство, институты в жилищной сфере и рынка жилья, управление жилищным фондом, градорегулирование, формы удовлетворения жилищных потребностей

граждан, коммунальная инфраструктура, ипотечное жилищное кредитование.

Ключевые направления стратегии государственной жилищной политики и развития рынка жилья, конкретизированные по вопросам и срокам, определены в Указе Президента РФ от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан РФ доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг». Целевые индикаторы и показатели следующие: обеспечение ввода жилья в 2015 г. до 71 млн кв. м общей площади жилья в год, в 2017 г. — 79 млн кв. м площади, к 2020 г. — до 92 млн кв. м в год. Достижение доли семей, желающих улучшить свои жилищные условия, обеспеченных доступным и комфортным жильем в 2015 г. — 22,5 %, в 2017 г. — 37 %, в 2020 г. — 60 %. Хотелось бы отметить, что за период с 1985 по 2013 г. максимальный объем жилищного строительства в России по оценкам Росстата был в 1987 г. и составил 72,8 млн кв. метров. Фактический ввод жилья в РФ в 2012 г. — 65,2 млн кв. м, в 2013 — 69,4 млн кв. метров [6].

Приоритеты государственной жилищной политики РФ, направленные на достижение стратегической цели обеспечения доступным жильем:

1. Снижение стоимости жилья путем увеличения объемов жилищного строительства, в первую очередь — за счет жилья экономического класса.

2. Развитие рынка доступного арендного жилья и развитие некоммерческого жилищного фонда для граждан, имеющих невысокий уровень доходов.

3. Поддержка отдельных категорий граждан, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, но не имеют объективной возможности накопить средства для приобретения жилья.

4. Дальнейшее совершенствование условий приобретения жилья на рынке, в том числе с помощью ипотечного кредитования.

5. Улучшение качества жилищного фонда, повышение комфортности условий проживания.

6. Модернизация и повышение энергоэффективности объектов коммунального хозяйства.

Таким образом, содержание перечисленных приоритетов позволяет предположить следующее. Логика реализации стратегии требует не только дальнейшей методологической разработки и уточнения региональных программ по обеспечению жильем и стимулированию развития жилищного строительства, но и безотлагательного решения комплекса проблем и противоречий, которые анализировались выше. Интенсивный рост жилищного строитель-

ства предполагается за счет жилья экономического класса и других форм, но этот приоритет (как и все представленные) должен достигаться не только за счет государственной поддержки и регулирования. Прежде всего, за счет формирования действенных экономических стимулов для всех участников, улучшения законодательных, инвестиционных и инновационных условий, внедрения новых технологий, материалов, квалифицированного персонала.

По данным Росстата в 2012 г. субъектами РФ введено 65,2 млн кв. м жилья (что на 4,7 % больше, чем в 2011 г.), в 2013 г. — 69,4 млн кв. метров. Однако анализ этих данных за последние годы в разрезе субъектов РФ свидетельствует о крайней неравномерности объемов ввода жилья. На 10 субъектов РФ (Московская область, Краснодарский край, Санкт-Петербург, Москва, Республика Татарстан, Башкортостан, Ростовская область, Тюменская область, Челябинская область, Новосибирская область) приходится около 45 % от общей введенной площади жилья в РФ (около 20,3 млн кв. м за 2013 г.) [5]. План по вводу жилья выполнен только в 38 субъектах РФ. Другой целевой ориентир, направленный на решение жилищной проблемы граждан, — ввод 1 кв. м жилья на человека в год. По итогам 2011, 2012 гг. и на ноябрь 2013 г. ни один субъект РФ не выполнил эту задачу. К объективным причинам этой ситуации можно отнести уровень развития промышленности строительных материалов, высокую энергозатратность старой индустриальной базы, высокий уровень износа основных фондов (по ЮФО — 60 %), низкий уровень производительности труда.

Если анализировать состояние и перспективы развития жилищной экономики и жилищной политики в ЮФО, необходимо рассматривать эти аспекты в контексте стратегии социально-экономического развития округа, прогноза долгосрочного социально-экономического развития РФ, приоритетов пространственного развития, дифференциации макрорегионов и регионов, а также факторов, ограничений и потенциала промышленного, инвестиционного и инновационного развития.

Основными преимуществами ЮФО являются: благоприятные для проживания, отдыха, сельского хозяйства природно-климатические условия и природно-ресурсный потенциал; высокая социально-экономическая привлекательность округа, которая обуславливает положительную динамику миграционных процессов в ЮФО, вследствие чего по плотности населения ЮФО занимает 3-е место среди федеральных округов (после Северо-Кавказского и Центрального); промышленно-производствен-

ный потенциал. Вместе с тем отраслевая структура экономики ЮФО слабо диверсифицирована, в большинстве секторов экономики и ключевых отраслей отмечается сравнительно низкий уровень производительности труда, низкая степень инновационной активности, низкий уровень доходов на душу населения.

Необходимо отметить резкую дифференциацию Юга России по инвестиционной привлекательности, а также декапитализацию основных отраслей экономики ЮФО по технологическому, организационному, кадровому и инвестиционному направлениям [3, с. 41]. ЮФО характеризуется значительными межрегиональными и межмуниципальными различиями по степени экономической активности и уровню жизни населения, нелегальной миграцией, территориальной близостью к районам с нестабильной социально-экономической ситуацией. Перспективы экономического развития ЮФО определяются развитием технологий, модернизацией производства в машиностроении и металлургии, диверсификацией экономики округа за счет развития высокотехнологичных производств. По прогнозам ЮФО в долгосрочном периоде будет опережать общероссийский показатель динамики роста промышленного производства, при этом наиболее интенсивный рост промышленного производства предполагается в Ростовской и Волгоградской областях. ЮФО определяется как территория миграционного притока населения, поэтому в части развития рынка жилья и жилищного строительства особое значение приобретает поддержка и развитие арендного и специализированного жилья, жилья экономического класса.

По показателю ввода жилья за последние годы, в том числе за 2012 и 2013 гг., ЮФО занимает 3-е место среди всех федеральных округов, за счет лидирующих позиций Краснодарского края и Ростовской области. Объем ввода жилья по ЮФО в 2011 г. составил 6 922 тыс. кв. м, в 2012 г. — 7 867 тыс. кв. м, планируемый объем в 2013 г. — 7 439 тыс. кв. м, по состоянию на ноябрь 2013 г. фактический объем ввода жилья — 5 642 тыс. кв. метров. Волгоградская область по данному показателю в ЮФО в течение нескольких лет занимает 3-е место, при этом за период с 2010 по 2012 г. достигала самых высоких темпов прироста вводимого жилья, однако за счет сокращения численности населения. Среднедушевые ежемесячные доходы по ЮФО за 2010 г. составили 14 930 руб., в 2011 г. — 15 524 руб., что ниже средних показателей по РФ (18 553 руб. и 19 515 руб. соответственно). По уровню средних ежемесячных доходов ЮФО за указанный период занимает 5-е место, незначительно превышая показатели по СФО и СКФО.

Уровень обеспеченности жильем на душу населения в Волгоградской области в 2010–2013 гг. не превышает среднего показателя по РФ (23,4 кв. м) и составляет 22 кв. м, что в целом соответствует среднему показателю по ЮФО. Показатели средней стоимости 1 кв. м общей площади жилья на первичном рынке по ЮФО за 2010 г. — 43 159 руб., за 2011 г. — 41 051 руб., за 2012 г. — 38 175 руб., что ниже средних значений по РФ (7-е место среди всех округов). Аналогичные показатели по Волгоградской области за 2010 г. — 37 018 руб., за 2011 г. — 35 759 руб., за 2012 г. — 39 726 руб. (3-е место по ЮФО) [5].

Коэффициент доступности жилья за период с 2009 по 2012 г. в ЮФО, как и во всех других округах, снизился (на 16 %) и составил в 2012 г. 3,6 лет, при среднем снижении этого коэффициента по РФ на 27 % (по отдельным округам и регионам — произошло снижение на 32 %, 26 %, 20 %). Коэффициент доступности жилья коррелирует с уровнем доходов населения федеральных округов и Волгоградской области, однако, с учетом приоритетных стратегических задач дальнейшего развития рынка жилья, необходимо этот показатель дополнять коэффициентом доступности жилья экономического класса. Так, коэффициент доступности жилья экономического класса по ЮФО за 2010 г. в среднем был равен значению 2,8 лет, за 2011 г. составил 2,9 лет. При этом показатель доступности жилья экономкласса в Волгоградской области в 2010 и 2011 гг. (наряду с Республикой Калмыкия) находился на самых высоких позициях по ЮФО: в 2010 г. — 3,2, а в 2011 г. — 3,1. В целом, представленные данные свидетельствуют о существующих системных проблемах и противоречиях в жилищной сфере, и, безусловно, о необходимости качественного развития рынка жилья и государственного регулирования в части жилищной политики.

Стратегия развития рынка жилья и жилищного строительства в ЮФО определяется федеральными приоритетными целями и направлениями государственной социальной политики. Однако говорить о стратегии развития рынка жилья и жилищной политики ЮФО можно только с учетом определенных аспектов: межрегиональной дифференциации социально-экономического развития, факторов предпринимательского и пространственного развития, ограничений и угроз, а также эффективности регионального управления. Именно поэтому по федеральным округам и регионам сложно достичь единства задач, инструментов и механизмов реализации государственной жилищной политики по ключевым долгосрочным приоритетам (массовое строительство жилья эконом-

класса, малоэтажное строительство, снижение стоимости жилья, повышение условий доступности жилья, снижение административных барьеров, разработка законодательной базы).

Меры государственной поддержки тех или иных сегментов рынка жилья и жилищной экономики должны быть адекватны приоритетам и возможностям конкретного региона. В свою очередь, это предъявляет особенно высокие требования к эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов, к дальнейшей разработке и выполнению региональных программ по обеспечению доступным и комфортным жильем населения.

В настоящее время наиболее важные вопросы в реализации государственной и региональной жилищной политики — это не только последовательное решение проблем, ограничивающих доступность и обеспеченность жильем населения. Это также выбор между комплексным освоением новых территорий и развитием уже застроенных территорий; между развитием сектора жилья, находящегося в собственности граждан, арендным сектором, формами жилищной кооперации и различными формами финансирования; между строительством многоквартирных домов и малоэтажным строительством. В качестве ориентиров должны быть результаты оценки потребностей и спроса населения на жилье, сопоставление оценки с текущими объемами и структурой жилищного строительства, динамики обновления жилого фонда.

Эффективная социальная политика — это, прежде всего, повышение качества жизни граждан, достижение высоких социальных стандартов и улучшение жилищных условий. Это также одна из стратегических целей государственного управления и социально-экономического развития России. Различные формы государственной поддержки имеют ограниченный характер, но для успешного развития рынка жилья и жилищной экономики России в настоящее время стратегия государственной жилищной политики приобретает историческое значение. Представляется, что в долгосрочной перспективе равновесие между экономической и

социальной эффективностью все же будет достигнуто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян, А. Г. Строительство жилья — локомотив социально-экономического развития страны / А. Г. Аганбегян // Вопросы экономики. — 2012. — № 5. — С. 59—69.
2. Асаул, А. Н. Экономика недвижимости / А. Н. Асаул. — СПб.: Питер, 2007. — 624 с.
3. Иншаков, О. В. О стратегии развития Южного макрорегиона России: Методологические и методические проблемы формирования / О. В. Иншаков. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — 96 с.
4. Косарева, Н. Рынок жилищного строительства в России: современное состояние и перспективы развития / Н. Косарева, Т. Полиди, А. Пузанов // Вопросы экономики. — 2013. — № 3. — С. 109—125.
5. Мониторинг объемов жилищного строительства и цен на рынке жилья // Сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.gosstroy.gov.ru/zhilishchnoe-stroitelstvo/monitoring-ob-ёмov-zhilishchnogo-stroitelstva-i-tsen-na-rynke-zhilya/556-ob-jom-vvoda-zhilya-i-tseny-na-rynke-zhilishchnogo-stroitelstva-v-sub-ektakh-rossijskoj-federatsii-na-1-noyabrya-2013-g> (дата обращения: 20.01.2014). — Загл. с экрана.
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/building/# (дата обращения: 25.02.2014). — Загл. с экрана.
7. Принципы жилищного кредитования / В. Аверченко, Р. Вессели, Э. Файкс. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 261 с.
8. Развитие ипотечного кредитования в РФ / Н. Б. Косарева, А. Б. Копейкин, Н. Н. Рогожина, А. А. Туманов. — М.: Изд-во «Дело» РАНХ, 2010. — 256 с.
9. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://2020strategy.ru/data/2013/11/08/1214321112/Стратегия-2020_Книга1.pdf (дата обращения: 21.01.2014). — Загл. с экрана.

СТРАТЕГИИ, ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

УДК 332.021.8
ББК 65.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ¹

**В.В. Селютин, А.Н. Горшкова,
Е.В. Ушканова**

Дается критическая оценка практики стратегического планирования региональных систем, обсуждаются особенности количественных методов стратегического планирования, исследуются подходы к оценке ожидаемой эффективности регионального менеджмента, сравниваются различные рейтинги регионов Юга России, предлагается схема структуризации и сопряжения различных аспектов стратегического планирования.

Ключевые слова: регион, стратегия, программа, стратегическое планирование, форсайт, управление с опережением, моделирование с участием, байесовские сети, структурно-динамический анализ, методы сравнительного анализа.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STRATEGIC PLANNING OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS

**V.V. Selyutin, A.N. Gorshkova,
E.V. Ushkanova**

The critical view of practice of regional systems' strategic planning is given, features of quantitative methods of strategic planning are discussed, approaches to evaluation of expected efficiency of regional management are investigated, various ratings systems of the south regions of Russia are compared, the scheme of structuring and conjugation of different aspects of strategic planning is offered.

Key words: region, strategy, program, strategy planning, foresight, anticipative management, participative management, bayesian networks, structural and dynamic analysis, methods of the comparative analysis.

Стратегическое планирование региональных систем, являясь одним из компонентов регионального менеджмента, относится к высокоинтеллектуальным видам деятельности, так как требует междисциплинарного синтеза, креативного мышления, аналитических способностей, умения находить оптимальные решения в условиях конфликта интересов, многокритериальности и неопределенности. Однако практика показывает, что региональное стратегическое планирование в последние годы поставлено на поток и фактически превратилось в околонуличный бизнес.

Когда речь идет о необходимости разработки стратегий и программ развития на уровне федерального округа, субъекта федерации, а также отдельных городов и районов (имеются и такие), прежде всего, должен быть максимально прояснен и учтен субъективный аспект. Этот аспект включает выявление декларируемых и подлинных интересов и целей заказчиков (в качестве последних обычно выступают федеральные или региональные ведомства, администрации субъектов федерации, полпредства, муниципалитеты), приоритеты и механизм выбора исполнителей, требуемые компетенции, механизм экспертизы готового продукта и, самое главное, — механизм ответственности заказчиков за реализацию.

Реальность же такова, что концепции, стратегии и составленные на их основе целевые программы по большей части остаются на бумаге и по прошествии нескольких лет о них никто не вспоминает. Наглядным примером является негативный опыт стратегического планирования Ростовской области и других регионов Юга России, в том числе Южного федерального округа (далее — ЮФО) в целом (ФЦП «Юг России» 2002–2006 и 2008–2013 гг.). По аналогичному шаблону в 2010 г. составлена Стратегия социально-экономического развития

Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года.

Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ Российской Федерации № 1538-р от 05.09 2011г., является более качественным документом, но и она имеет системные недостатки.

Серьезные претензии к существующей технологии регионального стратегического планирования, в первую очередь, связаны с тем, что сохраняется значительный разрыв между теорией и практикой стратегического планирования. Разнообразные количественные, в том числе математические методы, широко представленные в мировой научной литературе, в российской практике почти не используются, вместо него применяют описательный подход. В лучшем случае применяется SWOT-анализ, который полезен с точки зрения структуризации исходных представлений об объекте, но не дает каких-либо решений, количественных оценок и сопоставлений.

Количественные методы стратегического планирования

Общей методологической базой стратегического планирования является системный подход. Суть системного подхода заключается в том, что отдельные проблемы решаются не изолированно, а во взаимосвязи с другими, производится структуризация целей, проблем, задач и решений (намечаемых мер и мероприятий), учитывается многокритериальность. Другой отличительной особенностью системного подхода является широкое использование эвристических процедур, экспертных оценок, учет факторов неопределенности [6].

Применительно к задачам регионального планирования системная методология реализуется в форме программно-целевого подхода, в рамках которого осуществляются два типа интеграции: пространственная, предполагающая объединение усилий участников, представляющих различные виды экономической деятельности, формы собственности, территории и временная, предполагающая четкую последовательность и взаимосвязь различных этапов и мероприятий.

При выработке стратегий и формировании программ необходимо максимально использовать широкий спектр политических, институциональных и экономических стимулов, а также вводить механизмы согласования интересов участников.

В настоящее время накоплен солидный арсенал разнообразных методов и моделей системного анализа и теории принятия решений, которые целесообразно использовать в региональном стратегическом планировании проблемных макрорегионов. В качестве модельного инструментария стратегического планирования и управления следует упомянуть сложные групповые экспертизы, причинно-следственные диаграммы, байесовские сети, SWOT- и BOCR-анализ, целевое программирование, сценарное и имитационное моделирование и другие.

В последние два-три десятилетия чрезвычайно популярным инструментом стратегического планирования на макроуровне стал форсайт (foresight), представляющий собой систему методов для выявления приоритетов и мобилизации экспертного сообщества в целях определения стратегических направлений экономического, общественно-политического, научно-технического и инновационного развития. Использование форсайта предполагает не просто прогнозирование и планирование, но активное влияние на будущее, то есть управление с опережением, которое требует моделирования динамических процессов в экономике и обществе.

Форсайт тесно связан с техникой сценарного прогнозирования, которая включает разработку ограниченного числа контрастных внешних и внутренних сценариев, оценку их согласованности, желательности и вероятности реализации. При этом следует учитывать ресурсные, социальные, политические и этические ограничения.

BOCR (Benefit Opportunity Cost Risk) анализ предназначен для сравнения альтернативных стратегических и тактических решений и основан на технике аналитической обработки иерархий и сетей (АНР, ANP), разработанной Т. Саати. Его преимущество состоит в том, что сложные групповые экспертизы становятся прозрачными, то есть можно оценивать качество работы экспертов и устойчивость получаемых выводов, в частности субъективных оценок весов (приоритетов, решений и пр.) и субъективных оценок вероятностей.

Важным принципом стратегического планирования в международной практике является также учет мнения ключевых групп населения (stakeholders), то есть моделирование с участием (participatory modelling).

Байесовские сети являются удобным инструментом анализа иерархических систем случайных величин, когда исходы одних (вышестоящих) влияют на вероятности других (нижестоящих). С помощью байесовских сетей можно оценивать, в частности, вероятные по-

следствия неоднозначных экономических или политических решений.

В аналитических целях и для оценки результатов предшествующих периодов рекомендуется использовать *структурно-динамический анализ*, включая shift-share analysis, с помощью которого можно оценивать изменение основных социально-экономических показателей путем сравнения рассматриваемой территории с некоторым эталонным объектом (например, Россией в целом), а также отслеживать структурные сдвиги во времени и в пространстве. Результаты такого рода анализа применительно к субъектам ЮФО и СКФО изложены в следующих работах: [3; 6; 8; 9; 10].

Перечисленные выше и др. современные математические методы и информационные технологии в рамках стратегического планирования могут быть использованы для:

- 1) выявления узких мест в экономике и социальной сфере;
- 2) пространственного анализа социально-экономической и территориальной организации и существующих дисбалансов в развитии регионов;
- 3) установления приоритетов региональной политики и регионального развития;
- 4) оценки перспектив развития реального сектора, в том числе высокотехнологичных видов деятельности;
- 5) оценки эффективности нерыночных услуг (системы образования и здравоохранения);
- 6) оценки сравнительной эффективности функционирования экономик регионов (метод анализа огибающих) и ее динамики (индекс Мальмквиста);
- 7) анализа имеющихся рычагов управления регионами, их возможностей и эффективности.

Подходы к оценке ожидаемой эффективности регионального менеджмента

Условиями эффективности региональных стратегий развития и целевых программ являются:

- 1) комплексность (системность) предусматриваемых мер и мероприятий, в том числе необходимость одновременного осуществления политических, институциональных и экономических решений;
- 2) комплексность (согласованность) проводимых мероприятий в разрезе территорий;
- 3) концентрация финансовых средств на приоритетных направлениях и проектах;
- 4) прозрачность принятия решений по государственной поддержке и механизмов финансирования и контроля реализации проектов;

- 5) наличие обоснованной и адекватной поставленным целям системы индикаторов.

Главным результатом реализации программных мероприятий должна стать положительная динамика основных индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение регионов ЮФО. С учетом более низких стартовых показателей ряда территорий ЮФО, эта динамика должна опережать российские темпы, в противном случае сложившийся разрыв будет только возрастать. По основным показателям уровня жизни в результате реализации ФЦП значения должны быть максимально приближены к российскому уровню.

Улучшение социальных показателей и снижение социальных и политических рисков, в свою очередь, способствуют притоку частных инвестиций, то есть существует положительная обратная связь, усиливающая как негативные, так и позитивные процессы. Поэтому важный эффект, который может быть достигнут при реализации программно-целевого подхода, заключается в улучшении инвестиционной среды для частных инвесторов (в том числе иностранных), снижении инвестиционных рисков и сломе негативных тенденций.

Очевидно, что социальный эффект должен проявиться вслед за улучшением экономических показателей. Поэтому в качестве приоритетных направлений экономической активности должны выбираться те, которые имеют кумулятивный, мультипликативный, синергетический и долгосрочный эффекты. Так, прокладка дорог с твердым покрытием, возведение мостов, развитие портовой инфраструктуры способствуют увеличению транспортных потоков, объемов грузовых и пассажирских перевозок, сокращению износа техники и временных затрат. Инвестиции в медицинские и образовательные учреждения повышают качество человеческого капитала, способствуют росту спроса на трудовые ресурсы и улучшению социальной обстановки. Освоение местных источников ресурсов (сельхозпродукции, стройматериалов, гидро- и топливно-энергетических ресурсов и т. д.) способствует снижению цен и тарифов, сокращению издержек местных производителей товаров и услуг.

При стратегическом планировании региональных социально-экономических систем невозможно ограничиться традиционными экономическими критериями, ориентированными исключительно на финансовые показатели, такие как доходы, издержки, прибыль, рентабельность. Необходимы более широкие и комплексные оценки, учитывающие экономическую значимость социальных и экологических факторов. Однако переход к более широкой шкале

сравнительных критериев сопряжен с трудностью сопоставления и суммирования экономических и социально-экологических эффектов.

В современной мировой практике используются три метода сравнительного анализа социо-эколого-экономических проектов — «затраты — выгоды» (*cost — benefit*), «затраты — эффект» или «затраты — эффективность» (*cost — effectiveness*), «затраты — полезность» (*cost — utility*).

Наиболее трудоемким инструментом является метод «затраты-выгоды». Он предполагает оценку полных затрат и выгод, связанных с данным проектом, в которую включают как прямые, так и косвенные (немонетарные) издержки и выгоды (социальные, экологические, политические и др.). При этом критерием принятия инвестиционного решения может служить величина чистого дисконтированного дохода, либо эффективность затрат (рентабельность, срок окупаемости). Однако монетарная оценка социальных, экологических и прочих издержек и выгод достаточно сложна и неоднозначна, требует проведения трудоемких дополнительных исследований и экспертиз, в том числе опросов.

Метод «затраты — эффект» обычно применяется с целью минимизации издержек достижения или приближения к определенному социальному стандарту или цели. В этом случае эффекты выражаются в терминах, относящихся к натуральным целевым показателям (снижение безработицы, преступности, заболеваемости, улучшение доходов, обеспеченности жильем, повышение образовательного уровня и т. п.). В качестве критерия принятия стратегического (инвестиционного) решения в данной ситуации выступает социально-экономическая эффективность (то есть затраты на единицу социального эффекта). При наличии бюджетных ограничений выбираются проекты, дающие максимальный эффект при равных затратах. Очевидно, что данный метод требует, чтобы эффекты разных проектов выражались в одинаковых или сопоставимых единицах.

В ситуации, когда на предварительном этапе производится отбор из множества возможных решений и предлагаемые варианты не имеют подходящей монетарной или натуральной оценки, можно использовать более общий подход «затраты-полезность», когда ожидаемые результаты выражаются через их предпочтительность (полезность) с точки зрения стратегических целей. Данный метод предполагает возможность построения функции полезности, отражающей предпочтения инвестора. При этом необходимые для последующего

ранжирования оценки полезности могут быть получены путем опроса экспертов.

Двухкритериальные методы позволяют выделить множество Парето — эффективных (не улучшаемых по какому-либо критерию без одновременного ухудшения по другому) проектов или стратегий, выбор на которых осуществляется из прагматических соображений и с учетом имеющихся ресурсных и иных ограничений.

Следует также добавить, что стратегии и планы бесполезны, если они в силу тех или иных причин не реализуются. Ключевой тезис, связанный со стратегическим менеджментом на макроуровне, состоит в том, что принимать и добиваться реализации наиболее эффективных решений, которые чаще всего оказываются непопулярными, способна только сильная власть, имеющая достаточный запас рейтинга. При этом дивиденды от непопулярных, но необходимых решений достаются будущей власти, в то время как действующая несет имиджевые потери.

Многокритериальное оценивание регионов ЮФО

Многокритериальное оценивание является довольно сложной задачей, не имеющей однозначного решения. Современные математические подходы к решению этой проблемы представлены, например, в данном источнике: [13]. На практике многокритериальное оценивание чаще всего осуществляется путем построения интегральных индикаторов и разнообразных рейтинговых систем [4; 5; 7; 12].

Рейтинги являются одним из наиболее широко применяемых инструментов поддержки принятия управленческих решений. Существуют различные методы построения рейтингов, зависящие от сферы применения, решаемых задач и специфики сравниваемых объектов. Эти методы включают экспертные оценки, статистические процедуры (регрессионный и кластерный анализ) и алгоритмы многокритериального ранжирования.

В региональной экономике можно выделить рейтинговые системы нескольких типов. Сюда относятся: имиджевые рейтинги, выполняющие преимущественно пиар-функцию, инвестиционные рейтинги, призванные стать ориентиром для потенциальных инвесторов, кредитные рейтинги, по которым оценивается надежность регионов-заемщиков, рейтинги эффективности территориального управления и другие.

В основе рейтинговых систем должен лежать системный подход. Основные принципы синтеза рейтинговых систем, которые корреспондируют с принципами построения иерар-

хических структур и с другими принципами системного анализа и системной динамики, изложены в данных источниках [1; 11].

На практике данные принципы по разным причинам учитываются не всегда и не в полной мере. В качестве положительного примера можно привести пилотный проект 2007 г. создания рейтинговой системы оценки социально-экономического положения регионов ЮФО (до разделения на ЮФО и СКФО), предназначенной для сравнительного анализа эффективности регионального менеджмента [1].

Данный рейтинг включает две группы показателей: социальные (50) и финансово-экономические (30). В каждой из этих групп выделяются показатели текущего состояния (уровня) (29 и 18) и динамики (темпов роста) (21 и 12). Рейтинг уровня довольно консервативен, так как включает преимущественно инерционные показатели, в то время как базирующийся на индексах роста рейтинг динамики заметно варьируется год от года.

Разнородные исходные показатели стандартизируются путем перехода к пятибалльной шкале, при этом наилучшие оцениваются 5 баллами, а наихудшие получают один балл. По экстремально неудовлетворительным показателям (например, при спаде производства) баллы регионам не начисляются. В каждой из четырех указанных групп производится суммирование баллов по всем показателям, некоторые из которых, ввиду повышенной важности, взвешиваются с коэффициентами от 1,2 до 2. На заключительном этапе рассчитывается средний балл и производится итоговое ранжирование (табл. 1).

Таблица 1

**Рейтинг эффективности управления
регионами ЮФО в 2006 г.**

Регион	Показатели состояния			
	финансово-экономические		социальные	
	Средний балл	Ранг	Средний балл	Ранг
Республика Адыгея	2,89	6	3,31	5
Республика Калмыкия	3,37	5	3,26	6
Краснодарский край	5,21	1	4,05	1
Астраханская область	3,99	4	3,90	2
Волгоградская область	4,50	3	3,49	4
Ростовская область	4,84	2	3,75	3

Примечание. Составлено по: [1].

Полученные результаты можно сопоставить с инвестиционным рейтингом, ежегодно публикуемым национальным рейтинговым агентством «Эксперт РА» [8]. Мы можем заметить, что финансово-экономический ранг рейтинга качества управления практически совпадает с рангом инвестиционного потенциала.

Согласно оценкам РА «Эксперт», наиболее инвестиционно-привлекательными регионами ЮФО (со значительным отрывом от других) в рассматриваемый период являлись Краснодарский край и Ростовская область. Помимо прочего, это обусловлено тем, что в используемой данным рейтинговым агентством методике инвестиционный потенциал существенно зависит от масштаба экономики.

За прошедшие годы положение регионов ЮФО в российском инвестиционном рейтинге несколько изменилось. Если ранги инвестиционного потенциала регионов ЮФО сдвинулись на 1–2 пункта в ту или иную сторону, то по рангу инвестиционного риска Астраханская область переместилась вверх сразу на 19 позиций, Краснодарский край и Адыгея (в связи с олимпийским строительством) улучшили позиции на 8 пунктов, в то время как Ростовская область переместилась с 6 места на 11, а Волгоградская — с 24 на 39 (см. табл. 2, табл. 3).

Согласно оценкам РА «Эксперт», из 6 групп показателей риска (социальный, экономический, финансовый, криминальный, экологический и управленческий) в Краснодарском крае наиболее велики (а значит, приоритетны для снижения) следующие: финансовый, криминальный и социальный риски, в Ростовской области — финансовый, социальный, управленческий, в Волгоградской области — управленческий, экономический и криминальный, в Астраханской области — криминальный, социальный и экологический, в Калмыкии — социальный, управленческий и финансовый; в Адыгее — финансовый и социальный. Таким образом, в целом для ЮФО наибольшие проблемы связаны с социальными и финансовыми рисками. В наименьшей степени южный макрорегион подвержен экологическим рискам, что является его конкурентным преимуществом.

В качестве дополнительного финансово-экономического рейтинга может использоваться уровень бюджетной обеспеченности, который рассчитывается Минфином РФ как отношение индекса налогового потенциала к индексу бюджетных расходов и является основным критерием при расчете размера финансовой помощи регионам в рамках политики бюджетного выравнивания (см. табл. 4).

Таблица 2

Инвестиционный рейтинг регионов ЮФО «Эксперт РА» в 2005–2006 гг.

Регион	Ранг инвестиционного потенциала		Ранг инвестиционного риска			
	2004/05	2005/06		2004/05	2005/06	
		Место (ранг)	Потенциал, % (Россия – 100%)		Место (ранг)	Средневзвешенный индекс риска
Республика Адыгея	74	76 (5) *	0,234	38	46 (4)	1,105
Республика Калмыкия	81	83 (6)	0,126	78	76 (6)	1,478
Краснодарский край	9	6 (1)	2,612	16	10 (2)	0,889
Астраханская область	56	58 (4)	0,518	59	59 (5)	1,173
Волгоградская область	21	20 (3)	1,164	35	24 (3)	1,036
Ростовская область	10	13 (2)	1,907	6	6 (1)	0,882

Примечание. В скобках указан рейтинг региона в ЮФО. Составлено по: [6].

Таблица 3

Инвестиционный рейтинг регионов ЮФО «Эксперт РА» в 2012 г.

Ранг потенциала	Ранг риска	Регион	Риск	Потенциал, % (Россия – 100 %)	Характеристика
76 (5) *	38 (3)	Республика Адыгея	0,276	0,318	Незначительный потенциал – умеренный риск
82 (6)	80 (6)	Республика Калмыкия	0,495	0,171	Незначительный потенциал – высокий риск
5 (1)	2 (1)	Краснодарский край	0,169	2,654	Максимальный потенциал – минимальный риск
58 (4)	40 (5)	Астраханская область	0,279	0,578	Пониженный потенциал – умеренный риск
22 (3)	39 (4)	Волгоградская область	0,277	1,128	Пониженный потенциал – умеренный риск
11 (2)	12 (2)	Ростовская область	0,204	1,914	Средний потенциал – умеренный риск

Примечание. В скобках указан рейтинг региона в ЮФО. Составлено по: [6].

В то время как индекс бюджетных расходов, зависящий, главным образом, от демографических характеристик, в регионах ЮФО различается сравнительно мало, то налоговый потенциал экономически слаборазвитых республик почти вдвое ниже, чем в соседних регионах округа. Легко увидеть, что индекс налогового потенциала хорошо коррелирует с индексом ВРП, который рассчитывается как отношение среднедушевого ВРП субъекта фе-

дерации к среднедушевому ВРП по сумме регионов России (коэффициент корреляции равен 0,82). Заметим, что в период с 1998 по 2011 гг. в Астраханской области и в Калмыкии индекс ВРП имел тенденцию к снижению, в то время как в Адыгее – заметно возрос.

Собственный рейтинг, учитывающий около двух десятков экономических, финансовых и социальных показателей, составляется также организацией РА «РИА Рейтинг» (см. табл. 5).

Таблица 4

Уровень бюджетной обеспеченности регионов ЮФО в 2012 г.

Регион	Индекс ВРП – 2011	Индекс налогового потенциала	Индекс бюджетных расходов	Уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций	Уровень бюджетной обеспеченности после распределения дотаций
Республика Адыгея	0,395	0,335	0,823	0,408	0,624
Республика Калмыкия	0,316	0,350	0,833	0,420	0,626
Краснодарский край	0,739	0,632	0,831	0,760	0,790
Астраханская область	0,532	0,662	0,779	0,850	0,868
Волгоградская область	0,606	0,688	0,823	0,836	0,857
Ростовская область	0,564	0,511	0,837	0,611	0,659

Примечание. Составлено по: [12].

Таблица 5

Рейтинг социально-экономического положения регионов ЮФО РА «РИА Рейтинг» в 2012 г.

Место в 2012 г.	Регион	Итоговый рейтинг	Место в 2011 г.	Место в 2010 г.
73 (5)	Республика Адыгея	25,474	74 (5)	73 (5)
77 (6)	Республика Калмыкия	20,925	79 (6)	80 (6)
16 (2)	Краснодарский край	53,255	13 (1)	11 (1)
55 (4)	Астраханская область	36,512	64 (4)	63 (4)
37 (3)	Волгоградская область	44,560	35 (3)	29 (3)
15 (1)	Ростовская область	53,805	21 (2)	19 (2)

Примечание. В скобках указан рейтинг региона в ЮФО. Составлено по данным РА «РИА Рейтинг» [5].

Систематизация проблем, целей, решений

Основываясь на результатах приведенных выше рейтинговых исследований и структурно-динамического анализа [3; 8; 9; 10], мы предлагаем следующее схематическое представление иерархий «цели – проблемы – решения», которое может служить платформой для стратегического планирования в контексте основных проблем, характерных для регионов ЮФО.

Ряд обозначенных проблем и задач могут и должны решаться региональными законодательными и исполнительными органами, исходя из своих бюджетных возможностей и властных полномочий, в том числе совместно с территориальными органами федеральных

служб. Вместе с тем, из вышеприведенной схемы следует, что многие проблемы ЮФО имеют системный, в том числе институциональный характер, не являются специфическими и, таким образом, не могут решаться ни в рамках округа, ни в рамках его отдельных территорий.

Примечание

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проектов «Разработка математического инструментария, информационных технологий и компьютерных программ для поддержки принятия решений по обеспечению устойчивого развития региона» Южного федерального университета и «Инвестиционная привлекательность и сценарии развития южного макрорегиона» Южного научного центра РАН.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ 1) сокращение отставания в экономическом и социальном развитии, повышение эффективности использования всех видов ресурсов	➔	ЧАСТНЫЕ ЦЕЛИ 1) развитие перспективных видов экономической деятельности; 2) повышение уровня жизни населения; 3) повышение эффективности государственного управления
ПРОБЛЕМЫ (следствия) 1) дотационность; 2) недостаточное развитие транспортной и коммунальной инфраструктуры; 3) высокий уровень дифференциации доходов населения; 4) теневая экономика; 5) естественная убыль населения; 6) структурная безработица	←	ЗАДАЧИ (ожидаемые результаты) 1) увеличение налоговой базы; 2) достижение целевых показателей обеспеченности; 3) снижение уровня бедности; 4) снижение масштабов; 5) увеличение рождаемости и продолжительности жизни; 6) модернизация системы высшего профессионального образования
ПРИЧИНЫ (источники проблем) 1) низкая инвестиционная активность; 2) отсталость институтов; 3) коррупция; 4) недостаточная эффективность экономики, низкая производительность труда	←	МЕРЫ (предлагаемые решения) 1) улучшение инвестиционного климата; 2) реформирование, открытость, конкурсное замещение должностей; 3) повышение прозрачности, совершенствование судебной системы; 4) устранение монополизма, развитие конкурентной среды
ПРОБЛЕМНЫЕ ОБЪЕКТЫ (секторы экономики, социальные группы, отдельные территории) 1) молодёжь; 2) органы исполнительной власти, суды, полиция; 3) промышленность, реальный сектор; 4) объекты инфраструктуры и социальной сферы; 5) неформальный сектор экономики; 6) депрессивные территории	←	МЕРОПРИЯТИЯ (планируемые действия) 1) мониторинг качества образования, стимулирование бизнеса к созданию рабочих мест; 2) повышение квалификационных требований и персональной ответственности, ротация, введение конкурсности при назначениях на должности, информационная открытость, создание действенных механизмов и каналов обратной связи с населением; 3) льготное налогообложение реальных инвестиций, преференции при создании рабочих мест, государственные гарантии; 4) государственные инвестиции в приоритетные объекты на основании экспертиз и опросов населения; 5) создание благоприятных условий для развития мелкотоварного производства, защита малого бизнеса; 6) бюджетное финансирование локальных целевых мероприятий, налоговые льготы для частных инвесторов

Рис. Взаимосвязь дерева проблем, дерева целей и дерева решений в контексте стратегического менеджмента регионов ЮФО

Список литературы

1. Емельянов, В. В. Социально-экономические процессы на Юге России в 2000 – 2006 гг. Опыт ретроспективного исследования / В. В. Емельянов, Г. Г. Матишов, М. А. Самойлова, В. В. Селютин. — Ростов-н/Д : ЮНЦ РАН, 2008. — 464 с.

2. Инвестиционные рейтинги регионов России / Рейтинговое агентство «Эксперт». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения 11.01.2014). — Загл. с экрана.

3. Матишов, Г. Г. Социально-экономическая неоднородность и неравномерность развития южных регионов: проблемы и перспективы выравнивания / Г. Г. Матишов, В. В. Селютин // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона. — Ростов-н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — С. 147 – 73.

4. Многокритериальный анализ и интегральное оценивание / С. А. Заруцкий, В. В. Селютин. — Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2012619994. — Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 6 ноября 2012 г.

5. Инвестиционные рейтинги регионов России / Рейтинговое агентство «Эксперт». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения 11.01.2014). — Загл. с экрана.

6. Селютин, В. В. Необходимость системного подхода к анализу причин, сценариев и путей решения проблем Северного Кавказа / В. В. Селютин // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона. Материалы Всерос. науч. конф.; 13–15 сентября 2011 г. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — С. 22–25.

7. Селютин, В. В. Построение интегральных индикаторов как средство оценивания региональных социально-экономических систем / В. В. Селютин, С. А. Заруцкий // Материалы Третьей междунар. конф. «Моделирование устойчивого регионального развития»; 7–9 сентября 2009 г. — Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН, 2009. — С. 164–170.

8. Селютин, В. В. Социально-экономическая неоднородность развития южных регионов России / В. В. Селютин // Асимметрия развития социоприродохозяйственной системы Южного макрорегиона России: особенности проявления, измерение, механизмы управления / под ред. Н. П. Иванова, — Ставрополь : РИО ИДНК, 2012. — С. 16–41.

9. Селютин, В. В. Сравнительная социально-экономическая динамика и проблема выравнивания (на примере южного макрорегиона) / В. В. Селютин

// Экономический рост, ресурсозависимость и социально-экономическое неравенство. Материалы Всерос. конф.; 22–24 октября 2012 г. — СПб. : Изд-во СПб ЭМИ РАН, 2012. — С. 176–179.

10. Селютин, В. В., Ушканов А. В. Структурные изменения в экономике регионов Юга России / В. В. Селютин, А. В. Ушканов // Экология. Экономика. Информатика. Материалы 40-й конф. «Математическое моделирование в проблемах рационального природопользования»; 3–8 сентября 2012 г. — Ростов-н/Д : Изд-во ЮФУ, 2012. — С. 437–440.

11. Селютин, В. В. Теория и практика построения региональных рейтинговых систем / В. В. Селютин, Н. В. Лихтанская // Экология. Экономика. Информатика. Материалы 35-й школы-семинара «Математическое моделирование в проблемах рационального природопользования»; 9–14 сентября 2007 г. — Ростов-н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. — С. 123–128.

12. Финансовые взаимоотношения с регионами / Министерство финансов РФ. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www1.minfin.ru/ru/budget/regions/> (дата обращения 11.01.2014). — Загл. с экрана.

13. Figueira, J. Multiple criteria decision analysis: state of the art surveys / J. Figueira, S. Greco, M. Ehrgott. — Boston : Springer, 2005. — 1048 p.

УДК 332.142.2
ББК 65.05

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ» В СТРАТЕГИЯХ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

О.А. Чернова

Значительные различия в уровне социально-экономического развития территорий в границах региона обусловлены оттоком инновационных ресурсов из периферии в экономические центры. Потенциал стратегии сбалансированного регионального развития в существенной мере формируется на основе межмуниципальных взаимодействий в системе отношений «центр – периферия». Формой такого взаимодействия могут стать территориальные кластеры. В статье представлена методика создания альянсов на основе регулирования ресурсных потоков, целеориентированного на выравнивание социально-экономического развития территорий в составе региона.

Ключевые слова: региональная политика, инновационный потенциал, центр-периферия, ресурсные потоки, сбалансированное развитие.

METHODICAL APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF THE RELATIONS "CENTER – PERIPHERY" IN THE STRATEGIES OF A BALANCED DEVELOPMENT OF THE REGION

O.A. Chernova

Significant differences in the level of socio-economic development of territories within the borders of the region are due to the outflow of innovation resources from the periphery into economic centers are shown. Potential of the strategy for a balanced regional development to a large extent is based on inter-municipal cooperation in the system of relations "center-periphery". Territorial clusters can become the form of such interactions. The article presents a method of creating alliances based on the

regulation of resource flows, goal-oriented alignment on socio-economic development of territories as a part of the region.

Key words: regional policy, innovation potential, center-periphery, resource flows, balanced development.

В современных условиях значительной асимметрии внутрирегионального пространства ключевой проблемой реализации целей сбалансированного развития, стоящей перед региональными органами власти и управления, является разработка таких социально-экономических стратегий, которые обеспечат интеграцию потенциала территориальных образований региона в направлении эффективных взаимосвязей и взаимодействий в системе отношений «центр – периферия». Отметим, что в последние годы появилось значительное количество публикаций в области исследования механизмов управления отношениями «центр – периферия», однако они в большей степени связаны с оценкой неравномерности распределения по территории функций государственного управления [3; 4; 8; 11; 13 и др.]. Многие исследования посвящены также проблеме распространения (диффузии) инноваций от полюсов роста к периферии [1; 6; 7; 14 и др.].

Разнообразие связей между центром и периферией (социальные, культурные, экономические, политические и пр.), их поликомпонентность, многоканальность и множественность обуславливает наличие широкой направленности исследований. Тем не менее, по нашему мнению, одним из ключевых направлений является проблема управления ресурсными потоками в регионе, поскольку именно ресурсный потенциал непосредственно сопряжен с возможностями и перспективами развития территории, определяя не только интенсивность процессов модернизации, но и их вектор. Как справедливо отмечает Д.В. Урманов, центр и периферия на различном уровне пространства связаны между собой потоками информации, капитала, товаров, рабочей силы и т. д., однако направления этих потоков определяют характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами, превращая пространство в подобие «силового поля» [12, с. 127]. Понимание важности развития периферии для устойчивости системы регионального хозяйства обуславливает востребованность исследований и разработок, посвященных анализу тенденций формирования и движения ресурсных потоков в системе отношений «центр – периферия», а также последствий такого движения.

Центр по отношению к периферии может инициировать как центробежные, так и цент-

ростремительные процессы, либо способствуя росту сбалансированности внутрирегионального развития, либо закрепляя и усиливая процессы поляризации. В целом можно выделить следующие три вида моделей взаимоотношений «центр – периферия» (рис. 1), каждая из которых определяет специфику протекающих социально-экономических процессов в регионе и, соответственно, предполагает разработку и применение таких механизмов управления ресурсными потоками, которые являются наиболее адекватными в сложившейся ситуации.

1. Периферия отдает свои ресурсы центру и сильно зависима от центрo-периферийных связей. Чаще всего периферия «предоставляет» центру трудовые ресурсы, поскольку периферийные территории, как правило, являются трудоизбыточными вследствие недостаточного количества рабочих мест, что связано с низкими (относительно центра) показателями социально-экономического развития.

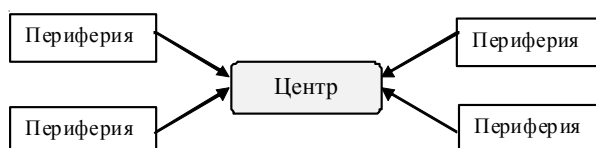
2. Центр оказывает ресурсоформирующее воздействие на периферию. При этом нельзя однозначно говорить о том, что данное воздействие является ростоформирующим фактором для периферийной территории и при-

водит к сглаживанию асимметрии развития. Как отмечает А.Г. Дружинин, региональная метрополия, «расползаясь» по периферии, в то же время становится все более недоступной для взаимодействия с ней (из-за цен на жилье, деловую недвижимость, завышенную стоимость предлагаемых на территории города услуг и т. п.) [2].

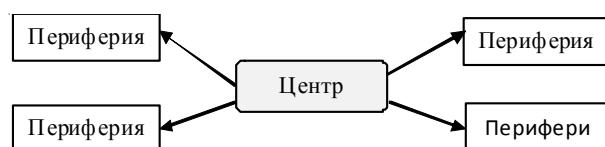
3. «Закрытая» экономика периферийной территории, которая не предполагает взаимодействие с центром. Ресурсные потоки циркулируют либо только внутри данной экономической системы, либо в горизонтальных направлениях, то есть между относительно равноправными по своему социально-экономическому положению территориями (рис. 1).

Анализируя социально-экономическое положение территориальных образований Ростовской области, можно отметить, что главные оси трансформации регионального пространства ориентированы на формирование центрбежных траекторий (периферия – центр), что усугубляет проблемы внутрирегиональных контрастов. Об этом свидетельствуют значительные различия в уровне значений показателей, характеризующих как экономическую, так и со-

1) центрбежная модель ресурсных потоков в системе отношений «центр – периферия»

2) центростремительная модель ресурсных потоков в системе отношений «центр – периферия»

3) замкнутая модель ресурсных потоков в системе отношений «центр – периферия»

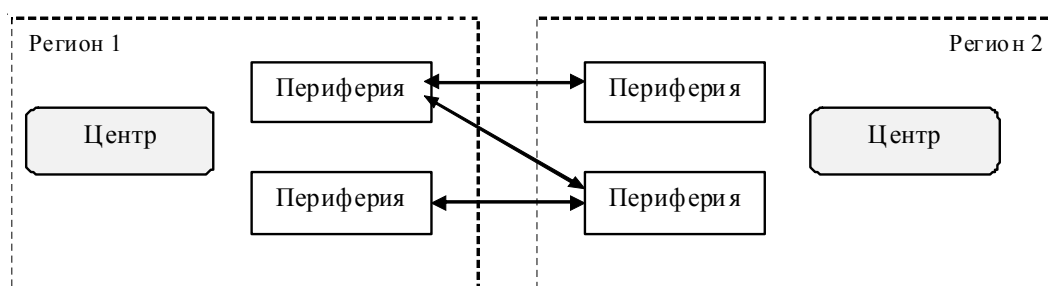

Рис. 1. — Модели ресурсных потоков в системе отношений «центр – периферия»

Примечание. Составлено автором по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики.

Показатели социально-экономического развития городов Ростовской области в 2012 г.

Муниципальное образование	Показатели				
	Доля проживающих в ветхих и аварийных домах, %	Инвестиции в основной капитал	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ, услуг	Удельный вес убыточных организаций, %	Миграционный прирост, чел.
Ростов-на-Дону	1,75	52 779 447	38 748 548	20,00	+8 054
Азов	0,19	2 448 116	11 274 326	18,20	+335
Батайск	0,35	1 892 912	5 582 600	14,71	+998
Волгодонск	—	28 222 253	3 873 475	18,00	-224
Гуково	2,96	448 405	1 213 392	35,00	-73
Донецк	2,00	443 079	1 659 510	55,56	+79
Зверево	0,31	396 095	254 653	50,00	-305
Каменск-Шахтинский	0,01	1 070 169	11 201 514	37,50	-832
Новочеркасск	1,00	7 309 542	46 857 591	28,30	+4 815
Новошахтинск	6,80	812 316	2 081 848	15,40	+414
Таганрог	0,80	6 733 578	51 155 611	22,70	-620
Шахты	3,00	1 943 189	28 824 984	14,89	-12

Примечание. Составлено автором по: [11].

циальную сферу муниципальных образований региона (см. табл. 1).

Усиление центростремительного движения ресурсных потоков от периферии к центру существенно отражается на уровне территориальной дифференциации и качестве жизни населения, приводя к «маргинализации обширнейших территорий, лишаемых ресурсов, полномочий и воли к социально-экономическому саморазвитию» [10, с. 66]. В данных условиях значительно возрастает роль региональных и муниципальных органов власти, которые своими управленческими решениями будут либо вести к дезинтеграции экономического пространства региона, сохраняя и усиливая негативные тенденции, когда периферия выступает поставщиком ресурсов для центра, либо формировать условия взаимного развития, в том числе посредством механизмов стратегического планирования межмуниципальных форм взаимодействия в системе отношения «центр — периферия».

Эффективность принятия такого рода управленческих решений в значительной степени определяется адекватностью и действенностью применяемого методического инструментария, что актуализирует его соответствующую доработку и развитие.

В данном контексте представляется, что для обоснования стратегий сбалансированного развития региона и построения эффективной системы взаимодействий «центр — периферия», в процессе реализации модернизацион-

ных проектов, имеющих общерегиональный характер, может быть положен методический инструментарий оценки инновационного потенциала региона, предложенный в работе Л.Г. Матвеевой и О.А. Черновой [5]. Данный инструментарий основывается на выделении территорий, характеризующихся недостаточным для саморазвития значением экономическо-ресурсного потенциала, и служит основой для разработки механизмов развития внутрирегиональной интеграции. При этом анализ структурообразующих компонентов инновационного потенциала отдельных муниципальных образований (финансовые ресурсы, трудовые ресурсы, материально-технические ресурсы, институциональная восприимчивость и пр.) позволяет решить следующие задачи:

1) выделить «проблемные» территории с позиции недостаточности их потенциала к саморазвитию (развитию);

2) определить «узкие места» в каждом компоненте инновационного потенциала муниципальных образований;

3) сформировать структуру инновационного кластера;

4) сформировать портфель инвестиционных проектов инновационно ориентированного развития региона;

5) дать оценку эффективности выбранной стратегии управления сбалансированным развитием экономики региона.

Следует отметить, что само по себе значение инновационного потенциала отдельной территории не представляет интереса для разработки стратегии развития региона и оценки сбалансированности его экономики. Только в соотношении с показателями развития других территорий образуется полная картина, которая позволяет принимать управленческие решения о выборе направлений стимулирования межмуниципальных взаимодействий с целью развития как региона в целом, так и отдельных муниципалитетов.

При этом, поскольку целевым ориентиром стратегии социально-экономического развития региона является повышение сбалансированности его воспроизводственной системы, на первом этапе разработки региональной стратегии представляется значимым выделение муниципальных образований, обладающих недостаточным потенциалом для саморазвития и нуждающихся в региональной поддержке.

Для выделения таких «проблемных» территорий строится диаграмма упорядочения муниципальных образований по величине интегральных значений инновационного потенциала, на которой выделяют типы муниципальных образований по отношению их инновационного потенциала к максимально достигнутому в регионе (рис. 2).

На данной диаграмме выделяют типы муниципальных образований по соотношению их инновационного потенциала к максимально достигнутому в регионе: I тип — более 80 % от максимального значения (очень высокий инновационный потенциал), II тип — 61–80 % от максимального значения (высокий инноваци-

онный потенциал), III тип — 41–60 % от максимального значения (средний инновационный потенциал), IV тип — 21–40 % от максимального значения (низкий инновационный потенциал), V тип — менее 20 % от максимального значения (очень низкий инновационный потенциал). Полученная диаграмма позволяет увидеть место каждого муниципального образования, во-первых, на фоне средних по региону показателей, во-вторых, в сравнении с другими муниципальными образованиями в регионе. Очевидно, что муниципальные образования, показатели социально-экономического развития которых в два и более раз ниже, чем в «центре», отличаются низкой способностью их экономики к саморазвитию и нуждаются в региональной поддержке.

Развитие таких муниципальных образований представляется возможным на основе включения их в состав территориального кластера, в рамках которого будет осуществляться регулирование движения ресурсных потоков из муниципальных образований (центров), обладающих «свободным» ресурсом, не задействованным в процессе воспроизводства, в муниципальные образования (периферию), имеющие дефицит данного ресурса для реализации проекта инновационного развития. Различия в уровне экономико-ресурсного потенциала муниципальных образований не являются препятствиями к развитию интеграционных связей между ними, поскольку эффективное использование сильных сторон отдельных муниципальных образований, входящих в кластер, будет способствовать региональным процессам роста. Особенно важно, что субъекты инновационно ориентированной

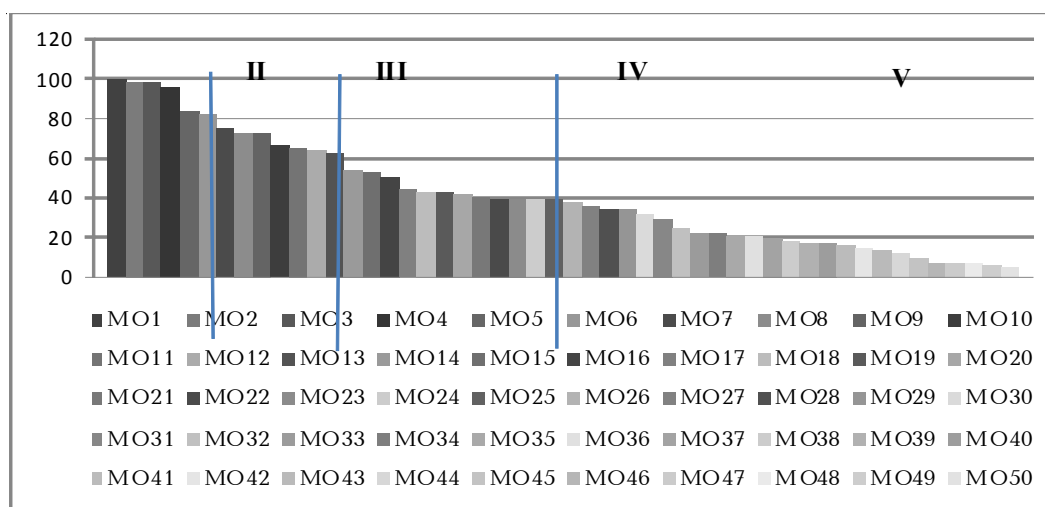

Рис. 2. Диаграмма упорядочения муниципальных образований по величине инновационного потенциала

Примечание. Составлено автором по материалам исследования.

деятельности, находясь в территориальной близости друг от друга, могут сформировать взаимодополняющие инфраструктурные элементы, тем самым экономя время на создание собственных. Кроме того, города, отличающиеся низким значением социально-экономических показателей, как правило, также имеют ресурсы, которые потенциально могут быть использованы в проектах инновационного развития: омертвленный капитал убыточных предприятий (производственные фонды и площади), земельные участки непригодные для сельскохозяйственного использования и пр.

Очевидно, что в основу выбора муниципального образования, на территории которого предполагается формирование территориального кластера, будет положена оценка их ресурсного потенциала. При этом, для реализации одного проекта муниципальное образование может оцениваться как обладающее достаточным потенциалом по всем параметрам для реализации данного проекта, а для реализации другого — характеризоваться неудовлетворительным значением отдельных составляющих. Анализ инновационного потенциала муниципальных образований предполагает возможность конфигурирования организационно-функционального состава территориального кластера в соответствии с преобладанием определенной ресурсной составляющей — финансовой, кадровой или материально-технической.

Поскольку одной из приоритетных задач реализации стратегии регионального развития является повышение сбалансированности экономики региона, первоначально рассматривается возможность реализации инвестиционного проекта путем вовлечения экономико-ресурсного потенциала муниципальных образований, отличающихся наиболее низкими показателями социально-экономического развития. При этом выбор муниципального образования (группы муниципальных образований) для реализации проекта может осуществляться по критерию минимального отклонения показателей от требований проекта. В результате проведенного анализа мы получаем некоторое множество альтернативных вариантов формирования территориально-производственного кластера (на основе вовлечения ресурсного потенциала периферийных территорий), обеспечивающего реализацию рассматриваемого инвестиционного проекта. Принципы выбора территориальных образований при формировании инновационного кластера могут быть следующими:

1) экономико-ресурсный потенциал муниципального образования полностью обеспечивает реализацию проекта инновационного развития, следовательно отсутствует необходимость

привлечения потенциала других муниципальных образований;

2) экономико-ресурсный потенциал выбранных муниципальных образований дополняет друг друга так, чтобы в целом обеспечивалась возможность реализации проекта, причем каждое выбранное муниципальное образование в отдельности имеет недостаточный для реализации данного проекта потенциал;

3) в группу муниципальных образований, обладающих высоким потенциалом, в том числе с избыточным значением показателей по отдельным направлениям, включаются муниципальные образования, обладающие недостаточным потенциалом для инновационного развития.

Таким образом, ресурсное обеспечение реализации проекта инновационного развития может быть следующим:

1) ресурсы производятся и перемещаются внутри одного муниципального образования;

2) ресурсы частично производятся внутри территориального образования, а недостающая часть «мигрирует» из «центра» в периферию;

3) все необходимые ресурсы «мигрируют» из «центра» в периферию.

Рассмотрим апробацию представленного методологического подхода на примере Ростовской области.

На основании расчетных данных о величине потенциала инновационных ресурсов была построена гистограмма (см. рис. 3).

Очевидно, что очень низкий потенциал к инновационному развитию имеют города: Гуково, Донецк, Каменск-Шахтинский, Красный Сулин, Зверево, Новошахтинск и Белая Калитва.

С целью повышения социально-экономического потенциала региона и в соответствии с принципами сбалансированного развития территории, рассмотрим возможность реализации инвестиционного проекта в г. Новошахтинске. Низкий ресурсный потенциал данного муниципального образования не позволяет реализовать проект собственными силами, в связи с этим для ресурсного обеспечения проекта рассмотрим возможность формирования инновационного кластера (на основе управления ресурсными потоками в системе отношений «периферия — периферия» и «центр — периферия»). Для осуществления данной операции необходимы: оценка ресурсного потенциала муниципальных образований, которые сформируют кластер и определение стоимости ресурсных потоков.

Решение указанной задачи сводится к решению «транспортной задачи». Исходные данные для определения структуры кластера приведены в таблице 2. Матрица решений, ориентированная на минимизацию стоимости ресурсных потоков, приведена в таблице 3. Затраты

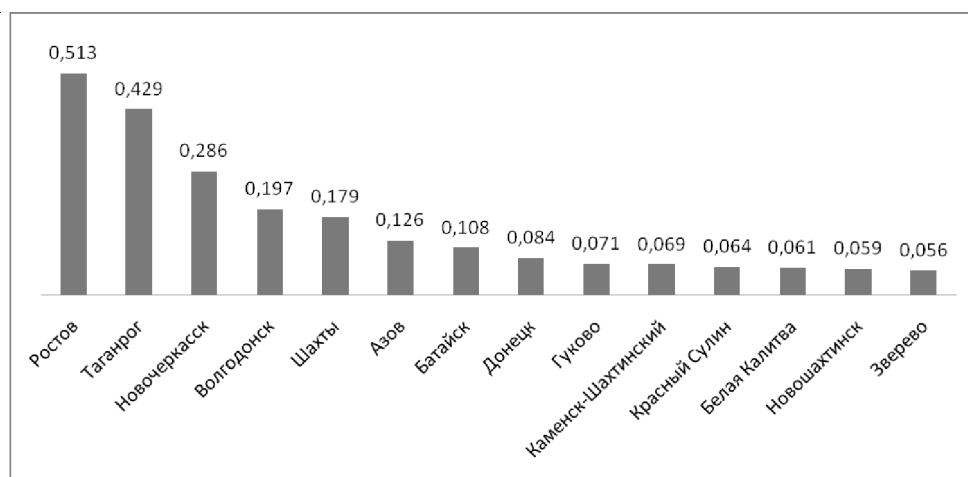

Рис. 3. Потенциал инновационных ресурсов муниципальных образований Ростовской области

Примечание. Составлено автором по материалам исследования.

Таблица 2

Исходные данные для моделирования ресурсных потоков

Показатели		г. Донецк			г. Гуково			г. Шахты			Г. Красный Сулин		
		Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М
Спрос	Новошахтинск	20	50	45	12	15	25	18	30	40	12	12	15
	ТОм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Предложение		150	250	150	200	350	350	200	100	200	200	250	150

Окончание таблицы 2

Показатели		г. Ростов-на-Дону			г. Зверево			Потребность		
		Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М
Спрос	Новошахтинск	12	20	25	10	30	35	500	300	50
	ТОм	0	0	0	0	0	0	500	900	920
Предложение		200	200	100	50	50	20	—	—	—

Примечание. В таблице использованы следующие обозначения: Фин — финансовые ресурсы; Тр — трудовые ресурсы; М — материальные ресурсы; Мом — фиктивное муниципальное образование; ТОм — территориальный округ; УТОм — условный территориальный округ. Рассчитано автором по материалам исследования. Рассчитано автором по материалам исследования.

на реализацию инвестиционного проекта составят 16 878 тыс. рублей.

При моделировании потоков ресурсов учитываются только «свободные» ресурсы, чтобы их движение не привело к ухудшению социально-экономического положения территории, являющейся их источником.

Источниками трудовых ресурсов являются г. Донецк, Гуково, Шахты; материальных ресурсов — г. Ростов-на-Дону, Гуково,

Красный Сулин, финансовых ресурсов — все города кластера. Исходя из предлагаемой модели, далее определится состав хозяйствующих субъектов, предоставляющих указанные ресурсы, и форма взаимодействия субъектов. Очевидно, что реализация проекта повлечет за собой положительные изменения в величине всех составляющих социально-экономического потенциала территориальных образований, формирующих кластер. В частности, прогнозная оценка потенциала муниципаль-

ных образований региона в условиях реализации кластерного проекта будет иметь следующий вид (рис. 4).

Таким образом, предложенная методика позволяет принимать стратегические решения в направлении формирования политики социально-экономического развития региона, обеспечи-

Таблица 3

Матрица решений по интеграции ресурсов муниципальных образований в системе отношений «центр – периферия»

Показатели		г. Донецк			г. Гуково			г. Шахты			г. Красный Сулин		
		Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М
Спрос	Новошахтинск	185	124	0	97	145	24	112	30	0	32	0	13
	ТОм	0	126	150	103	205	326	88	70	200	68	180	87
	УТОм	185	250	150	200	350	350	200	100	200	100	180	100
Предложение		150	250	150	200	350	350	200	100	200	100	180	100

Окончание таблицы 3

Показатели		г. Ростов-на-Дону			г. Зверево			Потребность		
		Фин	Тр	М	Фин	Тр	М	Фин	Тр	М
Спрос	Новошахтинск	52	0	13	22	0	0	500	300	50
	ТОм	88	200	67	58	50	20	405	830	850
	УТОм	140	200	80	80	50	20	–	–	–
Предложение		140	200	80	80	50	20	–	–	–

Примечание: В таблице использованы следующие обозначения: Фин – финансовые ресурсы; Тр – трудовые ресурсы; М – материальные ресурсы; Мом – фиктивное муниципальное образование. Рассчитано автором по материалам исследования.

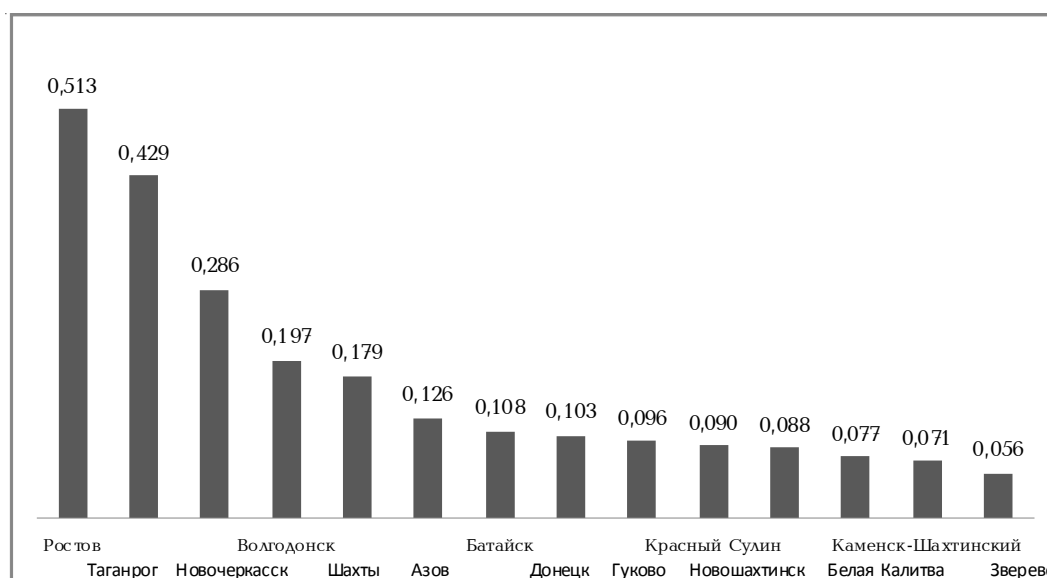

Рис. 4. Доля муниципальных образований, характеризующихся очень низким значением инновационного потенциала

вая максимальную приближенность к реализации принципов сбалансированного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонасова, М. А. Механизмы территориального распространения и диффузии инноваций / М. А. Афонасова // Современные наукоемкие технологии. — 2008. — № 9. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=5041 (дата обращения: 13.01.2014). — Загл. с экрана.
2. Дружинин, А. Г. Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и Южно-Российская специфика / А. Г. Дружинин // Географический вестник. — 2009. — № 3 (11). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/174_metropolizaciq_kak_dominantnaq_tendenciq.pdf (дата обращения: 03.01.2014). — Загл. с экрана.
3. Коньков, А. Е. Проблемы и тенденции моделирования федерализма в России / А. Е. Коньков // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2009. — № 4. — С. 24 — 37. — Загл. с экрана.
4. Лексин, В. Н. «Центр» и «периферия» в государственном управлении: каналы взаимовлияния / В. Н. Лексин // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 4. — С. 59 — 74.
5. Матвеева, Л. Г. Методологические подходы и прикладной инструментарий оценки уровня инновационного развития региона / Л. Г. Матвеева, О. А. Чернова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2010. — № 1. — С. 88 — 96.
6. Мищенко, И. В. Пространственные аспекты устойчивого развития сельских территорий / И. В. Мищенко // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2012. — № 3. — С. 95 — 103.
7. Назарова, Е. А. Пространственная поляризация инновационного развития муниципальных образований Новосибирской области / Е. А. Назарова // Креативная экономика. — 2012. — № 1 (61). — С. 119 — 127.
8. Ортунг, Р. Отношения между центром и периферией / Р. Ортунг // Pro et Contra. — 2010. — Июль — октябрь. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pes/2010/4/ProEtContra_2010_4_06.pdf (дата обращения: 23.12.2013). — Загл. с экрана.
9. Павлов, К. В. Ядро экономических систем и эффективная хозяйственная политика / К. В. Павлов. — М. : Магистр, 2009. — 192 с.
10. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. — М. : Вузовская книга, 2012. — 338 с.
11. Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: http://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/munr.aspx?base=munst60. — Загл. с экрана.
12. Урманов, Д. В. Локальные территории в пространственном развитии системы «центр — периферия» региона / Д. В. Урманов // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 339. — С. 127 — 131.
13. Удалов, В. С. Система центр — периферия в современном политическом процессе / В. С. Удалов, О. А. Колобов // Вестник Нижегородского университета. — 2011. — № 2 (1). — С. 297 — 301.
14. Федерация, регионы, муниципалитеты: распределение экономических функций / Материалы заседания «Меркурий клуба» 21 мая 2013 // Профессиональное образование. Столица. — 2013. — № 7. — С. 2 — 6.
15. Черенков, В. И. Маркетинговый подход к категории каналов глобальной диффузии инноваций / В. И. Черенков // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2. — С. 211 — 215.

УДК 332.02
ББК 65.05

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

В.В. Курченков, К.Ю. Матохина

В статье раскрываются возможности эффективного использования программно-целевого метода управления в обеспечении устойчивого развития региона. Производятся группировка областных целевых программ по приоритетам устойчивого развития региона (на примере Волгоградской области). Предлагаются критерии и методика оценки результативности и эффективности региональных целевых программ.

Ключевые слова: регион, программно-целевой метод управления, областные целевые программы, результативность, эффективность, устойчивое развитие региона.

USE OF THE PROGRAM AND TARGETED METHOD OF THE MANAGEMENT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF A REGION

V.V. Kurchenkov, K.Yu. Matokhina

The article describes the opportunities for an effective use of the program-oriented management approach to sustainable development in the region. Groups of the regional target programs to prioritize sustainable development of the region (for example, the Volgograd region) are given. Criteria and methodology assessing the effectiveness and efficiency of regional programs are distinguished.

Keywords: region, target-oriented management method, the regional target programs, efficiency, effectiveness, sustainable development of the region.

Обеспечение устойчивого развития экономики России на современном этапе является актуальной задачей. В то же время географические особенности, многообразие природных ресурсов и сложность территориальной организации предполагают использование большого многообразия подходов и инструментария в управлении устойчивым развитием регионов [1; 3].

Среди этих подходов и методов особую роль играет использование программно-целевого метода в создании условий устойчивого развития регионов. Как показала практика, этот метод показал свою эффективность как для решения отдельных задач регионального развития, так и для формирования стратегии комплексного, сбалансированного развития региона в долгосрочной перспективе [10; 11].

Эффективность использования программно-целевого метода определяется его способностью мобилизовать ресурсы, необходимые для решения таких проблем, которые выходят за рамки объекта стратегического управления на уровне региона. Отличительными особенностями этого метода являются: концентрация ресурсов на решении конкретных задач; точная определенность сроков достижения поставленных целей; измеримость ожидаемых результатов; концентрация ответственности основных исполнителей программ перед органами региональной и федеральной власти [2; 8; 12].

Принципиальные преимущества программно-целевого метода в управлении регионом могут наблюдаться в различных направлениях государственной и региональной политики: инвестиционная политика, развитие территорий, государственное регулирование экономики, бюджетное планирование и др. [6; 13]. Важным преимуществом данного метода является обеспечение сбалансированного устойчивого развития региона. Действительно, использование программно-целевого подхода также имеет существенные преимущества в создании условий устойчивого развития региона, так как позволяет достичь такого уровня самоорганизации системы, на котором она способна развиваться и саморегулироваться, оптимально и эффективно используя при этом внутренние и внешние ресурсы.

Реализация большого количества региональных программ в целях создания условий для устойчивого развития региона должна опираться на следующие принципы: принцип взаимосвязи и преемственности программ; принцип наращивания усилий; принцип экономии ресурсов; принцип «средового воздействия»; принцип инфраструктурного обеспечения [10; 11].

Важным принципом с точки зрения реализации устойчивого социально-экономическо-

го развития региона является принцип равновесия программ, заключающийся в сбалансированном воспроизводстве экономического, социального, природно-ресурсного потенциала, локализованного на территории региона. Причем принцип равновесия не предполагает равномерного или равнодостаточного распределения ресурсов между основными составляющими устойчивого развития региона. Согласно этому принципу, характер распределения ресурсов по приоритетам регионального развития зависит от конкретной динамики структурно-временных сдвигов в экономике конкретного региона.

Практика применения программно-целевого подхода в регионах показывает устойчивую тенденцию роста количества различных областных программ, а также объемов их ресурсного обеспечения [9; 13]. В частности, в Волгоградской области доля расходов на целевые областные программы в общей сумме расходов областного бюджета за последние годы существенно возросла (рис. 1).

Однако динамика расходов на областные целевые программы в рассматриваемый период была подвержена значительным колебаниям: максимальный уровень (9 829 320,9 тыс. руб.) наблюдается в 2011 г., минимальный (27 108 тыс. руб.) — в 2000 году. Также существенный спад наблюдался в период кризиса 2009 г., когда объемы финансирования целевых программ существенно снизились.

Определение степени влияния региональных целевых программ на устойчивое развитие региона предполагает рассмотрение характера их распределения по приоритетным на-

правлениям стратегии устойчивого развития, к которым следует в первую очередь отнести: формирование и реализацию экономического потенциала региона; решение социальных проблем; развитие транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры; защиту окружающей среды; формирование оптимальной институциональной среды [14]. Анализ распределения областных целевых программ в Волгоградской области по указанным приоритетным направлениям устойчивого развития показал, что большая часть программ ориентирована на социальную сферу, а меньшая часть — на развитие инфраструктуры, что негативным образом отражается на деловом и инвестиционном климате региона (рис. 2).

Действительно, в настоящее время наблюдается очевидная диспропорция в видах реализуемых программ, что порождает проблему осуществления одного из основных принципов программно-целевого подхода — принципа равновесия программ, предполагающего сбалансированное воспроизводство социального, природно-ресурсного и экономического потенциала области. Также характерной чертой для периода 2000 — 2008 гг. явилось то, что значительная часть программ носила кратко- и среднесрочный характер, что было обусловлено отсутствием в регионе долгосрочной стратегии социально-экономического развития. Вместе с тем, потенциал выделяемых финансовых ресурсов был крайне ограничен, а размер реально направляемых средств на каждую программу практически невозможно было прогнозировать [8; 10; 11; 12].

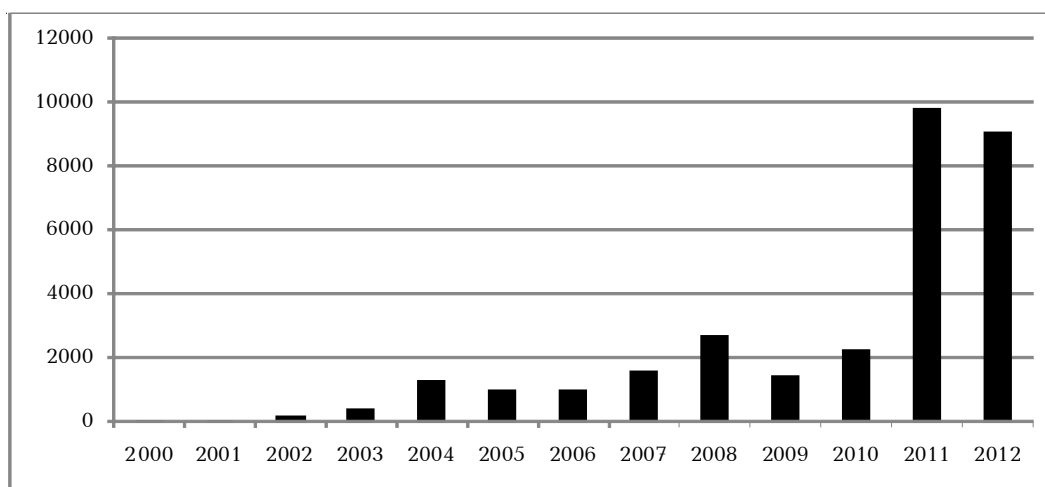

Рис. 1. Динамика запланированных расходов на областные целевые программы из бюджета Волгоградской области, млн руб.

Примечание. Источник: «Консультант Плюс» (2000 — 2012 гг.). URL: <http://www.garant1/>.

В научной литературе последних лет достаточно хорошо разработана проблема оценки эффективности и результативности региональных целевых программ [4; 5; 9; 13;]. Вместе с тем, оценку эффективности целевых программ необходимо проводить по трем критериям: результативность, эффективность, адаптивность (см. рис. 3). При этом первые два необходимо определить как основные, а третий — как дополнительный.

В рамках предлагаемой методики указанные критерии должны оцениваться на основании относительных приростных значений этих показателей, которые рассчитываются по следующим формулам:

$$\Delta R = \frac{R - R_b}{R_b}, \quad (1)$$

$$\Delta E = \frac{E - E_b}{E_b}, \quad (2)$$

$$\Delta A = \frac{A - A_b}{A_b}, \quad (3)$$

где R_b , E_b , A_b — базовые показатели результативности, эффективности и адаптивности, отражающие исходную ситуацию до полной реализации заплани-

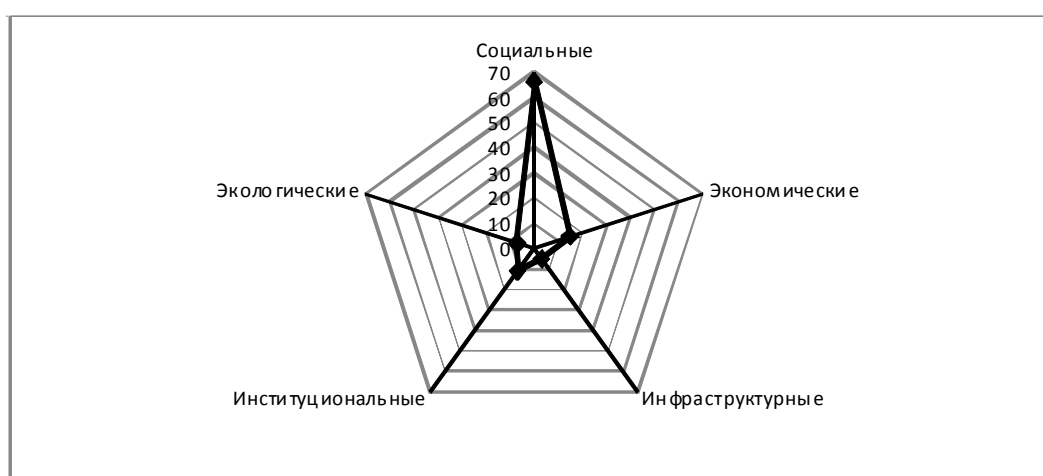

Рис. 2. Распределение областных целевых программ, реализуемых в Волгоградской области за 2000 — 2011 гг. по приоритетным направлениям стратегии устойчивого развития

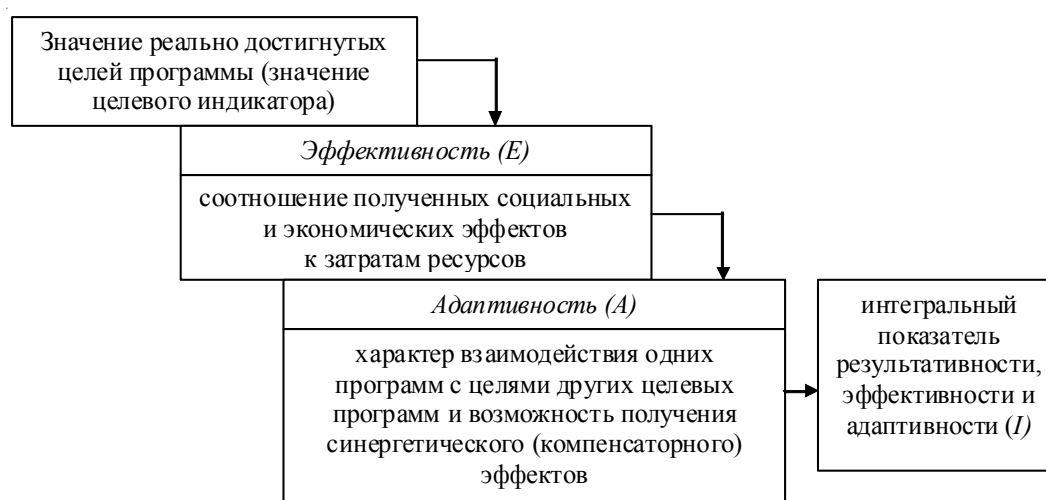

Рис. 3. Система критериев оценки результативности, эффективности и адаптивности региональных целевых программ

Примечание. Составлено автором.

рованных программных мероприятий, или до начала реализации той или иной целевой программы; R , E , A — фактические показатели результативности, эффективности и адаптивности реализованных программ (в полном объеме или частично) за исследуемый период времени.

Эти показатели (для последующего сравнительного анализа) могут быть сведены в единый интегральный показатель прироста эффективности и результативности:

$$\Delta I = K_1 \Delta R + K_2 \Delta E + K_3 \Delta A, \quad (4)$$

где ΔI — интегральный показатель (индекс) результативности, эффективности и адаптивности целевой программы; K_1 , K_2 , K_3 — корреляционные коэффициенты, отражающие весовое значение каждого показателя в структуре интегрального показателя (индекса).

На основании соотношения этих показателей региональные целевые программы могут быть агрегированы в три группы по уровню соотношения результативности, эффективности и адаптивности (табл. 1).

Как видно из данных таблицы, из 33 областных целевых программ, действующих на территории Волгоградской области в указанный период, большинство имеют достаточно низкий уровень эффективности и результативности, что объясняется следующими причинами: как правило, инициатором постановки региональной проблемы являются органы государственной власти, что не стимулирует инициативу заинтересованных лиц и исполнителей программы; используется слабая аналитическая проработка состояния экономики регионов, что приводит к нечеткости при определении основных интересов участников; выделяется недостаточно средств, необходимых для финансирования мероприятий целевых программ; выполнение программных мер слабо контролируется.

В качестве основной следует выделить проблему недостаточного финансирования про-

грамм, приводящую не только к нерентабельной и убыточной реализации проектов, омертвлению уже вложенных финансовых ресурсов, но и к увеличению остроты проблемных ситуаций, на разрешение которых ориентированы данные программы.

Целевые региональные программы (в зависимости от их использования в рамках той или иной группы приоритетов устойчивого развития) различаются по применяемым методам и инструментам, по степени диверсификации ресурсной базы, а также по системе оценки эффективности программ [9]. В этой связи целесообразно условно выделить две группы приоритетов устойчивого развития из приведенных выше: группа А — развитие социальной сферы региона, формирование институциональной среды и решение экологических проблем; группа Б — формирование и реализация экономического потенциала и развитие инфраструктуры. Соответственно, для программ, направленных на реализацию приоритетов группы А, характерно следующее применение методов прямого государственного воздействия: использование на 100 % исключительно ресурсов регионального и федерального бюджетов, система оценки эффективности программ, ориентированная в основном на оценку социальных эффектов и социальной эффективности.

Для программ, направленных на реализацию другой группы приоритетов устойчивого развития региона (группа Б), а именно на формирование и реализацию экономического потенциала и развитие инфраструктуры, характерно использование методов косвенного воздействия: использование диверсифицированной ресурсной базы на условиях государственно-частного партнерства, оценка экономических эффектов и экономической эффективности (см. рис. 4).

Прямой поддержкой государства со 100%-м финансированием программ из бюджетов всех уровней должны быть обеспечены мероприятия в рамках приоритетов устойчивого развития, имеющие важное соци-

Таблица 1

Распределение региональных целевых программ Волгоградской области в 2011–2012 гг. по уровням результативности, эффективности и адаптивности

№	Соотношение показателей результативности, эффективности и адаптивности	Уровень эффективности и результативности региональных целевых программ	Распределение региональных целевых программ по уровням эффективности и результативности
1	$K_1 \Delta R + K_2 \Delta E + K_3 \Delta A = 1$	Высокий	6
2	$K_1 \Delta R + K_2 \Delta E + K_3 \Delta A = 1$	Средний	10
3	$K_1 \Delta R + K_2 \Delta E + K_3 \Delta A = 1$	Низкий	17

альное значение и обусловленные рядом факторов, основными из которых являются: масштаб и государственная значимость проблем; широкая сфера приложения и влияния целевых результатов программ; значительная ресурсоемкость мероприятий программ, необходимость концентрации бюджетных средств; необходимость нормативного правового обеспечения планируемых к реализации мероприятий, а также организации эффективной системы управления, мониторинга и контроля их выполнения со стороны государства; отсутствие возможности (или эта возможность минимальна) самостоятельного развития или привлечения на коммерческой основе дополнительных финансовых ресурсов.

Реализация приоритетов группы Б открывает возможности получения коммерческой выгоды, что создает условия для активного привлечения ресурсов частного бизнеса, дополнительных источников финансирования, получа-

емых за счет реализации механизма государственно-частного партнерства.

Вместе с тем, несоответствие в полной мере существующего портфеля целевых программ стратегическим задачам развития региона еще остается, что создает необходимость структуризации разработки системы стратегических планов регионального развития от целей к стратегии, от стратегии — к сбалансированному портфелю целевых программ, от отдельно взятой целевой программы — к сбалансированному портфелю проектов.

Таким образом, программно-целевое управление представляет собой один из эффективных способов решения приоритетных задач по обеспечению устойчивого развития региона, благодаря таким его преимуществам, как краткосрочность, конкретность задачи, на решение которой направлены программные меры; измеримость результатов; высокая мотивация основных исполнителей к достижению целей.

Рис. 4. Группировка региональных целевых программ по целям, методам и ресурсам в рамках основных приоритетов устойчивого развития

Примечание. Составлено автором.

Важными преимуществами данного подхода являются следующие: возрастание степени управляемости региональной социально-экономической системы, возможность быстрой мобилизации, концентрации и аллокации используемых ресурсов, что выделяет данный метод в ряду главных факторов обеспечения устойчивого развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотарева, И. А. Программно-целевая ориентация государственной поддержки в регионе / И. А. Золотарева // Экономические науки. — 2009. — № 3 (52). — С. 20—22.
2. Идзиев, Г. И. Использование программно-целевого метода при формировании промышленной политики Республики Дагестан / Г. И. Идзиев // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 24 (207). — С. 22—27.
3. Иншаков, О. В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства / О. В. Иншаков // Экономическая наука современной России. — 2003. — № 1. — С. 11—25.
4. Козлова, С. В. Эффективность целевых программ в области земельных отношений / С. В. Козлова // Экономические науки. — 2007. — № 12 (37). — С. 12—16.
5. Кочкаров, Р. А. Ключевые показатели эффективности и результативности целевых программ / Р. А. Кочкарев // Качество. Инновации. Образование. — 2012. — № 5. — С. 117—123.
6. Курченков, В. В. Определение стратегических направлений развития ЮФО / В. В. Курченков, С. Н. Соколов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. — 2008. — № 1. — С. 75—80.
7. Курченков, В. В. Повышение эффективности государственного и муниципального управления: уроки для России / В. В. Курченков, Н. И. Морозова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. — 2013. — № 2. — С. 6—13.
8. Лепихина, Т. А. Целевое программирование как элемент регионального планирования / Т. А. Лепихина, Ю. В. Карпович // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 9. — С. 5—10.
9. Митрофанова, И. В. Дифференциация и модификация видов целевых программ как инструмента стратегического территориального менеджмента / И. В. Митрофанова, А. Н. Жуков, М. Г. Майорникова // Экономика устойчивого развития. — 2013. — № 13. — С. 162—173.
10. Митрофанова, И. В. Программно-целевой подход к управлению территорией: анализ современного отечественного опыта / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2006. — № 5. — С. 42—46.
11. Митрофанова, И. В. Программно-целевой подход к управлению территорией: анализ современного отечественного опыта / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2006. — № 6. — С. 32—38.
12. Митрофанова, И. В. Управляемое социально-экономическое развитие регионов и округов России: мифы и рифы стратегического территориального менеджмента / И. В. Митрофанова // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2010. — № 4. — С. 62—71.
13. Митрофанова, И. В. Стратегическое программирование развития макрорегиона / И. В. Митрофанова. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 538 с.
14. Рисин, И. Е. Программно-целевое управление развитием муниципального образования / И. Е. Рисин, О. Ф. Шахов. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2007. — 99 с.

УДК 332.021.8
ББК 65.9

Key words: region, strategic planning, methodology, economic and mathematic methods, program provision, technological efficiency, South Federal District.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ ЮФО

К.Э. Месропян

В статье раскрываются задачи стратегического планирования социально-экономического развития территории; дается оценка наиболее часто применяемым методикам построения индикаторов регионального развития; обосновывается актуальность применения в стратегических документах экономико-математических методов и моделей с разработкой нового методического и программного обеспечения для оценки сравнительной технологической эффективности функционирования региональных систем, что позволит находить новые инструменты решения практических задач.

Ключевые слова: регион, стратегическое планирование, методика, экономико-математические методы, программное обеспечение, технологическая эффективность, Южный федеральный округ.

ANALYTICAL SUPPORT OF THE SYSTEM OF THE STRATEGIC PLANNING: METHODOLOGY OF THE ASSESSMENT OF THE COMPARATIVE EFFICIENCY OF THE ECONOMY OF THE REGIONS OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

K.E. Mesropyan

The article reveals the tasks of the strategic planning of the social and economic development of a territory. The assessment of the most used methods of the indices construction of the regional development is given. The urgency of the use in the strategic documents of economic and mathematical methods and models with the development of a new methodic and program provision for the assessment of a comparative technological efficiency of regional systems is proved that will allow finding new tools for the solution of practical tasks.

Актуальной задачей стратегического планирования для Южного федерального округа (далее — ЮФО) является выравнивание показателей социально-экономического развития составляющих его регионов. Система стратегического планирования на уровне региона, в отличие от уровня предприятий или рынков, включает элементы различной природы, многие из которых не имеют однозначной монетарной оценки. В частности, если для хозяйственных систем понятие эффективности определено сведением к таким двухфакторным индикаторам как рентабельность, экономичность, прибыльность, то для анализа функционирования региональных систем необходимо привлечение более сложных моделей и методов. Разнообразные методики построения индикаторов регионального развития широко применяются в стратегическом планировании, однако показатели эффективности выступают не более чем косвенными характеристиками социально-экономического положения и не отражают потенциал устойчивости развития регионов. Исследование многофакторных систем требует применения методов системного анализа, связанных с динамикой, устойчивостью, структурой, неоднородностью. Однако между теорией и практикой имеется определенный разрыв, который может быть уменьшен путем адаптации инструментов к потребностям исследований. Научное обоснование применения в стратегических документах экономико-математических методов и моделей с разработкой нового методического и программного обеспечения, созданного для оценки сравнительной технологической эффективности функционирования региональных систем, потенциально позволяет внести вклад в развитие междисциплинарных исследований и нахождение новых способов решения прикладных задач.

Обсуждение на региональных общественных площадках и форумах проблемы адаптации имеющихся стратегических планов к новым внешним и внутренним условиям регионального развития, демонстрирует востребованность научно-обоснованных рекомендаций для принятия решений на региональном и федеральном уровнях управления. В частности, актуально нахождение способов выявления отстающих региональных систем, нестабильных регионов, групп регионов с тенденцией к росту эффективности и стабильным ростом сравнительной эффективности функционирования

социально-экономических подсистем. Повышение эффективности государственного управления сопряжено с решением задачи снижения неоднородности, что на практике связано с принятием следующих решений: определение доли бюджетных трансфертов, поддержка регионов в повышении эффективности использования ресурсов, финансирование проектов на территориях с неиспользуемым природно-ресурсным потенциалом и т. п.

В актуальных стратегических документах решение проблем снижения неоднородности социально-экономического развития основывается на анализе показателей, рассматриваемых в качестве индикаторов результатов хозяйственной деятельности в регионах с использованием массивов агрегированных региональных статистических данных, представляющих громоздкие системы показателей. Проведенный анализ используемых стратегических документов показал, что на практике наиболее распространена оценка сравнительной экономической эффективности. Однако для каждой региональной системы в текущем периоде необходимо оценивать, прежде всего, технологическую эффективность, так как это позволяет получить оценки деятельности, на которые не оказывает влияния конъюнктура рынка с выявлением эффективности преобразования ресурсов в результаты в рамках каждой технологии (региональной системы).

Основой аналитической поддержки системы стратегического планирования может выступить методика оценки сравнительной эффективности экономики регионов (рис. 1).

Предлагаемая методика представляет собой механизм адаптации метода анализа огибающих и непараметрических моделей для оценки сравнительной технологической эффективности региональных систем. Часть алгоритма методики основана на процедурах, предложенных зарубежными учеными [6; 7; 8]. Методика анализа сравнительной технологической эффективности региональных систем методом анализа огибающих заключается в поэтапном выполнении следующих процедур:

1. Задание временного интервала.
2. Формирование исходного множества показателей.
3. Формирование исходного множества оцениваемых регионов.
4. Формирование множества показателей для модели.
5. Корреляционный анализ показателей модели.
6. Проверка однородности условий функционирования.
7. Проверка соотношения числа показателей и объектов.
8. Нормирование показателей и учет инфляции.
9. Включение в модель субъективных оценок.
10. Выполнение цикла расчетов оценок сравнительной технологической эффективности.
11. Выполнение цикла расчетов динамики оценок сравнительной технологической эффективности.
12. Выявление типов региональных систем по характеру динамики оценок.

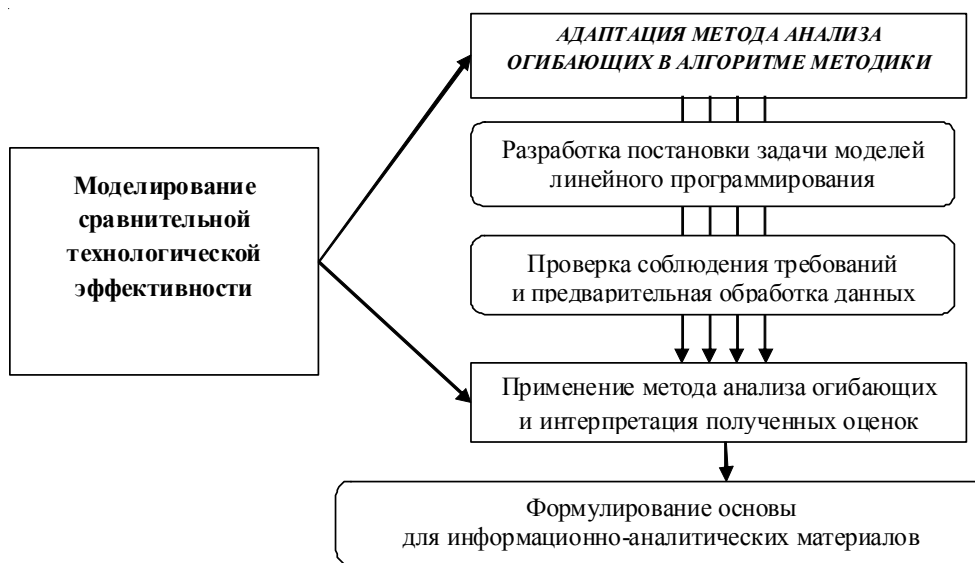

Рис. 1. Роль разработанной методики в моделировании сравнительной эффективности региональных систем

Для демонстрации возможностей предлагаемого инструмента, а также его верификации, проведена оценка сравнительной технологической эффективности экономики регионов ЮФО (на примере сельского хозяйства и экономики городов).

Анализ социально-экономического положения регионов ЮФО, проведенный в целях обеспечения процесса применения методики анализа сравнительной технологической эффективности региональных систем статистическими данными, показал наличие асимметрии территориального развития экономики [5]. Основу экономики ЮФО составляют базовые отрасли промышленности, прежде всего тяжёлая индустрия, которая основывается на использовании богатых местных сырьевых и энергетических ресурсов. Важнейшими отраслями являются добывающая, металлургическая, машиностроительная, химическая, пищевая и лёгкая промышленность, а также сельское хозяйство. Основными производителями в ЮФО являются три региона — Краснодарский край, Ростовская область и Волгоградская область, вклад валового регионального продукта (далее — ВРП) которых в суммарный по округу ВРП наиболее значим (рис. 2).

О дисбалансе экономического развития и наличии системных проблем также свидетельствуют отрицательные тенденции в рентабельности производства, что особенно ярко проявляется в таком значимом для Юга России секторе, как сельское хозяйство. Сельское хозяйство данного макрорегиона имеет неоднородную институциональную структуру в регионах, образовавшихся в результате сокращения удельного веса крупнотоварного сектора.

В качестве показателей для оценки эффективности использованы следующие данные:

а) для регионов:

- 1) валовой сбор зерна, тыс. т;
- 2) производство молока, тыс. т;
- 3) производство скота и птицы на убой, тыс. т;
- 4) поголовье крупного рогатого скота, тыс. голов;
- 5) посевные площади организаций под зерновые культуры, тыс. га;
- 6) среднесписочная численность работников, тыс. чел.;
- 7) энергетические мощности, тыс. л.с.;
- 8) парк основных видов техники (тракторов), шт.;

б) для городов:

- 1) выпуск обрабатывающих производств, млн руб.;
- 2) производство и распределение электроэнергии, газа и воды, млн руб.;
- 3) объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», млн руб.;
- 4) оборот розничной торговли, млн руб.;
- 5) инвестиции в основной капитал, млн руб.;
- 6) среднесписочная численность работников, тыс. чел. [1; 2].

Рассчитанные на основе динамики оценок сравнительной технологической эффективности, индикаторы устойчивости региональных систем позволяют определить принадлежность региона к тому или иному типу (стабильный рост или ослабление, временное укрепление или снижение устойчивости развития).

Полученные оценки могут быть сопоставлены с имеющимися материалами стратегического планирования ЮФО. В этих целях выбра-

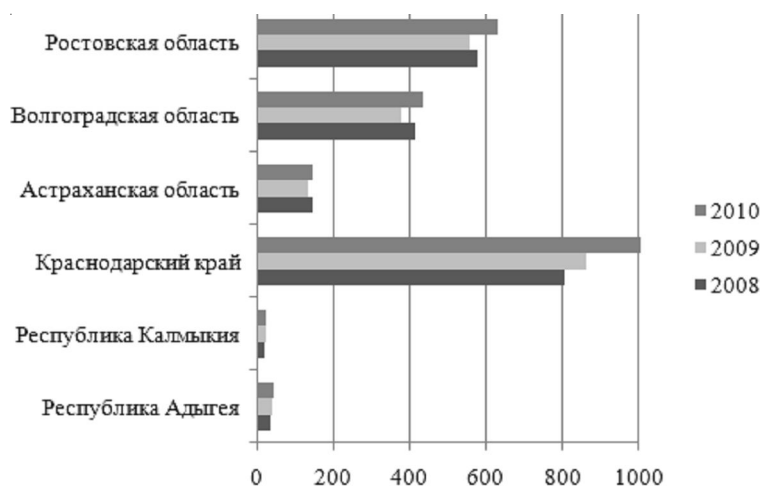

Рис. 2. Динамика ВРП регионов ЮФО с 2008 по 2010 гг., млрд руб.

ны действующие документы системы стратегического планирования как на уровне всего округа, так и на уровне одного из входящих в округ регионов (Ростовская область) [3; 4]. В сочетании с количественными объективными оценками сравнительной технологической эффективности, а также с учетом анализа условий и рисков регионального развития, полученные результаты сегрегации регионов по типу устойчивости могут составить часть информационно-аналитической базы Стратегии ЮФО и Стратегии РО (см. табл. 1, 2).

В таблице 1 продемонстрировано отнесение регионов ЮФО к тому или иному типу по уровню сравнительной технологической эффективности региональных сельскохозяйственных систем. Анализируемый период с 2008 по 2010 г. охватывает кризисные 2008 – 2009 гг., однако как показали полученные результаты, сельскохозяйственное производство ЮФО имеет достаточный запас устойчивости: ни в одном из регионов не обнаруживает себя стабильный спад. В целом сельскохозяйственная деятельность является одним из основных стабилизирующих факторов для экономики и продовольственной бе-

зопасности на Юге России. При прогнозировании его вклада и характерных тенденций на основе полученных оценок сравнительной технологической эффективности важно учитывать зависимость результатов функционирования сельского хозяйства от колебаний урожайности зерновых культур, так как используемые модели в числе показателей выходов имеют показатель валовой продукции сельского хозяйства. Так, неблагоприятным для растениеводства Юга России оказывается в среднем каждый четвертый год, что объясняется погодно-климатическими факторами, формирующими условия зимовки озимых, созревания яровых и уборки урожая. Для рассматриваемых регионов (особенно для Волгоградской области, восточных районов Ростовской области, Республики Калмыкия) уровень риска получения низкой урожайности оценивается как высокий. Поскольку ресурсная база анализируемого периода не подвергается столь существенным изменениям, при сохранении тенденций, оценки технологической эффективности могут быть использованы для составления прогнозов. При этом необходимо учитывать чувствительность институциональной структуры от-

Таблица 1

Оценки для Стратегии ЮФО

Регион	Индикатор устойчивости развития	Тип региона (на основании индикатора)
Республика Адыгея	++	Стабильный рост
Республика Калмыкия	++	Стабильный рост
Краснодарский край	– +	Нестабильный спад
Астраханская область	+ –	Нестабильный рост
Волгоградская область	++	Стабильный рост
Ростовская область	+ –	Нестабильный рост

Таблица 2

Оценки для Стратегии Ростовской области

Город	Индикатор устойчивости развития	Тип города (на основании индикатора)
Ростов-на-Дону	+ –	Нестабильный рост
Батайск	– +	Нестабильный спад
Волгодонск	– –	Стабильный спад
Новочеркасск	+ –	Нестабильный рост
Новошахтинск	+ –	Нестабильный рост
Таганрог	+ –	Нестабильный рост
Шахты	– +	Нестабильный спад

носителю стимулирования частных инвесторов и поддержки личных хозяйств, доминирующих в производстве сельхозпродукции. Таким образом, при изменении тенденции в будущих периодах необходимо пересчитывать оценки.

В таблице 2 продемонстрировано отношение городов одного из регионов ЮФО (Ростовской области) к тому или иному типу по уровню сравнительной технологической эффективности экономики городов. Как показывают оценки, развитие городов Ростовской области характеризуется нестабильным ростом, а также спадом.

Выводы, формулируемые на основании анализа динамики полученных оценок сравнительной технологической эффективности на примере сельского хозяйства и экономики городов, подтверждают наличие проблемы неоднородности развития регионов Юга России на базовом уровне функционирования региональных систем без влияния рыночной конъюнктуры.

Использование результатов апробации разработанного инструментария и моделирования представляется возможным в следующих направлениях:

1) сравнительный анализ индикаторов устойчивости развития регионов для корректировки сценарных условий при составлении прогнозов, составляющих систему стратегического планирования;

2) анализ оценок эффективности предшествующих краткосрочных периодов для дальнейшего использования с целью достижения или сохранения высокого уровня сравнительной технологической эффективности в долгосрочном периоде;

3) описание и учет условий, рисков и возможных последствий реализации сценариев развития при разработке долгосрочных планов, формировании сценариев и выборе наиболее вероятного из них с помощью составленных на основании полученных оценок информационно-аналитических материалов.

Полученные оценки сравнительной технологической эффективности региональных систем могут повысить уровень объективности имеющихся в стратегиях систем индикаторов развития, а также дополнить системы индикаторов экономической эффективности (величина среднедушевого ВРП, объем налоговых сборов на одного жителя, рентабельность предприятий) и других удельных индикаторов (уровень безработицы и доля неформального сектора экономики и т. п.).

В задачи регионального стратегического планирования, в первую очередь, должно входить повышение производственных возможно-

стей территории, которые определяются ресурсной базой (природно-климатические, земельные, водные, трудовые ресурсы, основные фонды, наличие мощностей по хранению, транспортировке и переработке продукции). Оценки сравнительной технологической эффективности при этом необходимы, поскольку показывают, насколько эффективна технология преобразования ресурсов в продукты, независимо от колебания цен на ресурсы и продукты. В планировании важно учитывать наличие системных проблем, в том числе низкий уровень сравнительной технологической эффективности региональных систем, что может оказать влияние на результативность мероприятий политики выравнивания.

Анализ стратегических документов Юга России в целом показал, что методическое обеспечение современного стратегического регионального планирования может быть усовершенствовано путем введения критерия повышения сравнительной технологической эффективности функционирования региональных систем, с описанием рисков и необходимых условий для реализации мер по снижению межрегиональных диспропорций развития. Согласно анализируемым стратегиям, ожидания оптимистичных сценариев развития опираются на выполнение комплекса мероприятий, определяемых векторами развития с различными направлениями, что представляется весьма сложным на практике. Так, в качестве основного механизма преодоления различий в социально-экономическом развитии регионов России (в рамках системы стратегического планирования) предлагается разработка и реализация комплекса мер бюджетной поддержки, осуществляющейся за счет структурной модернизации, контроля за расходованием бюджетных средств, создания действенных стимулов повышения качества нерыночных услуг. Кроме того, рассматривается преодоление различий в социально-экономическом развитии регионов путем реализации комплекса мер, среди которых необходимо выделить проведение мероприятий, направленных на снижение неформальной трудовой деятельности и ее введения в правовое поле в рамках малого и мелкого бизнеса экономики домашних хозяйств, с помощью создания экономических стимулов, институциональных механизмов и государственных гарантий защиты. В то же время на этих территориях выделяется приоритетное выполнение таких задач, как создание агропромышленного кластера, транспортных коридоров и рекреационного комплекса мирового масштаба. Требуется сбалансированность реализации системы мероприятий анализируемых документов, в связи с чем необходимо

определять порядок выставления приоритетов, основываясь на критерии повышения технологической эффективности региональной системы.

Возможности усовершенствования информационно-аналитического обеспечения современной системы регионального стратегического планирования, актуальные и для других российских регионов, показаны на примере ЮФО. Перспективы развития инструментария в данном направлении широки. Более глубокое изучение возможностей метода анализа огибающих, определяющихся широким спектром его достоинств, позволит расширить функциональность предложенной методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Месропян, К. Э. Алгоритмизация процедуры измерения эффективности региональных систем на основе метода анализа огибающих (на примере сельского хозяйства Юга России) / К. Э. Месропян // Вестник Южного научного центра РАН. — 2011. — Т. 7. — № 4. — С. 83–88.
2. Месропян, К. Э. Типологический анализ крупных и средних городов юга России с помощью динамики оценок сравнительной технологической эффективности / К. Э. Месропян // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2012. — Т. 18. — № 6. — С. 162–165.
3. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 1538-р об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/yufo/ (дата обращения: 10.12.2013). — Загл. с экрана.
4. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года утверждена постановлением Законодательного Собрания Ростовской области от 30.10.2007 № 2067 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года», в ред. постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=85416> (дата обращения: 10.12.2012). — Загл. с экрана.
5. Центральная база данных Федеральной службы государственной статистики. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 20.12.2013). — Загл. с экрана.
6. Dyson, R. G. Pitfalls and protocols in DEA / R. G. Dyson [et al.] // European Journal of Operational Research. — 2001. — № 132. — P. 245–259.
7. Golany, B. An application procedure for DEA / B. Golany, Y. Roll // Omega — 1989. — № 1 (3). — P. 237–250.
8. Emrouznejad, A. COOPER-framework: A unified process for non-parametric projects / A. Emrouznejad, K. De Witte // European Journal of Operational Research. — 2010. — № 207 (3). — P. 1573–1586.

УДК 339.97
ББК 65.046.11 + 65.054.3

ГЕОТРАНЗИТНАЯ АРХИТЕКТУРА СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОРЕГИОНА «ДОНБАСС»

Л.А. Котова

В статье раскрывается актуальность проведения научного сопровождения вновь создаваемых инструментов эффективного управления территориальным развитием в мезограницах геопространства Еврорегиона «Донбасс» в рамках федеральной целевой программы межнационального статуса. Реализация данного проекта сформирует новый импульс развития геотранзитной архитектуры экономики Еврорегиона «Донбасс».

Ключевые слова: геотранзитный потенциал, экологизация экономики, Еврорегион «Донбасс», дорожное картирование, 7-я Рамочная программа ЕС по научно-технологическому развитию, федеральная целевая программа межнационального статуса, геоэкономика, финансирование проекта.

GEOTRANSIT ARCHITECTURE OF THE SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEM OF THE EUROREGION "DONBASS"

L.A. Kotova

The article explains the relevance of the scientific support of the newly created instruments for efficient management of territorial development in Euroregion mezo-granitsah Geospace "Donbass" — federal program of international status. This project will create a new impetus to the development of architecture geotranzitnoy economy Euroregion "Donbass" macro-region of southern Russia.

Key words: geo-transit, greening the economy, Euroregion "Donbass", road mapping, the 7th EU Framework Programme for Research and Technological Development, the federal program of international status, geo-economics, project financing.

Мир вступил в новый технологический уклад, вектором развития которого выступают технологии «нового природопользования». Синергизм и действенность — суть перехода экономики на траекторию устойчивого развития, ответственность за которое должны разделить государства, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные компании.

Декларируемая цель перехода мировой экономики на устойчивое развитие сторонниками этой идеи считается в принципе достижимой. В аналитическо-обзорных материалах Международного Валютного Фонда (далее — МВФ) Д. Стросс-Кан констатирует: «...Мир должен принять модель с низким содержанием углерода для роста. ...Существует необходимость мыслить нестандартно и придумать инновационные способы предоставления денег. Я не могу поверить, что мы не есть решение этой огромной проблемы...» [9].

Основную угрозу для окружающей среды развивающихся стран представляет не «сброс грязных производств» из развитых стран, а увеличение нагрузки на окружающую среду, создающееся в результате «ускоренного развития». Ужесточение экологического законодательства, как правило, не ведет к оттоку инвестиций. Большее значение для мировых инвесторов приобретает макроэкономическая и политическая стабильность, налоговое законодательство. Более того, следование целесообразным тенденциям развития эколого-экономической деятельности приведет к повышению статуса российских компаний и, как следствие, к заметному усилению конкурентоспособности макротерриторий.

Обновленный конфликт между экологией и экономикой наблюдался во многих странах, прошедших путь ускоренного роста. Так, о социально-эколого-экономических проблемах объединенной Германии конца XX в. дискутируют в своих рабочих материалах «Экологические проблемы региональной структурной политики» представители научного сообщества Европы Н. Diejenbacher, С. Kunert, Н.Г. Nutzinger: «...экологическое восстановление региона... неотъемлемая часть экономической реструктуризации и это попытка сделать количественные заявления о требуемом уровне инвестиций... особенно в области экологического восстановления и экологической реструктуризации. Однако задачи, которые требуют значительной части государственного финансирования. В результате в течение длительного времени это приводит — возможно, более чем десятилетие — к огромным требованиям — не всегда политически популярным, но важным экономически и эко-

логически — перераспределению государственных средств в пользу новых регионов...» [8, с. 10–12].

Основной вопрос состоит в том, за счет каких средств экологическая политика отечественных и иностранных компаний в России может быть усовершенствована.

В решении проблем устойчивого и сбалансированного развития неоднородного экономического пространства Еврорегиона «Донбасс» (далее ЕР «Донбасс». — Л. К.) в поиске согласования масштабов управляемого мега- и мезотерриториального развития интегрирующих мировых уровней получают стратегическое значение разработки сценарных экономических прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу и обеспечивают предложения по проведению экономических преобразований для органов государственной власти [5; 6; 7].

Роль современных технологий форсайта базируются не просто на подготовке «аналитического прогноза» по проблемам социохозяйственных субъектов экономики, детально проработанных сценариев, но и на создании условий для объединения, для консолидации стейкхолдеров [3]. Форсайт-эффект разработанных сценарных моделей развития должен отражать связь с «приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники Российской Федерации» в области критических технологий, рационального природопользования и энергоэффективности в соответствии с перечнем, утвержденным Указом Президента РФ от 07.07.2011 г. № 899.

Наибольший интерес представляет дорожное картирование — план действий, способный предоставить возможность взаимно увязать во времени государственные приоритеты научно-технической политики и прогностические возможности мероприятий по ее реализации. «Дорожная карта» иллюстрирует этапы перехода от текущего состояния к фазам развития в долгосрочной перспективе, происходящего за счет синхронного развития мезотерриторий. Основным преимуществом метода является выработка согласованного видения долгосрочных целей.

Ключевая роль на новом этапе трансформации ЕР «Донбасс» определяется как кардинальное улучшение инвестиционного климата, которое должно изменить направленность потоков капитала и дать ресурсы для модернизации и экономического роста.

Гармонизация интересов управления данной областью приводит к осознанию беспроигрышных источников новой экономической предпосылки трансформации потоков эколого-

экономического капитала мира. Владение Россией и Украиной, как «causa же formalis и causa finalis, заключаются в самом субъекте развития» естественной силы, богатой сырьевыми источниками и преимуществом ЕР «Донбасс» как эпицентра нового «шелкового пути» Юго-Евразийского МТК [3].

Политический конфликт 2014 г. на Украине может привести к новой конфронтации между Востоком и Западом, и соответственно, существенно замедлить эффективную научно-техническую и инновационную политику России и Украины с целью преодоления технологического отставания. В условиях ограниченности ресурсов научно-технического потенциалов России и Украины по сравнению с ведущими экономиками мира (такими как США, Китай) усиление взаимодействия в этой сфере может рассматриваться как важнейший фактор роста глобальной конкурентоспособности экономик двух стран на длительном временном тренде.

В. Матвеев, политический эксперт, член АЕЕ International Association for Energy Economics, комментирует происходящие события на Украине: «В контексте продолжающейся экспансии США, западных ТНК и спецслужб на территории бывшего СССР я уверен, что будущее нашей Отчизны — за региональной интеграцией с продолжением комплексного расширения интеграционных пространств, связанных с вхождением Украины в Таможенный союз и Единое экономическое пространство в составе России, Белоруссии и Казахстана» [4].

«Скупка американской инвест-группой Franklin Templeton примерно пятой части гособлигаций Украины на номинальную сумму 5 млрд долл., делает зарубежную частную структуру крупнейшим кредитором Украины и инструментом политического и экономического давления» [1]. Принципиально важным остается тот факт, что долговые обязательства Украины обеспечены землей. Указанный долговой пакет может стать разменной монетой в борьбе за контроль над высоколиквидными ресурсами на Украине.

Пекин, предоставивший Государственной продовольственно-зерновой корпорации Украины кредит на сумму 3 млрд долл., погашение которого будет производиться сельхозпродукцией, подписал с Украиной контракт на 99 лет на аренду 3 млн га.

В свою очередь, инвестиционный фонд Franklin Templeton получает возможность продать долговые обязательства Пекину, который заинтересован в укреплении на плодородных землях Украины, как существенном инстру-

менте по реализации своей геополитической стратегии Украина — Россия. Очевидно укрепление политических, социальных и экономических связей в масштабах Евразии и Европы по Юго-Евразийскому международному транспортному коридору (далее — МТК).

В этой связи представляется актуальным проведение научного сопровождения вновь создаваемых инструментов эффективного управления территориальным развитием в мезограницах геопространства ЕР «Донбасс» в формате федеральной целевой программы межнационального статуса (далее — ФЦП МНС). Реализация данного проекта сформирует новый импульс развития геотранзитной архитектуры экономики ЕР «Донбасс».

Научно-практическая значимость освещенной автором научной и научно-технической проблемы, ее соответствие приоритетным направлениям научных исследований федерального, отраслевого, уровня, критическим технологиям, приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники Российской Федерации реализуется с помощью ЕР «Донбасс», обладающего преимуществом по географическому и геополитическому признаку, детерминантой — природой происхождения ядра развития мезотерритории.

Достижение устойчивого и сбалансированного развития территории зависит от формирования «правильной» экономики, точнее, от входящих компонентов и их пропорций. Сегодня можно констатировать факт иной концепции в стратегии модернизации регионов, еврорегионов и макрорегионов. Концепция «зеленой» экономики не может заменить собой концепцию устойчивого развития или концепцию лидерства в области энергоэффективности. Все более очевидно преодоление неоднородности экономического пространства ЕР «Донбасс» через геоустойчивость мегапроектирования, в основе которого выступает концепция триединства: «"зеленая" экономика, энергетика, устойчивое развитие».

Системы приоритетов, влияющие на принятие решений о поддержке научных разработок, о распределении бюджетных средств и адресного стимулирования научной и инновационной деятельности с учетом целевых установок программ социально-экономического развития страны, приобретают актуальность на пути укрепления научного сотрудничества России со странами-членами ЕС и государствами, ассоциированными с 7-й Рамочной программой ЕС по научно-технологическому развитию (далее — 7РП). Россия относится к категории «страны-партнеры международного сотрудничества» (ICPC) в рамках инициативы ERA.Net

RUS Plus, в которой будет профинансирован ряд совместных проектов. Для участия в конкурсах в большинстве случаев необходимо создание консорциума или подключение к уже существующему консорциуму.

Участие в специальных акциях международного сотрудничества (Specific International Cooperation Actions (SICA)) возможно при условии решения проблем единых как для России, так и стран-партнеров и стран, имеющих глобальное значение. Для создания консорциума необходимо как минимум четыре независимых юридических лица: два — из разных стран-членов ЕС, два — из России. Каждая схема финансирования уже в своем названии содержит информацию о действиях, которые предполагает осуществить по конкретному конкурсу.

Автором презентуется научно-исследовательская работа (далее — НИР) «Геоэкономика: геоэкономический подход к управлению экономической неоднородностью ЕР "Донбасс"». Основными целями НИР являются:

1) построение крупномасштабного проекта и научное сопровождение эффективного инструмента стратегического управления территориальным развитием в мезограницах геопространства ЕР «Донбасс», то есть ФЦП МНС, направленная на реализацию интеграционных процессов в экономике при решении сложных проблем экономического развития, возникающих при наличии отраслевой и территориальной дифференциации отдельных экономических систем; развитие научных и научно-технических направлений создания источников энергии нового поколения и сверхъёмких накопителей водорода для водородной энергетики с проекцией коммерциализации и запуском Центра трансфера технологий (ЦТТ);

2) создание целевой программы по внедрению Института устойчивого развития (ИУР) ЕР «Донбасс» в форме технограда как организационно-экономической структуры, содействующей распределению ресурсов в пользу проектов по реализации нового потенциала экономического роста — портала для международного движения товаров, услуг и капиталов.

Результаты, полученные в ходе реализации проекта, могут представлять интерес как для научного, политического, административного, так и для бизнес-сообщества. Во-первых, по итогам исследования будет обоснована специфика преимуществ ЕР «Донбасс» как эпицентра нового «шелкового пути» Юго-Евразийского МТК, который будет определять особенности запуска процессов катализации, кастомизации и рассеивания необходимых технологических разработок в ЕР «Донбасс» и позволит запустить новый механизм формирования

совокупного общественного капитала. Во-вторых, одним из ключевых результатов станет механизм перевода промышленных кластеров в инновационные, синхронизирующие процессы по учреждению ИУР территории, выполняющий функции проводника концепции триединства «"зеленая" экономика, энергетика, устойчивое развитие» и способствующий освоению новых технологий и саморазвитию отраслей экономики. В качестве ведущего субъекта развития такого кластера выступит центральное правительство ИУР. В-третьих, внедрение трансграничного кластера по геостойчивому принципу с поддерживающей ролью позволит в стратегическом мегапроектировании добиться «оптимального сочетания экологических и экономических функций производства» и «уровня зрелости пространственно-экономических условий» в контексте вышеизложенной проблематики. Это спутник основного кластера, в котором реализуется супранациональное конкурентное преимущество.

Первым вектором развития организационно-управленческой структуры ИУР ЕР «Донбасс» выступает ЦТТ — долгосрочный базис по привлечению мировых инвестиций в макроэкономику мезопространства; интеграции игроков при сопровождении крупных международных инвестиционных проектов за счет добавленной стоимости, образуемой в результате геотранзитного статуса мезотерритории; трансферта технологий в области чистой энергетики и формирования модели в области эколого-экономического сопровождения природных территорий ЕР «Донбасс» в соответствии с формулой «венчурной экосистемы России «Экология + Технологии + Чистая Энергетика».

К сожалению, в современной России на данный момент отсутствует какая-либо долгосрочная государственная программа развития водородной энергетики, определяющая вопросы создания необходимой законодательной и нормативной базы, водородной инфраструктуры, оптимальных путей перехода к водородной экономике. Актуально создание централизованной научно-технической базы, обеспечивающей плодотворное межотраслевое сотрудничество и позволяющей эффективно развивать и реализовывать новейшие достижения в этой области.

Впервые будет осуществлено комплексное исследование нестационарного процесса накопления водорода в химических источниках энергии различных электрохимических систем, что необходимо для выявления механизма накопления водорода. Впервые будет осуществлено комплексное исследование по выявлению формы, в которой водород существует в электродах химических источниках энергии различ-

ных электрохимических систем. Будут разработаны уникальные методы создания сверхъёмких накопителей водорода в водородной энергетике, способные обратимо поглощать около 13,4 весовых процентов или 400 кг водорода на кубометр адсорбента. Будет исследован нестационарный процесс теплового разгона в химических источниках энергии на гидридах металлов, необходимый для разработки мер по устранению или блокированию этого опасного явления, которое приводит к возгоранию и взрыву устройств их содержащих. Это особенно опасно при их эксплуатации в авиации, телекоммуникации, транспорте, устройствах бытового и военного назначения и т. д. Результаты исследования рекомендуются для разработки предложений расширенного практического использования на всех предприятиях, эксплуатирующих щелочные аккумуляторы, особенно на транспорте и в авиации, где он служит для элиминирования теплового разгона.

Возможность коммерциализации планируемых результатов работы состоит в: 1) реализации ФЦП МНС; 2) создании источников энергии нового поколения и сверхъёмких накопителей водорода для водородной энергетики с проекцией коммерциализации Samsung и запуском ЦТТ; 3) создании целевой программы по внедрению ИУР ЕР «Донбасс» в форме технограда и видоизменении кластерной политики региона с целью создания новых цепочек добавочной прибыли в создаваемом Индустриальном парке Восточного Донбасса.

Реалии третьего тысячелетия выдвинули на первый план формирование единого глобального мирового экономического пространства и послужили предпосылкой пространственно-экономических трансформаций ЕР «Донбасс». Запуск механизма устойчивого и сбалансированного развития мезопространственных изменений ЕР «Донбасс» поможет осознать новое видение эколого-экономического капитала и даст возможность внедрить механизм венчурной экосистемы России «Экология + Технологии + Чистая Энергетика».

В реализации научного международного проекта предполагается выделить три этапа.

Первый. «ЕР «Донбасс» в пространственно-временном континууме устойчивого развития Южного макрорегиона». Предполагаемое использование: оценка влияния мезопространства ЕР «Донбасс» на структурно-инвестиционные трансформации в хозяйственном комплексе макрорегиона.

Второй. «Построение крупномасштабного проекта и научное сопровождение эффективного инструмента стратегического управления территориальным развитием в мезограницах

экопространства ЕР «Донбасс» ФЦП МНС. Предполагаемое использование: результаты исследований представляют интерес для реализации комплекса стратегического программирования социально-экономического развития территории. Они необходимы для разработки целевых программ территориального уровня и в процессе взаимоувязки на всех уровнях власти: федеральном, региональном и муниципальном.

Третий. «Международная эколого-экономическая интеграция: "Зеленые" инновации в экономике России». Предполагаемое использование: создав научно-практическую модель венчурной «экосистемы» ЮМР, Россия обеспечит активизацию работы по привлечению и концентрации необходимых ресурсов в макрорегион, что будет способствовать эффективной интеграции в глобальное и национальное экономическое пространство и выступит держателем инновационной ренты как результата монополизации активов, находящихся на территории Южного макрорегиона. В результате новая стратегия экополитики ЕР «Донбасс» послужит усилением траектории движения по стратегическому тренду ЮМР.

А. Алексеев, Н. Кузнецова в статье «Инновационный потенциал реального сектора: неутраченные иллюзии?» констатируют признак современной индустриальной системы как «...способность воспринимать новые продукты и технологии, тогда как инновационная отличается способностью создавать таковые. За кажущейся малой значимостью этого различия проявляется принципиальная проблема — способность либо неспособность национальной экономики создавать инновации...» [2, с. 13].

Бесспорным фактом остается то, что мировому сообществу необходимо предложить продукт более качественный, способный конкурировать с лучшими мировыми образцами. И в этом случае центром инновационных высокотехнологичных проектов становится инфраструктура, проводящаяся в эпицентре Юго-Евразийского МТК. Она обеспечивает сохранность окружающей среды, высоких экологических стандартов, перераспределение общественного капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулы финансового мира в борьбе за материальные ресурсы Украины. // Проект Украинский выбор, 2011–2012. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://vybor.ua/article/economika/akuly-finansovogo-mira-v-borbe-za-materialnye-resursy-ukrainy.html> (дата обращения: 01.03.2014). — Загл. с экрана.
2. Алексеев, А. Инновационный потенциал реального сектора: неутраченные иллюзии / А. Алексеев, Н. Кузнецов // Экономика. — 2013. — № 2. — С. 12–26.
3. Котова, Л. А. Форсайт в пространственно-экономической трансформации Еврорегиона «Донбасс» / Л. А. Котова // Региональная экономика. Юг России. — 2013. — № 2. — С. 115–121.
4. Матвеев, В. Комментарии / В. Матвеев // Проект Украинский выбор, 2011–2012. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://vybor.ua/article/economika/akuly-finansovogo-mira-v-borbe-za-materialnye-resursy-ukrainy.html> (дата обращения: 01.03.2014). — Загл. с экрана.
5. Митрофанова, И. В. Институциональное обеспечение стратегического планирования территориального развития в России / И. В. Митрофанова, С. А. Чаркин, И. А. Митрофанова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2011. — Т. 11 — № 1. — С. 43–51.
6. Митрофанова, И. В. Совершенствование технологии стратегического программирования развития южного макрорегиона / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2009. — №9. — С. 51–60.
7. Митрофанова, И. В. Стратегическое программирование развития макрорегиона / И. В. Митрофанова. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 528 с.
8. Diejenbacher, H. Ökologische Probleme regionaler Strukturpolitik: Probleme und Lösungsmöglichkeiten nach der Vereinigung / H. Diejenbacher, Ch. Kunert, H. G. Nutzinger // Arbeitsgruppe ökologische Wirtschaftspolitik (Hg.). — Marburg : Metropolis, 1992. — P. 7–16.
9. IMF Proposes «Green Fund» for Climate Change Financing. // International Monetary Fund. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2010/NEW013010A.htm> (дата обращения: 01.03.2014). — Загл. с экрана.

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ И ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКСЫ ЮГА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 338.439.02:43.02
ББК 65.32

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ АПК СЕВЕРО- КАВКАЗСКОГО МАКРОРЕГИОНА

С.А. Липина

Основываясь на особенностях структуры формирования этноэкономики республик, специфике природно-ресурсного потенциала регионов Северного Кавказа, в данной статье автор дает оценку возможностям хозяйствования, рассматривает вопросы землеобеспеченности и земельных отношений в южных республиках, раскрывает специфику формирования нормативно-правовой базы регулирования земельных отношений, а также исследует проблемы, связанные с созданием земельного кадастра.

Ключевые слова: развитие, агропромышленный комплекс, Северный Кавказ, земельные отношения, землеобеспеченность, земельный кадастр.

GEOECONOMIC RESOURCES OF THE AGRICULTURAL DEVELOPMENT IN THE NORTH CAUCASUS REGION

S.A. Lipina

On the basis of the peculiarities of the creation of the ethnic economy of the republics, the specificity of the natural and resource potential of the North Caucasus, the article gives the assessment of the opportunities of the economy, the problems of the land provision and land relations in southern republics. The specificity of the creation of the normative and legal base of the land relations regulation are revealed. The problems connected with the creation of the land cadastre are studied.

Key words: development, agricultural complex, North Caucasus, land relations, land provision, land cadastre.

Северный Кавказ — самый южный макрорегион России, что способствует возделыванию разнообразных сельскохозяйственных культур, часть из которых выращивается только здесь. Благоприятные климатические условия и плодородные, в основном черноземные, земли — основа развития аграрного комплекса республик Северо-Кавказского федерального округа (далее — СКФО). Наличие большого количества экономически активного населения с исторически сложившимися трудовыми навыками увеличивает потенциальные возможности возрождения и развития сельскохозяйственного производства этого макрорегиона.

Разделение территорий республик на равнинную и горную части обуславливает различные типы хозяйствования. Исторически на севере республик сформировался зерново-животноводческий район, где всегда эффективно осуществлялся широкий спектр сельскохозяйственной деятельности: было развито зерновое хозяйство (продовольственное и фуражное зерно), выращивались масличные культуры, овощные культуры (картофель, сахарная свекла др.), разводили тонкорунных овец и молочно-мясной скот, развивалось садоводство и виноградарство. Лишь в горной части республик, особенно в высокогорье, где климат отличается прохладным летом и довольно продолжительной зимой, основой сельскохозяйственного производства было преимущественно пастбищное мясомолочное скотоводство и овцеводство, а очаги земледелия сосредотачивались в долинах рек и на пологих склонах [3; 4].

Ключевой проблемой развития агропромышленного комплекса (далее — АПК) республик Северного Кавказа сегодня является неудовлетворительная ситуация в его основном звене — сельскохозяйственном производстве. Структурные изменения, произошедшие за годы аграрных преобразований, явились следствием ухудшения организационно-экономических условий хозяйствования сельхозпроизводителей, разрушения централизованной системы государственных закупок основных видов сельскохозяйственной продукции, макроэкономической

нестабильности, отсутствия эффективных инструментов регулирования конъюнктуры агропродовольственного рынка, слабой обеспеченности материально-техническими ресурсами, незавершенности правовой и институциональной базы [1; 5; 6].

Учитывая, что особую значимость для этого макрорегиона имеет ситуация с обеспечением населения продовольствием собственного производства, которая здесь носит более обостренный характер, чем в других регионах Юга России, следует подчеркнуть, что в сложившейся общественно-политической обстановке в большинстве республик СКФО без существенной поддержки государством значительной части сельхозпредприятий, фермерских хозяйств и ЛПХ положение их будет оставаться нестабильным, а часть из них и вовсе вскоре окажется недееспособной.

Следует учитывать сложность и специфические особенности экономических отношений в аграрном секторе республик горского населения, которому приходится преодолевать трудности организационного, психологического характера, менять логику мышления, а занимаясь маркетинговой деятельностью, еще и исторические и национальные традиции.

Наиболее критическое положение сложилось в Чеченской Республике, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, где сохраняется высокий уровень безработицы, устойчивая миграция населения в другие регионы, низкий уровень подъема промышленности и низкая эффективность сельскохозяйственного производства [1; 2; 6].

На современное состояние, на сценарии развития АПК СКФО в кратко- и среднесрочной перспективе оказывают влияние не столько природно-географические условия республик, сколько демографические, национально-религиозные, социальные факторы. От устойчивого развития сельских территорий будет зависеть занятость населения, повышение уровня жизни, рост инвестиционной привлекательности для агропродовольственного рынка в целом. Сегодня большинство республик Северного Кавказа являются самыми сельскими регионами России, где сейчас находится более половины трудоспособного населения.

Оценивая итоги социально-экономических преобразований в республиках Северного Кавказа за последние 10 лет и результаты реализации «Национального проекта по развитию АПК...», приходится констатировать, что пока сельскохозяйственное производство в республиках малоэффективно, непродуктивно и экономически невыгодно для большинства производителей сельскохозяйственной продукции.

За годы экономических преобразований в аграрном секторе, не учитывающих в полной мере специфические условия ведения сельского хозяйства в этом макрорегионе, а также особенности землепользования и менталитет жителей республик, произошли необратимые структурные изменения в производственном процессе сельхозпроизводителей. На обострение проблемы оказали свое влияние и разрушение экономических связей, и потеря управляемости экономикой страны по вертикали, и несоответствие принимаемых законодательных актов в экономической сфере, и отсутствие в этих актах учета специфики и национальных особенностей каждой республики.

Особенно сильно пострадали удаленные горные аграрные районы, для которых характерны наиболее высокие темпы роста числа безработных. Так, по данным Госкомстата, уровень безработных еще в середине 90-х гг. прошлого столетия составлял 35 %, а в настоящее время этот показатель достигает 60 %. Сложилась очень напряженная ситуация, которая тяжелым бременем легла не только на республиканские бюджеты, но на плечи сельских жителей. Уровень доходов у селян самый низкий, смертность в 4 раза выше, чем в городах, особенно детская. Социальная инфраструктура сельских поселений и без того слабая, деградирует, сворачивается. Сложные условия жизни, снижение реальной заработной платы, слабая обеспеченность материально-техническими ресурсами привели к отчуждению от сельхозтруда, потере интереса к сельскохозяйственному производству. Это связано с тем, что основное трудоспособное население республик — молодежь. Зачастую из-за коммерциализации образования, здравоохранения, убогости быта и распространения радикальных религиозных течений, молодое поколение растет недоукомплектованное, недоукомплектованное, со слабым знанием русского языка. Таким людям трудно адаптироваться в жизни.

Проведенное ранее реформирование сельского хозяйства не дало особых положительных результатов. Потеря производственного потенциала, диспаритет цен привели к еще большему ухудшению положения. За последние годы по официальным данным совокупные цены на сельскохозяйственную продукцию возросли почти в 90 раз, а потребляемые в аграрной сфере промышленные средства производства — в 520 раз. При таких условиях вряд ли новые сельхозструктуры будут в состоянии поднять сельское хозяйство, а значит, проблема занятости в сельскохозяйственной сфере долго не будет решена [3; 4].

В настоящее время большие территории ранее используемых земель оказались забро-

шенными, сократились посевные площади. Характерно, что не только в Чеченской Республике, где была кризисная ситуация, но и в других республиках неухаживаемая земля зарастает бурьяном, происходит ухудшение состояния почв, пашен и др. сельскохозяйственных угодий. Меняется состав растительного покрова сенокосов и пастбищ, кормовые угодья зарастают кустарником и мелколесьем, налицо сбитость пастбищ, загрязнение и захламливание земель отходами производства и потребления, нарастает эрозия почв, опустынивание, засоление. Поэтому в результате бессистемного и неудовлетворительного использования земель за последние годы резко снизилась и продуктивность природных кормовых угодий — сенокосов и пастбищ. На больших территориях исчезла полезная многолетняя растительность и вместо нее растут малоценные эфемеры и сорные травы. А это негативно сказывается на качестве выпаса скота и его продуктивности. Почвенный покров сельскохозяйственных угодий республик подвержен процессам водной и ветровой эрозии на площади, которая составляет более половины всех сельскохозяйственных угодий, а 1/3 земель постоянно разрушается водными потоками. Существующая опасность засоления почв в результате орошения привела к тому, что уже слабо засолено более 100 тыс. га [3; 6].

Большинство республик Северного Кавказа относится к территориям с высокой плотностью населения. Средняя плотность населения составляет не менее 60 чел. на 1 кв. км. Поэтому в связи с ростом населения и деградацией почв малоземелье в республиках будет усиливаться.

В результате хозяйственной деятельности человека степные сообщества в равнинной части республик почти полностью заменены агроценозами. Экстенсивное использование пастбищ приводит к деградации растительного покрова. Кроме того, отмечаются признаки остепнения и опустынивания горных лугов.

Особо следует отметить плачевное состояние многолетних насаждений. С 1991 г. практически не возобновляются плантации садов и виноградников, тогда как старые, за счет интенсивной несанкционированной раскорчевки и вырубки, постоянно уменьшаются в площадях, что, конечно, сказывается на производстве продукции. Показатели урожайности и многих культур значительно ниже тех, что республики имели до 1991 года. Отмечается ежегодная невысокая урожайность зерновых культур и подсолнечника. Это связано с дефицитом азотно-фосфорных удобрений, так как за последнее десятилетие во многих сельскохозяйственных

предприятиях ни минеральные, ни органические удобрения практически не вносились.

Произошло резкое ухудшение плодородия почвы, частичное ее засоление из-за длительного использования данных участков без научно-обоснованных севооборотов, необходимого набора сельскохозяйственной техники, а также без средств защиты растений. А разрушение многих водохозяйственных сетей и гидросооружений приводит еще и к другим негативным факторам.

Республики обладают значительными запасами пресной воды: по территории республик протекает около 35 тыс. больших и малых рек, расположено 4,5 тыс. озер и несколько десятков водохранилищ. Их питают ледниковые системы: насчитывается более 1 400 ледников общей площадью около 1 тыс. км.

Однако, несмотря на обилие водных источников на Северном Кавказе, северные районы большинства республик испытывают недостаток влаги. Жаркое лето в сочетании с постоянными засухами, дующими с полупустынь Прикаспийской низменности, высушивают верхние слои почвы. Скудность выпадающих осадков в летний период диктует необходимость развития ирригационных систем для эффективного ведения сельского хозяйства в республиках.

Анализ состояния мелиоративных систем республик, являющихся крупнейшими территориями орошаемого земледелия, вызывает серьезную озабоченность и свидетельствует, что органами исполнительной власти и местного самоуправления проводятся недостаточно мероприятия по интенсификации сельскохозяйственного производства и повышению плодородия почв. Ведь эффективность орошаемого земледелия республик напрямую зависит от оросительной и коллекторно-дренажной сети, а в настоящее время большая часть внутрихозяйственных сетей изношена и пришла в негодность. За последние 15 лет республикам не выделено ни одного рубля на восстановление оросительной сети и гидросооружений, на ремонт лотковой и коллекторной сети. Несмотря на то, что почти 85 % имеющейся мелиоративной сельхозтехники выработало свой технический и эксплуатационный ресурсы и морально устарело, не приобретено ни одной единицы мелиоративной техники.

В 2014 г. была утверждена Концепция Федеральной целевой программы «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014–2020 гг.», где отмечается, что площади мелиорируемых земель с техническим перевооружением к 2020 г. составят по инерционному сценарию 1 059 909 га, по базовому — 69 654 га, при этом площадь рекон-

струируемых сооружений составит 53 929 га, строительства новых сооружений — 15 725 га [2].

Для восстановления дееспособности и развития деловой активности сельхозпредприятий республик Северного Кавказа нужна последовательная государственная политика внедрения передовой агротехники, интенсивных и инновационных технологий.

Основные процессы экономических преобразований, происходящие в сельском хозяйстве республик северокавказского макрорегиона, не всегда укладываются в общероссийские тенденции. Увеличение производства основных видов растениеводческой продукции почти во всех республиках происходит в основном за счет личных подсобных хозяйств (далее — ЛПХ), роль которых возросла как с точки зрения владения землей, так и в валовом производстве.

Способствует развитию ЛПХ и дисперсный характер расселения по территории северокавказских республик. А так как многие сельские администрации (муниципальные образования) оторваны от основных районов концентрации населения, то ЛПХ еще долго будут оставаться основным источником продуктов питания и доходов для удовлетворения социально необходимых нужд населения. Можно прогнозировать, что роль ЛПХ, не требующего значительных материальных затрат и вложений, будет еще долго превалировать в большинстве отраслей сельскохозяйственного производства республик Северного Кавказа.

Сравнительный анализ производства основных сельскохозяйственных продуктов на душу населения позволяет сделать вывод, что по большинству показателей произошло качественное и количественное снижение величин. Техническая оснащенность труда работников сельского хозяйства чрезвычайно низка, сельскохозяйственные работы ведутся с нарушением установленных сроков и низким качеством, что, в свою очередь, приводит к значительным потерям во время уборки урожая. В связи с этим на первый план выходит вопрос, касающийся технического перевооружения отрасли. По сравнению с 1991 г. машинный парк в большинстве республик уменьшится втрое. Резко сократилась обеспеченность аграрного хозяйства тракторами, зерноуборочными комбайнами, грузовыми автомобилями [3; 4; 6]. Аналогичное положение сложилось и с другой сельскохозяйственной техникой.

Для хозяйств мелких товаропроизводителей также необходимо создать условия для наращивания объемов продукции. Только после этого можно будет говорить о внедрении но-

вых прогрессивных методов хозяйствования. Следует оказывать действенную помощь владельцам ЛПХ техникой, удобрениями, семенами и др. видами услуг, что позволит расширить посевные площади и повысит уровень товарности хозяйства, уровень доходности, валового сбора овощей, картофеля и др. видов продукции. Указанный процесс впоследствии приведет к увеличению занятости и снижению безработицы.

До сих пор в республиках СКФО продовольственное обеспечение населения не соответствует научно обоснованным нормам питания. Потребление на душу населения мяса, молочных продуктов, яиц, картофеля и даже овощей меньше нормы. Поэтому основной целью развития АПК республик является максимальное удовлетворение потребностей населения в молоке и молочных продуктах, мясе и яйцах, овощах и картофеле, плодах и ягодах за счет местного производства. Кроме того, для развития перерабатывающей промышленности (прежде всего овощеконсервной, сахарной и винодельческой) необходимо сырье. Улучшение продовольственного снабжения населения приведет к снятию социальной напряженности, стимулированию развития других отраслей, ослаблению кризисных явлений рыночной конъюнктуры.

В социальном плане решение продовольственной проблемы занимает первостепенное значение. Особенно это актуально для миллионного населения Чеченской Республики и Республики Дагестан. Следует, прежде всего, преодолеть отставание в развитии АПК, переломить ту отрицательную тенденцию, которая существует в производстве мяса и молока. Негативные явления на продовольственном рынке, такие как импорт продовольствия и удорожание продуктов за счет перевозок, можно преодолеть путем увеличения объемов сельскохозяйственного производства, что позволит значительно сократить закупки за пределами республик. Немаловажным фактором, стабилизирующим продовольственную ситуацию, является обеспечение потребностей городского населения и промышленных центров республик плодовоовощной продукцией и картофелем. Решение задачи обеспечения собственным продовольствием в настоящее время в республиках зависит, как уже отмечалось, от ЛПХ, которые не имеют пока стабильной товарной основы и подвержены влиянию многих субъективных факторов.

Землеобеспеченность и земельные отношения. Землеобеспеченность в республиках Северного Кавказа значительно ниже, чем в среднем по Югу России. Из общей площади земельных угодий республик сельскохозяйствен-

ные угодья составляли ранее около 65 %. В настоящее время более чем 1/3 этих земель не используется. Это связано с тем, что пахотные земли стали, вследствие непродуманных и спонтанно проведенных реформаторских преобразований в сельском хозяйстве, а в Чеченской республике и ряде районов Дагестана — еще и из-за проходивших военных действий. Проблему потери земель можно решить с помощью восстановления плодородия и введения в оборот пахотных угодий, преобразованных путем рекультивации и мелиорации, за счет раскорчевки старых садов и виноградников. Для этого необходимо провести тщательное обследование многих заброшенных земель на предмет их безопасности, а также целесообразности и необходимости рекультивации и мелиорации.

Основная доля пахотных земель находится в предгорной и равнинной зонах. До недавнего времени орошаемые земли составляли около трети всей пашни. При этом в засушливой, затеречной зоне ведение сельскохозяйственного производства без орошения практически невозможно. Введение в оборот вышеуказанных площадей, интенсификация сельскохозяйственного производства, внедрение новых высокоурожайных, районированных сортов плодовых и овощных культур, позволят значительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции.

В настоящее время в сельскохозяйственном производстве большинства республик еще не завершены окончательно структурные преобразования, однако уже сформировались три типа хозяйств: государственные унитарные предприятия — госхозы, крестьянские (фермерские) хозяйства и ЛПХ. Таким образом, за счет значительно сокращенного государственного сектора в результате институциональных преобразований складывается многоукладное агропромышленное производство, где доминирующее положение стало занимать частное предпринимательство [4].

Сложность и специфика экономических отношений сельскохозяйственного производства в рыночных условиях, особенно в ценообразовании и производстве сельхозпродукции, заставляет товаропроизводителей максимально учитывать спрос на продукцию, повышая ее качество и ассортимент, заниматься маркетинговой деятельностью, связанной с производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции, а также оказанием услуг и созданием соответствующих инфраструктурных институтов.

Особенности развития предпринимательства в сельском хозяйстве обусловлены спецификой этого сектора экономики: использованием земельных участков с различной степе-

нью плодородия; высокой ресурсоемкостью сельскохозяйственного производства; более высоким риском предпринимательской деятельности в связи с большой зависимостью аграрного производства от природно-климатических условий. Кроме того, ликвидация системы госзаказа привела к тому, что товаропроизводителям приходится самим искать рынки сбыта, преодолевать трудности организационного, технологического и психологического характера, менять логику мышления, исторические и национальные традиции, что особенно трудно и непривычно для менталитета горских народов Северного Кавказа.

К резкой дифференциации сельхозпредприятий по финансовому состоянию приводят следующие проблемы: низкая эффективность сельскохозяйственного производства, сложная и долговременная переориентация хозяйства с одного вида сельскохозяйственной деятельности (продукта) на другой; сочетание производства продукции растениеводства и животноводства с ее переработкой и мелкооптовой (часто и розничной) реализацией.

Прибыль предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в сельскохозяйственном производстве, в целом ниже, чем в других отраслях. На фоне ярко выраженной сезонности производства, невыгодных перспективах кредитования предпринимателей под будущий урожай и неприемлемых для сельскохозяйственных предпринимателей условий (высокий банковский процент, графики погашения ссуды нескорректированы с учетом получения продукции и др.) только небольшая часть хозяйств является финансово устойчивой и способна наращивать объемы производства. Остальная (самая значительная) часть сельхозпроизводителей неплатежеспособна, закредитована, материально-техническая база их хозяйств разрушена, что и является основой негативного отношения основной массы сельских жителей как к сельскохозяйственному труду, так и к предпринимательству.

В то же время сельское хозяйство республик Северного Кавказа входило в кризисное состояние более плавно, чем другие сектора экономики, поскольку в этой отрасли падение производства замедлялось действием естественных факторов воспроизводства. Тем не менее, даже в Карачаево-Черкесии, которая отличалась одним из лучших показателей по сельскому хозяйству в стране, объемы аграрного производства по сравнению с дореформенным периодом снизились в несколько раз.

Специфика формирования нормативно-правовой базы регулирования земельных отношений. Развитие земельных отношений и превращение земли в экономический фактор

производства требует применения неоднозначных, подчиненных менталитету и логике горских отношений системы целенаправленных мер как со стороны органов местного самоуправления, так и со стороны республиканских ведомств. Необходимо выработать региональную нормативно-правовую базу по формированию земельных отношений в республиках СКФО с учетом особой специфики земельных отношений в каждой из них и исходя из требований федеральных законов. В сельской местности при администрациях и муниципалитетах необходимо создать земельные комиссии для организации работы по осуществлению земельной реформы. Только им под силу будет справиться с задачами выявления исторических предпосылок в хозяйствовании каждого землепользователя, установления неиспользованных или нерационально используемых земель и создания фонда для выделения земельных участков. Главными условиями будут следующие: оформление права на пользование землей, регулирование арендных земельных отношений и выработка системы земельного налогообложения для каждой республики или даже района. Необходимы срочные действия для упорядочения прав на землю, по постановке на кадастровый учет, а также юридическая регистрация прав и сделок, которая до сих пор нормативно урегулирована не в полной мере [4].

В силу ряда причин (избыток трудовых ресурсов, высокая плотность населения, исторически сложившаяся ментальность горского населения республик Северного Кавказа) предлагается оставить землю в собственности государства. По мере развития земельных отношений, перехода к формированию многообразия форм собственности на землю предполагается передача определенной части земли в собственность тем хозяйствующим субъектам, которые эффективно используют землю, а остальную часть рекомендуется предоставить в долгосрочную аренду через органы местного самоуправления. Важно завершить в ближайшей перспективе формирование нормативно-правовой базы регулирования земельных отношений с учетом специфики каждой республики.

Для снятия социальной напряженности и формирования эффективного аграрного сектора все эти положения необходимо закрепить в соответствующих нормативно-правовых актах, регулирующих все земельные отношения на территориях республик. Выполнение же контрольных функций должна осуществлять целая система специальных структур (Комитеты по земельным ресурсам и землеустройству, Министерства сельского хозяйства и др.).

Необходимость контрольных функций для урегулирования земельных отношений в настоящее время вызвана еще и тем, что после распада колхозов и совхозов более 25 % пахотных угодий было захвачено самовольно, часть земельных угодий была отдана решением местных органов самоуправления без соответствующего юридического оформления. Значительная часть этих земельных угодий не обрабатывается и приходит в запустение. Поэтому необходимость проведения в республиках инвентаризации всех земельных угодий, всесторонний критический анализ рентабельности и эффективности существующих форм сельхозпредприятий (госхозов, КФХ, сельхозкооперативов) должна диктоваться не только выгодностью их производственной деятельности, но и требует решения о дальнейшем их существовании в перспективе.

Переходу к многообразию форм собственности на землю будет способствовать создание современной системы управления земельными ресурсами на основе объективных данных государственного земельного кадастра и мониторинга земель с утверждением границ населенных пунктов, осуществляемого с учетом их перспективного развития.

Во всех республиках Северного Кавказа необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой и методической базы для реализации организационно-экономического механизма регулирования земельных отношений, поскольку отсутствие однозначных, подчиненных единой логике механизмов регулирования земельных отношений в условиях земельного дефицита может служить поводом для усиления открытых межэтнических столкновений.

Одним из факторов, влияющих на общественно-политическую ситуацию, например в Республике Дагестан, является внутренняя миграция населения из горных районов на плоскостные территории, что обострило другой фактор нестабильности — земельный вопрос, проблему равнинных земель отгонного животноводства (кутаны). В результате невнятного правового статуса этих земель, отсутствия нормативной базы по упорядочиванию землепользования и хозяйственного освоения кутанных земель здесь развивается процесс, не связанный с первоначальной целью (запрещенная застройка индивидуального жилья и коммерческих объектов). В условиях земельного дефицита возникшая ситуация может привести к непредсказуемым последствиям.

Следует учесть опыт Кабардино-Балкарской Республики (2003 г.), где Указом Президента региона земли были переданы в собственность органов местного самоуправления, которые были наделены правом сдавать их в

аренду. В те годы приватизация была отложена на 49 лет. И эта мера оказалась неэффективной, поскольку из-за высокой арендной платы (в 2–3 раза выше, чем в других субъектах южного макрорегиона) тысячи га земли остались невостребованными и невозделанными. При этом положение сельского населения республики стало особенно тяжелым. Безработица в ряде горных районов достигла 90 %. Нарушив вековой уклад, государство передало пастбища, входящие в государственный запас горных районов, государственным унитарным предприятиям. Данные предприятия получали земли в бессрочное пользование и могли предоставлять их в аренду местным администрациям. Это окончательно лишило жителей горных районов практически всех их летних и зимних пастбищ.

Усиливает межэтническую конкуренцию в республиках проблема утверждения границ муниципальных образований, отсутствие их картографического описания в соответствии с требованиями градостроительного и земельного законодательства.

Сложная обстановка складывается и в Республике Ингушетия в отношении проблем выделения земельных участков, особенно под частное строительство. Почти 3/4 населения региона проживает на 10 % территории – в Сунженской долине и прилегающих участках, где плотность сельского населения превышает 600 чел./кв. км. Это максимальный для России показатель. Вся 40-километровая долина р. Сунжи от границы с Северной Осетией до границы с Чеченской Республикой представляет собой сплошное застроенное пространство. Такая ситуация типична для многих республик северокавказского региона.

Чернозем – основной экономический потенциал республик Северного Кавказа. Однако объем залоговых средств в сельскохозяйственном производстве включает в себя мало земельных ресурсов. Хотя в республиках проведена предварительная кадастровая оценка, очень трудно идет процесс вовлечения земельных участков в экономический оборот, не говоря уже о создании регулируемого земельного рынка и его инфраструктуры.

С целью дальнейшего развития земельной реформы, создания системы земельного законодательства, развития земельного рынка и его инфраструктуры, в ряде республик были разработаны и приняты республиканские целевые программы по развитию земельной реформы.

Проведение государственной политики в области развития АПК требует дополнительной разработки и принятия нормативно-правовых актов, которые позволят сформировать

целостную систему республиканского аграрного законодательства и устранить пробелы и противоречия действующего. Учитывая это, разработка республиканских законодательных нормативно-правовых актов должна осуществляться в рамках обновления федеральной законодательной базы функционирования АПК. Особенно это касается системы земельно-ипотечного кредитования, которое проводится поэтапно: от запуска системы в пилотном режиме ОАО «Россельхозбанк» кредитования сельхозпроизводителей под залог земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения до расширения системы на всю страну.

Необходимо значительно ускорить предоставление льготных кредитов фермерским хозяйствам и гражданам, ведущим личное подворье. Перед сельскохозяйственными товаропроизводителями (независимо от их размеров) остро стоит проблема нехватки средств для собственного развития. Использование механизмов ипотеки может способствовать решению этой проблемы. Поэтому в ближайшем будущем наиболее эффективным средством привлечения инвестиций в сельское хозяйство может стать залог земли [1; 4; 5].

Формирование полноценного рынка земли (преимущество залоговых отношений) будет способствовать привлечению в агропромышленное производство внебюджетных финансовых ресурсов, что приведет к повышению уровня финансово-экономического состояния сельскохозяйственных предприятий, крестьянско-фермерских хозяйств.

Формирование сельской социальной инфраструктуры должно базироваться на следующем принципе: нормы потребления социальных благ постепенно должны уравниваться для городских и сельских жителей. Сельскохозяйственные предприятия, сохранившие на своем балансе объекты социальной и инженерной инфраструктуры, должны иметь налоговые льготы или получать из местного бюджета компенсации для возмещения издержек в объеме нормативных затрат. Важнейшей задачей социально-экономической политики в аграрном секторе должно стать создание необходимых условий для эффективной занятости населения и обеспечение предприятий рабочей силой.

Для решения задач по социальному развитию села необходимы, по мнению автора, следующие меры:

1. Повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий за счет развития отраслей агросервиса, производственной и социальной инфраструктуры, поддержки дорожного и водохозяйственного строительства, транспорта, связи, торговли, электрификации и газо-

снабжения, стимулирования развития рынка услуг в сельской местности.

2. Перепрофилирование предприятий, продукция которых не находит рынков сбыта, на производство товаров имеющих спрос. Максимальное использование местных ресурсов при создании новых рабочих мест.

3. Производство лечебных и профилактических препаратов и оздоравливающих продуктов на основе местного сырья растительного, животного и минерального происхождения для потребления в регионе и за его пределами.

Резервом для организации новых землепользований различного целевого назначения могут быть земли запаса. Уже давно назрела необходимость обеспечения сельскохозяйственного производства на основе проектов эколого-ландшафтной организации территории землепользования, в которых должны быть отражены все возможные аспекты влияния технологических процессов на почвенный покров. Все проекты должны предусматривать оптимальную структуру земельных угодий с соотношением, обеспечивающим устойчивое развитие, предполагающее улучшение, восстановление, а если это необходимо, то и консервацию земель.

Необходимо возродить посадки лесных полос и залужение сильно эродированных земель. Пашня и многолетние насаждения, находящиеся в ведении органов местного самоуправления и республик должны быть вовлечены в хозяйственный оборот в основном через аренду.

Кроме того, организациям и гражданам земли должны предоставляться на праве пожизненного наследуемого владения и на праве пользования.

Наряду с реформированием земельных отношений в республиках должна идти работа по активному созданию системы государственного земельного кадастра — главного инструмента поддержки прав на землю и недвижимость (особенно после принятия Федерального закона «О государственном земельном кадастре»). Государственный земельный кадастр станет важным направлением работы по созданию информационного обеспечения государственного управления земельными ресурсами, контроля по охране и использованию земель, государственной регистрации прав на земельные участки, землеустройства, экономической оценки земли, установления обоснованной платы за землю. Государственная автоматизированная система земельного кадастра республик будет способствовать созданию как современной многоцелевой информационной инфраструктуры, так и регулированию земельных

отношений, поддержки земельного рынка, оперативного контроля над эффективностью хозяйственного использования и оборота земель.

В ближайшее время в республиках необходимо реализовать «Программу создания автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра». В соответствии с этой программой и ведутся работы по инвентаризации земель городов, сельских населенных пунктов и межселенных территорий области, одной из целей которых является подготовка предложений по рациональному использованию земельных ресурсов.

В целях сохранения и рационального использования земель, необходимо обеспечение управления земельными ресурсами в части организации систематического изучения состояния земель всех категорий. Важной составляющей этого аспекта являются работы по обследованию малопродуктивных сельскохозяйственных угодий и разработке программы их использования.

Республиканским органам власти и местного самоуправления необходимо вести ознакомительную кампанию и просветительскую работу о возможностях собственников земли. Сюда относятся условия для оформления, ускоренная и упрощенная регистрация прав собственности на земельные участки или их аренду.

Продолжая работы по эффективному включению земель в экономический оборот, реформированию земельных отношений, в том числе по разграничению государственной собственности на землю, приватизации земельных участков и регистрации прав собственности на землю, необходимо подготовить и передать в налоговые органы Оценочные описи по земельным участкам, которые позволят сформировать налоговую базу территории республик.

Кроме того, необходимо провести работы по разграничению государственной собственности на землю и приватизированных земельных участков.

В целях дальнейшего совершенствования арендных отношений необходимо разработать новый проект постановления Правительств республик Северного Кавказа об аренде земель, предстоит осуществить формирование нормативно-правовой базы регулирования земельных отношений с учетом специфики республик, направленной на: повышение эффективности использования земли, разработку программ использования малопродуктивных земель; становление рынка земли и недвижимости, развитие ипотеки земли, создание автоматизированной системы информационного обеспечения земельного рынка; удешевление кредитных ресурсов, привлекаемых малыми

формами хозяйствования; переход к многообразию форм собственности на землю; создание рыночного экономического механизма регулирования земельных отношений и охраны земель; совершенствование нормативно-правовой и методической базы для реализации организационно-экономического механизма регулирования земельных отношений; создание реальных условий для реализации конституционных прав субъектов земельных отношений на владение, пользование и распоряжение землей; вовлечение земельных участков в экономический оборот, создание регулируемого земельного рынка и его инфраструктуры; создание современной системы управления земельными ресурсами на основе объективных данных государственного земельного кадастра и мониторинга земель.

В ходе вышеупомянутых аграрных преобразований значительно возрастает экономический и социальный статус ЛПХ населения, развитие которых становится в определенной степени стабилизирующим фактором социально-экономической ситуации в республиках.

Учитывая социальную и экономическую значимость ЛПХ, необходимо осуществить их включение в сферу государственной аграрной политики, в информационную и статистическую систему АПК, в систему государственного племенного, ветеринарного, агрозоотехнического и инженерного обслуживания. Это будет способствовать обеспечению занятости и повышению уровня жизни сельского населения, воспроизводству трудовых ресурсов в сельской местности, возрождению сельскохозяйственного производства.

Переход к рыночной экономике диктует и необходимость принципиальных изменений в подходах к кадровому обеспечению аграрного

сектора. Преобразования в АПК следует начинать с подготовки кадров, хорошо знающих законы рынка, умело ориентирующихся в складывающейся обстановке, способных переходить к современным технологиям, обладающих предпринимательскими навыками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асимметричность развития социоприродо-хозяйственной системы Южного макрорегиона России: особенности проявления, измерение, механизмы управления / под ред. И. В. Митрофановой, Н. П. Иванова. — Ставрополь : РИО ИДНК, 2012. — 239 с.
2. Концепция Федеральной Целевой программы «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения России на 2014 – 2020 гг.». Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22.01.2013 г. № 37-р. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70204250/> (дата обращения: 13.12.2013). — Загл. с экрана.
3. Липина, С. А. Республики Северного Кавказа: Приоритеты развития агропромышленного комплекса / С. А. Липина. — М. : Изд-во URSS, 2008. — 248 с.
4. Липина, С. А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития Республик Северного Кавказа: пути и методы их достижения / С. А. Липина. — М. : АКИ, 2010. — 432 с.
5. Митрофанова, И. В. Агропромышленный комплекс Юга России: тенденции, проблемы и перспективы / И. В. Митрофанова // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития Южного макрорегиона : коллективная монография. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — С. 184 – 206.
6. Митрофанова, И. В. АПК Южного макрорегиона: статистика кризиса / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 24. — С. 26 – 38.

УДК 338.439.02:43.02
ББК 65.32

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АПК ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ ВТО

Н.И. Оксанич

В статье исследуются преимущества и ограничения, оцениваются выгоды и издержки, раскрываются перспективы функционирования и развития агропромышленного комплекса Южного федерального округа (далее — ЮФО) в условиях ВТО в текущем и актуальном горизонтах, причем особое внимание автором уделяется тем регионам ЮФО, где реализуются крупные частные инвестиционные проекты инновационного характера.

Ключевые слова: Южный федеральный округ, агропромышленный комплекс, ВТО, развитие, софинансирование, проект, программа, социальное развитие села, инвестиции.

TRANSFORMATION OF THE MEASURES OF THE STATE SUPPORT OF THE AGRICULTURAL SPHERE OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT UNDER THE CONDITIONS OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION

N.I. Oksanich

The article reveals the advantages and limitations, assesses profits and costs. The prospects of the functioning and the development of the agricultural complex of the South Federal District within the World Trade Organization in the current and crucial aspects are given. Special attention is paid to the regions of the South Federal District where large private investment projects of the innovative character are being realized.

Key words: South Federal District, agricultural complex, World Trade Organization, development, cooperative financing, project, program, social development of the village, investments.

В результате перехода к программно-целевому методу управления в аграрно-промышленном комплексе (далее — АПК) трансформировались формы и методы господдержки. Во-первых, финансирование из бюджетов всех уровней осуществляется только в рамках утвержденных целевых программ. Во-вторых, государство стимулирует только приоритетные направления развития отраслей АПК. В-третьих, финансирование осуществляется на условиях софинансирования из федерального и регионального бюджетов. В-четвертых, особое внимание уделяется тем регионам, где реализуются крупные частные инновационно-инвестиционные проекты [1; 10; 11]. Особое внимание уделяется социальному развитию села, на что выделяются значительные средства в рамках программ социального развития.

Главным в сложившейся системе бюджетного финансирования является то, что парадигма государственного регулирования развитием АПК сменилась на парадигму государственно-частного партнерства. Это означает, что при реализации агробизнесом инновационно-инвестиционных проектов, направленных ими на получение прибыли, доля государства в финансировании проекта незначительная, как правило, в виде субсидий по кредитам, частичному возмещению затрат в связи с ростом цен на ресурсы. При этом государством финансируются проекты в приоритетных отраслях в регионах с высокой инвестиционной активностью. При реализации некоммерческих проектов (с целью социального и экологического эффекта), государство финансирует 70–90 % от общих затрат, привлекая бизнес в их реализацию с финансированием 10–30 % [10; 11].

На федеральном уровне Минсельхозом РФ совместно с учеными определяются прогнозы наращивания сельскохозяйственной продукции, разрабатываются меры создания экономических и социальных условий, определяется потребность в ресурсах на программные мероприятия, разрабатываются правила предоставления субсидий по каждому виду господдержки. Субъектом РФ самостоятельно выбираются приоритетные направления развития АПК с учетом конкурентных преимуществ региона (то есть имеющегося ресурсного потенциала), заключается соглашение с Минсельхозом РФ на производство определенного объема продукции, разрабатываются региональные программы, для реализации которых привлекаются частные инвесторы, а также правила предоставления субсидий из регионального бюджета. Создание институционально-правовых условий для агробизнеса повышает инвестиционную активность региона [3; 11, с. 90–103; 14].

В 2008 – 2012 гг. финансирование мероприятий Государственной программы в целом по всем направлениям выполнено на 118,5 %. Всего за пять лет предусматривалось выделить на развитие сельского хозяйства 553,29 млрд руб., а фактически выделено 653,13 млрд руб. (см. табл. 1).

За счет мероприятий Госпрограммы в производство внедрялись новые технологии и техника, увеличилось количество адаптируемых сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, пород и кроссов животных и птицы, построены новые животноводческие фермы и комплексы, модернизированы действующие. Складывалась более четкая система государственного регулирования агропродовольственного рынка и его отдельных продуктовых сегментов, создавались социальные условия. Все эти позитивные процессы способствовали созданию основы для обеспечения страны собственным продовольствием, сокращения импорта продовольственных товаров [9, с. 19 – 23; 12; 13].

Вместе с тем, положительные изменения не обеспечили необходимых воспроизводственных возможностей в сельском хозяйстве, во многом сохранились системные проблемы в его развитии.

По-прежнему слабо росли инвестиционные возможности АПК и его отдельных отраслей, не произошло существенных положительных изменений в формировании инновационной системы и инфраструктуры агропродовольственного рынка, медленно повышались доходы населения, и соответственно, его спрос на пищевые продукты. Одновременно в сельском хозяйстве возникло множество новых проблем, связанных с членством России в ВТО, ратификацией договора о свободном экономическом пространстве (СЭП). Они оказали прямое или косвенное негативное воздействие на сельское хозяйство, динамику развития агропромышленного производства, качество и конкурентоспособность его продукции, баланс экспорта и импорта продовольствия [3; 6].

Для поддержки развития отраслей растениеводства в рамках Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008 – 2012 гг. применялись следующие прямые меры: компенсация части затрат на приобретение элитных семян, средств химизации (удобрений и средств защиты растений); стимулирование производства льна и конопли, рапса; субсидирование части затрат на закладку виноградников, многолетних насаждений и ягодников. Кроме того, оказывались косвенные меры поддержки: субсидирование процентных ставок краткосрочных и долгосрочных кредитов, страхование. Краткосрочные сезонные кредиты привлекались для

оплаты удобрений, семян, энергоресурсов и других ресурсов. Долгосрочные кредиты использовались для технического обновления, проведения технологической модернизации производства и переработки продукции растениеводства. Меры поддержки повышения почвенного плодородия (компенсация части затрат по известкованию и фосфоритованию почв, гипсованию солонцовых земель) и вовлечения сельскохозяйственных угодий в сельскохозяйственный оборот были направлены на создание условий для развития отраслей растениеводства. Государственная поддержка приоритетных отраслей растениеводства позволила сохранить в них устойчивые тенденции роста производства, несмотря на негативное воздействие финансового кризиса (2008 – 2009 гг.) и засухи (2009, 2010, 2012 гг.).

Для поддержки развития животноводства оказывались следующие прямые меры: поддержка племенного скотоводства; наращивание поголовья овец и коз, мясных табунных лошадей, оленей; поддержка экономически и социально значимых программ. Кроме того, были оказаны косвенные меры поддержки: субсидирование процентных ставок краткосрочных и долгосрочных кредитов. Краткосрочные кредиты использовались сельхозтоваропроизводителями для заготовки кормов на стойловый период, оплаты энергоресурсов. Долгосрочные кредиты привлекались ими для строительства новых и модернизации действующих ферм и животноводческих комплексов.

В структуре общего объема господдержки свыше 70 % приходится на субсидии по кредитам. Причем, объем выданных субсидированных кредитов колеблется по отдельным регионам в десятки раз. Причины дифференциации регионов не столько в имеющемся у них ресурсном потенциале (земельном, трудовом) для развития приоритетных отраслей, сколько в уровне развития в них предпринимательства, уровня инвестиционной активности, развития форм государственно-частного партнерства [1; 2; 10].

При этом доля отдельного региона в общем объеме финансирования и его доля в общем объеме производства не всегда совпадают. Так, доля Ростовской области в общем объеме выданных субсидированных краткосрочных кредитов превышает долю Волгоградской области в 4 раза, а в валовой продукции – только в 1,85 раз (см. табл. 2).

Сельхозтоваропроизводителям Волгоградской области субсидированные кредиты менее доступны, а на каждый рубль субсидий ими производится больше продукции, чем в Ростовской области и Краснодарском крае.

Таблица 1

Выполнение объемов финансирования из федерального бюджета, предусмотренных Государственной программой развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг., млрд руб.

Направления	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2008–2012 гг.	
	Исполнено	Фактически	Исполнено	Фактически	Исполнено	Фактически	Исполнено	Фактически	Исполнено	Фактически	Исполнено	Фактически
Устойчивое развитие сельских территорий	7,335	8,14	19,027	8,96	25,124	7,72	29,602	7,72	31,280	11,0	112,37	43,54
Создание общих условий функционирования сельского хозяйства	9,863	17,72	12,917	17,74	13,781	10,11	14,660	11,50	15,325	11,8	66,55	68,86
Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства	13,733	13,14	15,412	16,41	14,110	10,58	19,370	23,13	15,039	26,8	77,67	90,08
Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства	44,004	78,64	51,284	112,27	65,622	72,99	59,940	74,70	66,854	81,0	287,70	419,60
Регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	1,360	0,64	1,360	9,64	1,363	5,88	1,430	7,93	1,501	7,0	7,00	31,09
Итого	76,295	118,280	100,000	165,020	120,000	107,280	125,000	124,980	130,000	137,600	551,290	653,170
												118,500

Примечание. Рассчитано автором по данным Минсельхоза РФ.

Инвестиционных кредитов в ЮФО (табл. 3) привлекается значительно меньше (доля ЮФО всего 6,7 %), чем краткосрочных кредитов (доля 12,0 %). Лидером в получении кредитов является Ростовская область, что свидетельствует о

высокой инвестиционной активности региона и создания в нем условий для развития предпринимательства.

В Волгоградской области план по кредитованию перевыполнен в 5 раз, при этом ин-

Таблица 2

Рейтинг регионов ЮФО по доле в фактическом объеме краткосрочного кредитования в рамках Госпрограммы, 2012 г.

Субъекты ЮФО	Размер предоставленного кредита, тыс. руб.	Размер кредита, принятого к субсидированию, тыс. руб.	План по соглашениям, тыс. руб.	Выполнение плана, %	Доля субъекта, %		
					в фактическом объеме субсидируемых кредитов	в фактически выплаченных субсидиях из бюджетов всех уровней	в валовой продукции с/х (СХО и КФХ)
Российская Федерация	665 545 737	622 756 610	197 382 477	315,5	100,00	100,00	100,00
Южный ФО	81 531 140	74 857 226	22 598 242	331,3	12,00	12,10	15,80
Ростовская область	34 138 862	33 074 836	7 100 100	465,8	5,31	5,38	4,54
Краснодарский край	32 504 370	29 091 791	8 500 000	342,3	4,67	4,61	7,18
Волгоградская область	9 455 238	8 164 459	3 959 375	206,2	1,31	1,48	2,45
Республика Адыгея	3 476 327	2 695 240	2 300 000	117,2	0,43	0,32	0,41
Астраханская область	1 142 410	1 017 196	431 128	235,9	0,16	0,20	0,77
Республика Калмыкия	813 932	813 704	307 639	264,5	0,13	0,15	0,49

Примечание. Рассчитано автором по данным Минсельхоза РФ.

Таблица 3

Рейтинг регионов ЮФО по доле в фактическом объеме инвестиционного кредитования в рамках Госпрограммы (по соглашениям), 2012 г.

Субъекты ЮФО	Объем субсидируемых инвестиционных кредитов, тыс. руб.	План привлечения субсидируемых инвестиционных кредитов (по соглашению), тыс. руб.	Выполнение плана, %	Доля субъекта, %		
				в объеме инвестиционных субсидируемых кредитов	в выплаченных субсидиях из бюджетов всех уровней	в валовой продукции с/х (СХО и КФХ)
Российская Федерация	808 022 950	457 993 612	176,4	100,00	100,00	100,00
ЮФО	54 538 607	38 693 605	140,9	6,70	6,80	15,80
Ростовская область	21 946 812	16 988 667	129,2	2,72	2,99	4,54
Краснодарский край	20 813 664	11 100 000	187,5	2,58	2,68	7,18
Волгоградская область	5 439 770	1 048 209	519,0	0,67	0,67	2,45
Республика Адыгея	3 209 059	7 700 000	41,7	0,40	0,29	0,41
Астраханская область	2 580 424	93 466	2 760,8	0,32	0,11	0,77
Республика Калмыкия	548 878	1 763 263	31,1	0,07	0,05	0,49

Примечание. Источник: тот же.

вестиционных кредитов получено в 4 раза меньше, чем в Ростовской области и Краснодарском крае. Сельхозтоваропроизводители Волгоградской области, получив инвестиционные кредиты на уровне Республики Адыгея, при этом произвели в 6 раз больше продукции. Инвестиционные проекты по развитию КРС реализуются в основном в Астраханской и Ростовской областях, свиноводства — в Ростовской области, Краснодарском крае и Республике Адыгея, птицеводства — Ростовской области и Краснодарском крае (см. табл. 4).

В Волгоградской области самая низкая инвестиционная активность, при этом, только четверть всех инвестиционных кредитов направляется на развитие отраслей животноводства. В результате отставания в их восстановлении относительно других регионов ЮФО, обеспеченность населения региона продуктами животноводства собственного производства значительно ниже потенциально возможного уровня (см. табл. 5). Здесь имеются огромные неиспользуемые резервы в наращивании всех видов мяса и молока.

В Республике Калмыкия мяса в расчете на душу населения производится в 3 раза больше (в убойном весе), чем требуется для его потребления. Удовлетворяет потребности своего населения в мясе собственного производства Республика Адыгея, приближается к этому уровню Краснодарский край. Несколько иначе дела обстоят в остальных регионах: несмотря на наличие больших резервов по наращиванию производства мяса и мясной продукции, часть ее завозят извне.

Молока на душу населения производится в ЮФО больше, чем в среднем по России, однако, его недостаточно для продовольственного обеспечения населения в соответствии с утвержденными нормами. Поэтому в рамках новой Госпрограммы развития сельского на 2013–2020 гг. предстоит значительно увеличить его производство. Для стимулирования наращивания его производства Госпрограммой предусмотрены субсидии сельхозтоваропроизводителям (кроме личных подсобных хозяйств) на 1 л (кг) реализованного молока высшего и первого сорта. Такая мера господдержки будет стимулировать не только увеличение производства качественного молока, но и уровень его товарности, а также должна обеспечивать степень рентабельности молока на уровне 25–27 % [8, с. 22–23]. Субсидии предоставляются только СХО и КФХ в случае выполнения ими условий, а именно: сохранение поголовья коров и повышение их продуктивности. Условия предоставления субсидий предусматривают, что на базе товарных ЛПХ будут созданы фермерские хозяйства по

производству молока, а на базе функционирующих КФХ сформируют современные семейные фермы, в которых будет обновлен породный состав животных, проведена техническая и технологическая модернизация. На эти цели в рамках Госпрограммы также предусмотрены меры господдержки. Такие меры господдержки являются особенно важными для Волгоградской и Ростовской областей, в которых свыше 80 % молочного скотоводства размещено в ЛПХ [11, с. 36], потому размер господдержки на молоко им, по утвержденным федеральным правилам, в 5 раз ниже, чем требуется на прогнозируемый объем производства.

В соответствии с принятыми Россией обязательствами при ее вступлении в ВТО прямые меры господдержки на возмещение части затрат (на приобретение удобрений, средств защиты растений и ГСМ) были заменены субсидиями, предназначенными для поддержки доходов сельхозтоваропроизводителей. Они рассчитаны исходя из размера посевных площадей и производства продукции растениеводства в условных единицах, скорректированных на биоклиматический потенциал (БКП) регионов (см. табл. 7). В расчете на 1 га посевной площади в среднем предполагается выделять 207,7 руб./га в год, при этом по отдельным регионам она различается в 4 раза.

Так как в Волгоградской области в условиях засухи 2009–2012 гг. урожайность сельскохозяйственных культур была снижена, а погибшие посевы списывались, то размер субсидий, относительно Ростовской области (имеющей примерно такой же земельный потенциал), в 2,4 раза меньше.

Это означает, что не всем сельхозпроизводителям Волгоградской области станет доступна эта мера господдержки, у 2/3 из них не будет экономических условий для повышения эффективности использования своего ресурсного потенциала. Следовательно, в Волгоградской области существуют самые высокие риски для достижения целевых показателей не только по наращиванию производства продукции растениеводства, но и животноводства. Сельхозпроизводители вынуждены будут продолжать наращивание только высокоприбыльных культур (подсолнечника и продовольственного зерна), востребованных на мировом рынке, но не кормовых культур, необходимых для наращивания продукции животноводства [4; 9; 10].

Всего на развитие сельского хозяйства выделено 1,5 трлн руб., в том числе на развитие отраслей растениеводства — 466,6 млрд руб., животноводства — 554,6 млрд руб. (из них на развитие мясного скотоводства — 65,4 млрд руб.). На поддержку малых форм хозяйствования вы-

Таблица 4

Доля инвестиционных кредитов в общем объеме инвестиционных субсидируемых кредитов (займов), полученных на развитие отдельных отраслей животноводства, 2012 г.

Субъекты ЮФО	Размер инвестиционного кредита (займа), принятого к субсидированию на развитие, тыс. руб.			Доля кредита (займа) в общем объеме субсидируемых инвестиционных кредитов в регионе на развитие, %		
	КРС	свиноводства	птицеводства	КРС	свиноводства	птицеводства
Российская Федерация	194 092 832	188 467 611	156 531 027	24,9	24,2	20,1
ЮФО	9 330 320	7 647 685	13 508 960	17,1	14,0	24,8
Ростовская область	2 558 736	3 529 504	9 065 365	11,7	16,1	41,3
Краснодарский край	37 651	1 961 969	3 542 262	1,5	9,4	17,0
Волгоградская область	390 492	632 482	450 516	7,2	11,6	8,3
Республика Адыгея	102 875	1 523 730	359 185	3,2	47,5	11,2
Астраханская область	5 855 967	–	91 632	28,1	0,0	3,6
Республика Калмыкия	384 599	–	–	70,1	0,0	0,0

Окончание таблицы 4

Субъекты ЮФО	Доля региона в кредитах (займах), принятых к субсидированию на развитие, %		
	КРС	свиноводства	птицеводства
Российская Федерация	100,00	100,00	100,00
ЮФО	4,81	4,10	8,60
Ростовская область	1,32	1,90	5,80
Краснодарский край	0,02	1,00	2,30
Волгоградская область	0,20	0,30	0,30
Республика Адыгея	0,05	0,80	0,20
Астраханская область	3,02	0,00	0,10
Республика Калмыкия	0,20	0,00	0,00

Примечание. Рассчитано автором по данным Минсельхоза РФ.

Таблица 5

Производство мяса и молока на душу населения, кг (2012 г.)

Субъекты ЮФО	Производство на душу населения, кг						Молоко
	Мясо (в живом весе)	В том числе					
		КРС	Птица	Свиньи	Овцы	Прочее	
<i>Российская Федерация</i>	81,4	20,5	33,8	23,1	3,0	1,0	222,9
<i>Южный ФО</i>	97,5	26,0	38,1	25,6	7,1	0,7	243,3
<i>ЮФО в % к РФ</i>	119,8	126,8	112,7	110,8	236,7	70,0	109,2
Республика Калмыкия	361,7	190,7	4,0	8,1	153,7	5,2	358,3
Республика Адыгея	130,3	8,0	103,4	15,3	2,3	1,3	254,2
Краснодарский край	106,8	22,6	47,7	34,3	0,5	1,7	261,1
Ростовская область	82,9	19,0	38,3	22,5	3,1	0,0	254,7
Волгоградская область	81,5	25,5	24,2	26,3	5,3	0,2	203,0
Астраханская область	62,9	34,4	3,1	0,9	23,0	1,5	167,7

Примечание. Источник: тот же.

Таблица 6

**Расчет объема субсидий федерального бюджета на поддержку
сельскохозяйственных товаропроизводителей на 1 литр (кг) реализованного молока
по субъектам Российской Федерации на 2013 г.**

Субъекты ЮФО	Прогноз производства молока в 2013 году, тыс. т			Прогноз реализа- ции молока в 2013 г., тыс. т		Распределение господдержки по регионам, млн руб.
	Всего	В том числе		СХО 92,3 %	КФХ 61,5 %	
		СХО	КФХ			
<i>Российская Федерация</i>	32 500,0	14 773,9	1 583,9	13 636,3	974,1	9 558,8
<i>ЮФО</i>	3 356,8	1 043,0	266,6	962,7	164,0	737,1
Краснодарский край	1 409,8	872,6	69,4	805,4	42,7	554,8
Ростовская область	1 042,0	120,4	90,0	111,1	55,3	108,9
Волгоградская область	520,8	41,5	23,9	38,3	14,7	34,6
Республика Калмыкия	103,9	0,1	44,9	0,1	27,6	18,1
Астраханская область	167,7	2,3	31,8	2,1	19,6	14,2
Республика Адыгея	112,6	6,2	6,7	5,8	4,1	6,4

Примечание. Источник тот же.

Таблица 7

**Расчет субсидий на поддержку доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей
и субсидирование части процентной ставки по краткосрочным кредитам на развитие
растениеводства по субъектам Российской Федерации на 2013 г.**

Субъекты ЮФО	Производство продук- ции растениеводства в зерновых единицах		Посевная площадь, тыс. га (2011 г.)	Субсидии на посевную площадь		Субсидирова- ние части про- центной ставки по краткосроч- ным кредитам, млн руб.
	тыс. ц	с 1 га, ц		млн руб.	на 1 га, руб	
<i>Российская Федерация</i>	1 509 836,7	20,6	73 173	15 200,0	207,7	7 199,5
<i>ЮФО</i>	327 104,0	29,6	11 044	3 027,9	274,2	1 434,2
Ростовская область	101 166,5	23,3	4 334	1 289,4	297,5	610,7
Краснодарский край	171 967,1	49,3	3 485	957,5	274,7	453,5
Волгоградская область	41 405,4	15,4	2 689	547,5	203,6	259,3
Республика Калмыкия	4 044,1	15,3	264	80,7	305,7	38,2
Республика Адыгея	6 137,0	29,8	206	95,5	463,6	45,2
Астраханская область	2 383,9	36,2	66	57,3	868,2	27,1

Примечание. Источник тот же.

делено 83,7 млрд руб., на техническую и техно-
логическую модернизацию — 23,7 млрд руб.

Поскольку Минфином РФ утверждено
финансирование в пределах половины необ-
ходимого объема средств для выполнения ме-

роприятий, предусмотренных Госпрограммой,
то дифференциация регионов по уровню гос-
поддержки будет лишь увеличиваться. Поэто-
му возрастают риски обеспечения продоволь-
ственной безопасности в стране.

В связи с этим предлагается все меры господдержки разделить на меры «желтой корзины» (то есть способствующие наращиванию продукции и ограниченных правилами ВТО — в 9 млрд долл. в год, которые снизятся до 4,5 млрд долл.) и «зеленой корзины» (неограниченных). Выделенные средства на реализацию Госпрограммы без деления на корзины составляют около 6 млрд долл. в год. Следовательно, ограничением по увеличению объема господдержки являются не ограничения в связи с вступлением России в ВТО, а ограничения бюджета. По мнению автора, следует объем субсидий на поддержку доходов сельхозтоваропроизводителей в области растениеводства увеличить в 3 раза, скорректировав методику их распределения [5; 6; 7; 13].

К мерам «зеленой корзины» необходимо отнести субсидии, направленные на охрану окружающей среды, борьбу с вредителями и болезнями, а также развитие инфраструктуры, образования, обучение специалистов, исследования, консалтинг, страхование. Кроме того, к этим мерам необходимо отнести расходы на программы региональной помощи (поддержка районов, находящихся в худших природно-климатических, экологических и экономических условиях), оказание помощи при стихийных бедствиях и предоставление продовольственной помощи внутри страны. Необходима дифференциация регионов по условиям развития, и разделение их в соответствии с этим требованием при выделении прямых мер поддержки. Все меры господдержки, связанные с гибелью озимых посевов в связи с их вымерзанием и затоплением, а также затраты, связанные с преодолением последствий засухи, необходимо тоже относить к мерам «зеленой корзины» [10].

Таким образом, формы и методы господдержки развития отраслей сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО предполагают их адаптацию к изменившимся условиям с целью защиты отечественного производителя. При этом уровень господдержки АПК России должен быть на уровне экономически развитых стран, с которыми приходится конкурировать отечественным производителям как на внешнем, так и внутреннем продовольственных рынках в связи со снижением (отменой) таможенных квот и пошлин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, Е. Д. Вступление России в ВТО: проблемы сельхозпроизводителей / Е. Д. Анисимов // Справочник экономиста. — 2012. — № 2. — С. 13–23.

2. Белякова, А. М. Россия и ВТО: новые реалии экономической действительности в сельском хозяйстве / А. М. Белякова, А. Н. Лубков // Агропродовольственная политика России. — 2012. — № 7. — С. 7–13.

3. Горохов, А. А. Государственная поддержка агропромышленного комплекса и вступление России во Всемирную торговую организацию / А. А. Горохов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — № 14. — С. 10–15.

4. Инкижинова, С. Для подъема отечественного сельского хозяйства необходимо развивать передовые технологии / С. Инкижинова // Эксперт. — №3 (835). — 21 января 2013. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2013/03/ot-motyigi-k-nanotekhnologiyam/> (дата обращения: 31.11.2013). — Загл. с экрана.

5. Митрофанова, И. В. Инновационный вектор снижения региональных отраслевых рисков в условиях ВТО / И. В. Митрофанова, Н. П. Иванов // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2013. — № 2. — С. 136–148.

6. Митрофанова, И. В. Инновационный менеджмент — стратегический фактор снижения рисков для секторов специализации ЮФО в условиях ВТО / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 21. — С. 2–10.

7. Середа, Н. А. Экономический механизм и инструменты поддержки развития производственной инфраструктуры сельского хозяйства в рамках требований ВТО / Н. А. Середа, Р. А. Шамин // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 6. — С. 42–47.

8. Оксанич, Н. И. Методические рекомендации по разработке правил предоставления субсидий в молочном скотоводстве / Н. И. Оксанич. — М. : ООО НИПКЦ Восход-А, 2012. — 42 с.

9. Оксанич, Н. И. Программно-целевой метод управления АПК: концептуальные подходы и методики разработки, опыт и проблемы реализации целевых программ. Учебное пособие / Н. И. Оксанич. — М. : ООО НИПКЦ Восход-А, 2012. — 84 с.

10. Оксанич, Н. И. Развитие сельского хозяйства Южного ФО в условиях реализации целевых программ / Н. И. Оксанич. — М. : ООО НИПКЦ Восход-А, 2013. — 40 с.

11. Оксанич, Н. И. Территориально-отраслевое разделение труда в сельском хозяйстве / Н. И. Оксанич, А. С. Рогачев. — М. : ООО НИПКЦ Восход-А, 2012. — 160 с.

12. Узун, В. Я. Российская политика поддержки сельского хозяйства и необходимость ее корректировки после вступления в ВТО / В. Я. Узун // Вопросы экономики. — 2012. — № 10. — С. 131–149.

13. Ушачев, И. Г. О мерах по обеспечению конкурентоспособности продукции российского сельского хозяйства в условиях присоединения к ВТО / И. Г. Ушачев // Агропродовольственная политика России. — 2012. — № 7. — С. 2–7.

14. Эльдиева, Т. М. Аграрная политика в условиях присоединения России к ВТО: региональный аспект / Т. М. Эльдиева. — В. Новгород : Изд-во НовГУ им. Я.р. Мудрого, 2012. — 234 с.

УДК 338.824.5
ББК 65.050.2

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ АПК

Р.И. Клинецвич

В статье раскрывается значение метода программно-целевого управления развитием регионального агропромышленного комплекса; обозначены проблемы разработки программы развития АПК региона; обоснована необходимость комплексного рассмотрения задач и условий реализации мероприятий при разработке такого рода программ, уточнена ее структура и содержание основных разделов.

Ключевые слова: региональное управление, агропромышленный комплекс, программа развития АПК региона, механизм управления, содержание, структура, эффективность.

DIRECTIONS OF THE ELABORATION IMPROVEMENT OF THE REGIONAL PROGRAMS DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SPHERE

R.I. Klintsevich

In the article the importance of the method of the program-targeted management development of regional agriculture. The problems of developing regional programs for the development of agricultural business are shown. The necessity of a comprehensive review of tasks and conditions of the events in the development of regional agriculture development program is based, the structure and content of the main sections of the program is specified.

Key words: regional management, agriculture, agricultural business development program in the region, the mechanism of control, the content and structure.

Обеспечение выхода из кризиса и устойчивого развития агропромышленного комплекса является важным условием стабилизации экономики Карачаево-Черкесской Республики (далее — КЧР) и Северо-Кавказского федерального округа (далее — СКФО) в целом. Сельское хозяйство как системообразующий сегмент экономики способно стать катализатором общего экономического роста. Вложения в сельское хозяйство могут вызвать увеличение спроса на продукцию в других, отраслях связанных с ним.

В настоящее время сельскохозяйственная отрасль КЧР не обладает достаточной конкурентоспособностью в новых условиях глобализации экономики. Для характеристики конкурентной среды мы использовали показатели, с помощью которых определена степень концентрации, неравномерности распределения долей предприятий на рынке и потенциальные возможности проявления монопольного положения. Наиболее весомым является показатель концентрации (CR), который характеризует долю, приходящуюся на n (число) крупнейших фирм на определенном рынке. Для аграрной сферы целесообразно производить расчеты для 3-х, 4-х и 8-ми крупнейших предприятий на рынке. Основным показателем, определяющим характер распределения частных предприятий на рынке, является индекс Херфиндаля — Хиршмана (HHI), который рассчитывается как сумма квадратов долей всех предприятий, функционирующих на рынке:

$$HHI = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2, \quad (1)$$

где S_1, S_2 — выраженные в % доли продаж фирм в отрасли, определяемые как отношение объема продаж фирмы к объему всех продаж отрасли.

Для эмпирического определения предприятий, которые могут объединить свои действия и ограничить конкуренцию на рынке, используется коэффициент Линда (L), определяющий степень неравномерности между лидирующими предприятиями на рынке:

$$L = \frac{1}{n(n-1)} \sum_{i=1}^n Q_i, \quad (2)$$

где n — число предприятий со значительными долями (не менее двух); Q_i — отношение средней доли i -го поставщика к частному $(n-i)$.

Для получения исчерпывающей информации об уровне интенсивности конкуренции мы рассчитали коэффициент вариации (V) частных предприятий, что позволит определить степень

однородности совокупности (интенсивность конкуренции находится в прямо пропорциональной зависимости от уровня однородности совокупности). Наиболее распространенными культурами, выращивание которых обеспечивает около 95 % выручки сельскохозяйственных предприятий в исследуемом районе, являются озимая пшеница, сахарная свекла, подсолнечник, производство говядины и молока. Производя их, сельскохозяйственные предприятия создают соответствующие конкурентные отношения (см. табл. 1, 2).

Анализ показателей, приведенных в таблице 1, свидетельствует, что рынок озимой пшеницы в регионе является типом совершенной конкуренции, но с постепенным движением к монополистической конкуренции. Поэтому при разработке стратегий сельскохозяйственные предприятия должны уделять больше внимания неценовым методам. Анализ абсолютных показателей эффективности выращивания озимой пшеницы в районе дает основания для вывода, что конкурентная среда становится более агрессивной. Но негативные тенденции увеличения себестоимости и трудоемкости 1 ц продукции не позволяют однозначно констатировать значительное повышение уровня эффективности выращивания данной культуры через прогресс предприятий, а не из-за благоприятных погодных условий.

Индекс Херфиндаля – Хиршмана свидетельствует о повышении рыночной концентрации и постепенном превращении в рынок монополистической конкуренции, что приводит также к повышению значимости неценовых методов конкуренции. Определение потенци-

альной конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий мы осуществляли путем сопоставления с максимальным уровнем по изучаемому району таких показателей, как денежная оценка пашни (качество пашни), фондообеспеченность, энергообеспеченность, трудообеспеченность, эффективность технологии, фондовооруженность, энерговооруженность, производительность труда и обеспеченность предприятий финансовыми ресурсами. После определения набора и значений факторов, влияющих на потенциальную конкурентоспособность, вычисляется итоговый показатель, который может характеризовать потенциальную конкурентоспособность сельскохозяйственного предприятия по методу сглаживания частиц. Он рассчитывается по формуле:

$$Q = \frac{1}{\sqrt{(1-x_1)^2 + (1-x_2)^2 + \dots + (1-x_n)^2}}, \quad (3)$$

где Q – рейтинговая оценка потенциальной конкурентоспособности сельскохозяйственной предприятий; $x_1, x_2, \dots, x_n$ – факторные признаки.

Рассчитанные показатели потенциальной конкурентоспособности совокупности предприятий с определением относительного места предприятия в конкурентной среде могут дать достоверную информацию о ситуации на рынке (см. табл. 3).

Вторая составляющая конкурентоспособности предприятия – конкурентная способность продукции – рассчитана индексным способом, путем сопоставления показателей каче-

Таблица 1

Значения индекса концентрации и коэффициента вариации объемов производства озимой пшеницы сельскохозяйственными предприятиями КЧР

Год	Значения коэффициентов								
	CR3	CR4	CR8	HHI	L2	L3	L4	L5	V
2008	30 %	38 %	65 %	695,0	1,150	0,640	0,420	0,300	42,6 %
2009	32 %	39 %	66 %	716,3	1,319	0,733	0,476	0,338	46,6 %
2010	28 %	37 %	67 %	708,8	0,986	0,548	0,356	0,253	45,28 %
2011	42 %	52 %	75 %	936,5	1,865	1,036	0,673	0,497	76,95 %
2012	42 %	52 %	75 %	936,5	1,865	1,036	0,673	0,478	76,95 %

Примечание. Рассчитано автором по: [6].

Таблица 2

Характеристика конкурентной среды на рынке озимой пшеницы в КЧР

Год	Группировка по уровню рентабельности, %	Количество хозяйств в группе, ед	Рыночная доля, %	Урожайность, ц/га	Грудоемкость чел./ц	Себестоимость 1 ц, руб.	Цена реализации 1 ц, руб.	Прибыль на 1 га посева, руб.
2008	< -1,5	5	24,8	41,8	1,3	54,6	44,5	-413,7
	-1,5...23,0	4	18,9	40,1	2,2	51,5	55,7	180,6
	23,1...47,5	4	24,7	40,3	0,8	41,3	55,7	582,4
	>47,5	4	31,6	41,0	0,9	32,2	52,9	850,5
2009	< -6,1	2	15,2	32,0	1,8	100,8	81,6	-614,6
	-6,0...31,2	6	35,6	36,1	1,6	59,9	66,9	250,6
	31,3...68,6	4	26,8	33,1	1,3	53,9	77,4	775,6
	>68,6	4	22,4	29,0	1,3	40,6	76,0	1 026,2
2010	<119,1	4	33,4	31,3	1,3	97,0	180,6	-2 610,7
	119,2...185,0	9	51,1	36,3	1,4	76,7	182,0	3 832,2
	185,1...250,9	2	3,2	23,1	2,4	69,3	209,7	-3 241,0
	>250,9	2	12,3	39,8	1,5	45,2	179,6	-5 347,7
2011	<20,8	2	11,0	38,3	4,3	138,3	132,3	-223,7
	20,9...64,4	6	38,9	37,3	1,1	99,8	154,0	2 024,4
	64,5...107,9	5	26,6	41,3	2,5	92,8	168,0	3 114,7
	>107,9	4	23,5	38,0	2,4	64,4	151,6	3 307,9
2012	<3,1	1	7,8	44,2	2,4	122,5	105,7	-743,4
	3,2...20,0	3	17,6	43,1	1,4	105,4	122,5	728,7
	20,1...36,8	6	40,8	39,5	1,1	79,8	116,6	1 451,5
	>36,8	7	33,9	36,8	1,3	54,3	112,4	2 134,3

Примечание. Рассчитано автором по: [3; 6].

Характеристика потенциальной конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий в Прикубанском районе КЧР

Сельскохозяйственные товаропроизводители	Значения показателя потенциальной конкурентоспособности									
	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	Относительный показатель	Место предпри- ятия	Относительный показатель	Место предпри- ятия	Относительный показатель	Место предпри- ятия	Относительный показатель	Место предпри- ятия	Относительный показатель	Место предпри- ятия
ООО «Октябрьское»	0,50	12	0,49	12	0,49	13	0,46	15	0,45	16
ООО «Волна»	0,55	4	0,54	6	0,56	7	0,58	7	0,51	9
ООО «Родина»	0,44	17	0,44	17	0,44	17	0,43	17	0,42	17
ООО «Тандем»	0,50	11	0,48	13	0,51	10	0,49	12	0,50	11
ООО КФХ «Знаменское»	0,55	5	0,53	7	0,52	9	0,59	5	0,52	8
СХА «Колос»	0,49	16	0,47	15	0,47	16	0,47	13	0,47	13
СПК «Привольный»	0,61	2	0,69	2	0,62	4	0,65	1	0,63	3
СПК «Солнечный»	0,51	10	0,50	9	0,53	8	0,52	9	0,52	7
СПК им. Красных Партизан	0,57	3	0,57	4	0,57	6	0,56	8	0,54	6
СХА ПР (колхоз) Кубань	0,93	1	0,76	1	0,72	1	0,62	3	0,88	1
ОАО «Таллык»	0,52	8	0,50	11	0,50	12	0,51	11	0,49	12
ООО «Атау»	0,49	14	0,46	16	0,47	15	0,45	16	0,45	15
ООО ФХ «Айсберг»	0,50	13	0,50	10	0,48	14	0,47	14	0,47	14
ООО КФХ «Теберда»	0,54	6	0,51	8	0,62	3	0,63	2	0,61	4
ООО «Конзавод «Мустанг»	0,51	9	0,59	3	0,64	2	0,61	4	0,64	2
ООО КФХ «Прибой»	0,49	15	0,47	14	0,51	11	0,51	10	0,50	10
ООО ФХ «Восход»	0,54	7	0,56	5	0,59	5	0,59	6	0,57	5

Примечание. Рассчитано автором по: [6].

ства продукции исследуемых предприятий с максимальным уровнем соответствующего показателя для продукции всей совокупности хозяйств:

$$I_q = \sum_{i=1}^n f_i \frac{q_i}{q_{bi} \cdot n}, \quad (4)$$

где I_q – интегральный индекс качества товара; f_i – доля i -го фактора качества в интегральном показателе качества; q_i – значение i -го фактора товара анализируется; q_{bi} – значение i -го фактора базового товара; n – принимает значение 1 при соответствии товара санитарно-гигиеническим нормам и $n = 0$, если не отвечает им.

Для определения интегрального показателя конкурентоспособности условной продукции предприятий рассчитаны показатели для 5-и видов продукции были взвешены доли выручки от реализации соответствующей продукции в общей величине выручки сельскохозяйственного предприятия (доходы, полу-

ченные от реализации других видов продукции и услуг, не превышают в среднем 5 % от общей выручки, поэтому существенно не влияют на конкурентоспособность предприятия) (см. табл. 4).

Для определения общего показателя конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий нами были рассчитаны коэффициенты удельного веса потенциальной и текущей конкурентоспособности путем выявления корреляционно-регрессивных связей между рассчитанными показателями и рентабельностью предприятий как производным показателем от общей конкурентоспособности предприятия. Корреляционно-регрессионный анализ показал, что плотность связи между рассчитанной по нашей методике конкурентоспособностью сельскохозяйственных предприятий и рентабельностью составляет 0,88, что близко к функциональной связи и подтверждает достоверность полученных результатов.

Таблица 4

Характеристика конкурентоспособности условной продукции сельскохозяйственных предприятий в Прикубанском районе КЧР

		Значения конкурентоспособности условной продукции											
		2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.			
Сельскохозяйственные товаро-производители		Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия		
	ООО «Октябрьское»	0,79	7	0,81	7	0,83	7	0,83	7	0,85	7		
	ООО «Волна»	0,74	10	0,80	8	0,78	9	0,77	9	0,75	9		
	ООО «Родина»	0,68	12	0,67	12	0,67	12	0,66	12	0,65	11		
	ООО «Тандем»	0,92	5	0,93	4	0,94	4	0,96	3	0,98	3		
	ООО КФХ «Знаменское»	0,52	15	0,59	13	0,57	13	0,54	15	0,48	16		
	СХА «Колос»	1,00	1	0,97	3	1,00	1	0,94	5	0,99	2		
	СПК «Привольный»	0,57	13	0,55	14	0,55	14	0,58	13	0,58	13		
	СПК «Солнечный»	0,79	8	0,79	9	0,79	8	0,79	8	0,60	12		
	СПК им. Красных Партизан	0,97	3	1,00	1	0,99	2	1,00	1	0,98	4		
	СХА ПР (колхоз) Кубань	0,79	9	0,79	10	0,78	10	0,77	10	0,76	8		
	ОАО «Талыю»	0,90	6	0,92	5	0,87	6	0,92	6	0,90	6		
	ООО «Атау»	0,96	4	0,92	6	0,93	5	0,95	4	0,93	5		
	ООО ФХ «Айсберг»	0,56	14	0,50	15	0,54	15	0,55	14	0,56	14		
	ООО КФХ «Геберда»	0,46	16	0,47	16	0,48	16	0,49	16	0,49	15		
	ООО Колзавод «Мустанг»	0,34	17	0,33	17	0,33	17	0,35	17	0,35	17		
	ООО КФХ «Прибой»	0,71	11	0,73	11	0,72	11	0,68	11	0,70	10		
	ООО ФХ «Восход»	0,99	2	0,98	2	0,98	3	0,99	2	1,00	1		

Примечание. Рассчитано автором по: [6].

Сельскохозяйственная артель «Племрепродуктор — "Кубань"» имеет наиболее высокие показатели общей конкурентоспособности в районе (табл. 5). Однако даже это предприятие имеет низкие показатели конкурентоспособности условной продукции, что говорит о неоптимальности ассортимента производимой продукции.

В условиях резкого прогнозируемого роста уровня конкуренции в связи с вступлением России в ВТО даже такие предприятия становятся неконкурентоспособными с иностранными товаропроизводителями. Поэтому путь интеграции на основе маркетинга взаимодействия остается одним из важнейших методов повы-

шения конкурентоспособности всего регионального АПК.

Следует особо отметить, что без активного вмешательства государства не могут быть решены продовольственные проблемы региона, округа и страны в целом, особенно в условиях повышения конкуренции на внутреннем рынке в связи с вступлением России в ВТО. Внешняя продовольственная политика должна, безусловно, учитывать интересы деловых партнеров на мировом продовольственном рынке, но не в ущерб собственным. Поэтому повышается актуальность вопросов развития экспортных возможностей и улучшения струк-

Таблица 5

Характеристика общего показателя конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий в Прикубанском районе КЧР

Сельскохозяйственные товаропроизводители	Значения показателя общей конкурентоспособности предприятий									
	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия	Относительный показатель	Место предприятия
ООО «Октябрьское»	0,53	11	0,53	10	0,50	10	0,47	11	0,46	10
ООО «Волна»	0,55	8	0,57	5	0,52	6	0,52	6	0,47	9
ООО «Родина»	0,46	16	0,46	17	0,43	16	0,41	16	0,39	17
ООО «Тандем»	0,56	7	0,55	8	0,54	4	0,52	4	0,52	4
ООО КФХ «Знаменское»	0,49	13	0,52	12	0,45	15	0,46	13	0,41	15
СХА «Колос»	0,58	4	0,55	7	0,53	5	0,51	7	0,51	5
СПК «Привольный»	0,54	9	0,63	2	0,50	11	0,51	8	0,49	7
СПК «Солнечный»	0,54	10	0,53	9	0,51	9	0,49	10	0,44	14
СПК им. Красных Партизан	0,62	2	0,63	3	0,59	3	0,57	2	0,54	3
СХА ПР (колхоз) Кубань	0,81	1	0,73	1	0,61	1	0,54	3	0,67	1
ОАО «Таллык»	0,57	5	0,56	6	0,51	7	0,52	5	0,49	6
ООО «Атау»	0,57	6	0,53	11	0,51	8	0,50	9	0,48	8
ООО ФХ «Айсберг»	0,47	14	0,48	16	0,41	17	0,40	17	0,40	16
ООО КФХ «Теберда»	0,47	15	0,48	15	0,48	13	0,47	12	0,46	11
ООО Конзавод «Мустанг»	0,42	17	0,51	13	0,45	14	0,42	15	0,44	13
ООО КФХ «Прибой»	0,50	12	0,50	14	0,48	12	0,46	14	0,45	12
ООО ФХ «Восход»	0,61	3	0,62	4	0,60	2	0,59	1	0,56	2

Примечание. Рассчитано автором по: [6].

туры самого экспорта, обеспечение доступа российских товаров и услуг на зарубежные рынки, обеспечение защищенности отечественных производителей. Высшей формой государственного регулирования развития АПК региона как субъекта экономики является государственное экономическое программирование с целью комплексного использования в глобальных целях всех его инструментов. Важнейшими элементами государственного регулирования агропромышленного рынка, предусмотренными при разработке региональных комплексных программ развития АПК, должны стать: поддержание общего уровня доходности в отраслях АПК путем предоставления государственной поддержки селу и стимулирования платежеспособного спроса; антимонопольное регулирование пропорций внутри- и межотраслевого обмена, повышение конкурентного потенциала отраслей АПК, увеличение реальных доходов населения за счет повышения занятости, уровня оплаты труда и социальных выплат [1; 4].

Система государственного регулирования должна способствовать развитию рыночной инфраструктуры, поддержанию стабильной, благоприятной конъюнктуры на рынке путем проведения государственных интервенций, обеспечения села доступными кредитами.

Реакцией на рыночные подходы в развитии АПК и его продуктового подкомплекса можно считать разработку значительного количества концепций, программ, систем ведения сельского хозяйства, различного рода бизнес-планов, а в отдельных случаях — экономических сценариев и прогнозных расчетов [2]. Автором в процессе исследования были проанализированы более 150 бизнес-планов, много региональных систем ведения сельского хозяйства (Ставропольского края, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Дагестан), программы продовольственной безопасности, а также восстановления и развития сельского хозяйства. В большинстве этих работ с той или иной степенью проработанности осуществляется научная оценка современных аграрных реформ, значительная часть разработчиков указывает на разрушительные процессы и явления во всех сферах АПК за годы реформирования, но, за редким исключением, в вышеприведенных документах нет четкого и детального обоснования мероприятий по преодолению кризисной ситуации и дальнейшего развития отечественного АПК, определения приоритетов развития, а, главное, — механизмов (организационных, экономических, финансовых, технико-технологических и др.), способных обеспечить достижение определенных программных мероприятий.

В процессе изучения программных документов были раскрыты общие недостатки. К ним мы относим следующие: отсутствие паспорта программы; нечетко сформулирована основная цель программы; недостаточная четкость в формулировках тех или иных мероприятий, перекося в сторону научного анализа исторических этапов развития сельского хозяйства (историко-генетический анализ очень важен, но он не должен занимать треть всей программы) симбиоз ретроспективного анализа, концептуальных положений и подходов, краткий анализ статистических материалов современного состояния сельскохозяйственного производства (причем без определения прогнозов и стратегических планов хотя бы на ближайшие 3–5 лет) отсутствие конкретных исполнителей того или иного мероприятия, источников финансирования и объемов финансовых средств; опора только на бюджетные ассигнования (федеральный, региональный, муниципальный), отсутствие механизма реализации программных мероприятий; отсутствие или недостаточность механизма контроля за выполнением программных мероприятий, отсутствие конкретных сроков их реализации. В процессе исследования была выработана принципиальная схема методологии и методики разработки целевой программы развития АПК Карачаево-Черкесской Республики на перспективу [1;2;5]. При разработке региональной программы развития АПК, исходя из сформулированных принципов и учета методических рекомендаций, целесообразно ее обоснование по следующим основным разделам: «Анализ и оценка состояния развития регионального АПК»; «Концептуальные основы развития АПК»; «Цели и задачи программы»; «Мероприятия программы»; «Ресурсное обеспечение программы»; «Организация, формы и методы управления программой»; «Механизм реализации программы»; «Координация выполнения программы»; «Оценка эффективности реализации программы».

При подготовке этих разделов программы предлагаются следующие методические рекомендации (см. рис. 1).

1. Анализ и оценка состояния развития регионального АПК. Анализ состояния развития регионального АПК может состоять из трех частей: 1) характеристика основных признаков, отражающих современную ситуацию в региональном АПК; 2) анализ условий и факторов, определяющих эту ситуацию; 3) основные выводы.

1.1. *Характеристика современной ситуации в региональном АПК.* В этой части раздела анализируются: динамика объемов производства продукции во всех звеньях АПК, тенденции в

Рис. 1. Алгоритм разработки региональных программ развития АПК

Примечание. Составлено автором.

изменении секторальной структуры сельскохозяйственного производства (соотношение между объемами производства основных видов продукции в сельхозпредприятиях, крестьянских, фермерских хозяйствах, личных подсобных хозяйствах населения, других секторах), состояние материально-технической базы АПК и почвенного плодородия сельхозугодий; финансовое состояние предприятий, социальные проблемы села и т. д.

1.2. *Условия и факторы, определяющие современную ситуацию в региональном АПК.* Анализируются проблемы, которые в наибольшей степени влияют на ситуацию в АПК: диспаритет цен, взаиморасчеты между предприятиями, динамика покупательной способности и структуры потребления, уровень доступности кредитных ресурсов, динамика бюджетной поддержки сельских товаропроизводителей, ситуация с реорганизацией предприятий и внутренних экономических отношений и т. д.

Доступность кредитных ресурсов и изменения в бюджетной поддержке сельских товаропроизводителей оцениваются с учетом корректив на уровень инфляции.

1.3. *Основные выводы.* Резюмируются основные результаты проведенного анализа. Формируется сценарий развития социально-экономической ситуации в АПК региона в случае, если наметившиеся тенденции сохранятся. Определяются возможные объемы производства и потребления основных продовольственных продуктов. При этом прогнозируются социальные последствия (уровень доходов, уровень безработицы на селе и т. п.), определяются меры по ликвидации проблем, негативно влияющих на ситуацию в АПК.

2. *Концептуальные основы развития АПК. Цели и задачи программы.* Этот раздел может состоять из четырех подразделений: 1) изложение позиций; 2) цели и задачи; 3) факторы; 4) концептуальные основы реализации.

2.1. *Исходные позиции.* Определяются официально принятые концепции и программы стабилизации и развития агропромышленного комплекса России и АПК региона, которые используются в дальнейшем как отправная точка при разработке этой программы. Обосновывается уровень приоритетности развития АПК относительно других комплексов и сфер экономики региона, исходя из необходимости обеспечения долгосрочной продовольственной независимости, базовой позиции АПК в производственно-структурном комплексе региона, многофункциональности сельской местности, технологической специфичности сельского хозяйства.

2.2. *Факторы, определяющие перспективы развития регионального АПК.* Оцениваются агроприродный, материально-технический и трудовой потенциалы АПК, емкость местного продовольственного рынка, возможности проникновения на продовольственные рынки других регионов, структурные изменения в связи с реформированием, возможности привлечения частного капитала и т. д.

2.3. *Цели и задачи программы.* Цели и задачи, которые необходимо реализовать в программе, формулируются на основе проведенного выше анализа, исходной позиции и факторов развития АПК, посредством определения генеральной (то есть главной) цели и ее декомпозиции, предполагающей построение «дерева целей». Выбор генеральной цели программы зависит от специфики региона. Возможны следующие варианты формулировки генеральной цели:

1. Прекращение спада производства и обеспечения выхода АПК из кризисной ситуации.
2. Обеспечение стабилизации и формирование факторов посткризисного развития АПК.
3. Обеспечение устойчивой продовольственной независимости региона при комплексном социально-экономическом развитии сельской местности.
4. Обеспечение производства конкурентоспособной продукции АПК в объемах, гарантированных агроресурсным потенциалом региона и т. п.

В количественном выражении реализация генеральной цели означает выход по производству продовольствия на рубежи, гарантированные агроресурсным потенциалом региона. Достижение этих параметров может быть существенно растянуто во времени. По некоторым продуктам определенные объемы производства могут быть достигнуты через год-два, а по другим — только в средне- или долгосрочной перспективе, но под влиянием мероприятий этой программы. Социальная состав-

ляющая генеральной цели программы в концентрированном виде и количественно может быть определена уровнем среднемесячной заработной платы в сельском хозяйстве и ее отношением к аналогичному показателю в промышленности. Перечень целей и задач программы при таком подходе будет иметь системный характер, но их реализация во времени может не совпадать. Достижение одной цели можно и нужно обеспечить быстро с минимальными финансовыми и материальными затратами, тогда как другие будут реализовываться в течение длительного периода при значительных объемах инвестиций и при условии достижения предыдущих целей. В связи с этим при разработке системы мер должны быть правильно расставлены приоритеты их ресурсного обеспечения.

2.4. *Концептуальные основы реализации программных задач.* Для эффективного развития АПК осуществляется комплексный подход, при котором конкретные мероприятия реализуются по всем целевым направлениям. Совершенствование форм собственности и хозяйствования осуществляется, исходя из целесообразности их рационального сочетания и принципов. В концептуальном плане определяются основные направления структурной перестройки в сельском хозяйстве, перерабатывающей промышленности и агросервисе, в сфере заготовки, хранения, торговли сельхозпродукцией и продуктами ее переработки. Центральное место в концепции и программе следует отвести решению проблемы восстановления, модернизации и воспроизводства производственного потенциала АПК. Особую роль в концепции развития регионального АПК должен занимать комплекс мер по обеспечению условий для эффективного функционирования сельхозпредприятий. Далее в связи с этим формулируются концептуальные положения, максимально приближенные к паритету цен, нормализации взаиморасчетов, начинается совершенствование отношений между предприятиями в АПК, их бюджетной поддержки; проводятся работы по привлечению частного капитала, совершенствованию внешнеэкономической деятельности, повышению покупательского спроса на продовольствие, осуществлению структурной перестройки на селе, решению социальных проблем села, реорганизации системы научного обеспечения регионального АПК.

3. *Мероприятия программы.* Совокупность мероприятий программы определяется в процессе построения «дерева целей» на его нижнем уровне. Комплекс мер должен обеспечивать решение задач и достижение сформулированной цели. В итоге совокупность мер дол-

жна быть достаточной для реализации генеральной цели, достижения ее количественных параметров. Несмотря на свою необходимость для реализации генеральной цели, каждое из мероприятий имеет при этом разную значимость. Наибольшее значение имеют те меры, которые обеспечивают эффект мультипликатора, то есть их реализация положительно влияет практически на все звенья АПК, способствует решению большинства сформулированных выше задач. Безусловно, такие мероприятия необходимо проводить в первоочередном порядке, направляя для этого финансовые и материальные ресурсы. Некоторые меры обеспечивают решение не одной, а нескольких задач, а другие, не требуя при этом существенных финансовых затрат, могут быть реализованы за счет организационных мероприятий. Этим группам мероприятий также следует отдать в программе приоритет. Наконец, некоторые мероприятия очень ресурсоемкие, а сроки их полного завершения могут растянуться на десятилетия. В условиях острого дефицита финансовых, в том числе инвестиционных ресурсов, для этой группы мер определен второй уровень приоритетности. Для каждого мероприятия программы описывается алгоритм его реализации: порядок и срок осуществления, необходимые финансовые ресурсы, схема согласования с другими мерами.

4. Ресурсное обеспечение программы. В этом разделе рассматриваются потребность в финансовых ресурсах для реализации мероприятий программы, источники финансирования, возможные уровни финансового обеспечения, потребность в основных материально-технических и трудовых ресурсах.

Потребность в финансовых ресурсах. Общая потребность в финансовых ресурсах состоит из тех расходов, которые необходимы для реализации мероприятий программы. Расчет затрат производится по мероприятиям программы и годам их реализации. Дается краткий анализ ресурсоемкости мероприятий, позволяющих осуществить одну цель из первого уровня. Следующий этап анализа — оценка возможного эффекта от реализации данных предприятий.

5. Источники финансирования. Для финансирования программы необходимо привлекать все возможные источники: государственный, региональный, районные и городские бюджеты; долгосрочные кредиты; средства предприятий АПК, внебюджетных фондов, ассоциаций крестьянских (фермерских) хозяйств, машиностроительных предприятий — поставщиков сельскохозяйственной техники, предпринимателей и т. д.

Производится расчет распределения финансовых ресурсов, необходимых для финансирования по источникам и годам реализации программы.

5.1. Вероятные уровни финансового обеспечения. Бюджетные источники (государственный и региональный) имеют существенный удельный вес в общем объеме финансирования программы. Кроме того, от их предоставления зависит запуск других источников финансирования программы. Вместе с тем, бюджетные ассигнования в АПК постоянно в дефиците. По этой причине возникает необходимость расчета бюджетных источников финансовых ресурсов по трем вариантам прогноза (оптимистичным, пессимистичным и промежуточным). По первому варианту (оптимистичному) предусматривается выделение бюджетных средств в полном объеме, который необходим для реализации всех намеченных в программе мероприятий. Дефицит бюджетных средств в данном случае отсутствует. Второй вариант (пессимистичный) рассчитывается для наихудшего сценария формирования государственного и регионального бюджетов. Выделение бюджетных средств для нужд АПК фиксируется в нем на уровне факта и определяется дефицит в финансировании программ. Третий вариант рассчитывается по принципу компромисса между первым и вторым вариантами. Далее определяются мероприятия, выполняемые в приоритетном порядке по второму и третьему вариантам, а также меры, от реализации которых необходимо отказаться. При этом вносятся соответствующие коррективы в целевые показатели программы.

6. Организация, формы и методы управления программой. Обычно для управления целевым комплексным программам создаются специальные органы управления. В условиях дефицита финансов и кризиса АПК вряд ли целесообразно это делать. К тому же существующие органы управления в своей основе призваны заниматься решением этих проблем. Если специальный орган управления будет создан программой, невольно произойдет дублирование функций. Поэтому в рамках реализации этой программы можно предложить перейти к схеме программно-целевого управления АПК. В связи с этим орган управления региональным АПК становится органом управления программой. Внутренняя структура органа управления региональным АПК дополняется в соответствии со структурой программы необходимыми отделами и секторами, функционально ориентированными на выполнение программных мероприятий, а также службами обеспечения реализации.

7. *Механизм реализации программы.* Механизм реализации программы состоит из следующих подсистем: организационной, экономической и правовой.

Организационный механизм реализации программы целесообразно строить по вертикали, объединяя сверху вниз договорными отношениями орган управления программой, который является заказчиком (генподрядчиком), исполнителей работ — подрядчиков и исполнителей отдельных этапов работ — субподрядчиков. Неотъемлемым элементом организационного механизма реализации программы должен быть социально-экономический мониторинг процессов, происходящих в АПК, это обеспечивает обратную связь с объектами и субъектами АПК. С помощью мониторинга выявляется реакция последних на последствия тех или иных мероприятий, предусмотренных в программе. На основе информации, поступающей в рамках мониторинга, проводится дифференцированный анализ экономической и социальной ситуации на селе, отношения сельского населения, руководителей, специалистов и работников в узловых вопросах проводимых преобразований. На основе результатов анализа в программу своевременно вносятся необходимые коррективы, это дает возможность исключить затраты, которые неизбежно сопровождают любое реформирование.

Систему мониторинга целесообразно организовать на базе службы информации, анализа и контроля органа управления программой.

Экономический механизм предусматривает предоставление органу управления программой финансовых ресурсов, определенных для ее выполнения, и всех прав распоряжения ими. В основу механизма реализации программы следует положить конкурсную договорную систему, действующую по принципу подряда. Для привлечения к конкурсу как можно большего количества претендентов выполнения того или иного вида работ предлагаются льготы, предусмотренные законодательством.

Основой правового механизма является определение статей законов РФ и региональных нормативных актов, которые осуществляют юридическое закрепление основных положений соответствующей программы развития регионального АПК.

8. *Координация выполнения программы.* Координация выполнения программы заключается в обеспечении согласованных действий всех уровней управления и исполнителей (предприятий и организаций), участвующих в реализации.

Система координации может включать 3 уровня иерархии. На высшем уровне осуществляется коллегиальность в принятии узловых

вопросов по реализации программы и согласованности действий всех ее исполнителей. Координационную комиссию возглавляет руководитель программы. На среднем уровне осуществляется координация и контроль за деятельностью исполнителей и соисполнителей мероприятий и работ в рамках той или иной программы 1-го уровня. Функции координации и контроля возлагаются непосредственно на руководителей подпрограмм (главных координаторов), которые для обеспечения коллегиальности в решении наиболее важных вопросов создают рабочие группы, состав которых утверждается руководителем программы. На нижнем уровне осуществляется координация и контроль за деятельностью подрядчиков и субподрядчиков относительно задач и работ в рамках соответствующих подпрограмм второго уровня. Функции координации и контроля возлагаются на руководителей этих подпрограмм. Организация их работ по координации осуществляется по аналогии со средним уровнем. Координация работ в значительной степени может быть построена на оперативном (предостерегающем) контроле.

9. *Оценка эффективности реализации программы.* В этом разделе определяется сценарий развития событий в региональном АПК в результате реализации отдельных мероприятий, их совокупности и программы в целом. Особое внимание уделяется тем мероприятиям, которые отличаются мультипликативным эффектом. Результативность таких мероприятий является ощутимой по всей цепи их действия. Делаются оценки эффективности программы по этапам ее реализации. Для регионов, характеризующихся кризисной ситуацией в АПК, выделяются этапы: а) стабилизации; б) послекризисного развития; в) достижения программного уровня развития.

Количественно определяется эффект от реализации мероприятий, имеющих прямое действие на генеральную цель программы и расчет экономической эффективности которых не вызывает затруднений. Экономический эффект от отдельных мероприятий суммируется по подпрограммам и в программе в целом. Затем он сопоставляется со сметой финансовых ресурсов, необходимых для их реализации. В зависимости от конкретной ситуации возможно изменение внутренней структуры программы. Например, разделы 6, 7 и 8, отражающие, соответственно, следующие вопросы: «Организация, формы и методы управления программой», «Механизм реализации программы» и «Координация выполнения программы», могут быть объединены. Объединенный раздел может быть назван «Механизм реализации программы». Это

вполне допустимо, поскольку организация, управление и координация программы являются элементами механизма реализации. «Концептуальные основы развития АПК» и «Цели и задачи программы», представленные в Методических рекомендациях в одном разделе, можно отразить в региональных программах как два самостоятельных раздела.

Сформулированные выше принципы разработки программы в совокупности с предложенными внутренней структурой и методическими рекомендациями составляют ту необходимую базу, которая, на взгляд автора, будет способствовать научно обоснованному составлению программно-целевого документа, необходимого для решения в региональных АПК сложных проблем переходного периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанка, А. Г. Государственное регулирование и повышение конкурентоспособности аграрного сектора / А. Г. Бабанка // Экономика АПК. — 2008. — № 5. — С. 85—88.
2. Белебева, И. А. Управление развитием сельских территорий на региональном уровне / И. А. Белебева // Экономика АПК. — 2006. — № 11. — С. 118—122.
3. Карачаево-Черкесская Республика в 2008—2013 гг. Статистический сборник. — Черкесск : Карачаево-Черкесскстат, 2013. — 428 с.
4. Митрофанова, И. В. АПК Южного макрорегиона: статистика кризиса / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2010. — № 24. — С. 26—38.
5. Митрофанова, И. В. Программно-целевой подход к управлению территорией: анализ современного отечественного опыта / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2006. — № 6. — С. 32—38.
6. Состояние сельского хозяйства Карачаево-Черкесской Республики в 2009—2013 гг. Аналитическая записка. — Черкесск : Карачаево-Черкесскстат, 2013. — 232 с.

1. Бабанка, А. Г. Государственное регулирование и повышение конкурентоспособности аграрно-

УДК 502.175:502.3 (470.45)
ББК 20.1(2p-4Bor)

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМ И СРЕДСТВ КОНТРОЛЯ ЗА СОСТОЯНИЕМ ВОЗДУШНОГО БАСЕЙНА ¹

В.В. Залепухин, М.А. Мытарев

В статье раскрываются требования к современным автоматическим системам наблюдений. Приведены данные исследований атмосферного воздуха в Волгоградской области в зоне действия автоматизированных систем наблюдения, что, по мнению авторов, должно стать одним из приоритетных направлений природоохранной деятельности на территории промышленных городов и населенных пунктов.

Ключевые слова: воздушный бассейн, регион, автоматизированные системы наблюдения, дистанционное зондирование, Волгоградская область.

EVOLUTION OF THE SYSTEMS AND THE MEANS OF THE CONTROL UNDER THE CONDITION OF THE AIR BASIN

V.V. Zalepukhin, M.A. Mytarev

The article reveals the requirements to contemporary observation systems. The data of the research of the atmospheric air in the Volgograd region in the area of the automatic observation systems is given. According to the authors' opinion this should become one of the priority directions of the natural preserving activity on the territory of industrial cities and municipalities.

Key words: air basin, region, automatic observation systems, distant sounding, Volgograd region.

Практический переход к дистанционному зондированию и автоматическим системам наблюдения.

По вполне обоснованному мнению А.З. Разяпова [8], действующие в настоящее время в городах России системы мониторинга не соответствуют современному уровню аппаратного, методического и информационно-аналитического обеспечения на урбанизированных территориях и требуют пересмотра принципов их построения и схем функционирования. Системы мониторинга метеорологических условий и атмосферных загрязнений должны быть ориентированы на получение достоверной и оперативной информации об опасных уровнях поллютантов в воздушной среде по всей территории городов. Остро нуждается в модернизации и дальнейшем совершенствовании инструментальная база контроля, которая все шире должна использовать экспресс-методы и мобильные средства, включая аппаратуру и оборудование автоматизированных средств наблюдения.

Обязательный аналитический контроль должен быть распространен на гораздо большее число загрязняющих веществ, поступающих от промышленных предприятий и автотранспорта. Поэтому необходима дальнейшая разработка высокочувствительных датчиков как универсальных (для определения многих веществ и соединений), так и селективных (по отношению к какому-то одному поллютанту). При анализе промышленных выбросов первоочередной задачей является внедрение средств оперативного контроля непосредственно на источник эмиссии — то есть на дымовых трубах, оборудованных системами очистки или не имеющих таковых. Данные о выбросах должны поступать в информационно-аналитические центры городского мониторинга наряду с данными от наземной сети постов наблюдения. В случае возникновения чрезвычайных ситуаций должны незамедлительно срабатывать системы оповещения как на предприятиях, так и в населенных пунктах. Именно такие схемы функционирования, специализированные приборы и оборудование широко используются в большинстве европейских стран, США и Японии.

В монографии А.В. Примака и А.Н. Щербаня [7] рассмотрены наиболее важные требования, которым должны удовлетворять промышленные средства автоматического контроля атмосферы:

1. Высокая чувствительность, соответствующая ПДК определяемого вещества.

2. Высокая специфичность используемых датчиков, которые позволяют выделить определяемое вещество на фоне других, зачастую близких по свойствам и химическому строению.

3. Надежность и стабильность показаний, не меняющихся в течение длительного времени в зависимости от состава воздушной смеси, температуры, давления, влажности и др.

4. Возможность определения анализируемого вещества в широком диапазоне значений, начиная от ПДК и кончая максимально вероятными концентрациями в различных аварийных ситуациях.

5. Достаточно высокая точность информации об определяемом ингредиенте и продолжительности пребывания его в воздухе.

6. Простота и удобство в эксплуатации, отсутствие необходимости в постоянном наблюдении со стороны обслуживающего персонала.

7. Непрерывность анализа и возможность получения информации из любой необходимой точки пространства в форме, приемлемой для восприятия системой автоматического контроля.

8. Удобство и простота централизованного обслуживания, небольшие капитальные затраты.

По нашему мнению, сюда следует добавить и высокую скорость передачи информации в центральную контрольную систему, возможность подключения автоматической системы оповещения об чрезвычайных ситуациях.

Дистанционные методы, в отличие от контактных инструментальных и ручных, применяются тогда, когда необходимо быстрое получение достоверных количественных характеристик сложной пространственно-временной структуры полей загрязняющих веществ, находящихся в газообразной или аэрозольной форме. Активные методы дистанционного зондирования делятся на 3 типа: 1) абсорбционные, 2) комбинационное рассеивание, 3) резонансная флуоресценция. Они обладают весьма высокой чувствительностью — пределы обнаружения конкретных загрязнителей колеблются от 10^{-4} до 10^{-8} %.

Принципиально новую тенденцию в получении репрезентативных данных открыли дистанционные спектрометрические методы, связанные с наблюдением атмосферы Земли с искусственных спутников, самолетов, пилотируемых космических кораблей, выполняющих измерения параметров приземного слоя на площадях в сотни квадратных км [3].

В последние годы в круг фундаментальных исследований экологических проблем территории России широко вовлечены аэрокосмические методы контроля за состоянием природных и природно-антропогенных экосистем. Появление глобальной компьютерной сети Интернет и разработка передовых информационных технологий открыли новый этап развития космического экологического мониторинга. Особенностью нового этапа является ши-

рокое использование телекоммуникационной инфраструктуры, а также гипертекстовых и интерактивных информационных технологий, которые чрезвычайно перспективны в дистанционном мониторинге состояния окружающей среды. Актуальной является также проблема интегрирования национальных информационных ресурсов по окружающей среде, создание региональных баз данных и расширение электронных коллекций по результатам космического экологического мониторинга.

Развитие технологий наблюдения из космоса, создание инфраструктуры спутникового экологического мониторинга регионов России наряду с разработкой экологической системы контроля в реальном масштабе времени призваны сыграть ключевую роль в обеспечении безопасности окружающей среды и устойчивого развития экономики России.

В связи с этим создаются Центры космического мониторинга (ЦКМ), которые осуществляют оперативный контроль состояния окружающей среды и природных ресурсов (например, Институт солнечно-земной физики РАН в г. Иркутске), создают многоуровневые информационные системы пространственно-временного мониторинга состояния окружающей среды, включающие технические и программные средства сбора, обработки, анализа и хранения спутниковой информации.

Наиболее информативным методом для решения задач дистанционного исследования поверхности Земли из космоса является использование и тематический анализ изображений, полученных приборными комплексами различных частотных диапазонов, установленных на космических аппаратах. Целый ряд спутников, оснащенных приборами дистанционного зондирования (радиолокаторами, скаттерометрами, радиометрами и оптической техникой), выведены на орбиту специально для получения разносторонней геофизической информации, необходимой для оценки состояния окружающей среды и для природоресурсных исследований.

Дистанционные методы зондирования атмосферы делят на активные и пассивные. При использовании активных методов спутник посылает на Землю сигнал собственного источника энергии (лазера, радиолокационного передатчика) и регистрирует его отражение. Радиолокация позволяет «видеть» Землю сквозь облака. Чаще используются пассивные методы, когда регистрируется или отраженная поверхностью энергия Солнца, или тепловое излучение Земли.

Для космического экологического мониторинга целесообразно ориентироваться прежде всего на полярно-орбитальные метеорологичес-

кие спутники как на отечественные аппараты (спутники типа «МЕТЕОР», «ОКЕАН» и «РЕСУРС»), так и на американские спутники серии NOAA.

Космическая гидрометеорологическая система «Метеор», принадлежащая Роскомгидромету, обеспечивает глобальный экологический мониторинг территории России. Параметры орбиты спутника «Метеор» — это приполярная круговая орбита высотой около 1200 км. Комплекс научной аппаратуры позволяет оперативно 2 раза в сутки получать изображения облачности и подстилающей поверхности в видимом и инфракрасном диапазонах, данные о температуре и влажности воздуха, температуре морской поверхности и облаков. Осуществляются также мониторинг озоносферы и геофизический мониторинг.

Российская космическая система «ОКЕАН» обеспечивает получение радиолокационных, микроволновых и оптических изображений земной поверхности в интересах морского судоходства, рыболовства и освоения шельфовых зон Мирового океана. Одной из основных задач спутника является освещение ледовой обстановки в Арктике и Антарктике, обеспечение проводки судов в сложных ледовых условиях.

Спутниковые данные дистанционного зондирования позволяют решать следующие задачи контроля состояния окружающей среды:

1) определение метеорологических характеристик: вертикальные профили температуры, интегральные характеристики влажности, характер облачности и т. д.;

2) контроль динамики атмосферных фронтов, ураганов, получение карт крупных стихийных бедствий;

3) определение температуры подстилающей поверхности, оперативный контроль и классификация загрязнений почвы и водной поверхности;

4) выявление крупных (временных или постоянных) выбросов промышленных предприятий;

5) контроль техногенного влияния на состояние лесопарковых зон;

6) выявление крупных пожаров и пожароопасных зон в лесах;

7) выявление тепловых аномалий и тепловых выбросов крупных производств и ТЭЦ в мегаполисах;

8) регистрация дымных шлейфов от труб промышленных предприятий;

9) мониторинг и прогноз сезонных паводков и разливов рек;

10) обнаружение и оценка масштабов зон крупных наводнений;

11) контроль динамики снежного покрова и его загрязнения в зонах влияния промышленных предприятий;

12) компьютерные методы обработки спутниковых данных;

13) анализ потерь при добыче и транспортировке полезных ископаемых;

14) выявление изменений растительного покрова под влиянием кислотных дождей [3].

Уже в 1980-х гг. в мире появились методы, позволяющие из ближнего космоса получать информацию о температурах поверхности океана, количестве и высоте облаков, влажности верхней тропосферы, скорости ветра и др. В этих целях используют разнообразные радиометры, СВЧ-сканеры, радиовысотометры. Лазеры и лазерные локаторы (лидары) могут быть использованы для измерений газового и аэрозольного состава атмосферы, характеристик облаков и туманов, скорости и направления ветра. Эксимерные лазеры могут быть применены для анализа малых газовых составляющих атмосферы, являющихся одновременно и загрязняющими ее веществами: NH_3 , различных окислов азота, соединений хлора, SO_2 . Лидары на органических красителях применимы для измерения концентраций озона. Необходимо отметить, что разработчики лидарных технологий все чаще фокусируют свое внимание на разработке измерительных систем со значительными сокращениями размеров и массы, потребляемой энергии и степени вовлеченности оператора [1].

Однако космическая техника требует высокой надежности функционирования аппаратуры, совершенной автоматизации сбора и обработки данных, оптимизации устройств передачи и приема информации с аэрокосмических средств наблюдения.

По мнению А.З. Разяпова, развитие большинства хорошо зарекомендовавших себя методов анализа идет по пути улучшения аппаратного оснащения в сочетании с использованием компьютерных технологий и разработкой более совершенного программного обеспечения [8]. Самому пристальному вниманию заслуживают научные исследования и разработки, направленные на создание принципиально новых аналитических методов, обеспечивающих достижение более высокой чувствительности, селективности и иных важных характеристик количественных измерений. Для систем экологического мониторинга наиболее перспективной является разработка малогабаритной аппаратуры, средств и систем дистанционного зондирования. При разработке переносных приборов экспресс-анализа наиболее важна миниатюризация сенсоров-датчиков для обнаружения и определе-

ния концентраций загрязняющих веществ по геосферам и объектам окружающей среды в режиме реального времени

Следует отметить, что даже в первом десятилетии XXI в. научные исследования и диссертации по результатам анализа атмосферного воздуха, проведенного с использованием автоматических средств контроля, встречаются редко. Основные принципы создания автоматизированных систем наблюдения (далее — АСН) были сформулированы еще в конце 1970-х гг., но немногочисленные научные исследования российских ученых посвящены, как правило, техническим, а не экологическим аспектам проблемы создания АСН.

В доступной нам литературе мы не встретили полноценного анализа экономической эффективности автоматизированных средств контроля по сравнению с действующими практическими схемами мониторинга атмосферного воздуха. Поэтому мы вынуждены ориентироваться на имеющиеся проработки 1970-х гг., в которых показаны плюсы и минусы и тех, и других систем [2]. Конечно, переход на автоматизированные системы наблюдения не может быть дешевым, но представляет качественно иной уровень получения оперативной и достоверной информации по метеоусловиям и распределению загрязняющих веществ. В сущности, процесс получения таких результатов и оповещение государственных структур и населения аналогичен системе предупреждения об аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, техногенных катастрофах, реализуемой Министерством по чрезвычайным ситуациям РФ. Поэтому совершенно справедливо утверждение о том, что при оценке экономической эффективности автоматизированных систем следует учитывать не только показатели окупаемости и рентабельности новой техники, но и величину предотвращенного ущерба, который достигается за счет своевременного предупреждения о возникающих опасных ситуациях.

Преимущества автоматизированных систем состоят, прежде всего, в экономии живого труда, в точности и объективности измерений, в скорости получения результата.

Замена человеческого труда при измерении состояния и качества атмосферного воздуха автоматическими приборами и системами приносит большую экономию на эксплуатационных расходах, так как при ручных замерах и лабораторном анализе привлекается много людей, стационарной и передвижной техники. Эти измерения носят субъективный характер, что связано с неточностью измерений и фиксации тех или иных параметров. Ручное измерение не может быть оперативным, поскольку от мо-

мента отбора проб до их обработки и принятия решений проходит немало времени, вследствие чего приходится только констатировать факт выявления неблагоприятной ситуации. Предварительные расчеты показывают, что уже при проведении 3–4 анализов в сутки становится экономически целесообразным использование автоматизированных систем для контроля за текущим состоянием и загрязнением окружающей среды [2].

Процесс подготовки постов, метрологических проверок, передачи информации и повседневной эксплуатации автоматизированных систем наблюдения требует достаточно высокой квалификации обслуживающего персонала. Получаемая информация далеко не всегда востребована, так как вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с загрязнением воздушной среды в населенных пунктах и промышленных центрах, сравнительно невелика. Так, например, в Волгоградской области техногенные катастрофы, сопровождающиеся гибелью или утратой здоровья людей, возникают нечасто. Например, в 2011 г. получено всего 14 прогнозов о периодах неблагоприятных метеорологических условий, более 1/2 которых приходилась на летние месяцы.

Итак, в настоящее время общей тенденцией исследований и их практической реализации становится переход от ручных методов к использованию дистанционных средств и методов анализа воздушного бассейна.

Развитие и совершенствование систем контроля (приборов, оборудования, средств передачи информации) за состоянием атмосферного воздуха идет по всем направлениям:

- 1) происходит постепенный переход от ручного к автоматическому отбору проб;
- 2) меняются масштабы и способы наблюдения — от простых наземных станций к аэрокосмическим средствам наблюдения;
- 3) совершенствуются датчики для определения концентраций конкретных загрязняющих веществ: они становятся более селективными, чувствительными и миниатюрными;
- 4) с развитием электроники значительно улучшаются средства передачи, накопления и обработки информации; совершенствуется программное обеспечение баз данных, систем контроля и оповещения.

В Волгоградской области для наблюдения за состоянием атмосферного воздуха с 2009 г. функционируют автоматизированные системы измерения, использующие электрохимический, хемилюминесцентный и оптический методы. Используемое оборудование произведено либо доработано российским при-

боростроительным предприятием ЗАО «ОП-ТЭК» (г. Санкт-Петербург).

Все анализаторы загрязняющих веществ установлены в специализированные экологические павильоны (в Волгограде — 4 ед., в Волжском — 4 ед.). Это газоанализаторы озона (мод. 3.02П-А), оксида углерода (мод. К-100), диоксида серы и сероводорода (мод. С-310А, мод. СВ-320А), оксида и диоксида азота (мод. Р-310А), аммиака (Н-320), взвешенных веществ (ОМПН-10.0). Все средства измерения ежегодно проходят метрологическую поверку и внесены в Государственный реестр средств измерений РФ. Результаты измерений передаются на единый сервер, установленный в областном комитете по охране окружающей среды, и систематически публикуются в областных докладах о состоянии окружающей среды в Волгоградской области [6].

Характеристики загрязнения атмосферы в зоне действия автоматизированных постов наблюдения Волгограда в 2011 г. представлены в таблице 1.

Совершенно очевидно, что территориальная система наблюдения за состоянием атмосферного воздуха должна представлять собой единый информационно-измерительный комплекс, обеспечивающий своевременное и достоверное получение данных посредством сбора и интегрированной обработки разнородной информации об уровнях содержания загрязняющих веществ на контролируемой территории.

По нашему мнению, трансформация системы автоматизированных систем наблюдения в Волгоградской области и г. Волгограде должна коснуться следующих вопросов:

1. Расширения сети автоматических станций и обеспечения большей репрезентативности получаемых данных.
2. Роста числа параметров атмосферного воздуха, измеряемых в АСН.
3. Создания единого комплекса-сервера, работающего со всеми автоматическими станциями и любыми средствами программного обеспечения.

Таблица 1

Среднегодовые концентрации загрязняющих веществ $Q_{\text{ср}}$ в атмосферном воздухе в зоне действия автоматизированных стационарных постов наблюдения в 2011 году, мг/м³

Определяемые вещества	ПДКсс	Расположение поста	$Q_{\text{ср.}}$, мг/м ³	$Q_{\text{ср.}} / \text{ПДКсс}$
Взвешенные в-ва	0,15	Ворошиловский р-н	0,080	0,5
		Дзержинский р-н	0,020	0,1
		Советский р-н	0,020	0,1
		Тракторозаводский р-н	0,020	0,1
Диоксид серы	0,05	Ворошиловский р-н	0,005	0,1
		Дзержинский р-н	0,010	0,2
		Советский р-н	0,014	0,3
		Тракторозаводский р-н	0,002	<0,1
Оксид углерода	3,00	Ворошиловский р-н	0,400	0,1
		Дзержинский р-н	0,300	0,1
		Советский р-н	0,400	0,1
		Тракторозаводский р-н	0,500	0,2
Диоксид азота	0,04	Ворошиловский р-н	0,040	1,0
		Дзержинский р-н	0,020	0,4
		Советский р-н	0,020	0,4
		Тракторозаводский р-н	0,030	0,8
Оксид азота	0,06	Ворошиловский р-н	0,020	0,3
		Дзержинский р-н	0,010	0,1
		Советский р-н	0,010	0,1
		Тракторозаводский р-н	0,010	0,2
Сероводород	—	Тракторозаводский р-н	0,001	—
		Ворошиловский р-н	0,001	—
Озон	0,03	Ворошиловский р-н	0,054	1,8
		Дзержинский р-н	0,050	1,7
		Советский р-н	0,069	2,3
		Тракторозаводский р-н	0,015	0,5

Примечание. Источник: [5].

4. Организации систем оповещения не только государственных структур, но также населения и промышленных предприятий о состоянии атмосферного воздуха и возникающих аварийных и чрезвычайных ситуациях.

В заключение следует отметить, что развитие единой системы наблюдения с внедрением автоматизированных средств измерения должно оставаться одним из приоритетных направлений природоохранной деятельности на территории промышленных городов и населенных пунктов. Непрерывное поступление информации о качестве воздуха позволяет принимать соответствующие природоохранные меры и управленческие решения, направленные на сокращение уровня загрязнения воздушного бассейна.

Примечание

¹ Начало статьи см. в № 2 (2) за 2013 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агишев, Р. Р. Лидарный мониторинг атмосферы / Р. Р. Агишев. — М. : ФИЗМАТЛИТ, 2009. — 316 с.
2. Балацкий, О. Ф. Экономическая эффективность автоматизированной системы контроля загрязнения атмосферы при проектировании и строительстве предприятий / О. Ф. Балацкий, Б. Я. Иванов, А. А. Логвинов // Проблемы контроля и защиты атмосферы от загрязнения. — Киев : Наукова думка, 1976. — Вып. 2. — С. 76–80.
3. Голицын, А. Н. Промышленная экология и мониторинг загрязнения природной среды / А. Н. Голицын. — М. : ОНИКС, 2010. — 336 с.
4. Государственный доклад о состоянии окружающей среды Волгоградской области в 2011 году. — Волгоград : СМОТРИ, 2012. — 352 с.
5. Мещеряков, Б. Н. Разработка комплекса авиационно-технических средств мониторинга природных и природно-антропогенных объектов : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Мещеряков Борис Николаевич. — М., 2004. — 24 с.
6. Мытарев, М. А. Автоматизированные средства наблюдения за состоянием атмосферного воздуха на территории Волгограда и Волжского / М. А. Мытарев // Материалы научной сессии ВолГУ. Естественные науки. — Вып. 1. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. — С. 147–151.
7. Примаков, А. В. Методы и средства контроля загрязнения атмосферы / А. В. Примаков, А. Н. Щербань. — Киев : Наукова думка, 1980. — 295 с.
8. Разяпов, А. З. Современные методы и средства контроля загрязнений природной среды / А. З. Разяпов // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов : обзорн. информ. ВИНТИ. — 2011. — № 7 — С. 3–104.

ФИНАНСОВЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

УДК 336.143.21
ББК 65.261.3

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ ЮГА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАГНАЦИИ

К.А. Туманянц

Главными ограничениями для региональных бюджетов в 2014 г. выступают следующие: снижение трансфертов из федеральной казны, рост социальных обязательств и значительный размер долга. Для сохранения финансовой устойчивости субъекты Федерации готовы пожертвовать программами поддержки бизнеса. Только Ростовская область имеет возможность расширить бюджетное стимулирование экономики, что увеличивает ее шансы стать центром инвестиционной активности Юга России.

Ключевые слова: *доходы, расходы, дефицит и долг бюджета, межбюджетный и социальный трансферт, Юг России, бюджетное стимулирование экономики, инвестиции.*

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF THE BUDGETARY POLICY OF THE REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF THE ECONOMIC STAGNATION

K.A. Tumanyants

The main limits for regional budgets in 2014 are federal transfers decrease, social payments expansion and a large debt. Russian regions are ready to sacrifice their business support programs to keep financial stability. Only Rostov region

has an opportunity to extend budget's stimulus for the economy. So the chances of Rostov region to become the center of investment activity in the South of Russia are good.

Key words: *revenue, expenditure, deficit and debt of a budget, interbudget and social transfer, South of Russia, budgetary stimulation of the economy, investments.*

Существенное торможение экономической активности в 2013 г. усилило опасения перерастания стагнации в кризис в течение 2014 г. Мы попытались определить, какую модель финансовой политики в этот сложный период выбирают региональные власти на Юге России, какие основные ограничения и возможности возникают при реализации бюджетной политики в ближайшее время. Эмпирической базой исследования стали региональные законы о бюджете на 2014 г. В круг рассматриваемых регионов не попала Чеченская Республика, так как не удалось обнаружить в свободном доступе ее бюджет на текущий год. Хотя в соответствии с Бюджетным кодексом бюджет принимается на три года, временной горизонт исследования ограничен 2014 г. Степень неопределенности дальнейшего сценария развития событий весьма высока. Поэтому точность бюджетных прогнозов на 2015–2016 гг., а значит и наших выводов, заведомо будет низкой. Плановые значения бюджетных показателей на 2014 г. сравнивались с данными за 2013 г. Поскольку итоги года еще полностью не подведены, мы ориентировались на показатели действующей версии закона о бюджете соответствующего региона на 2013 г., либо на ожидаемые специалистами финансовых ведомств субъектов РФ показатели исполнения доходов и расходов казны, если они были представлены в материалах, приложенных к тексту законопроекта о бюджете на 2014 г. В качестве более надежной базы для сравнения нами были привлечены данные о фактическом исполнении бюджетов за 2012 год.

1. Анализ бюджетных поступлений. В целом южнороссийские регионы не ожидают из-

менений объема получаемых ими бюджетных доходов в 2014 г. относительно 2013 г. (рис. 1). Однако, диапазон прогнозов весьма широк: от 13–15 % сокращения в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии до 11–20 % прироста в Астраханской и Ростовской областях. Нам не удалось обнаружить взаимосвязь между проектировками на 2014 г. и ожидаемыми результатами мобилизации в бюджет доходов по итогам 2013 г. Картина по прошлому году также довольно пестрая, но в среднем более пессимистичная. Размер полученных в 2013 г. бюджетных доходов предположительно будет на 4 % ниже уровня 2012 года. При этом рост цен положительно сказывается на поступлениях в бюджет благодаря номинальному увеличению налогооблагаемой базы по многим налогам, прежде всего ключевым для регионов (налог на прибыль и налог на доходы физических лиц). Ожидания сокращения бюджетных доходов или даже их неизменности на фоне 6%-й инфляции означает либо опасение существенного спада экономической активности, либо прогнозирование снижения собираемости обязательных платежей из-за увеличения удельного веса теневой экономики. Наиболее негативно результаты 2013 г. оценивают Карачаево-Черкесия (-16 %), Краснодарский край (-13 %) и Республика Калмыкия (-10 %). Серьезные надежды на него возлагают Ингушетия (+19 %), Кабардино-Балкария и Волгоградская область (+11 %).

Отсутствие преемственности в показателях 2014 г. отчасти объясняется влиянием внешнего для каждого субъекта Федерации фактора — объема перечислений из федерального бюджета. Отрицательный вектор динамики

трансфертов из Центра довольно однороден по регионам и в 2014 г. изменения его направления не ожидается (см. рис. 2). Это связано с завершением Олимпийского проекта, ухудшением состояния федеральных финансов и переносом акцента региональной политики России на развитие Дальнего Востока. С этой точки зрения, например, неудивительно, что при ожидаемом росте собственных налоговых и неналоговых поступлений в бюджет Краснодарского края по результатам 2013 г. на 13 % и еще на 9 % в 2014 г. (см. рис. 3), прогнозируется сокращение общего размера доходов краевого бюджета на 13 % и 3 % соответственно.

Ожидаемое падение трансфертов из Федерального бюджета для этого региона составляет порядка 60 % ежегодно. Преобладание в группе пессимистов республик также неслучайно. Так как роль федеральной помощи в их бюджетах традиционно высока, то и сокращение финансирования из государственного бюджета на национальных республиках скажется наиболее болезненно. Только три региона ожидают получить в 2014 г. из бюджета страны помощь, в объеме превышающем уровень 2013 г. Среди них Ростовская и Волгоградская области, рассчитывающие на начало реализации программы подготовки к чемпионату мира по футболу 2018 г. Причины позитивных ожиданий астраханских властей пока не ясны, но именно благодаря им в бюджете Астраханской области запланирован в 2014 г. рекордный для Юга России темп роста доходов.

В целом нужно отметить, что региональные власти позитивнее настроены по отношению к собственным доходам бюджетов, чем к помощи из столицы. Хотя в 2014 г. ожидается

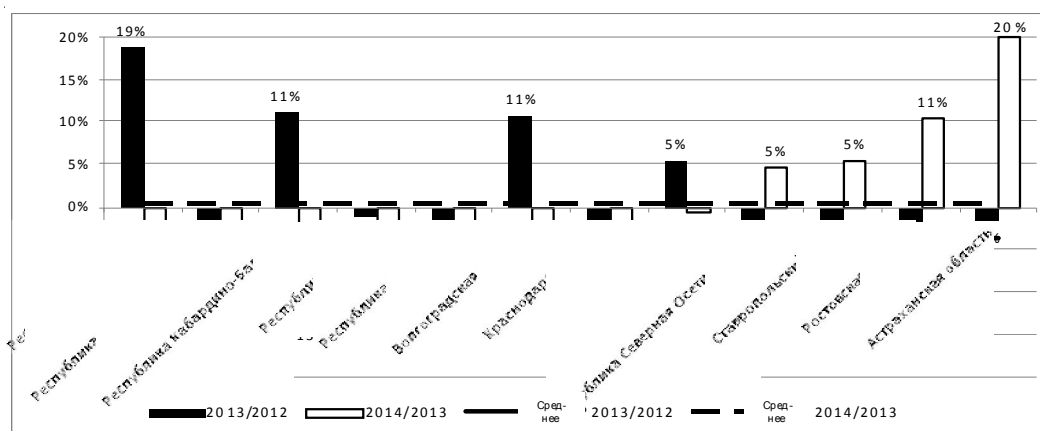

Рис. 1. Изменение доходов бюджетов субъектов РФ в 2012–2014 г., в % к предыдущему периоду
Примечание. Составлено по: [1–25].

двухкратное замедление темпов прироста налоговых и неналоговых поступлений до 8 %, их динамика остается положительной и превышающей уровень инфляции. Большинство регионов ожидают роста поступлений по налогу на доходы физических лиц и акцизам, тогда как суммы уплачиваемого налога на прибыль сократятся или останутся прежними.

Таким образом, наблюдавшееся противоречие между федеральным «пессимизмом» и «оптимизмом» на местах разрешается. В регионах не строят иллюзий относительно экономического роста, но рассчитывают на то, что сокращение физического объема потребления подакцизных товаров (ГСМ, алкоголь, пиво, табак) будет перекрыто запланированным увели-

чением ставок акцизов, а доходы населения продолжат свой рост, в том числе благодаря повышению заработных плат в бюджетном секторе. Более того, в Астраханской области, Адыгее, Калмыкии, Дагестане, Ингушетии и Ставропольском крае рассчитывают, что темпы роста сборов в 2014 г. даже превысят показатель 2013 г. Однако планировать расходы на 2014 г., исходя из увеличения объема налоговых и неналоговых поступлений, представляется весьма рискованным.

2. Выявление расходных приоритетов регионов. Большинство регионов на Юге России придерживается той же точки зрения. Если по итогам 2013 г. бюджетные расходы повсеместно еще растут, то в 2014 г. тратить больше, чем

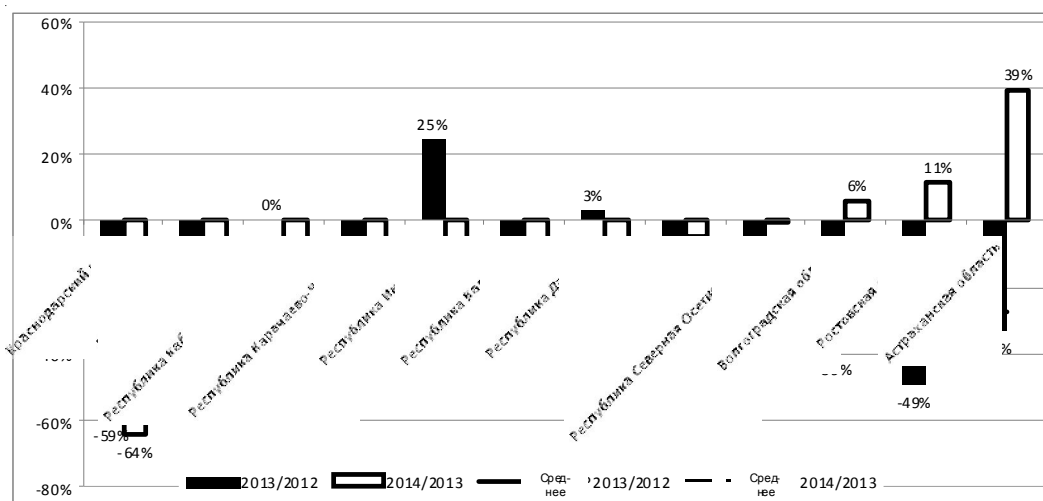

Рис. 2 Изменение размера трансфертов из федерального бюджета РФ в 2012 – 2014 г., в % к предыдущему периоду

Примечание. Составлено по: [1 – 25].

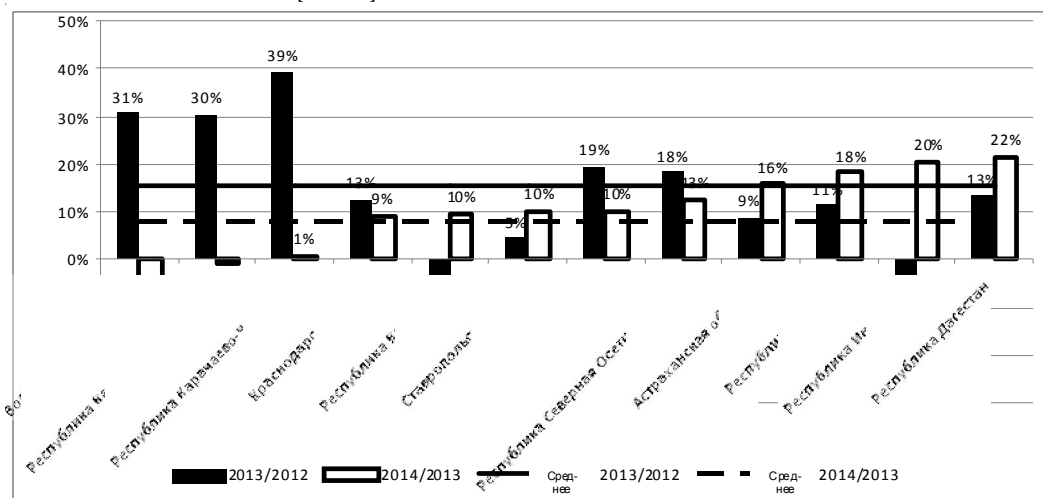

Рис. 3. Изменение размера налоговых и неналоговых доходов бюджетов в 2012 – 2014 г., в % к предыдущему периоду

Примечание. Составлено по: [1 – 25].

в 2013 г. готовы только ростовские и астраханские власти (рис. 4).

В среднем ожидается 10 % снижение ассигнований, хотя в Краснодарском крае, Калмыкии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии готовы секвестрировать почти пятую часть расходов своих бюджетов. Рекордсменом должна стать Ингушетия, в которой траты в 2014 г. будут меньше затрат 2013 г. на 27 %. В период пониженной хозяйственной активности возможны две стратегии бюджетной политики. Первая — максимальная консолидация бюджета с целью сокращения его дефицита, то есть попытка отказаться от всех необязательных трат в расчете на то, чтобы с минимальными потерями пережить трудные времена. Хотя потенциал повышения эффективности бюджетных расходов чрезвычайно велик, реализация этого сценария ограничена политикой федеральных властей, в частности указами Президента России от 7 мая 2012 г., требующими роста заработных плат в социальных учреждениях, строительства детских садов, а также последующими решениями об ограничении роста коммунальных тарифов.

Второй вариант бюджетной стратегии региона предполагает активизацию усилий по созданию благоприятных условий для бизнеса, использование средств бюджета субъекта Федерации в качестве антикризисного лекарства. Эта стратегия может быть особенно эффективна при повсеместном выборе первого варианта реакции на кризис.

Регион, не побоявшийся идти альтернативным путем, получит дополнительные бону-

сы в межрегиональной, а возможно, и международной конкуренции за ресурсы. Предпринимательская активность, конечно, уже сократилась и может снизиться еще больше, но, пусть и в меньшем количестве, большие и малые проекты будут реализовываться, а значит, будет продолжаться поиск мест наилучшего приложения ресурсов. Инвестор, безусловно, станет разборчивее, но и число выгодных предложений уменьшится из-за нехватки ресурсов у многих территорий для бюджетной поддержки. Регионы, которые в этот период такие ресурсы смогут предоставить, окажутся в лидерах по инвестиционной активности.

Однако этот вариант также имеет свои ограничения. Во-первых, он базируется на предположении о краткосрочности фазы рецессии. Волновая теория экономического развития утверждает, а многолетняя история подтверждает, что вслед за спадом, вне зависимости от его глубины, должен последовать подъем. Но длительность циклов по-прежнему не может быть достоверно определена. Поэтому нельзя исключать, что мы входим в период длительной депрессии и, по аналогии с Западной Европой 70-х гг. прошлого века или Японией конца прошлого — начала текущего века, нам предстоит «потерянное десятилетие». Во-вторых, региону, решившему идти наперекор хозяйственной конъюнктуре, следует иметь резервы источников финансирования его экономической и инвестиционной политики. При их отсутствии масштабные стимулирующие программы могут создать дополнительные риски для долговой устойчивости бюджета субъекта Федерации.

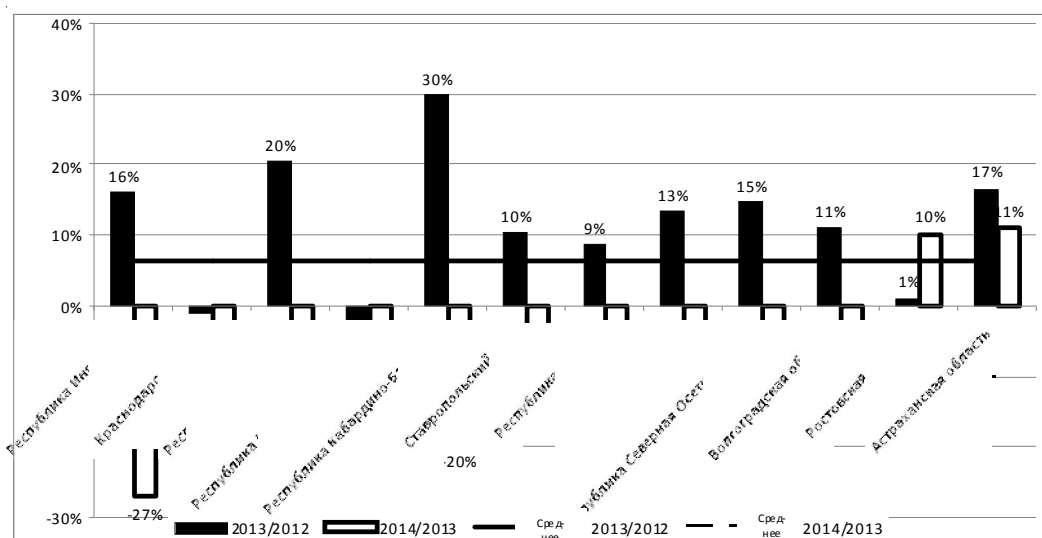

Рис. 4. Изменение размера расходов бюджетов в 2012 — 2014 г., в % к предыдущему периоду

Примечание. Составлено по: [1 — 25].

Судя по законам о бюджете на 2014 г., желающих двигаться по второму направлению среди руководства южнороссийских регионов практически нет, за исключением Ростовской области (рис. 5). Только в этом субъекте Южного федерального округа (далее — ЮФО) предполагается расширить размер расходов по разделу «Национальная экономика», в котором отражаются большая часть бюджетных инвестиций и суммы различных видов поддержки отдельных отраслей регионального хозяйства, а также малого и среднего бизнеса. Увеличение запланировано довольно скромное, лишь на 4 %, но, на фоне 36 %-го сокращения финансирования данных расходов в целом по Югу России, весьма красноречивое.

3. Оценка долговой нагрузки региональных бюджетов. Следует отметить, что для Ростовской области такая бюджетная политика более чем оправдана. Это единственный регион в ЮФО и Северо-Кавказском федеральном округе (далее — СКФО), состояние финансов которого позволяет ему безболезненно пережить даже длительную экономическую рецессию. Размер государственного долга Ростовской области на 1 ноября 2013 г. относительно ожидаемых собственных доходов в 2013 г. составляет всего 10,5 %, что совсем не характерно для рассматриваемых нами территорий (см. табл. 1).

Аккуратность бюджетной политики этого региона подчеркивает и минимальное соотношение дефицита бюджета к его собственным поступлениям. При необходимости регион может без угрозы для стабильности своего финансового положения удвоить размер дефицита и утроить размер задолженности, что дает ему

значительные конкурентные преимущества перед соседями. Это будет способствовать формированию благоприятных условий для частного бизнеса. Положение остальных регионов, подошедших к сложному периоду хозяйственной конъюнктуры, сложно назвать идеальным, поэтому они вынуждены идти по пути урезания бюджетных потоков. Об этом свидетельствует запланированное сокращение размера дефицита бюджета вплоть до достижения бездефицитного бюджета в Калмыкии и профицитного в Ингушетии. В условиях политически мотивированной неприкосновенности социальных статей казны власти вынуждены сокращать инвестиционные и экономические программы.

Реальная долговая нагрузка и уровень сбалансированности региональных финансов по итогам 2014 г., скорее всего, окажутся хуже бюджетных проектировок. Под нажимом федерального Министерства финансов, основанном на требованиях Бюджетного кодекса, региональные власти вынуждены вносить в свои представительные органы жесткие законопроекты, иначе помощь из Центра может стать еще меньше. Из таблицы 1 наглядно видно, что национальные республики, как наиболее дотационные регионы, под давлением из столицы пытаются снизить уровень задолженности. Но оценки исполнения бюджетов за 2013 г. свидетельствуют о том, что удержаться в этих рамках будет очень сложно.

В первые десять месяцев 2013 г. многие регионы активно погашали ранее осуществленные заимствования ценой недофинансирования расходных статей бюджета. Однако в ноябре-декабре власти большинства субъектов Фе-

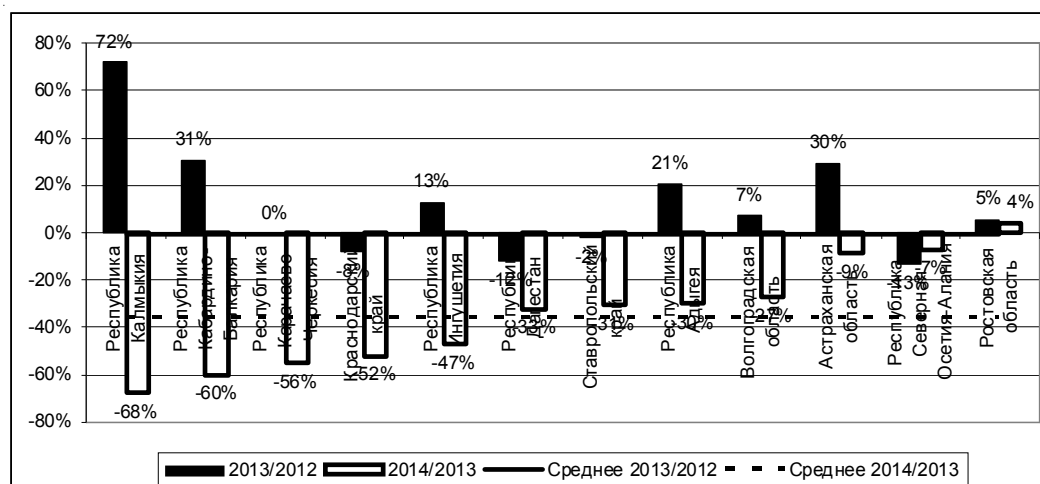

Рис. 5. Изменение размера бюджетных расходов по разделу «Национальная экономика» в 2012 – 2014 гг., в % к предыдущему периоду

Примечание. Составлено по: [1 – 25].

Финансовая устойчивость региональных бюджетов

Регион	Показатель относительно собственных доходов бюджета, %	2012	2013 *	2014 **
Краснодарский край	Долг субъекта РФ	58,5	73,7	74,3
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-25,6	-39,9	-6,7
Ростовская область	Долг субъекта РФ	12,7	10,5	13,6
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	0,5	-4,5	-4,1
Волгоградская область	Долг субъекта РФ	50,5	53,4	75,4
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-17,1	-15,0	-18,2
Астраханская область	Долг субъекта РФ	71,8	67,8	73,0
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-2,0	-24,7	-14,4
Республика Адыгея	Долг субъекта РФ	30,3	13,3	15,9
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	6,6	-15,5	-4,7
Республика Калмыкия	Долг субъекта РФ	35,4	34,0	31,0
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	29,9	-45,2	0,0
Ставропольский край	Долг субъекта РФ	36,7	32,0	43,2
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-14,8	-46,9	-14,1
Республика Дагестан	Долг субъекта РФ	48,3	21,6	28,3
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-4,3	-36,2	-10,5
Республика Кабардино-Балкария	Долг субъекта РФ	47,6	23,0	39,7
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	0,5	-38,5	-16,5
Республика Северная Осетия – Алания	Долг субъекта РФ	108,0	85,7	90,9
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	15,1	-42,2	-14,9
Республика Ингушетия	Долг субъекта РФ	36,4	69,6	43,5
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	-126,4	-157,5	14,3
Республика Карачаево-Черкесия	Долг субъекта РФ	84,6	47,9	48,8
	Профицит (+), дефицит (-) бюджета	8,4	-27,3	-1,4

Примечания.

Составлено автором по: [1 – 25].

* – фактический размер государственного долга на 01.11.2013 и ожидаемый профицит (дефицит) к ожидаемым собственным доходам бюджета за 2013 год.

** – прогноз размера государственного долга на 31.12.2014 исходя из фактического государственного долга на 01.11.13 и его увеличения (сокращения) в размере дефицита (профицита) к собственным доходам бюджета в соответствии с законом о бюджете субъекта Федерации на 2014 год.

дерации оказались перед непростой дилеммой: либо отказаться от исполнения существенной части расходных обязательств (и тем самым сохранить приемлемый уровень дефицита бюджета и достигнутый уровень долга), либо не делать этого.

Традиционно, снижение долга и значительный размер бюджетного дефицита выступали хорошим козырем в переговорах с российским правительством о дополнительной по-

мощи из государственной казны в процессе корректировок федерального бюджета в 4 квартале года. Однако в 2013 г. эта тактика не принесла успеха, поскольку в отличие от предыдущих лет, дополнительных доходов у федерального бюджета к концу осени не появилось. Вероятнее всего, существенная часть неоплаченных расходов региональных бюджетов до завершения 2013 г. все-таки будет профинансирована, что сделает оценки относительных раз-

меров бюджетного дефицита, указанные в таблице, весьма близкими к фактическим. Тогда и долговое бремя окажется на гораздо более высоком уровне по сравнению с нашим прогнозом на конец 2013 г. и на конец 2014 г.

В 2014 г. политические элиты регионов окажутся в новой реальности, в которой финансовая помощь из Москвы будет существенно сокращена, а доходы, генерируемые региональным хозяйством, слишком слабы. Правительство страны будет одновременно требовать выполнения социальных обязательств и соблюдения финансовой дисциплины. В таких обстоятельствах поддержка развития бизнеса из региональных бюджетов, на первый взгляд, выглядит нелогичной и лишённой здравого смысла. Однако самые успешные проекты реализуются не благодаря, а вопреки, и теми, кто сумеет преодолеть ограничения и реализовать возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Астраханской области «Об областном бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 75/2013-ОЗ от 19.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://mf-ao.ru/index.php/norms/zakbudjmenu> (дата обращения: 23.01.2014). — Загл. с экрана.
2. Закон Волгоградской области «Об областном бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 182-ОД от 20.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://volgoduma.ru/zakonotvorchestvo/zakony-i-postanovleniya/finansbyudzhethoe-zakonodatelstvo-nalogi-i-sborny-kreditnaya-sistema.html> (дата обращения: 22.01.2014). — Загл. с экрана.
3. Закон Краснодарского края «О краевом бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 2850-КЗ от 18.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://volgoduma.ru/zakonotvorchestvo/zakony-i-postanovleniya/finansbyudzhethoe-zakonodatelstvo-nalogi-i-sborny-kreditnaya-sistema.html> (дата обращения: 13.01.2014). — Загл. с экрана.
4. Закон Республики Адыгея «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 252 от 20.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfin-adygeya.ru/page.php?id=128> (дата обращения: 23.01.2014). — Загл. с экрана.
5. Закон Республики Дагестан «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 110 от 30.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfinrd.ru> (дата обращения: 24.01.2014). — Загл. с экрана.
6. Закон Республики Ингушетия «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 206 от 28.11.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.nsri.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/zakony/186-zakony-2013-goda.html> (дата обращения: 25.01.2014). — Загл. с экрана.
7. Закон Республики Кабардино-Балкария «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 96-ПЗ от 31.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.pravitelstvokbr.ru/k-br/kbr-main.nsf/html/RESPUBLIKANSKIIBIUDJET> (дата обращения: 03.02.2014). — Загл. с экрана.
8. Закон Республики Калмыкия «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 18-V-3 от 18.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.minfin.kalmregion.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=16%3A2011-03-14-12-50-11&catid=4&Itemid=6 (дата обращения: 23.02.2014). — Загл. с экрана.
9. Закон Республики Карачаево-Черкесия «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 65-ПЗ от 11.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://minfin09.ucoz.ru/load/normativno_pravovye_akty/npa_zakon_o_bjudzhete_kchr/zakon_kchr_o_respublikanskom_bjudzhete_kchr_na_2014_i_na_planovyj_period_2015_16_gg/16-1-0-304 (дата обращения: 23.02.2014). — Загл. с экрана.
10. Закон Республики Северная Осетия — Алания «О республиканском бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 59-ПЗ от 27.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://mfrno-a.ru/budgetnaya_politika/zakon_o_byudzhete.php (дата обращения: 26.01.2014). — Загл. с экрана.
11. Закон Ростовской области «Об областном бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 75-3С от 16.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://zsro.ru/index.php4?mod=dnld&rubric=481> (дата обращения: 03.01.2014). — Загл. с экрана.
12. Закон Ставропольского края «О краевом бюджете на 2014 г. и на плановый период 2015–2016 гг.» № 105-КЗ от 10.12.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.mfsk.ru/budget/zakon> (дата обращения: 27.01.2014). — Загл. с экрана.
13. Объем государственного долга субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на 01.11.2013 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://minfin.ru/ru/public_debt/subdbt/index.php (дата обращения: 14.12.2013). — Загл. с экрана.
14. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Астраханской области — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://mf-ao.ru/index.php/otchet> (дата обращения: 03.03.2014). — Загл. с экрана.
15. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Волгоградской области — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://volgafin.volgnet.ru/folder_9/folder_1/folder_6/folder_6/ (дата обращения: 23.02.2014). — Загл. с экрана.
16. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Краснодарского края — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.derfinance.ru/budget_ispr/regional_budget.php (дата обращения: 13.02.2014). — Загл. с экрана.
17. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Адыгея — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfin-adygeya.ru/page.php?id=243> (дата обращения: 09.03.2014). — Загл. с экрана.

18. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Дагестан. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfinrd.ru/> (дата обращения: 14.02.2014). — Загл. с экрана.

19. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Ингушетия. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.mfri.ru/index.php/2013-12-01-16-49-08/obinfo.html> (дата обращения: 09.02.2014). — Загл. с экрана.

20. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Кабардино-Балкария. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.pravitelstvokbr.ru/k-br/kbr-main.nsf/html/OTCHETMINFINA> (дата обращения: 08.02.2014). — Загл. с экрана.

21. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Калмыкия. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.minfin.kalmregion.ru/index.php?Itemid=44&id=41&option=com_content&view=article (дата обращения: 20.02.2014). — Загл. с экрана.

22. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Карачаево-Черкесия. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://minfin09.ucoz.ru/load/otchet_ob_ispolnenii_bjudzheta_kchr/38 (дата обращения: 09.02.2014). — Загл. с экрана.

23. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Республики Северная Осетия — Алания. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://mfrno-a.ru/budgetnaya_politika/ispolnenie_byudzheta.php (дата обращения: 16.02.2014). — Загл. с экрана.

24. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Ростовской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfinro.rsu.ru> (дата обращения: 09.02.2014). — Загл. с экрана.

25. Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Ставропольского края. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.mfsk.ru/budget/otchet/kons> (дата обращения: 03.03.2014). — Загл. с экрана.

УДК 368.8 + 338.22
ББК 65.05

СТРАХОВАНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Л.Н. Бондаренко, Д.М. Шор

В статье исследуются предпосылки и оцениваются перспективы развития страховой системы в субъектах ЮФО в условиях ВТО, выявляются ее сильные и слабые стороны, анализируются потенциальные возможности и раскрываются угрозы; уточняются наиболее значимые функции обеспечения социально-экономического развития южных регионов России с помощью механизма страхования.

Ключевые слова: регион, Юг России, страхование, угрозы, возможности, развитие, ВТО, страховые выплаты, агrostрахование, страхование жизни.

INSURANCE AS A FACTOR OF THE PROVISION OF SOCIAL AND ECONOMIC STABILITY IN THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

L.N. Bondarenko, D.M. Shor

In the article the prerequisites are studied and the prospects of the development of the insurance system in the regions of the South Federal District within the World Trade Organization are assessed. Its strong and weak sides are revealed, the most important functions of the provision of the social and economic development of southern regions of Russia with the help of the insurance mechanism are given.

Key words: region, South of Russia, insurance, threats, opportunities, development, WTO, insurance payment, agricultural insurance, life insurance.

Развитие страхования во многом способствует созданию инвестиционных ресурсов и обеспечению социально-экономической стабильности Южного федерального округа (далее — ЮФО). При этом потребность в формировании развитой страховой системы ЮФО (далее — ССЮФО) обусловлена следующими предпосылками:

1) обеспечением высокого качества жизни населения и устойчивых финансовых результатов предприятий;

2) стабильным характером развития общества, связанным с социально-экономической безопасностью его членов, основу которой составляет страховая защита;

3) экономическим ростом ЮФО, зависящим от инвестиционного потенциала, в формировании и реализации которого участвуют страховые организации;

4) инновационными процессами, интеграцией ЮФО в мировую финансовую систему.

Учитывая важность страхования в целях достижения высоких показателей развития ЮФО, разработана Стратегия социально-экономического развития ЮФО на период до 2020 года [8], в которой определены меры для контроля текущей ситуации на страховом рынке, в числе которых:

1) повышение надежности страхового рынка, обеспечивающего своевременное и полное возмещение ущерба и компенсацию потерь, связанных с природными, техногенными и социально-экономическими рисками;

2) регулирование отношений, возникающих между субъектами и участниками сельскохозяйственного страхования, а также предоставление государственной поддержки развитию системы страхования рисков в сельском хозяйстве;

3) определение механизмов взаимодействия государства и страховых организаций по совершенствованию процедур страхового надзора, защите прав потребителей страховых услуг, популяризации института страхования посредством разработки и реализации программы повышения страховой грамотности населения, совершенствованию отчетности страховых компаний, прежде всего, по международным стандартам (МСФО, US GAAP).

Наиболее значимые функции обеспечения социально-экономического развития ЮФО с помощью механизма страхования организуются посредством:

1) обеспечения общества денежными компенсациями при наступлении страховых случаев;

2) обеспечения стабильности в обществе за счет превентивных мероприятий по негативным событиям и сглаживания их последствий;

3) освобождения бюджета от расходов по ликвидации последствий экологических катастроф, техногенных аварий, стихийных бедствий и др.;

4) использования средств хозяйствующих субъектов при решении социальных задач общества через отчисления в государственные внебюджетные фонды;

5) расширения мотивации граждан к самостоятельному решению своих личных нужд стратегического характера (страхование жизни, здоровья и др.);

6) насыщения рынка долгосрочными финансовыми ресурсами при расширении страхования жизни [3; 4].

Для повышения эффективности и результативности реализации этих функций предполагается решение следующих задач:

1) выработка единой государственной страховой политики в ЮФО;

2) укрепление стабильности и надежности развития ССЮФО;

3) совершенствование форм и методов страхового надзора за деятельностью субъектов страхового дела;

4) совершенствование страховой инфраструктуры;

5) реинжиниринг и инжиниринг страховых продуктов;

6) содействие внедрению современных бизнес-процессов по информатизации и автоматизации страхового дела;

7) повышение страховой культуры и страховой грамотности субъектов страхового дела;

8) создание прозрачной информационной среды по страховому делу.

Ход решения этих задач в значительной мере находится под влиянием условий и последствий вступления России в ВТО. Однако определить все условия вступления России в ВТО достаточно сложно, а дать точную оценку последствий этого процесса для ССЮФО практически невозможно. При этом можно выделить сильные и слабые стороны дальнейшего развития ССЮФО (табл. 1).

Вступление России в ВТО открыло перед страховыми организациями определенные возможности, но в то же время повлекло за собой обоснованные угрозы развитию ССЮФО (см. табл. 2).

Сильные и слабые стороны, возможности и угрозы развития ССЮФО в условиях ВТО во многом подтверждают следующие статистические данные. Так, по состоянию на 2013 г. ЮФО занимает 6-е место из 8 федеральных округов по объему страховых премий и выплат. При этом за последние годы наблюдается прирост страховых премий и выплат. К примеру, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. прирост страховых премий составил 23,3 %, а страховых выплат — 34,2 %. Данная тенденция свидетельствует о наращивании объемов страховых операций в округе (см. рис. 1).

Таблица 1

Сильные и слабые стороны развития ССЮФО в условиях ВТО

Сильные стороны ССЮФО	Слабые стороны ССЮФО
<p>1) устранение дискриминации для российских страховых компаний на зарубежных рынках, получение доступа к системе решения споров в рамках ВТО, возможность принудительного исполнения решений;</p> <p>2) участие в выработке общих правил работы на страховом рынке;</p> <p>3) наличие правовых возможностей для отстаивания интересов отечественных страховых компаний и получение компенсаций за нарушение их прав;</p> <p>4) повышение инвестиционной привлекательности ССЮФО ввиду установления законодательных норм и правил, в том числе в регионах, отвечающих требованиям иностранных инвесторов;</p> <p>5) сокращение возможностей лоббирования интересов иностранных страховых компаний не в пользу российских страховых компаний</p>	<p>1) неопытность ССЮФО;</p> <p>2) низкая капитализация отечественных страховых компаний;</p> <p>3) рост расходов отечественных страховых компаний ввиду необходимости переподготовки сотрудников, внедрения новых стандартов деятельности, разработки новых и изменения существующих страховых продуктов;</p> <p>4) более низкая конкурентоспособность отечественных страховых компаний по сравнению с иностранными компаниями, усиление конкуренции</p>

Примечание. Составлено автором.

Возможности и угрозы развития ССЮФО в условиях ВТО

Возможности развития ССЮФО	Угрозы развитию ССЮФО
<ol style="list-style-type: none"> 1) увеличение капитализации и привлечение дополнительных финансовых ресурсов за счет иностранных инвесторов и партнеров; 2) унификация и повышение стандартов деятельности страховых организаций; 3) расширение линейки страховых продуктов; 4) улучшение качества предоставляемых страховых услуг; 5) получение доступа к новым технологиям и ноу-хау в области страхования; 6) пропуск на зарубежные страховые рынки на лучших условиях, чем до вступления в ВТО. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) чрезмерная либерализация ССЮФО может привести к приходу сильных иностранных компаний, с которыми российские страховщики не смогут конкурировать; в этом случае возможен вариант, при котором иностранные компании получат значительный контроль, а большая часть отечественных компаний будет вынуждена прекратить свою деятельность; 2) высока вероятность усиления демпинга со стороны крупных иностранных страховых компаний для завоевания определенных сегментов страхового рынка, что может ослабить устойчивость ССЮФО; 3) потеря контроля над ресурсами, сформированными из страховых премий; 4) уход внутренних ресурсов, аккумулируемых посредством страхования, на мировые финансовые рынки путем перестрахования и инвестирования; 5) рост вероятности влияния иностранного капитала на принятие решений по регулированию ССЮФО в собственных интересах, что ставит под угрозу экономическую безопасность страны; 6) рост зависимости деятельности страховых компаний от колебаний рыночной конъюнктуры; 7) сокращение работников российских страховых компаний из-за усиления конкуренции на рынке труда, что потребует повышения квалификации страхового персонала.

Примечание. Составлено автором.

В отношении видового разнообразия страховых продуктов ЮФО отметим, что наибольшая доля в страховых премиях приходится на страхование имущества — в среднем 40 %, в том числе на сельскохозяйственное страхование — 6 %. Страховые премии по страхованию жизни составляют 6 % от общего объема премий.

Страховые выплаты также характеризуются преобладающей долей страхования имущества — в среднем 49 %, в том числе сельскохозяйственного страхования — 7 %. На страхование жизни приходится 3 % от общего объема выплат.

Именно сельскохозяйственное страхование определяет характерные признаки ССЮФО, так как на него приходится около 18 % всего отечественного рынка агрострахования.

На ЮФО приходится 11 % от общего объема заключенных договоров страхования, в том числе на Волгоградскую область — 1 %. Средняя страховая премия на душу населения по заключенным договорам страхования существенно варьируется внутри округа. Если в Краснодарском крае она составляет 3 тыс. руб., то в Волгоградской области — 2 тыс. рублей.

В целом ССЮФО в большей степени развивается за счет обязательных и вмененных страховых продуктов и демонстрирует высокую продуктовую диверсификацию. Основными драйверами роста страхового рынка ЮФО за 2012 г. стали страхование жизни и от несчастных случаев. Отдельно стоит отметить высокие темпы роста накопительного и инвестиционного страхования. Рынок КАСКО рос параллельно продажам новых автомобилей.

Вместе с тем показатели развития добровольного страхования в ЮФО, как и по всей стране, невысокие. Добровольное страхование физических лиц в России развито слабо: годовые затраты европейца на страхование жизни в среднем составляют 1000—1500 евро, в России — порядка 6 евро в год [2].

Страховой рынок ЮФО высоко концентрирован. К примеру, на 50 крупнейших страховых компаний Юга суммарно приходится 95 % всех страховых взносов, собранных в ЮФО и СКФО за 6 мес. 2012 г. (без учета ОМС) [1]. Более того, концентрация рынка продолжает усиливаться в основном за счет ухода мелких страховых организаций, вызванного высокими

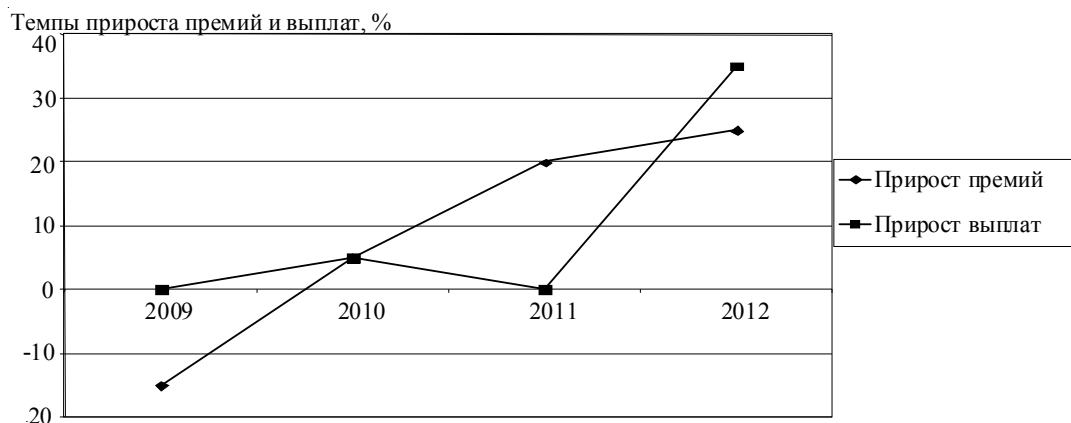

Рис. 1. Темпы прироста страховых премий и выплат в ЮФО

Примечание. Составлено автором по материалам ФСФР РФ.

нормативными требованиями к капиталу страховых организаций.

Лидирующие позиции на страховом рынке ЮФО, в частности, Волгоградской области, занимает компания Ростгосстрах. Эта компания одна из немногих страховых компаний, работающих в Волгоградской области, предлагает широкий перечень продуктов по личному и имущественному страхованию.

ССЮФО, наряду с организационной концентрацией, отличается и территориальной концентрацией. Так, в среднем на 80 % рынок сосредоточен в Краснодарском крае и Ростовской области, которые представлены региональными страховыми организациями ЮФО: 2 — в Краснодарском крае, 8 — в Ростовской области. При этом лидирующие позиции по размеру уставного капитала занимают страховые организации ОСаО «Кристалл», ООО СК «РОСЛЕС», ООО СК «СОЮЗ-ЖИЗНЬ» и ОАО СК «ЭНИ» (см. рис. 2).

Интенсивное развитие ССЮФО предполагает совершенствование действующих и введение новых страховых продуктов.

При введении новых страховых продуктов в обязательной форме необходимо учитывать:

1) экономическую целесообразность, обоснованность и выгодность страхования (по сравнению с другими инструментами управления рисками) и социально-экономическую значимость;

2) возможности для формирования необходимых для страхования статистической и информационной баз данных;

3) принятие рисков на страхование с учетом их природы, финансовой устойчивости, страховой организации и других факторов.

Особую значимость в совершенствовании страховых продуктов по добровольной форме

имеет стимулирование развития долгосрочного страхования жизни. Вместе с тем, на сегодняшний день страхованию жизни присущи следующие отрицательные характеристики:

1) низкий уровень доверия к страхованию жизни;

2) ограниченность эффективных инструментов для инвестирования страховых резервов и собственных средств страховых организаций в долгосрочные инвестиционные объекты;

3) недостаточность действующих финансовых стимулов, в первую очередь налоговых, для активизации участия граждан и предприятий в страховании жизни.

Тенденции развития страхования жизни позволяют сделать прогноз о том, что в ближайшие годы произойдет закономерное выделение целевых групп страхователей и страховых продуктов в зависимости от потребительских предпочтений. Здесь возможны следующие варианты:

1. Страховая защита плюс гарантированная невысокая доходность. В данном случае норма доходности учитывается при расчете страховых тарифов. Она является постоянной в течение всего срока действия договора (продукты классического накопительного страхования жизни).

2. Страховая защита плюс гарантированная невысокая доходность плюс ежегодные бонусы от общего финансового результата страховой организации. Страховая организация отчисляет в виде бонуса часть прибыли в пользу страхователя, при этом бонус подлежит выплате только по окончании договора (продукты страхования жизни с участием страхователя в прибыли страховой организации).

3. Страховая защита плюс негарантированная доходность, соизмеримая с доходностью ПИФов (фондовое страхование жизни).

Отдельно заметим, что доля страховых продуктов с инвестиционной составляющей в общем объеме зарубежных рынков страхования жизни составляет 50–80 %. Такой высокий процент обусловлен следующими причинами:

- 1) возможностью получить различные виды страховой защиты и высокую доходность на длинных сроках страхования;
- 2) возможностью диверсифицировать инвестиционный риск между страховщиком и страхователем;
- 3) более высокой доходностью от инвестиций в паевые фонды по сравнению с традиционными для страховых организаций инвестиционными инструментами;
- 4) возможностью прямого участия страхователя в инвестициях;
- 5) дополнительными налоговыми льготами.

В ССЮФО в ближайшие годы вероятнее всего будут востребованы продукты классического страхования жизни и пенсии с фиксированной гарантированной нормой доходности в семьях с доходом на человека 25 000 – 30 000 руб. в месяц. В то же время могут появиться продукты с участием страхователя в прибыли страховой организации (начисление ежегодных бонусов) или «короткие» страховые продукты с фиксированной доходностью, соизмеримой с доходностью по вкладам в банк. После наступления фазы экономического роста ЮФО страховые продукты с инвестиционной составляющей займут достойное место в страховых портфелях. Вместе с тем, для обес-

печения эффективного и устойчивого развития таких продуктов в ССЮФО необходимо провести ряд мероприятий. К ним можно отнести: 1) определение требований к ПИФам по страховым продуктам с инвестиционной составляющей; 2) внесение изменений в нормативные акты, регулирующие формирование и размещение страховых резервов по страхованию жизни; 3) определение требований к актуариям и актуарному заключению для организаций по страхованию жизни, продающим страховые продукты с инвестиционной составляющей [6; 7].

Высокий инвестиционный потенциал ЮФО, связанный с широкомасштабным строительством инфраструктурных, промышленных, туристических и спортивных объектов, предопределяет рост показателей имущественного страхования, прежде всего страхования строительно-монтажных работ, жилищных и спортивных объектов, агrostрахования. Рост розничных продаж страховых продуктов во многом связан с активизацией развития банковского сектора в направлении расширения сотрудничества страховых организаций и банков по банкострахованию. Сотрудничество страховых организаций с банками позволяет модифицировать страховые продукты, создавать факторы, определяющие спрос на страховые продукты и услуги страхования. В ходе совместной деятельности страховых организаций и банков население и предприятия получают максимально удобный комплекс услуг, который может включать в себя страховые и банковские

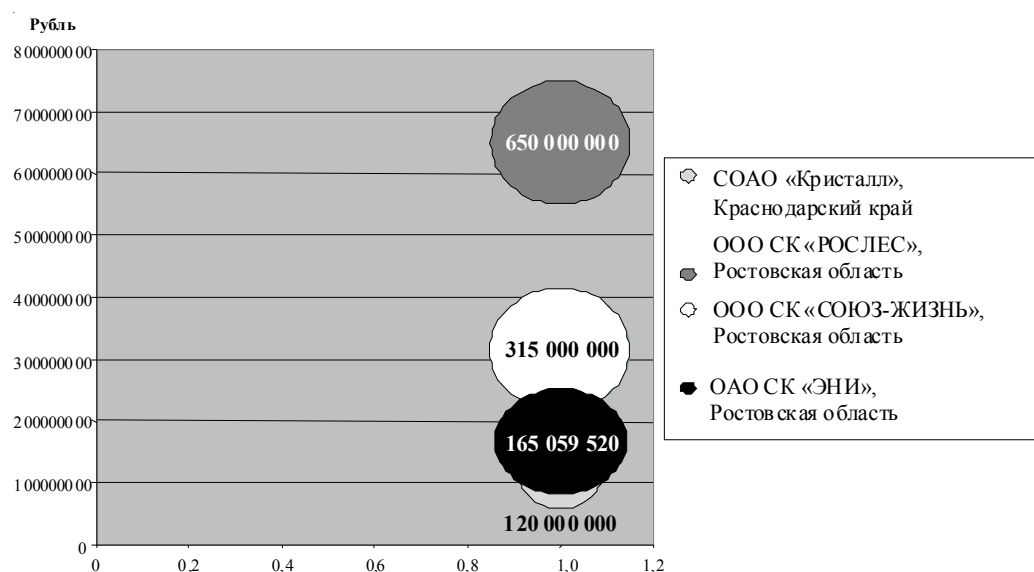

Рис. 2. Страховые организации ЮФО, лидирующие по размеру уставного капитала

Примечание. Составлено автором по материалам ФСФР РФ.

услуги, дополняющие друг друга таким образом, чтобы в целом продуктивность обслуживания была достаточно высокой.

Отдельно остановимся на агростраховании, так как ЮФО является зоной рискованного земледелия (доля сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности в округе составляет 1/3 ВРП) [5]. Сегодня существует ряд проблем, которые значительно ухудшают показатели развития сельскохозяйственного страхования:

1) сложности в проведении анализа показателей работы сельскохозяйственных товаропроизводителей для определения страховых взносов, рисков и возможных выплат;

2) низкие финансовые возможности сельскохозяйственных товаропроизводителей для оплаты страховых платежей;

3) неуверенность сельскохозяйственных товаропроизводителей в своевременном и полном страховом возмещении состоявшихся убытков;

4) низкая страховая грамотность сельскохозяйственных товаропроизводителей;

5) наличие проблем юридического и бюрократического характера, препятствующих заключению и исполнению договоров сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой;

6) неудовлетворенность объемом и качеством предлагаемой перестраховочной защиты в области сельскохозяйственного страхования.

В числе способов решения этих проблем:

1) создание эффективной системы нормативно-правового регулирования страхования урожая с государственной поддержкой;

2) обеспечение единства условий и правил страхования, тарифной политики и порядка выплаты страховых возмещений;

3) обеспечение перестрахования урожая и создание специальных страховых резервов, государственных гарантий возмещения ущерба хозяйствам;

4) повышение эффективности использования бюджетных средств за счет формирования положительного баланса финансовых отношений сельских хозяйств с системой страхования;

5) повышение уровня возмещения ущерба при гибели урожая за счет совокупных выплат по договорам страхования страховыми организациями и бюджетных государственных гарантий;

6) создание службы независимой экспертизы, специализирующейся на установлении причин гибели (повреждения) урожая и расчете размера ущерба;

7) подготовка кадров для системы страхования и ее информационного обеспечения.

Таким образом, сегодня есть и возможности, и разные направления во взаимодействии и кооперации страховых организаций и органов власти, способствующие активизации страхования в социально-экономическом развитии ЮФО. Наряду с финансируемым государством агрострахованием, примерами сотрудничества страховых организаций и государства могут быть:

1) участие в подготовке и реализации инвестиционных проектов, в которых заинтересованы страховые организации и власти ЮФО (например, создание страховщиками медицинских центров и их участие в модернизации существующих, строительство станций технического транспортного обслуживания);

2) сокращение аварийности на дорогах;

3) отслеживание уровня платежеспособности страховых организаций и предупреждение кризисных явлений с помощью организации системы саморегулирования на страховом рынке;

4) страхование отдельных категорий работников за счет средств регионального или муниципального бюджетов: коллективное страхование глав сельских администраций и муниципальных служащих от несчастных случаев; страхование народных дружинников на случай причинения вреда здоровью и имуществу в связи с исполнением принятых на себя обязанностей; пожарных; доноров крови и ее компонентов в краевых учреждениях здравоохранения; учителей и врачей, технического персонала; учащихся спортивных школ от несчастного случая.

Страховые организации как риск-менеджеры способны существенным образом заполнить пробел в государственной политике, связанный с повышением эффективности управления промышленными рисками. В то же время коммерческие страховые организации часто не желают принимать на страхование инвестиционные и инновационные риски, неизменно сопутствующие процессу повышения эффективности производства, модернизации производственных мощностей и внедрению прогрессивных технологий. Государство могло бы выступить дополнительным гарантом для страховой организации при страховании инвестиционных и инновационных рисков. Таким образом, сотрудничество между государственными органами и страховыми организациями в рамках концепции государственно-частного партнерства будет взаимовыгодным для обеих сторон и, в конечном итоге, будет способствовать дальнейшему развитию промышленности ЮФО.

Таким образом, страхование является одной из фундаментальных отраслей современной экономики, основой для формирования

инвестиционного потенциала ЮФО. Вопросы совершенствования механизма государственного регулирования в направлении принятых обязательств по либерализации страхового рынка, защиты экономических интересов страхователей являются базовыми при формировании долгосрочной стратегии развития ССЮФО. Только при условии принятия законодательных и институциональных мер по поддержке отечественных страховых организаций можно ожидать высоких показателей социально-экономического развития ЮФО, повышения эффективности и прозрачности ССЮФО, более стремительного развития страховой инфраструктуры, повышения доступности страхования как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова, А. Вмененный рост / А. Барсукова // Эксперт-Юг. — 2012. — 23 окт. — С. 4.
2. Барсукова, А. Новые рекорды страхования / А. Барсукова. — Электрон. текст. данные. — Режим доступа: <http://expert.ru/south/2013/21/novye-rekordyi-strahovaniya/?n=43561> (дата обращения: 13.08.2013).
3. Гончаров, О. Г. Страхование промышленных рисков в рамках государственно-частного партнерства / О. Г. Гончаров // Управление в страховой компании. — 2008. — № 2. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/bux/48779> (дата обращения: 23.07.2013). — Загл. с экрана.
4. Гребенщиков, Э. С. Региональные программы развития и поддержки страхования: подходы и модели / Э. С. Гребенщиков // Финансы. — 2008. — № 10. — С. 43–47.
5. Коренец, М. Количественных и качественных изменений на рынке сельхозстрахования пока не наблюдается / М. Коренец. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.agroinsurance.com/ru/agribusiness_insurance/?pid=4294#sthash.uhgHLDfl.dpuf (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.
6. Никулина, Н. Н. Плюсы и минусы вступления в ВТО для национальной страховой системы России / Н. Н. Никулина, Л. Ф. Суходоева // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2012. — № 5. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/bux/39907> (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.
7. Никулина, Н. Н. Национальная страховая система: сущность, стратегия развития / Н. Н. Никулина, Л. Ф. Суходоева, Т. Д. Березина // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2008. — № 5. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=116517> (дата обращения: 12.05.2013). — Загл. с экрана.
8. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. : (утв. Распоряжением Правительства РФ от 05.09.2011 г. № 1538-р). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/> (дата обращения: 13.08.2013). — Загл. с экрана.

УДК 336.63+ 338.43
ББК 65.05

АНТИКРИЗИСНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА

Ю.А. Козенко

В статье обосновывается, что проблемными в антикризисном плане являются небольшие по размеру предприятия агропромышленного комплекса, функционирующие на удаленных от крупных населенных пунктов территориях, а также рассматривается подход, основанный на проведении целенаправленного антикризисного проектирования финансовых результатов таких предприятий.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, предприятие, антикризисное проектирование, технологическое планирование, финансовый результат, финансовые ресурсы.

ANTICRISIS PROJECTING OF THE FINANCIAL RESULTS OF THE AGRICULTURAL ENTERPRISES OF THE SOUTH MACROREGION

Yu.A. Kozenko

The article shows that the problematic types in the anticrisis respect are small enterprises of the agricultural complex, functioning in the settlements remote from large towns. The approach based on the realization of a targeted anticrisis projecting of the financial results of such results are based.

Key words: agricultural complex, enterprise, anticrisis projecting, technological planning, financial result, financial resources.

Финансовые кризисы последних десятилетий наглядно показали существование постоянной и реальной угрозы их внезапного зарождения и неуправляемого динамичного развития с сопутствующими им экономическими потерями и массовым разорением предприятий. По этой причине весьма актуальными остаются вопросы возможной стабилизации деятельности таких важнейших отраслей отечественной экономики, как сельское хозяйство, обслуживающая его потребности промышленность и работающее на поставляемом сырье перерабатывающее производство.

Наиболее проблемными в антикризисном плане являются небольшие по размеру предприятия, функционирующие на удаленных от крупных населенных пунктов территориях. Наличие ремонтного оборудования у мелкого фермера еще не означает того факта, что оно может эффективно использоваться в подобных условиях. Несущественное по размерам хозяйство в условиях удаленности от пунктов торговли оказывается не в состоянии самостоятельно наладить снабжение и обеспечить производственный процесс необходимыми расходными материалами и запасными частями.

Получение в распоряжение действительно необходимого в хозяйстве средства производства, уникального для рассматриваемой местности, еще не означает автоматической отладки новых производственных отношений. Внезапно заболевший или стареющий специалист по проведению сварочных, кузнечных, наладочных или иных работ даже в случае своей временной нетрудоспособности может оказаться способным единолично прекратить предоставление подобного рода услуг на обширной удаленной территории в весьма ответственный период проведения посевной или уборочной кампании.

Потеря коллективного хозяйства для удаленных населенных пунктов в ряде случаев оборачивается настоящим параличом хозяйственной деятельности с полной потерей каких бы то ни было перспектив к ее восстановлению. Вслед за падением финансовых поступлений от налогов сокращаются доходы местных органов власти, следствием чего становится недофинансирование и без того скудных расходов на социальные нужды. В результате этого заметнее становится деградация общественной жизни.

Проведение любых антикризисных мероприятий, не только районного и областного, но и даже федерального уровня в подобных условиях резко осложняется. Даже экстренно выделяемые в централизованном порядке денежные средства со стороны государства не могут

быть размещены на счете юридического лица, по причине того, что официально действующих предприятий на соответствующей территории просто не существует.

Отмеченные проблемы закономерным образом делают необходимым генерирование таких организационных и финансовых подходов, которые объективно призваны противодействовать отмеченным ранее явлениям как в периоды относительно стабильного существования, так и непосредственно в кризисной ситуации. Попытки формирования авторской позиции в отношении вытекающих из этих положений упреждающих антикризисных мер порождают суждение о категорической недопустимости оставления удаленных населенных пунктов без соответствующих потребностям граждан и способных в экстремальных ситуациях оказать им необходимую поддержку юридических лиц.

В этой ситуации требуется подход, законодательно обязывающий поселковые советы, муниципальные органы управления, местные администрации создавать на подконтрольной им территории комплексные муниципальные предприятия сельскохозяйственного, перерабатывающего, транспортного и ремонтного профиля. Необходимым также является централизованное назначение ответственных лиц, на которых по должностным обязанностям будет возложено проведение упреждающей антикризисной деятельности и исполнение предписаний антикризисных комитетов более высокого уровня.

В основу функционирования подобных предприятий необходимо заложить общее антикризисное проектирование хозяйственной деятельности на соответствующей территории, результатом которого призвано стать достижение приемлемых финансовых результатов функционирования социально значимых объектов и существующих агропромышленных производств. В качестве ключевого направления их деятельности видится организация эффективного взаимодействия с имеющимися на местах сельскохозяйственными производствами как основными потенциальными создателями доходной финансовой базы соответствующей территории, а также с населением.

В качестве приоритетов антикризисного проектирования деятельности подобных субъектов хозяйствования следует выделить такие направления, как исполнение решений антикризисных комитетов районного, областного и федерального уровней, взаимодействие с органами власти и поддержание даже в кризисный период приемлемых финансовых результатов деятельности предприятий Аграрно-промышленного комплекса (далее — АПК).

С точки зрения необходимости формирования более эффективных отношений в финансово-кредитной сфере заслуживает особого внимания должная организация взаимодействия с кредитно-банковской системой по обеспечению населения в кризисный период жизненно важными ресурсами. В этом же ряду, организованному по степени важности, стоят следующие этапы: оказание необходимых экстренных транспортных услуг и проведение в чрезвычайных ситуациях восстановительных и ремонтных работ, в частности работ по восстановлению энергоснабжения. В качестве перспективного направления деятельности рассматриваемых предприятий видится оказание населению наиболее востребованных оплачиваемых услуг, например, проведение ремонта техники.

Ключевым моментом антикризисного проектирования финансовых результатов деятельности подобных комплексных муниципальных предприятий, а также близлежащих сельскохозяйственных и перерабатывающих производств, является то обстоятельство, что на первом этапе финансовые результаты их деятельности объективно не могут быть существенными, и по этой причине они будут нуждаться в антикризисной финансовой поддержке. Финансовые ресурсы государства, субъектов Российской Федерации и районов области, которые объективно необходимо выделять на антикризисные цели в упреждающем порядке, по нашему мнению, необходимо расходовать именно на создание и отладку деятельности подобных низовых антикризисных подразделений в относительно спокойный период.

Наряду с этими источниками финансирования всесторонний учет и реализация имеющегося спроса на предоставление различных платных услуг, изучение и освоение возможного потенциала роста спроса на предоставляемые услуги способны обернуться не только дополнительными доходами подобных комплексных муниципальных предприятий, но и общей активизацией экономической деятельности на соответствующей территории. Возрождение традиционных ремесел, производство уникальных изделий или возможность организации новых производств на местном сырье, вполне вероятно, сдерживается лишь объективными трудностями снабжения, транспортировки и организации сбыта. Конструктивное сотрудничество в этом плане представителей всей властной вертикали, банковской системы и союзов предпринимателей, на наш взгляд, может придать новый импульс производственным отношениям на удаленных территориях в масштабах южного макрорегиона страны.

Предлагаемый подход по осуществлению и применению на практике антикризисного проектирования финансовых результатов деятельности сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, по нашему мнению, вполне логично занимает промежуточное место в известных ранее направлениях формирования антикризисных мероприятий и позволяет объединить два достаточно серьезно исследованных ранее уровня антикризисной деятельности. С одной стороны — это создание общей антикризисной стратегии на государственном уровне, а с другой стороны, позитивное восприятие и практическое использование уже имеющихся подходов, традиционно применявшихся в ходе проведения хозяйственной деятельности на местах и накопленного ранее, в том числе и самими жителями удаленных населенных пунктов, опыта ведения дел.

Следует особо отметить, что никаких существенных противоречий между предлагающимися на соответствующих уровнях и озвученных ранее положениями не возникает. Более того, авторские предложения органично вливаются и, на наш взгляд, полностью согласуются с высказанными задолго до написания настоящей работы идеями.

Так, например, в монографии «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса» академик С.Ю. Глазьев говорит о том, что формирование антикризисной стратегии должно предусматривать следующее: создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию; формирование каналов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов [2, с. 226]. Ссылаясь на зарубежный опыт, он говорит о том, что система стратегического планирования должна включать выбор приоритетов технико-экономического развития; инструменты и механизмы их реализации; институты организации соответствующей деятельности и методы контроля за достижением необходимых результатов [1].

Позитивно оценивая принятие Концепции долгосрочного развития России до 2020 г., которая к настоящему моменту в согласованном и отредактированном виде опубликована в качестве Итогового доклада о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика» [3], он высказывает следующее справедливое, на наш взгляд, положение: «Для достройки систе-

мы стратегического планирования необходимо ввести нормы ответственности за достижение планируемых результатов и связать с ней инструменты макроэкономической политики, требуется установление правовых норм экономической ответственности организаций и административной ответственности руководителей за выполнение устанавливаемых правительством целевых показателей развития. Для этого необходимо принятие Федерального закона «О стратегическом планировании» и придание упоминавшейся концепции долгосрочного развития статуса планового документа, который необходимо учитывать при планировании бюджета, денежной политики и принятии других управленческих решений, включая программу антикризисных мер» [2, с. 227].

Положительное воздействие на предлагаемое антикризисное проектирование финансовых результатов деятельности субъектов хозяйствования на удаленных территориях может быть оказано в результате правильного восприятия, обобщения и использования на практике накопленного ранее опыта, частично изложенного в предыдущей авторской работе [4].

Технологическое планирование как в работе отдельного производственного звена, участвующего в ходе изготовления или сбыта продукции, так и в организации соответствующих социально-бытовых условий, является объективно востребованным и крайне необходимым в антикризисном плане. Следует внедрять и развивать перспективные методы его организации не только для общего улучшения социально-экономической ситуации, но и для проведения упреждающих антикризисных мероприятий.

Составление планов осуществления антикризисных действий, являющихся, по нашему мнению, закономерными составными элементами общего процесса антикризисного проектирования результатов финансовой деятельности предприятий на местах, в историческом плане логически продолжает традиции разработки, принятия и осуществления на практике использовавшихся ранее комплексных планов социально-экономического развития. Наряду с необходимостью достижения определенных производственных результатов они предусматривали решение вопросов подготовки кадров, изменения условий организации труда, организации взаимодействия со смежными структурами, строительными организациями, предприятиями, занимающимися дорожным строительством, установкой и ремонтом трансформаторных подстанций. В этих планах особая роль отводилась осуществлению целенаправленной социально-экономической работы, в том

числе не только на уровне каждого населенного пункта, но также и производственного отделения (например, удаленной животноводческой точки или отдельной бригады).

Основную антикризисную нагрузку по реализации общегосударственной антикризисной стратегии в сфере АПК, с нашей точки зрения, логично возложить именно на комплексные муниципальные предприятия, призванные учитывать инициативы, проявляемые снизу при решении возможных предстоящих проблем кризисного характера. Необходимые действия следует продумывать и пытаться предвидеть заранее, создавая необходимые запасы антикризисных ресурсов, целесообразно также заблаговременно формировать и отлаживать необходимое антикризисное взаимодействие.

По причине того, что зачастую крайне удаленные от районного центра населенные пункты могут территориально располагаться ближе к относительно более крупным населенным пунктам, принадлежащим соседним районам, в качестве особого приоритета видится возрождение основ межрайонной интеграции. Обеспечивая более эффективную отлаженность производственных процессов в территориальном плане, она может оказать серьезное позитивное воздействие и в антикризисном ключе.

Необходимо также проводить регулярный мониторинг состояния дел на соответствующих территориях с исправлением особо опасных ситуаций на уровне субъекта Российской Федерации и южного макрорегиона. Вопросы жизнеобеспечения, организации сбыта продукции и поддержания социально-культурных основ жизнедеятельности граждан следует комплексно исследовать, не замыкаясь лишь на принадлежности действующих производств к сельскохозяйственной отрасли. По этой логике и источники финансирования упреждающих антикризисных мероприятий неправильно определять лишь в рамках одного министерства. Информацию о состоянии дел и этапах проведения подготовительных антикризисных работ следует доводить до областного руководства, а также профильных антикризисных структур более высокого уровня.

По мнению автора, необходимо проведение целенаправленной работы по устранению искусственного размежевания между деятельностью предприятий АПК и инновационными предприятиями, занимающимися проблемами совершенствования и создания принципиально новых технических средств, способных серьезно облегчить жизнь граждан, проживающих на удаленных территориях.

В качестве потенциального инвестора антикризисных мероприятий могут быть рассмотрены

и такие научные учреждения, которые занимаются решением современных перспективных проблем фармакологии и здравоохранения. Увязывая свои приоритеты в снабжении необходимыми компонентами лекарственных средств не с иностранными поставками сырья, а с теми отечественными предприятиями, которые географически расположены на экологически чистых землях, то есть на таких участках, где необходимые растения произрастают (или потенциально могут произрастать), опираясь на подходящие почвенно-климатические условия, подобные учреждения автоматически включаются в отладку процесса антикризисного проектирования финансовых результатов деятельности предприятий АПК, расположенных на удаленных территориях.

Перспективным следует признать подход, предлагающий сосредоточение усилий на общем решении особо актуальных для экономики, социальной сферы, муниципального уровня управления и рядовых граждан проблем, специально выделяя их в качестве особо приоритетных. В результате чего достижение приемлемых финансовых показателей деятельности будет достигаться успешным решением задач, связанных с разными аспектами деятельности. Сюда относятся: здоровье граждан, демографическая проблема, освоение достижений науки, общая гармонизация социально-экономических отношений. Проблему поддержки малого бизнеса в соответствии с предлагаемой концепцией необходимо решать не в ориентации на скорейшую окупаемость инвестируемых средств, а на поддержание той основной деятельности, которая в рамках рассматриваемой местности позволяет снять наиболее острые вопросы, вызывающие социальное напряжение. По причине того, что, как правило, эти проблемы вбирают в себя необходимость решения наиболее существенных задач, стоящих перед предпринимателями, технологическими партнерами, медицинскими и образовательными учреждениями, централизованно финансировать необходимо прежде всего те проекты, которые позволят выстроить общую гармоничную систему связей и потенциально могут положительно сказаться на решении наиболее остро стоящих социальных проблем.

В целях отыскания оптимальных путей антикризисного финансирования на уровне района возможно создание объединения ведущих производителей, которое позволило бы отладить систему обеспечения граждан жизненно важными продуктами питания в кризисный период и своевременно сформировать для этой цели необходимые антикризисные ресурсы. Подобного рода объединения могут

в относительно спокойный период опереться на кредитные ресурсы банковской системы, закономерно включая ее в общий антикризисный процесс, тем самым открывая путь более эффективного и быстрого по времени предкризисного взаимодействия и повышая в результате общий антикризисный эффект.

Решение потенциальных антикризисных проблем в упреждающем порядке с опорой лишь на средства муниципального бюджета порой является крайне неэффективным и бесперспективным. Более эффективной представляется опора на широкий спектр возможностей антикризисного финансирования, опирающегося на комплексное развитие деловой активности населения, расширение кооперации, межрайонной интеграции, взаимодействия различных форм хозяйствования и преодоления ведомственных барьеров. Отыскание таких путей решения вопросов, лежащих в плоскости объединения в обобщенную финансовую группу заинтересованных производителей, переработчиков, сбытовых структур, информационных, консультационных служб, а также специальных подразделений, осуществляющих научное сопровождение деятельности от первоначального этапа проведения необходимых исследований до полной отладки производственного процесса, по-прежнему остается приоритетным.

Подход, предлагающий проведение целенаправленного антикризисного проектирования

финансовых результатов предприятий АПК, органично сочетающий в себе элементы стратегического планирования на государственном уровне, изучение проблем на уровне макрорегиона, использование возможностей составления планов экономического и социального развития на уровне субъектов РФ, комплексный подход по использованию имеющегося потенциала на уровне района и конкретного населенного пункта, открывает для этого необходимые возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев, С. Ю. Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования / С. Ю. Глазьев, Ю. В. Яковец. — М. : Государственный университет управления, 2008. — 575 с.
2. Глазьев, С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М. : Экономика, 2010. — 255 с.
3. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. // Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html> (дата обращения: 09.08.2013). — Загл. с экрана.
4. Козенко, Ю. А. Перспективное антикризисное финансирование аграрных территорий / Ю. А. Козенко // TERRA ECONOMICUS. — 2012. — Т. 10. — № 2, ч. 2. — С. 124 — 129.

ЭКОНОМИКА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ

УДК 332.146.2
ББК 65.042-962

РОЛЬ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ

Я.Я. Кайль

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты социально-экономических процессов на региональном уровне. Представлен региональный и муниципальный опыт повышения уровня социально-экономического развития субъектов РФ. Выявлены проблемы управленческого и правового порядка, сдерживающие взаимодействие федеральных, региональных и муниципальных органов власти по вопросу повышения уровня социально-экономического развития территорий. Предложены конкретные мероприятия по реализации задач социально-экономического развития субъектов РФ и эффективного участия в них муниципалитетов.

Ключевые слова: муниципалитет, социально-экономическое развитие, органы публичной власти, государственное и муниципальное управление, субъект РФ.

ROLE OF MUNICIPALITIES IN THE REALIZATION OF THE TASKS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ya.Ya. Kayl

The article deals with the theoretical and practical aspects of socio-economic processes at the regional level. Regional and municipal

experiences in enhancing socio-economic development of subjects of Russian Federation are presented. Management and legal problems, which order restraining the interaction of federal, regional and municipal authorities on the improvement of the level of socio-economic development of territories identified. Administrative and legal problems, that hinder of the cooperation between federal, regional and municipal authorities on the improvement of the level of socio-economic development of territories are shown. Concrete measures to implement the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation and the effective participation of municipalities are offered.

Key words: municipality, social and economic development, public authorities, public and municipal management, subject of the Russian Federation.

Уровень социально-экономического развития субъекта РФ является важным индикатором, так как он напрямую влияет на улучшение качества жизни населения и демонстрирует фактическое состояние экономики региона. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что этот процесс является бесконечным ввиду того, что запросы общества постоянно растут, и органы публичной власти вынуждены реагировать на них эффективно, используя все формы и методы стратегического управления субъектом РФ.

Социальное государство (как это следует из Конституции РФ) представляет собой государство, которое среди своих приоритетов видит социальную защиту населения, сюда можно отнести: разработку и осуществление государственной программы преодоления бедности; создание эффективной системы защиты населения от социальных рисков; осуществление защиты малообеспеченных семей, а также инвалидов, пожилых и других слаботзащищенных категорий населения. Такое социальное государство предполагает разграничение социальной ответственности между органами власти трех уровней — федерального, регионального и муниципального.

Органы власти каждого уровня несут ответственность за реализацию разрабатываемых ими социальных программ, обеспечивая эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры. Органы как государственной, так и муниципальной власти контролируют соблюдение социальных стандартов, расходование бюджетных средств, предназначенных на социальные нужды, а также выполняют другие функции социального характера, предусмотренные законодательством, соглашениями и договорами социальных партнеров. Распределение социальной ответственности между различными уровнями государственной власти и органами местного самоуправления осуществляется в соответствии с российским законодательством.

Четкой и однозначной дефиниции социально-экономического развития субъекта РФ пока не существует. Органы публичной власти и ученые-исследователи дают собственные определения этому процессу. Обычно при определении социально-экономического состояния субъектов РФ учитываются как объективные (макроэкономические условия, положение региона в общественном разделении труда, отраслевая структура, географическое положение, природные ресурсы), так и субъективные факторы (например, методы регионального управления).

Как мы видим, социально-экономическое развитие состоит из двух слоев: социального и экономического. Социальный понимается как общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе. Социальное развитие — это совокупность экономических, социальных, политических, духовных процессов, развертывающихся в обществе. Основными показателями экономического развития страны считаются качество жизни населения, конкурентоспособность экономики, ВВП, ВНП, человеческий капитал на душу населения и индекс экономической свободы.

В последние 5–7 лет органы государственного управления уделяют большое внимание важному этапу в развитии федеративных отношений — качественному повышению роли и ответственности субъектов РФ в решении задач социально-экономического развития страны. Регионы стали тем звеном государственной системы, от которого реально зависит рост благосостояния населения. Поэтому акцент в реализации социально-экономической политики сегодня сместился на региональный уровень. Здесь решается проблема жизнеобеспечения населения, так как региональные органы управления несут главную ответственность перед населением и центром за положение в

регионе. В качестве задач социально-экономического развития региона ставятся такие, как увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, снижение уровня нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы, обогащение культурной жизни.

Очевидно, что именно на региональном и местном уровнях власти происходит повседневное взаимодействие граждан с государством, решаются многие ключевые вопросы жизнеобеспечения. Поэтому от того, насколько эффективно функционируют органы власти на местах, в немалой степени зависит социальное самочувствие населения, уровень доверия к государству, его институтам и представителям. Решение этих вопросов укрепит основы благополучия России.

Под социально-экономическим развитием муниципального образования понимается процесс изменений в различных сферах жизни муниципального образования, направленный на достижение определенного уровня эффективности социальной (включая духовную) и экономической сфер в целях удовлетворения коллективных потребностей населения и реализации интересов государства [15].

Особая роль муниципальных органов как субъектов социальной политики обусловлена тем, что они в состоянии более полно учитывать особенности социально-экономического и культурного развития местного сообщества, гибко реагируя на местные потребности. Местное самоуправление осуществляется на том уровне властных отношений, на котором реализуются основные естественные потребности человека: в жилище, питании, водоснабжении, отдыхе, охране здоровья, благоприятной окружающей природной среде, образовании.

Природа муниципального уровня власти проявляется также в таком преимуществе, как более реальная подотчетность населению. Благодаря этому достигается большая гласность в принятии и осуществлении решений, а также предсказуемость результатов социальной политики. Следует также учитывать, что на этом уровне можно обеспечить в большей степени готовность жителей морально и материально поддержать предлагаемые властью мероприятия и оказать содействие их проведению [13].

Сегодня в России создаются такие финансово-экономические, организационные и правовые механизмы, которые позволят каждому субъекту РФ реализовать свои конкурентные преимущества и эффективно задействовать региональные интересы. Поставленные задачи и непрерывное усложнение экономики как объекта управления предопределяет реформи-

рование системы государственного управления социально-экономическими процессами.

Главными целями регионального управления выступают: обеспечение роста экономики на базе разумного сочетания рыночных механизмов и целевого регулирования органами власти; укрепление финансового положения региона за счет его деятельности, привлечения частных и иностранных инвестиций; повышение уровня жизни населения; сокращение безработицы, в том числе за счет развития малого и среднего бизнеса; выравнивание уровня экономического развития регионов посредством их экономического взаимодействия, а также взаимоотношений с федеральным центром.

На уровне субъекта РФ формируются собственные прогнозно-аналитические документы — региональные стратегии развития, которые определяют приоритеты и этапы реструктуризации экономики регионов [2].

Важным элементом совершенствования системы управления развитием экономики регионов являются стратегии социально-экономического развития федеральных округов (макрорегионов). Они позволяют детализировать цели и приоритеты социально-экономического развития России, определенные Президентом и Правительством РФ, обеспечить согласованность с этими целями и приоритетами стратегий развития субъектов РФ, входящих в состав соответствующего федерального округа, а также стратегий развития отраслей экономики и социальной сферы.

Каждый из восьми федеральных округов определил себе стратегические цели (табл. 1). Они, конечно, отличаются друг от друга, но основной их вектор направлен на улучшение уровня и качества жизни населения макрорегионов.

Сегодня руководством страны (Президентом и Правительством РФ) поставлен целый ряд задач перед главами субъектов РФ, нацеленных на активизацию внутренних резервов каждой российской территории. Каждая территория — от субъекта РФ до муниципального образования — должна иметь свою стратегию, отражающую ее специфику. Необходимо найти новый, оптимальный баланс между распределением полномочий и их обеспеченностью с финансовой и кадровой точки зрения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Наряду с этим, должна быть усилена роль регионов в федеральном законодательном процессе.

Президент России в Послании Федеральному собранию 2011 г. поставил задачу закрепить за муниципалитетами и регионами дополнительные источники доходов с целью укрепления их материальной базы. В Послании было

намечено, что доходы местных бюджетов значительно увеличатся, за каждым уровнем власти будут закреплены те полномочия, которые могут быть им реализованы наиболее эффективно. Наряду с делегированием полномочий сверху вниз, есть полномочия, которые предполагалось передать с уровня регионов на федеральный [5].

В последнее десятилетие у местного самоуправления происходит переосмысление социально-экономического развития муниципальных образований. При определении стратегических приоритетов развития страны и отдельных территорий приходит понимание необходимости ориентироваться на интересы и потребности человека по месту его жительства. В связи с этим возрастает роль органов местного самоуправления в процессе социально-экономического развития муниципальных образований. Требуется их активное участие в управлении этим процессом в качестве равноправных партнеров с органами государственной власти и населением. С этой целью осуществляются следующие меры: концентрация финансовых средств бюджетов всех уровней и внебюджетных источников; развитие социальной сферы и инженерной инфраструктуры в сельской местности; повышение престижности проживания в сельской местности; создание условий для закрепления трудовых ресурсов в сельской местности; расширение рынка труда и обеспечение его привлекательности [9].

Для развития социально-экономических процессов в стране Распоряжением Правительства РФ № 435-р от 2013 г. была утверждена Государственная программа РФ «Региональная политика и федеративные отношения», цель которой — обеспечение сбалансированного развития субъектов РФ. Задачами Программы предусмотрено: стимулирование органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления к наращиванию собственного экономического потенциала; совершенствование федеративных отношений и местного самоуправления, в том числе механизмов и условий передачи (делегирувания) полномочий РФ субъектам РФ; стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников на постоянное место жительства в РФ; содействие социально-экономическому развитию регионов; решение демографических проблем.

Российские регионы значительно отличаются друг от друга по уровню социально-экономического развития. Сокращение существующих различий между субъектами РФ является одним из ключевых приоритетов региональной политики. Основной задачей органов госу-

**Стратегические цели социально-экономического развития
федеральных округов РФ до 2020 г.**

№ п/п	Федеральный округ	Стратегическая цель социально-экономического развития
1	Центральный	Формирование пространства гармоничного развития путем создания условий для успешного развития человеческого капитала и повышения уровня жизни населения, формирования комфортной среды проживания и эффективной экономики
2	Южный	Превращение в лидера инновационного развития страны, в оплот стабильности и мощного конструктивного российского влияния на территории Кавказского макрорегиона, в черноморском и каспийском бассейнах
3	Северо-Западный	Устойчивое повышение благосостояния населения и сокращение различий в условиях жизни в субъектах РФ, входящих в состав округа, на основе выбора наиболее эффективных приоритетов развития, модернизации экономической базы и активизации инвестиций, интеграции экономического пространства и межрегионального сотрудничества
4	Дальневосточный	Формирование эффективной экономики и комфортной среды обитания населения, достижение среднероссийского уровня социально-экономических показателей в интересах решения геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке
5	Сибирский	Обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей национальную безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе
6	Уральский	Максимально возможное повышение уровня и качества жизни, стабилизация и рост численности населения на основе устойчивого инновационного развития, диверсификации и модернизации экономики
7	Приволжский	Улучшение качества жизни населения за счет повышения производительности труда и формирования конкурентоспособной экономики округа на основе сбалансированного взаимовыгодного партнерства гражданского общества, бизнеса и власти
8	Северо-Кавказский	Обеспечение условий для опережающего развития реального сектора экономики в субъектах РФ, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, создания новых рабочих мест, а также для повышения уровня жизни населения

Примечание. Составлено автором по: Стратегия социально-экономического развития федеральных округов на период до 2020 года; Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года.

дарственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ должно стать выявление и раскрытие потенциала развития каждого региона с целью максимального использования имеющихся преимуществ. С другой стороны, имеющаяся дифференциация регионов приводит к необходимости принятия мер, направленных на выравнивание уровня бюд-

жетной обеспеченности субъектов РФ. Активное участие в достижении результатов региональной политики принимают органы местного самоуправления, институты гражданского общества, граждане РФ [12].

Значительное влияние на социально-экономическое развитие территорий оказывает деятельность органов местного самоуправле-

ния. Вместе с тем по-прежнему актуальными остаются вопросы законодательного регулирования объемов полномочий органов местного самоуправления, укрепления финансовой самостоятельности муниципальных образований, а также создания условий для обеспечения органов местного самоуправления специалистами с высоким уровнем квалификации.

В целях обеспечения эффективной деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ по реализации общенациональных задач и создания стимулов для повышения их вклада в региональное социально-экономическое развитие Указом Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» утверждена система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти в регионах. Данная система является важным инструментом для оценки проводимой органами государственной власти субъектов РФ региональной политики и складывается из двух компонентов: оценки результативности деятельности (на основе количественных показателей и их динамики) и оценки удовлетворенности населения деятельностью органов исполнительной власти субъектов РФ. В целом система оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ позволяет стимулировать их к работе по улучшению качества жизни населения и развитию экономики регионов.

Налоговая база федеральных налогов и сборов, зачисляемых в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ, отличается крайней неравномерностью распределения как в разрезе субъектов РФ, так и в разрезе отдельных муниципальных образований. В 2011 г. 62 % налоговых доходов консолидированного бюджета России поступили с территории 10 субъектов РФ, в которых проживает 27 % населения страны. При этом 42 % поступлений по налогу на добавленную стоимость аккумулировались на территории 2 субъектов РФ (Москва и Московская область), 81 % налога на прибыль — на 15 субъектов РФ, 96 % поступлений от налога на добычу полезных ископаемых — на 13 субъектов РФ.

Различия в социально-экономическом развитии муниципальных образований и, как следствие, дифференциация налогового потенциала местных бюджетов также значительны. В настоящее время 64,3 % налоговых доходов местных бюджетов аккумулируется в бюджетах городских округов, 25,8 % — в бюджетах муниципальных районов и лишь 9,9 % — в бюджетах поселений.

Создание системы государственного и муниципального управления является одной из приоритетных задач в рамках реализации указов Президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

В предстоящие годы планируется завершить переход к формированию регионального и местных бюджетов по программно-целевому принципу расходования бюджетных средств, позволяющему увязать бюджетное планирование со стратегическим планированием социально-экономического развития региона [11]. Например, для сбалансированности местных бюджетов, направленных на обеспечение дополнительного финансирования программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований Волгоградской области, ежегодно предоставляются дотации [1].

В целом по стране на муниципальном уровне принято большое количество программ, направленных на развитие экономических и социальных процессов (табл. 2).

Если «маятник» социального самочувствия после кризиса 2008 г. находился на отметке «плюс», то сейчас он вновь качнулся в сторону нулевой отметки, и его дальнейшее движение в нежелательном направлении сдерживается лишь относительно приемлемым для населения уровнем экономической и политической стабильности. При этом сложилась довольно редкая общественная ситуация, можно сказать, «эффект ножниц», когда при возросшей удовлетворенности большинства населения своей материальной обеспеченностью в массовом сознании нарастают критические оценки сложившейся в стране обстановки. Основная причина этого состоит в том, что рост материальной обеспеченности не сопровождается улучшением других сторон качества жизни людей. Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан в значительной степени обусловлено сужением каналов социальной мобильности. Возможности у россиян улучшить свое положение в обществе за счёт смены места жительства сегодня практически отсутствуют [4].

В настоящее время к основным проблемам деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления можно отнести: неэффективные расходы в различных сферах государственного и муниципального управления; недостаточно быстрое и эффективное реформирование различных отраслей народного хозяйства регионов; низкое качество предоставляемых населению государственных и муниципальных услуг; низкую удов-

Примеры целей утвержденных муниципальных программ

№ п/п	Муниципальное образование	Программа	Цели муниципальной программы
1	Новоигирминское городское поселение Нижнеилимского района Иркутской области	«Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства в Новоигирминском городском поселении на 2014 год»	Создание благоприятных условий для появления, развития и устойчивого функционирования малого и среднего предпринимательства, увеличения его вклада в решение задач социально-экономического развития Новоигирминского городского поселения
2	Михайловский муниципальный район Амурской области	Долгосрочная целевая программа «Поддержка и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Михайловском районе Амурской области на 2013–2016 годы»	Создание благоприятных условий для устойчивого функционирования и развития малого и среднего предпринимательства, повышение его роли в социально-экономическом развитии района
3	г. Таганрог Ростовской области	Муниципальная программа г. Таганрога «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2014–2016 годы»	Создание благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса; формирование сбалансированной инновационной системы для обеспечения устойчивого экономического развития г. Таганрога; формирование конкурентоспособной туристской индустрии, способствующей социально-экономическому развитию г. Таганрога
4	г. Минусинск Красноярского края	«Социально-экономическая поддержка интересов населения города Минусинска на 2014–2016 годы»	Создание благоприятных условий для устойчивого функционирования и развития малого и среднего предпринимательства на территории г. Минусинска, выполнение обязательств данного муниципального образования по повышению качества жизни отдельных категорий граждан
5	г. Губкинский	«Экономическое развитие и инновационная экономика муниципального образования г. Губкинский на 2014–2016 годы»	Создание благоприятных условий для устойчивого развития экономики и роста занятости населения г. Губкинского на основе использования научно-технического и инновационного потенциалов; создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования г. Губкинский

Примечание. Составлено автором по: [6–8; 10].

летворенность населения деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В значительной степени эффективность осуществляемой региональной политики связана с деятельностью по развитию системы

местного самоуправления. Принимая во внимание значительный объем полномочий, осуществляемых в настоящее время в рамках муниципального управления, следует отметить, что реализация территориальных, организационных и правовых основ организации местного само-

управления в РФ оказывает непосредственное влияние на развитие ее субъектов.

Современная модель местного самоуправления, основанная на положениях Федерального закона № 131-ФЗ, закрепила необходимые гарантии развития одного из наиболее востребованных институтов народовластия. По состоянию на 1 января 2013 г. местное самоуправление в РФ осуществляется в 23 001 муниципальном образовании, в том числе в 517 городских округах, 1 818 муниципальных районах, 1 692 городских поселениях, 18 717 сельских поселениях, а также в 257 внутригородских муниципальных образованиях городов федерального значения.

Органы местного самоуправления поселений в настоящее время ответственны за решение 39 вопросов местного значения, органы муниципальных районов — за решение 37 вопросов местного значения, органы городских округов — за решение 44 вопросов местного значения. Кроме того, органы местного самоуправления поселений наделены 10 правами, органы муниципальных районов — 9 правами, органы городских округов — 10 правами. Вместе с тем за прошедшие 10 лет с момента принятия Федерального закона № 131-ФЗ обозначился ряд проблем, препятствующих эффективному развитию местного самоуправления.

Границы и статус муниципальных образований во многих случаях установлены без учета экономического потенциала территории муниципального образования и сложившейся в субъектах РФ системы миграции населения. Следствием этого становится неспособность органов местного самоуправления небольших (в первую очередь сельских) поселений самостоятельно осуществлять все полномочия, в связи с чем распространяется практика заключения соглашений поселениями и муниципальными районами о передаче последним вопросов местного значения (в 2012 г. более 79 % поселений заключили соответствующие соглашения).

Наделение муниципальных образований новыми расходными обязательствами не сопровождается закреплением дополнительных источников финансирования. При этом доходная часть местных бюджетов большинства муниципалитетов формируется практически полностью за счет межбюджетных трансфертов из бюджетов других уровней бюджетной системы РФ [12].

Современная Россия характеризуется чрезмерной пространственной дифференциацией экономики. Пространственные разрывы не позволяют использовать потенциал имеющейся территории. Смягчение глубины межрегиональных различий требует анализа региональных

связей, поэтапного выстраивания стратегии развития отдельных территорий. Эта задача не может быть решена без использования комплексной экономической политики, позволяющей связать цели развития отдельных регионов с задачами, стоящими перед всей страной.

Индекс Джини, характеризующий степень неравномерности в распределении доходов, превышает 0,4 и находится на уровне южноафриканских стран. Социальные различия между богатыми и бедными группами населения составляют 16:1. При этом, как следует из мировой практики, предельно критическое значение данного показателя составляет (8—10):1. За двадцать лет эти различия увеличились практически в четыре раза. В частности, на 10 % наиболее богатых домохозяйств страны приходится 31,9 % располагаемых ресурсов всех домохозяйств, а на 10 % наименее обеспеченных — 2,6 %. У 73 % работников российских организаций заработная плата ниже средней заработной платы по экономике. Это только официальные данные. Реальные показатели расслоения общества, по оценкам специалистов, значительно выше.

Большую опасность для единства страны таит в себе существенная межрегиональная дифференциация уровня жизни. Различия в среднедушевых доходах достигают шести раз (Ненецкий АО — 54 632 руб., Калмыкия — 8 289 руб.). Внутрирегиональное неравенство в некоторых регионах намного превышает официально зарегистрированный российский уровень. Самое высокое расслоение населения по уровню доходов — в Москве, где индекс Джини равен 0,5 [4].

Проблема управления экономикой региона должна рассматриваться в рамках концепции местного самоуправления в целом. Последняя не сводится только к поиску оптимальных форм и методов взаимодействия региональных и муниципальных органов. Важным моментом организации самоуправления является определение функций самих территориальных органов различных уровней исходя из целей и задач развития всего региона. В соответствии с федеральным законодательством им принадлежат основные функции регулирования рыночных отношений в пределах территории, бюджетно-финансовой политики и оперативного управления хозяйством [14].

Система прогнозирования и планирования социально-экономического развития страны и ее регионов должна опираться на единую общегосударственную правовую базу и содержать единый организационно-правовой механизм взаимодействия органов государственной власти федерального и регионального уровней, орга-

нов местного самоуправления и корпораций. Этот механизм должен обеспечивать интеграцию интересов и ресурсных возможностей всех заинтересованных сторон при разработке и реализации федеральных и региональных целевых научно-технических программ, ведомственных и корпоративных программ научно-технического развития, программ и планов муниципальных образований по развитию науки, техники и технологий. С его помощью субъекты РФ и крупные муниципальные образования должны получить возможность участвовать в финансировании федеральных целевых программ, реализуемых на их территории, с одновременным расширением полномочий органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в управлении реализацией этих программ.

Полноценный учет пространственных факторов призвана обеспечить обновленная государственная пространственная политика. Регулятивные нововведения должны привести к ускорению и повышению сбалансированности развития регионов и муниципальных образований, преодолению ставших хроническими недостатков, к которым относятся: чрезмерно сильные диспропорции в уровнях социально-экономического развития регионов и муниципалитетов, сохранение депрессивных состояний многих регионов и муниципальных образований; несбалансированность регионального и муниципального развития.

Пространственная политика призвана и должна обеспечить переход от малоэффективной модели централизованного вложения средств федерального бюджета в отсталую экономику регионов и муниципалитетов к их саморазвитию, сопряженному с интересами бизнеса, который играет возрастающую роль в преобразовании экономического пространства.

Необходимо также проведение селективной пространственной политики, выражающейся в целенаправленном влиянии на определенные территории для перехода от спонтанного реагирования «центра» на «сигналы о помощи» отдельных регионов к систематическому мониторингу положения в них, выявлению и оценке региональных ситуаций, требующих федерального вмешательства, выработки и применению мер такого вмешательства.

Как известно, важнейшую роль в развитии экономики страны призвано играть местное самоуправление. В его распоряжение должны быть переданы необходимые административные и финансовые ресурсы для решения большинства бытовых, бытовых вопросов граждан и обеспечения их безопасности. Для этого необходимо перераспределение в их

пользу административных полномочий и финансовых ресурсов за счет субъектов федерации. Пока же процесс идет в противоположном направлении. Если в 1990-е гг. соотношение бюджетов органов местного самоуправления и субъектов федерации было 50 : 50, то сегодня уже — 25 : 75.

Представляется необходимым законодательное закрепление требования об обязательном учете пространственных условий и оценке пространственных последствий решений, принимаемых федеральными органами власти, введение пространственного разреза во всех видах прогнозных, плановых и оперативных документов, разрабатываемых и принимаемых на федеральном уровне [4].

Совершенствование финансовых и налоговых отношений между РФ и ее субъектами, а также между органами государственной власти и местного самоуправления должно быть направлено на повышение уровня бюджетного самообеспечения субъектов РФ и муниципальных образований. Для этого необходимо закрепление за субъектами РФ постоянных финансовых, и прежде всего налоговых, источников доходов для самостоятельного формирования бюджетов. Это позволит уменьшить неоправданные встречные финансовые потоки между бюджетами различных уровней, снизить объемы федеральной финансовой поддержки регионов, способных к самофинансированию. Необходимо сделать заинтересованными участниками этого процесса все субъекты РФ и каждый муниципалитет.

Движение финансовых потоков между уровнями публичной власти и их влияние на уровень социально-экономического развития территорий представлены на рисунке 1.

Информация на рисунке 1 наглядно демонстрирует три типа субъектов РФ: депрессивные, реципиенты — «среднечки» и регионы-доноры. Движение финансовых потоков между уровнями публичной власти (федеральным, региональным и муниципальным) позволяют констатировать результаты социально-экономического развития и их уровни: низкий, средний и высокий. Если исходить из того, что в России примерно 12–15 регионов-доноров, то несложно посчитать, что только в каждом шестом субъекте РФ высокий уровень социально-экономического развития.

Результаты нашего исследования дают возможность сформулировать ряд предложений по совершенствованию роли системы местного самоуправления в реализации задач социально-экономического развития субъектов РФ.

Регионы и муниципальные образования выступают партнерами федерального центра,

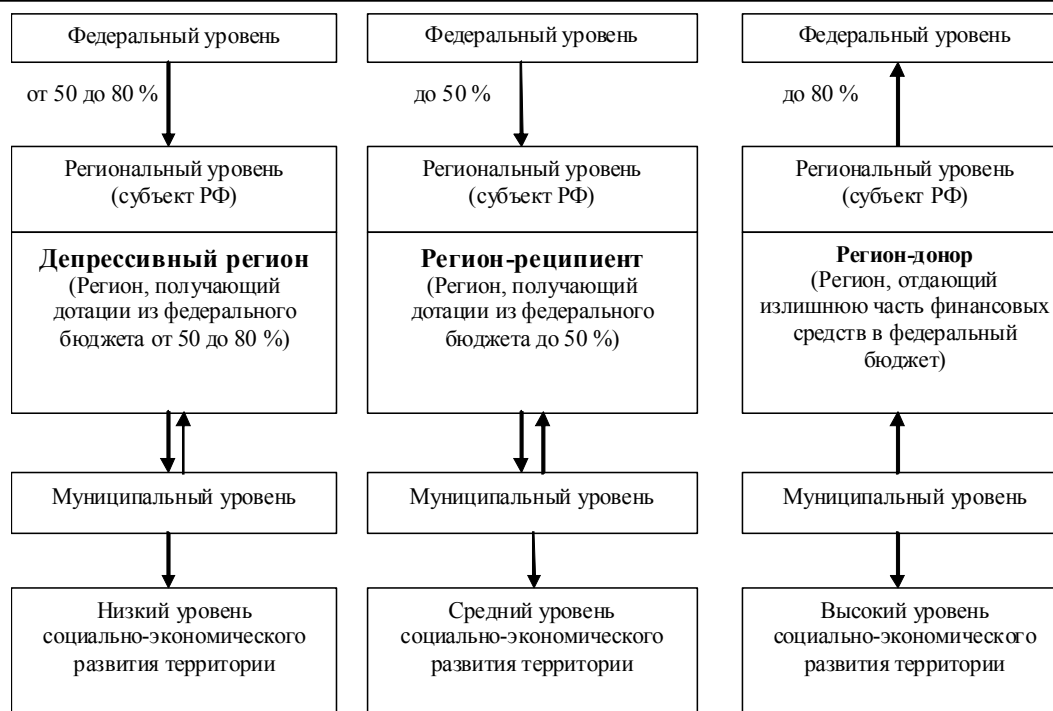

Рис. 1. Движение финансовых потоков между уровнями публичной власти и их влияние на уровень социально-экономического развития территорий

Примечание. Составлено автором.

реализующими переданные им функции по формированию инвестиционных проектов, инвестиционных площадок, реализации проектов, развитию рынков. При этом основные регулирующие полномочия следует закрепить за РФ, а исполнительно-распорядительные — за регионами и муниципалитетами.

Инвестиционные проекты делятся на национальные, межрегиональные, региональные, межмуниципальные и муниципальные. Управление ими организуется на соответствующих уровнях.

Федерация, регионы и муниципалитеты субсидируют работу по формированию проектов и инвестиционных площадок, а также обеспечивают, соответственно своим полномочиям, создание необходимой инфраструктуры (для которой устанавливаются сроки и механизмы окупаемости в рамках реализуемых проектов) [3].

В конце 2011 г. был принят Федеральный закон № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Основная цель принятия закона — сокращение различий в уровне социально-экономического

развития субъектов РФ путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в их экономику. Принятие закона позволяет ряду регионов с низким уровнем экономического развития получить существенный толчок в социально-экономическом развитии за счет создания привлекательного инвестиционного климата, возможности реализации перспективных проектов, создания новых рабочих мест.

Необходимо, чтобы региональная политика в РФ была направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов РФ, на сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни граждан.

В части развития местного самоуправления основные мероприятия необходимо направить на конкретизацию объемов полномочий органов местного самоуправления в отраслевом законодательстве и их синхронизацию с финансовым обеспечением реализации указанных полномочий, на создание действенных механизмов, обеспечивающих развитие межмуниципальной кооперации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волгоградской области выделили на поддержку мер по обеспечению сбалансированности местных бюджетов для реализации программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования в 2013 году // Волгоградская правда. — 2013. — 03 июля (№ 118).
2. Киричук, С. М. Повышение роли регионов как условие качественного развития России / С. М. Киричук // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ №3 (446) 2012 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2012/VSF_NEW201202011100/VSF_NEW201202011100_p_002.htm (дата обращения: 23.02.2014). — Загл. с экрана.
3. Миронов, Н. Укрупнение муниципальных образований: риски и перспективы / Н. Миронов. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.amrinfo.ru/?p=222> (дата обращения: 26.02.2014). — Загл. с экрана.
4. Некипелов, А. Д. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / А. Д. Некипелов, В. В. Ивантер, С. Ю. Глазьев. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: www.ras.ru/FStorage/Download.aspx? (дата обращения: 20.02.2014). — Загл. с экрана.
5. Перечень поручений Президента РФ. 28 декабря 2011 года был утвержден перечень поручений Президента по реализации Послания Федеральному Собранию. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/assignments/9724> (дата обращения: 21.02.2014). — Загл. с экрана.
6. Постановление № 10 от 15.01.2014 г. Администрации Новоигирминского городского поселения Нижнеилимского района Иркутской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: [http://new-igirma.irkobl.ru/.../от 15 января № 10.doc](http://new-igirma.irkobl.ru/.../от%2015%20января%20№%2010.doc) (дата обращения 20.02.2014). — Загл. с экрана.
7. Постановление № АГ-2023-п от 31.10.2013 г. Администрации города Минусинска Красноярского края «Об утверждении муниципальной программы "Социально-экономическая поддержка интересов населения города Минусинска на 2014–2016 годы"». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://minusinsk.info/documents/document1383879046.docx> (дата обращения: 20.02.2014). — Загл. с экрана.
8. Постановление № 2619 от 30.10.2013 г. Администрация города Губкинского Ямало-Ненецкого автономного округа — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.gubadm.ru/documents/04oficdoc/2013/2619.doc> (дата обращения: 20.02.2014). — Загл. с экрана.
9. Постановление администрации Фроловского муниципального района Волгоградской обл. № 852 от 04.10.2013г. «Об утверждении муниципальной программы "Социальное развитие села на 2014 – 2016 годы по Фроловскому муниципальному району"» // Фроловские вести. — 2013. — 12 ноября (№ 41).
10. Постановление главы Михайловского района № 1048 от 12.11.2012 г. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.mihadmin28.ru/.../3-2016-.doc> (дата обращения: 25.02.2014). — Загл. с экрана.
11. Постановление Правительства Волгоградской области № 696-п от 09.12.2013 г. «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2014 – 2016 годы» // Волгоградская правда. — 2013 — 18 декабря (№ 237).
12. Распоряжение Правительства РФ № 435-р от 26.03.2013 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения» // Собрание законодательства РФ. — 01.04.2013 — № 13. — Ст. 1600.
13. Роль муниципалитетов в выработке и реализации социальной политики государства — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://gov.cap.ru/home/71/2009/123/chapter2_4.htm (дата обращения: 26.02.2014). — Загл. с экрана.
14. Характерные особенности региональной экономики. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://lib5.podelise.ru/docs/55700/index-897.html?page=6> (дата обращения: 18.02.2014). — Загл. с экрана.
15. Шматова, Е. С. Роль муниципальной собственности в социально-экономическом развитии муниципального образования / Е. С. Шматова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2013. — № 10. — С. 26–29.

УДК 338.24.01
ББК 65.050.0

РАЗВИТИЕ ПАРТИСИПАТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ ЮФО

В.С. Епинина

В статье обоснована актуальность партисипации в ракурсе публичного управления. Выявлены главные условия развития партисипативных институтов за рубежом. Раскрыты особенности и основные проблемы их развития в ЮФО на примере трех институтов: краудсорсинга, Общественного совета, оценки регулирующего воздействия. Предложены мероприятия по решению данных проблем.

Ключевые слова: партисипация, публичное управление, ЮФО, институт, краудсорсинг, Общественный совет, оценка регулирующего воздействия, интернет-технологии.

DEVELOPMENT OF THE PARTICIPATIVE INSTITUTES OF THE PUBLIC MANAGEMENT IN THE REGIONS OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

V.S. Epinina

The urgency of the participation in public management is substantiated. The main conditions for the development of participative institutions abroad are identified. The peculiarities and main problems of the development of participative institutions in the SFD for example of crowdsourcing, Public Council and regulatory impact assessment are disclosed. The measures to address these problems are proposed.

Key words: participation, public management, SFD, institute, crowdsourcing, Public Council, regulatory impact assessment, Internet-technologies.

Для современного публичного управления огромное значение имеет эффективная деятельность органов системы публичной власти, которую невозможно достичь без их активного взаимодействия с населением при решении общественно значимых вопросов, то есть без партисипации.

Термин «партисипация» в том или ином его проявлении используется в различных научных областях: в экономике, социологии, политике, психологии, юриспруденции и т. д. В ракурсе государственного менеджмента акцент делается на развитии теоретических и методологических основ принятия и реализации государственных решений с соответствующим уменьшением области субъективных (политических) решений оперативного характера. Поэтому приоритет отдается управленческому направлению, что осуществляется посредством активизации деятельности органов системы публичной власти по привлечению населения к управленческому процессу.

Главными условиями развития партисипативных институтов за рубежом являются транспарентность деятельности органов системы публичной власти и открытый доступ для населения к правительственной информации. В контексте реализации концепции электронного правительства приоритетными направлениями партисипативной ориентации публичного управления в зарубежных странах (Великобритании, США, Канаде, Испании, Норвегии, Эстонии, Израиле, Танзании, Японии и др.) обозначены:

1. Открытые данные — создание интернет-ресурсов, содержащих единые открытые базы данных всех органов системы публичной власти.
2. Открытый бюджет — система контроля за расходованием бюджетных средств.
3. Электронные обсуждения, голосования, петиции.
4. Электронные сервисы, консультации [4, с. 44].

Подобно зарубежной практике, развитие партисипативных институтов в России находит свое отражение в активизации транспарентного и интерактивного формата партисипативных отношений за счет экспансии возможностей использования в публичном управлении интернет-технологий. Так, наблюдается расширение масштабов интерактивного общения (он-лайн-взаимодействия) госорганов с гражданами через среду Интернет: сайты «Большоеправительство.рф» (запущен 31.10 2011 г.) и «Россиябездураков.рф» (запущен 20.01 2012 г.), форумы, интернет-порталы, он-лайн-приемные [10] политиков и государственных учреждений

дений. Успешная реализация возможностей интернет-технологий имеет своим результатом прозрачную вертикаль (и горизонталь) власти, потребляющую значительно меньше бюджетных средств и открытую для взаимодействия с гражданами, что способствует организации и содержательному наполнению партисипативного процесса.

Современное состояние партисипативных институтов в России может характеризоваться как многообразное, обеспечивающее рост инструментальности и встроенности населения в процесс работы органов системы публичной власти. Через партисипативные институты реализуются принципы и нормы партисипативных интеракций органов системы публичной власти с населением. Изучение российского опыта осуществления партисипации позволяет диагностировать развитие конструктивного взаимодействия органов системы публичной власти с общественностью, инструментов общественного контроля и достижения взаимных (общих) интересов (табл. 1).

Общероссийская практика ориентации публичного управления субъектов РФ на партисипативные отношения органов системы публичной власти с населением свидетельствует о расширении и улучшении возможности привлечения в работу органов системы публичной власти населения, способствующего повышению качества принимаемых управленческих решений. Данная тенденция характерна (хоть и в разной мере) и для субъектов РФ, входящих в состав Южного федерального округа (далее — ЮФО): Республик Адыгеи и Калмыкии, Краснодарского края, Астраханской, Волгоградской и Ростовской областей.

Рассмотрим особенности и основные проблемы развития партисипативных институтов публичного управления в ЮФО на примере трех, на наш взгляд, наиболее актуальных для настоящего времени (см. табл. 2).

Одним из современных партисипативных институтов является краудсорсинг, предполагающий изначальное осуществление общественной экспертизы проектов решений органов системы публичной власти, затрагивающих интересы значительного количества жителей страны (региона, города), то есть учет общественного мнения при принятии управленческих решений, своевременное и эффективное решение существующих проблем, повышение доверия к власти. В ЮФО краудсорсинг начал активно использоваться только в Волгоградской области в рамках проекта «Общество и власть: вместе на благо Волгоградской области», который стартовал в октябре 2012 г. с целью повышения уровня жизни людей, расши-

рения возможностей их самореализации, включенности в решение задач, которые стоят перед регионом, формулировании текущих задач и перспективных направлений деятельности региональных органов власти и управления [9]. В остальных субъектах РФ ЮФО изучение возможностей реализации данного партисипативного института находится на начальном теоретическом этапе.

В настоящее время уже можно говорить о наличии достаточно серьезных проблем, препятствующих достижению максимального результата от реализации краудсорсинговых проектов, которые характерны не только для ЮФО, но и для России в целом. В первую очередь речь идет о низкой социальной активности (безынициативности) граждан, устранившихся от участия в решении вопросов развития территорий ввиду полной уверенности в том, что их мнение и предложения в конечном итоге не будут востребованными у органов системы публичной власти. Данное обстоятельство подтверждается низкой долей жителей субъектов РФ (муниципалитетов), участвующих в краудсорсинговых проектах, реализуемых органами системы публичной власти. Так, в Волгоградской области (численность населения — 2 583 002 чел. [8]) число зарегистрированных участников краудсорсингового проекта на дату его завершения составило 2 228 чел. [9], что составляет менее 9 % от общего числа жителей данного субъекта РФ. Аналогичная картина наблюдалась при реализации краудсорсинговых проектов в Приморском крае, Архангельской области, Ярославле, Зеленограде.

Для повышения осознания важности роли партисипации в публичном управлении как со стороны органов системы публичной власти, так и со стороны населения, а также для устранения негативных факторов, препятствующих результативному осуществлению краудсорсинговых проектов, необходимы:

- повышение открытости и доступности местных властей, информированности населения о проблемах региона (муниципального образования), путях их решения, возможных формах участия в решении общественно-значимых вопросов;
- активизация информирования населения о позитивных результатах партисипативных взаимодействий, возможностей экономии бюджетных средств, реальных примерах воздействия на деятельность органов системы публичной власти, доведение до конкретных участников партисипативных взаимодействий результатов реализации совместно разработанных решений (программ);
- организация органами власти всех уровней (в первую очередь — органами мест-

Примеры результатов эффективного осуществления партисипации органами системы публичной власти

№ п/п	Практика эффективного взаимодействия власти и общественности	Основные результаты партисипации
1	В Республике Бурятия по инициативе администрации с. Турка, а также общественных организаций «Турка» и «БРО по Байкалу» было осуществлено согласование интересов органов системы публичной власти, бизнеса и местных жителей по вопросам строительства объектов туристско-рекреационной особой экономической зоны «Байкал». К обсуждению и совместному решению проблем, возникающих при строительстве объектов, была привлечена общественность	Выявлены и нивелированы риски и ущербы при строительстве объектов, разработан механизм общественного договора, подписанный представителями сельских администраций, эcobизнеса и НКО
2	В г. Каменске-Уральском Свердловской области общественными объединениями и отдельными гражданами осуществляется негосударственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления. Публичная дискуссия по вопросам местного самоуправления организована в виде открытого диалога в рамках Общественных советов	Население активно участвует в общественно-политической жизни города, в том числе в публичных слушаниях, в выработке решений органов местного самоуправления
3	В Сокольском муниципальном районе Вологодской области на официальном Интернет-сайте администрации размещаются проекты решений, выносимых на очередные сессии с целью проведения публичной независимой экспертизы	Граждане оперативно и в удобное для них время знакомятся с проектами решений муниципального собрания, обсуждают их и представляют свои предложения
4	Во внутригородском муниципальном образовании Восточное Измайлово (Москва) проводятся открытые расширенные заседания муниципального собрания	Принятые решения и предложения участников заседания учитываются в формировании планов и программ социально-экономического развития территории
5	В Волгограде, Астрахани и др. на основании опросов граждан происходит формирование городского бюджета (проект «Народный бюджет») с учетом выбранных приоритетов бюджетного финансирования	Население может непосредственно влиять на расходование бюджетных средств, сообщая об имеющихся проблемах, внося предложения по улучшению жизни территории. Проблемы и направления развития города, обозначенные горожанами, становятся приоритетными направлениями бюджетной политики властей города
6	На территории городского округа Шуя (Ивановская область) функционируют общественные уличные комитеты (уличкомы), осуществляющие в том числе целенаправленную работу по организации регулярного вывоза ТБО из частных домовладений, подготовке и проведению субботников и праздников микрорайонов	Сокращен рост самопроизвольных свалок. Сэкономленные на ликвидации свалок средства направляются на дополнительные мероприятия по благоустройству частного сектора
7	При совете муниципального образования «Красноярский сельсовет» Красноярского района Астраханской области в качестве совещательного консультативного органа функционирует общественная Молодежная палата	Разработаны и реализованы проекты «Помоги родной природе», «Красный Яр глазами туристов»
8	При администрации муниципального образования «Красноярский сельсовет» Красноярского района Астраханской области работает Совет Старейшин, состоящий из авторитетных пожилых людей с богатым жизненным и профессиональным опытом	Представители старшего поколения включены в совершенствование системы управления сельсовета, участвуют в мероприятиях по решению насущных вопросов его жизнедеятельности.

Примечание. Составлено по: [2; 5 – 7; 12].

**Целевые функции и основные проблемы развития
партисипативных институтов публичного управления в ЮФО**

№ п/п	Институты	Целевые функции	Проблемы развития
1	Краудсорсинг	Принятие эффективных управленческих решений с учетом мнений, требований и предложений населения путем предоставления возможности на определенной интерактивной платформе высказывать предложения, обсуждать и оценивать их; учет мнения населения при совершенствовании правовых актов (активное привлечение граждан к разработке проектов нормативных документов в форме прямой работы над текстом того или иного правового акта)	Низкая степень общественной активности населения, высокий уровень недоверия граждан к деятельности властей; незаинтересованность местных руководителей в партисипативном взаимодействии, имитация активной работы с населением
2	Общественный совет	Выработка совместного плана действий (направленных на конкретный результат), обеспечение прав и интересов граждан в процессе реализации полномочий органами системы публичной власти, повышение качества принимаемых решений и качества работы государственного аппарата в целом, формирование новой культуры взаимодействия, поиск компромиссов и взаимовыгодных подходов	Формирование «удобного» для органов системы публичной власти общественного совета с лояльными членами (в том числе по причине закрытого механизма отбора граждан в состав общественного совета); «декоративный» характер деятельности Общественных советов в большинстве министерств и ведомств; нелимитированная ответственность общественного совета перед соответствующим министерством; низкая вероятность участия в заседаниях общественного совета жителей удаленных территорий
3	Оценка регулирующего воздействия	Проведение эффективных консультаций с потенциальными адресатами правовых норм (а также с прочими заинтересованными группами, например, общественными объединениями предпринимателей, активными гражданами, заинтересованными в повышении качества действующего законодательства) с целью существенного сокращения издержек предпринимательского сообщества и бюджетов всех уровней на исполнение избыточных требований и осуществление контроля за их соблюдением	Низкая степень информационной открытости деятельности региональной и муниципальной власти для бизнес-сообщества; отсутствие постоянно действующих диалоговых площадок с представителями бизнес-структур; незаинтересованность бизнес-сообщества во взаимодействии с органами системы публичной власти

Примечание. Составлено автором.

ного самоуправления) постоянно действующих механизмов организационной, моральной поддержки активных граждан, создание специальных (интерактивных) площадок для коммуникаций власти и общественности;

- разработка для муниципальных образований рекомендаций по созданию условий для расширенного внедрения системы поддержки общественных инициатив. Включение показателей развития этой системы в национальную систему показателей эффективности работы муниципальных образований. Введение системы поощрения для муниципалитетов, наиболее эффективно работающих с общественностью.

Консультативно-совещательные взаимодействия органов системы публичной власти с населением реализуются через работу Общественного совета, создаваемого при конкретном органе системы публичной власти (по конкретному направлению деятельности) и включающего в свой состав ответственных людей, профессионалов, мыслящих в категориях национального и государственного развития, способных добиваться решения поставленной задачи. Общественные советы при Министерстве (Комитете) организованы и функционируют во всех субъектах РФ ЮФО. Также Общественные советы созданы и при главах регионов. Однако существующие проблемы в организации работы данного партисипативного института публичного управления (см. табл. 2) существенно снижают эффективность его деятельности и являются мощным барьером на пути его развития. Для их устранения рекомендуется:

- ограничение сферы ответственности Общественного совета перед соответствующим министерством (ведомством) и расширение собственных полномочий совета, не подменяющих функции министерства;

- совершенствование механизма включения граждан в состав Общественного совета — предоставление возможности включения активных представителей гражданского общества (правозащитников, блогеров, преподавателей, представителей общественных организаций, медицинского сообщества) за счет самовыдвижения с целью обеспечения возможности учета мнения каждого жителя региона (муниципального образования);

- введение квотирования по членству с целью лимитирования участия в различных Общественных советах;

- использование современных технологий (например, Skype, видеоконференций) для обеспечения участия в заседаниях Общественного совета представителей региона.

В контексте реализации партисипативных интеракций органов системы публичной власти

с населением следует выделить развитие института оценки регулирующего воздействия, являющегося в настоящее время одним из ключевых условий принятия качественных решений в области государственного регулирования. По данным на март 2013 г. [3], только один субъект РФ ЮФО — Краснодарский край — полностью внедрил оценку регулирующего воздействия (закреплен уполномоченный орган, проведение процедуры оценки регулирующего воздействия осуществляется в соответствии с утвержденными нормативно-правовыми актами, имеются более 5 подготовленных заключений об оценке регулирующего воздействия [11], диагностируется высокая степень участия в проведении федеральных публичных консультаций, высокая степень заинтересованности в заседаниях региональных групп). Астраханская, Волгоградская и Ростовская области определены в качестве регионов, активно осуществляющих внедрение оценки регулирующего воздействия. В частности, в Волгоградской области механизм оценки регулирующего воздействия в пилотном варианте апробируется с 2010 г. В 2011 г. Министерством экономики Волгоградской области совместно с заинтересованными органами государственной власти Волгоградской области была проведена экспертиза 125 проектов нормативных правовых актов РФ, а в 2012 г. — еще 180 [1]. В настоящее время в регионе уже имеется более 30 заключений об оценке регулирующего воздействия [11].

В свою очередь Республика Калмыкия обозначена как регион с низкой активностью внедрения оценки регулирующего воздействия — ведется разработка нормативных правовых актов, закрепляющих законодательно процедуру оценки регулирующего воздействия, однако до сих пор не определен уполномоченный орган по организационному и методическому обеспечению оценки регулирующего воздействия. Республика Адыгея является аутсайдером по внедрению института оценки регулирующего воздействия среди субъектов РФ ЮФО — работы в данной области в регионе не ведутся.

Для решения основных проблем развития в ЮФО института оценки регулирующего воздействия (см. табл. 2), в первую очередь, необходимы:

- повышение степени информационной открытости деятельности региональной и муниципальной властей, экономической политики и отношений с бизнесом; обеспечение достоверной и понятной информации по вопросам местного самоуправления и стратегии развития области (города);

- развитие специализированных структур, призванных обеспечивать партисипатив-

ное взаимодействие власти и бизнеса, целенаправленное создание властями постоянно действующих диалоговых площадок с представителями бизнес-структур (различных экономических советов, советов предпринимателей и прочих консультативных органов при губернаторах) с целью развития обратной связи с деловыми элитами и учета их мнения при принятии управленческих решений;

- создание условий для совместной разработки и принятия соответствующей законодательной и правовой базы (в том числе по вопросам социально-экономического развития региона или города), направленной на рост инвестиционной привлекательности региона (города), увеличение объема инвестиций в социальную сферу города;

- устранение административных барьеров в развитии предпринимательства, снижение коррупции за счет совершенствования административной регламентации процессов предоставления государственных и муниципальных услуг, связанных с осуществлением и развитием предпринимательской деятельности;

- активизация оценки регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов с целью обеспечения независимого экспертного анализа возможных социальных и экономических последствий их принятия, ориентации на социальный и экономический эффект.

Таким образом, вопросам взаимодействия органов системы публичной власти с населением придается большое значение как в зарубежной, так и в отечественной практике публичного управления. Партнерское взаимодействие и взаимная ответственность органов системы публичной власти и граждан являются одним из ключевых условий эффективного развития территорий. Развитие партисипативных институтов играет важную роль в совершенствовании публичного управления субъектами РФ, поскольку способствует эффективному информированию населения о работе чиновников, организации открытого конструктивного диалога органов системы публичной власти с населением по поводу решения текущих общественно значимых вопросов и определения задач на перспективу, помогает продвижению общественных интересов на ранних стадиях подготовки решений.

В настоящее время существует ряд проблем, препятствующих развитию актуальных партисипативных институтов публичного управления в ЮФО (краудсорсинга, Общественных советов, оценки регулирующего воздействия), среди которых главными, на наш взгляд, являются следующие: низкая степень общественной активности населения по причине

недоверия граждан к деятельности власти, отсутствие постоянно действующих диалоговых площадок, «декоративный» характер деятельности Общественных советов в большинстве министерств и ведомств. Устранение данных проблем через реализацию ряда мероприятий не только позволит создать условия для разрешения противоречий во взаимоотношениях органов системы публичной власти с населением и добиться взаимного интереса к сотрудничеству, но и обеспечит лучшее понимание и решение комплекса проблем как социально-экономического характера, так и бизнес-среды, что чрезвычайно важно для повышения эффективности и результативности управления субъектом РФ ЮФО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Волгоградской области изучают последствия нормотворчества. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.vd-tv.ru/news.php?3227> (дата обращения: 24.01.2014). — Загл. с экрана.
2. Доклад о состоянии гражданского общества. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества и повышении социальной активности населения. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-160216.html?page=5> (дата обращения: 20.01.2014). — Загл. с экрана.
3. Информация о внедрении института оценки регулирующего воздействия в деятельность органов государственной власти субъектов РФ, входящих в состав ЮФО (по состоянию на март 2013 г.). — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_2041.html (дата обращения: 18.12.2013). — Загл. с экрана.
4. Кайль, Я. Я. Зарубежный опыт партисипативной ориентации публичного управления / Я. Я. Кайль, В. С. Епина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2013. — № 2. — С. 42–48.
5. Красноярский сельсовет Красноярского района Астраханской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/luchshaya-praktika-raboty-organov-msu/2589-krasnoyarskij-selsovet-krasnoyarskogo-raiona-astrahanskoy-oblasti> (дата обращения: 22.01.2014). — Загл. с экрана.
6. Народный бюджет 2013. Портал Волгограда. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.volgadmin.ru/ru/Claim/Default.aspx> (дата обращения 29.01.2014). — Загл. с экрана.
7. Народный бюджет. Проект города Астрахани. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.narod.astrgorod.ru/> (дата обращения: 29.01.2014). — Загл. с экрана.
8. Население Волгоградской области. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Волгоградской_области (дата обращения: 22.01.2014). — Загл. с экрана.

9. Общество и власть: вместе на благо Волгоградской области. Проект гражданского взаимодействия, направленный на улучшение работы органов власти. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.volga-dialog.ru> (дата обращения: 18.01.2014). — Загл. с экрана.

10. Онлайн-общение с властью: интерес россиян увеличивается. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://rumetrika.rambler.ru/publ/article_show.html?article=3550 (дата обращения: 18.01.2014). — Загл. с экрана.

11. Павлов, Д. В. Мониторинг внедрения института оценки регулирующего воздействия в механизм принятия решений в субъектах РФ (итоги 3 раунда) / Д. В. Павлов. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2013/04/05/1294786005/pavlov040413.pdf> (дата обращения: 29.01.2014). — Загл. с экрана.

12. Шуя. Ивановская область. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/luchshaya-praktika-raboty-organov-msu/2552-shuya-ivanovskaya-oblast> (дата обращения: 25.01.2014). — Загл. с экрана.

УДК 338.001.36
ББК 65.04

СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Е.А. Камбарова

В статье рассмотрены основные тенденции современного социально-экономического развития прибрежных муниципальных образований Краснодарского края. В основу анализа положен расчет индекса социально-экономического развития и 12 промежуточных индексов, которые характеризуют различные аспекты развития исследуемых муниципальных образований.

Ключевые слова: комплексное социально-экономическое развитие, индексный метод, прибрежные территории, муниципальные образования.

TRENDS OF THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COSTAL TERRITORIES OF THE KRASNODAR KRAY

E.A. Kambarova

The article describes major trends of social and economic development of coastal zones in Krasnodar region. The base of analysis contains the calculation of social and economic development index and 12 intermediate indexes. These indexes define the various aspects of municipality's development.

Key words: complex social and economic development, index method, coastal zone, municipalities.

Прибрежные территории являются наиболее населенными и эксплуатируемыми районами на Земле благодаря значительному потенциалу природных ресурсов и реализации разнообразной экономической деятельности. Именно здесь наиболее остро встают проблемы социально-экономического развития и деградации окружающей среды. Азово-Черноморское побережье Краснодарского края не является исключением, но обладает ярко выраженной спецификой, которую необходимо учитывать при анализе уровня его социально-экономического развития [2; 4; 5]:

— во-первых, прибрежная зона Кубани — это важнейшая курортная зона России;

— во-вторых, на рассматриваемой территории располагается столица XIV зимних Олимпийских игр — г. Сочи;

— в-третьих, это одна из крупнейших территорий сосредоточения транспортных функций в России;

— в-четвертых, это стратегически геополитически важный приграничный район и единственный оставшийся у России выход к Черному морю;

— в-пятых, для данного субрегиона характерен постоянный дефицит территорий при возрастающих потребностях как местного общества, так и федерального центра;

— в-шестых, здесь остро стоят социально-демографические проблемы (среди районов России это один из самых привлекательных для мигрантов, а также это место компактного проживания многих национальных меньшинств, которые активно отстаивают свои интересы на данной территории);

— в-седьмых, для прибрежной зоны края характерна высокая степень деградации экосистем и ограниченность экологической емкости природных ландшафтов.

Не углубляясь в теоретические проблемы определения понятия «прибрежная зона» (далее — ПЗ), отметим, что здесь под ней мы подразумеваем некоторую совокупность территориально-административных единиц (муниципальных образований). Границы ПЗ Краснодарского края, вслед за Н.А. Айбулатовым и его соавторами [1], мы выделяем по административным границам тех муниципальных районов и городских округов, которые имеют выход к морю. При таком рассмотрении ПЗ Краснодарского края включает в себя 6 муниципальных районов и 4 городских округа. Административно-территориальное деление ПЗ Краснодарского края представлено в таблице 1.

На исследуемой территории проживает более 1,6 млн чел., что составляет почти треть населения Краснодарского края и 1,1 % от чис-

ленности населения Российской Федерации (рассчитано по: [6]). При этом доля населения прибрежной зоны в Краснодарском крае постоянно растет.

Среди изучаемых муниципальных образований наибольшую численность населения имеют г. Сочи (437,6 тыс. чел.), г. Новороссийск (303,1 тыс. чел.), г. Анапа (154,0 тыс. чел.), Ейский (139,8 тыс. чел.), Славянский (129,9 тыс. чел.), Туапсинский (127,7 тыс. чел.) и Темрюкский (119,1 тыс. чел.) районы. Остальные муниципальные образования имеют численность населения менее 100 тыс. чел. К ним относятся: г. Геленджик (95,3 тыс. чел.), Щербиновский (37,1 тыс. чел.) и Приморско-Ахтарский (60,2 тыс. чел.) районы.

Общая площадь прибрежной зоны Краснодарского края составляет 19 105,7 км². При этом площадь изучаемой территории составляет 25,3 % от площади Краснодарского края и 0,12 % от площади Российской Федерации (рассчитано по: [6]).

Основу анализа комплексного социально-экономического развития городских территорий Краснодарского края составил расчет сводного индекса уровня комплексного социально-экономического развития, а также 12 промежуточных индексов, которые характеризуют различные аспекты развития исследуемых му-

ниципальных образований. Проведем анализ их значений.

Как видно из данных таблицы 2 индекс демографической ситуации имеет наибольшее значение в городах-курортах Анапа, Геленджик и Сочи, а также в Туапсинском районе.

При этом средний показатель по муниципальным образованиям ПЗ лишь несколько превышает средnekраевой показатель. Высокое значение показателей можно объяснить миграционной привлекательностью ПЗ и благоприятными условиями окружающей среды.

Индекс качества жилищных условий имеет значения выше средних по ПЗ в Сочи, Геленджике, Анапе и Щербиновском районе. Лидерами по значениям индексов состояния рынка труда и доходов населения являются Новороссийск, Сочи и Туапсинский район (см. табл. 2). Это вполне закономерно и хорошо согласуется с данными, которые были получены нами в предыдущих исследованиях [4; 5]. Среднее значение этих индексов по муниципальным образованиям ПЗ выше, чем средnekраевые значения.

Значение индексов состояния системы здравоохранения и системы образования в муниципальных образованиях ПЗ очень сильно различаются (см. табл. 3). Минимальные зна-

Таблица 1

Административно-территориальное деление прибрежной зоны Краснодарского края на 1 января 2012 г.

Муниципальные образования	Города	Внутригородские районы и округа	Поселки городского типа	Сельские административные округа	Сельские населенные пункты
г. Анапа	1	—	—	10	51
г. Геленджик	1	—	—	4	20
г. Новороссийск	1	4	—	6	24
г. Сочи	1	4	1	11	79
Ейский р-н	1	—	—	11	39
Приморско-Ахтарский р-н	1	—	—	8	34
Славянский р-н	1	—	—	14	44
Темрюкский р-н	1	—	—	11	38
Туапсинский р-н	1	—	2	7	62
Щербиновский р-н	—	—	—	8	15
Всего по краю	26	12	12	399	1 725
Всего по ПЗ	9	8	3	90	406

Примечание. Составлено автором по: [6]

Значения индексов демографической ситуации, состояния рынка труда, доходов населения и качества жилищных условий в муниципальных образованиях прибрежной зоны Краснодарского края

Муниципальные образования ПЗ	Индекс демографической ситуации	Индекс состояния рынка труда	Индекс доходов населения	Индекс качества жилищных условий
г. Анапа	0,79	0,43	0,46	0,71
г. Геленджик	0,77	0,77	0,64	0,94
г. Новороссийск	0,42	0,99	0,90	0,61
г. Сочи	0,67	0,95	0,86	0,69
Ейский р-н	0,39	0,24	0,43	0,54
Приморско-Ахтарский р-н	0,51	0,25	0,41	0,54
Славянский р-н	0,50	0,75	0,37	0,59
Темрюкский р-н	0,57	0,52	0,47	0,63
Туапсинский р-н	0,65	0,86	0,73	0,60
Щербиновский р-н	0,52	0,00	0,28	0,68
Среднее по МО ПЗ	0,58	0,57	0,56	0,65
Среднее по МО края	0,56	0,51	0,39	0,54

Примечание. Рассчитано по авторской методике по: [3; 6].

ваний побережья Азовского моря, а максимальные — для побережья Черного моря. Однако в целом по ПЗ ситуация в этих сферах гораздо лучше, чем в среднем по краю.

Как видно из данных таблицы 3, уровень безопасности в муниципальных образованиях ПЗ ниже, чем в среднем по краю: среднекраевой показатель индекса безопасности равен 0,58, а средний по муниципальным образованиям — 0,39. Судя по значению данного индекса, самыми безопасными являются г. Новороссийск и Славянский район, а самый низкий уровень безопасности в крае характерен для Приморско-Ахтарского района.

Распределение инвестиционной активности имеет точечный характер. Центрами инвестиционной активности ПЗ Краснодарского края являются Сочи, Геленджик, Туапсинский и Темрюкский районы. За счет этих центров по ПЗ инвестиционная активность в 2,5 раза больше, чем в среднем по краю.

Из данных таблицы 4 видно, что наиболее развитый реальный сектор экономики в Новороссийске, Сочи, Геленджике, Туапсинском и Темрюкском районах. Для них характерны высокие значения индекса развития реального сектора экономики выше среднего по ПЗ.

Состояние транспортной системы ниже среднего только в Ейском, Приморско-Ахтарском и Темрюкском районах. Это связано, вероятно, с незначительным (относительно других

муниципальных образований ПЗ) удельным весом асфальтированных дорог и численностью автопарка. В целом в ПЗ состояние транспортной системы сходно с общекраевым.

Наилучшее состояние муниципальных бюджетов характерно для Сочи и Геленджика. При этом г. Сочи является лидером по значению индекса состояния местных бюджетов в Краснодарском крае.

По состоянию культурно-досугового сектора муниципальные образования прибрежной зоны близки к среднему по краю уровню. Исключение составляет только город-курорт Сочи. Что вполне закономерно, ведь это самый крупный приморский курорт нашей страны.

Таким образом, можно выделить три группы муниципальных образований прибрежной зоны Краснодарского края: «лидеры» (Сочи, Туапсинский район, Геленджик и Новороссийск), «средние» (Анапа, Славянский и Темрюкский районы) и «отстающие» (Ейский, Щербиновский и Приморско-Ахтарский районы). Значения соответствующих индексов комплексного социально-экономического развития и рейтинг исследуемых муниципальных образований представлены в таблице 5.

Необходимо отметить, что в целом прибрежные территории Краснодарского края являются весьма развитыми в социально-экономическом плане. Однако уровень их развития может быть значительно повышен за счет вне-

Таблица 3

Значения индексов состояния здравоохранения, образования, безопасности и инвестиционной активности в муниципальных образованиях прибрежной зоны Краснодарского края

Муниципальные образования ПЗ	Индекс состояния системы здравоохранения	Индекс состояния системы образования	Индекс безопасности	Индекс инвестиционной активности
г. Анапа	0,22	0,59	0,49	0,07
г. Геленджик	0,29	0,43	0,24	0,15
г. Новороссийск	0,27	0,36	0,69	0,21
г. Сочи	0,30	0,45	0,15	0,90
Ейский р-н	0,34	0,42	0,45	0,01
Приморско-Ахтарский р-н	0,29	0,11	0,00	0,00
Славянский р-н	0,16	0,35	0,67	0,04
Темрюкский р-н	0,05	0,39	0,49	0,18
Туапсинский р-н	0,24	0,46	0,19	1,00
Щербиновский р-н	0,32	0,32	0,50	0,02
Среднее по МО ПЗ	0,25	0,39	0,39	0,26
Среднее по МО края	0,23	0,37	0,58	0,09

Примечание. Источник: [6].

Таблица 4

Значения индексов развития реального сектора экономики, состояния транспортной системы, состояния местных бюджетов и состояния культурно-досугового сектора в муниципальных образованиях прибрежной зоны Краснодарского края

Муниципальные образования ПЗ	Индекс развития реального сектора экономики	Индекс состояния транспортной системы	Индекс состояния местных бюджетов	Индекс состояния культурно-досугового сектора
г. Анапа	0,19	0,78	0,27	0,37
г. Геленджик	0,30	0,67	0,44	0,34
г. Новороссийск	0,43	0,46	0,17	0,27
г. Сочи	0,38	0,63	1,00	0,79
Ейский р-н	0,14	0,38	0,30	0,38
Приморско-Ахтарский р-н	0,08	0,37	0,32	0,27
Славянский р-н	0,20	0,68	0,15	0,13
Темрюкский р-н	0,23	0,39	0,30	0,16
Туапсинский р-н	0,26	0,61	0,34	0,35
Щербиновский р-н	0,07	0,48	0,35	0,22
Среднее по МО ПЗ	0,23	0,55	0,37	0,33
Среднее по МО края	0,18	0,55	0,35	0,32

Примечание. Источник: [6].

дрения комплексного управления прибрежными территориями.

Основы комплексного управления прибрежными территориями уже заложены на федеральном уровне. Их можно проследить в Стратегии развития морской деятельности Рос-

сийской Федерации до 2030 года. Среди стратегических целей в этой сфере обозначен «...переход к комплексному подходу, к планированию развития приморских территорий и прибрежных акваторий конкретных побережий

Значения сводного индекса комплексного социально-экономического развития в муниципальных образованиях прибрежной зоны Краснодарского края

Муниципальные образования ПЗ	Индекс комплексного социаль- но-экономического развития МО	Рейтинг среди муницип- пальных образований ПЗ
г. Анапа	0,45	5
г. Геленджик	0,50	3
г. Новороссийск	0,48	4
г. Сочи	0,65	1
Ейский р-н	0,33	8
Приморско-Ахтарский р-н	0,26	10
Славянский р-н	0,38	6
Темрюкский р-н	0,36	7
Туапсинский р-н	0,52	2
Щербиновский р-н	0,31	9

Примечание. Источник: [6].

страны путем выделения их в отдельный единый объект государственного управления».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбулатов, Н. А. Природопользование в прибрежной зоне морей России / Н. А. Айбулатов, Е. Н. Андреева // Известия РАН. Серия географическая. — 2005. — № 4. — С. 13–26.
2. Вильчинская, О. В. Муниципальные образования Азово-Черноморского побережья Краснодарского края: современное состояние, проблемы и перспективы развития / О. В. Вильчинская, Е. А. Камбарова // Муниципальная власть. — 2010. — № 6. — С. 79–89.
3. Возрастно-половая структура населения городских округов и муниципальных районов Крас-

нодарского края на 1 января 2012 г. : стат. бюл. — Краснодар : Краснодарстат, 2012. — 147 с.

4. Камбарова, Е. А. Анализ уровня комплексного социально-экономического развития прибрежных территорий Краснодарского края / Е. А. Камбарова, О. А. Кулебякина, А. В. Чагина // Казанская наука. — 2013. — № 4. — С. 41–44.
5. Камбарова, Е. А. Проблемы государственного и муниципального управления рекреационным природопользованием и устойчивым развитием в прибрежной зоне Краснодарского края / Е. А. Камбарова // Факторы устойчивого развития регионов России: монография / под общ. ред. С. С. Чернова. — Кн. 6. — Новосибирск : ЦРНС, 2009. — С. 272–286.
6. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Краснодарского края : стат. сб. — Краснодар : Краснодарстат, 2012. — 218 с.

ИННОВАЦИОННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЮГА РОССИИ

УДК 338.45.01
ББК 65.2/4

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЮФО В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

А.В. Гукова, И.Д. Аникина

В статье приводится анализ и дается оценка экономических последствий вступления России в ВТО; выявляются потенциальные издержки и возможные выгоды для промышленных предприятий; выделяются наиболее уязвимые базовые отрасли Южного макрорегиона, в числе которых и металлургический комплекс ЮФО, предлагаются пути модернизации региональной промышленной политики.

Ключевые слова: Южный федеральный округ, ВТО, предприятие, металлургический комплекс, региональная промышленная политика, риски, региональные интересы.

STRATEGY OF THE DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISES OF THE METALLURGICAL COMPLEX OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT UNDER THE CONTEXT OF THE MODERNIZATION OF THE REGIONAL INDUSTRIAL POLICY

A.V. Gukova, I.D. Anikina

In the article the analysis is made and the assessment of the economic consequences of the Russia's joining of the WTO are given. The potential costs and eventual advantages for industrial enterprises are revealed. The most

vulnerable basic industries of the South Federal District are shown including the metallurgical complex of the South Federal District. Ways of modernization of the regional industrial policy are offered.

Key words: South Federal District, WTO, enterprises, metallurgical complex, regional industrial policy, risks, regional interests.

Волгоградская область относится к областям с диверсифицированной экономикой, что является фактором устойчивого развития региона при условии разработки и реализации адекватной промышленной политики, учитывающей отраслевую специфику региональной экономики. Опыт экономических преобразований как в развитых, так и в развивающихся странах, свидетельствует о том, что именно региональная промышленная политика является институциональной основой успешных системных преобразований в экономике и важным механизмом регионального развития.

В настоящее время анализ и оценка экономических последствий вступления России во Всемирную торговую организацию (далее — ВТО) важны для формирования региональной промышленной политики, которая должна включать комплексные системные меры, направленные на минимизацию возможных негативных последствий от данного шага. Оценка последствий вступления России в ВТО неодинакова у представителей деловых кругов в различных сферах. Однозначно можно утверждать только одно — полноправное членство России в ВТО ознаменует усиление процессов глобализации для российских хозяйствующих субъектов и новый этап в развитии отечественной экономической системы. Сегодня при определении долгосрочных приоритетов социально-экономической политики, что необходимо для обеспечения конкурентоспособности национальной экономики на внешнем и внутреннем рынках, было выявлено следующее: вступление в ВТО является одним из важнейших факторов, так как определяет роль России в международной системе разделения труда на мировых рынках. К сожалению, расчет полного экономического анализа выгод участия в ВТО пока объективно

невозможен, но предпосылки количественного и качественного анализа потенциальных последствий присоединения уже имеются как для экономики России в целом, так и для отдельных ее отраслей и регионов [4; 5].

ВТО — это многосторонняя международная организация, обеспечивающая общие институциональные рамки для осуществления торговых отношений между ее членами на основе пакета соглашений, составляющих правовую основу ВТО. Основные принципы и правила ВТО, установленные с помощью многосторонних международных соглашений, обязывают своих членов проводить торговую политику в условиях отсутствия дискриминации, взаимного предоставления режима наибольшего благоприятствования (далее — РНБ) и национального режима (далее — НР) в торговле, либерализации торговли, отказа от использования количественных и иных ограничений, регулирования торговли преимущественно нетарифными методами, транспарентности торговой политики, разрешения торговых споров путем консультаций и переговоров. Если учесть, что на долю стран-членов ВТО приходится около 95 % мировой торговли, то неоспоримым аргументом «за» вступление России в ВТО является возможность отстаивать свои экономические интересы.

В этой связи очевидны общие преимущества для России от членства в ВТО:

1) равные конкурентные условия доступа на мировые рынки товаров и услуг; доступ к системе разрешения споров ВТО, что повышает инвестиционную привлекательность страны для торговых партнеров посредством обеспечения предсказуемости и стабильности развития торговых отношений со странами-членами ВТО;

2) распространение на страну — участницу РНБ и НР странами-членами ВТО, которые ранее не имели с ней соглашений о применении таких режимов;

3) участие в выработке новых правил международной торговли, с учетом ее текущих и стратегических интересов;

4) устранение дискриминации в торговле путем доступа к механизму ВТО по разрешению споров, обеспечивающему защиту национальных интересов в случае, если они ущемляются партнерами;

5) гармонизация национального законодательства по вопросам международной торговли с законодательством других стран-членов ВТО на основе соглашений ВТО в соответствии со взятыми обязательствами;

6) расширение возможностей участия в преференциальных торговых соглашениях на базе договоренностей и процедур, предусмотренных ВТО.

Однако реализация перечисленных преимуществ требует совершенствования региональных программ развития промышленности, высокой эффективности системы государственного регулирования, результативности и оперативности принимаемых мер по созданию благоприятных условий для развития национальной экономики в условиях ВТО и минимизации возможных рисков неблагоприятных последствий, также это означает необходимость определения стратегических приоритетов региональных интересов в новых условиях международной конкуренции [6].

Ввиду значительных различий в региональных экономиках, вступление России в ВТО окажет различное влияние на изменение социально-экономического состояния регионов. Волгоградская область относится к регионам с разной специализацией, а по уровню развития экономики — к среднеразвитым регионам, что делает ее экономику менее уязвимой к возможным неблагоприятным последствиям вступления в ВТО, к которым относятся: рост безработицы, резкое снижение бюджетных доходов, рост социальной напряженности. Так, многие отрасли, попадающие в группу риска, сконцентрированы в нескольких регионах и/или являются градообразующими. Например, 80 % автомобильной промышленности сосредоточено в Самарской и Нижегородской областях, животноводство развито в Центральном федеральном округе [1]. Поэтому задача региональной промышленной политики заключается в снижении рисков наступления неблагоприятных последствий для региона, а также в поддержке отраслей, которые могут стать драйверами экономического роста.

Рассмотрим сильные и слабые стороны присоединения России к ВТО в аспекте региональных особенностей для развития металлургической промышленности Волгоградской области. Металлургическая отрасль является одной из базовых отраслей народного хозяйства, развитие которой в немалой степени определяет темпы экономического роста страны в целом. Значимость металлургической отрасли для экономики подтверждается следующими данными: доля металлургической промышленности в ВВП страны составляет около 5 %, в промышленном производстве — порядка 18 %, в экспорте — 14 %; доля металлургической промышленности в налоговых платежах во все уровни бюджетов — более 5 %. Как потребитель продукции и услуг субъектов естественных монополий, металлургия использует от общепромышленного уровня 28,00 % электроэнергии, 5,40 % природного газа от общего потребления, ее доля в грузовых железнодорожных

перевозках — 23,00 % [12]. В структуре промышленности Волгоградской области доля производства металлургии составила в 2011 г. 17,00 %, по производству труб в натуральном выражении область занимает в России 3-е место, по производству стали — 9-е место. Ведущими металлургическими комплексами в области являются ОАО «Волжский трубный завод», ЗАО «Красный октябрь» [11, с. 154 — 155]. Таким образом, металлургическая промышленность занимает важное место в экономике региона и оказывает значительное влияние на его социально-экономическое состояние, что обуславливает необходимость разработки положений региональной промышленной политики с учетом специфики данной отрасли.

В настоящее время в рамках международной специализации Россия выступает на мировых рынках как крупнейший поставщик топливно-энергетической, минеральной продукции и металлов. В экспорте России топливно-энергетические ресурсы занимают около 70 %, а металлы — около 9 %, и именно за счет них достигаются лидирующие позиции в мировом экспорте [4].

Таким образом, влияние вступления России в ВТО, оказываемое именно на эти отрасли, будет наиболее значимо для экономического состояния российской экономики. Статистические данные показывают, что тенденции структуры экспорта и импорта субъектов ЮФО совпадают по России в целом. Так, в структуре экспорта субъектов ЮФО доля продукции топливно-энергетического комплекса составляла в 2010 г. 53,36 %, доля металлов и изделий из них — 16,15 %. В структуре импорта наибольший удельный вес занимали: машины, оборудование и транспортные средства (31,36 %), продовольственные товары (29,25 %), металлы и изделия из них (21,58 %).

По оценкам большинства экспертов, металлургия является одной из отраслей, наиболее выигрывающих от вступления в ВТО. Так, ожидаемое снижение эффективных импортных ставок до и после присоединения России к ВТО по черной металлургии составит 9,97 %, по цветной — 26,73 %; прирост мировой цены российского экспорта составит 1,50 %; ожидаемый рост объема производства в черной металлургии составит 3,63 %, цветной — 14,45 % от уровня базового (2006) года [2].

Моделируя последствия вступления России в ВТО относительно ЮФО, многие специалисты считают, что наибольшие изменения коснутся промышленности и транспортных услуг. Так, рост объема ожидается в цветной металлургии (31,80 %), черной металлургии (9,81 %), химическом и нефтехимическом производстве (1,27 %), а

наибольшее сокращение будет характерно для легкой промышленности (-4,03 %), машиностроения (-2,43 %), воздушного транспорта (-2,00 %) [2]. Для регионов Юга России положительные последствия от вступления в ВТО для металлургической отрасли будут одними из самых значимых. При этом для черной металлургии лучше прогноз показателей только по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, где рост объема производства на 33,48 % по сравнению с 9,81 %, характерными для ЮФО (табл. 1). Это дает возможность металлургии стать одной из точек регионального роста, что особенно актуально, учитывая объем производства металлургических компаний в структуре промышленности Волгоградской области.

Благоприятными возможностями для металлургической промышленности после присоединения России к ВТО могут быть следующие последствия. Во-первых, преодоление дискриминационных ограничений, отмена квот на стальную продукцию, увеличение ввиду этого экспорта на сумму более 17—20 млрд долл., а также снижение ущерба от антидемпинговых расследований (оценка ущерба — 2—2,5 млрд долл. в год) [3]. Благодаря вступлению в ВТО металлурги получают доступ в Комиссию по урегулированию споров ВТО и смогут рассчитывать на справедливое рассмотрение торговых споров. В настоящее время поставки на рынки отдельных перспективных стран, например США, сдерживались антидемпинговыми расследованиями, которые после вступления России в ВТО должны будут проходить более оперативно. Таким образом, российским компаниям станет легче получать доступ к привлекательным рынкам Европы и США.

Во-вторых, облегчение доступа к зарубежным технологиям и оборудованию, которое будет достигнуто посредством снижения импортных пошлин (на 10—20 %). Но в тоже время имеются обоснованные угрозы развитию отечественных металлургических компаний, к ним относятся: возможное увеличение объемов ввоза продукции из третьих стран и рост себестоимости продукции металлургии, обусловленные снижением таможенных пошлин и снятием имеющихся торговых барьеров. Так, в настоящее время Россия для поддержки отечественного производителя устанавливает ежегодные квоты на поставку труб из Украины и некоторых других стран, которые поставляются по ценам ниже российских. Должны быть снижены и пошлины на импорт металлопродукции. Все эти ограничения окажут негативное влияние на металлургическую отрасль, так как объем импорта металлов и изделий из них занимает значительную долю общего импорта: по дан-

**Изменение объема производства и оплаты труда в металлургической отрасли
после вступления в ВТО по макрорегионам России**

Макрорегион	Металлургическая отрасль	Изменение объема производства, %	Прирост мировой цены, %	Изменение объема производства, %	Изменение оплаты квалифицированного труда, %	Изменение оплаты неквалифицированного труда, %
Российская Федерация	ч/м	-9,97	1,50	3,63	4,05	4,62
	ц/м	-26,73	1,50	14,45	15,11	15,70
Москва и Московская область	ч/м	-9,97	1,50	8,44	8,78	9,10
	ц/м	-26,73	1,50	32,89	33,34	33,72
Санкт-Петербург и Ленинградская область	ч/м	-9,97	1,50	33,48	34,07	34,77
	ц/м	-26,73	1,50	35,81	36,44	37,16
Республика Татарстан	ч/м	-9,97	1,50	4,70	5,13	21,01
	ц/м	-26,73	1,50	20,25	20,80	0,00
Новосибирская область	ч/м	-9,97	1,50	1,24	1,37	2,20
	ц/м	-26,73	1,50	16,19	16,35	17,30
Тюменская область	ч/м	-9,97	1,50	0,00	0,00	0,00
	ц/м	-26,73	1,50	0,00	0,00	0,00
Дальневосточный ФО	ч/м	-9,97	1,50	3,65	4,05	4,68
	ц/м	-26,73	1,50	9,41	9,87	10,53
Центральные области РФ	ч/м	-9,97	1,50	7,74	7,87	8,52
	ц/м	-26,73	1,50	12,43	12,58	13,26
Регион Северо-запад	ч/м	-9,97	1,50	1,39	1,90	2,44
	ц/м	-26,73	1,50	46,16	46,95	47,73
Регион Север	ч/м	-9,97	1,50	4,10	4,72	5,14
	ц/м	-26,73	1,50	20,19	20,96	21,45
Юг *	ч/м	-9,97	1,50	9,81	9,96	10,28
	ц/м	-26,73	1,50	31,18	31,37	31,75
Поволжье	ч/м	-9,97	1,50	4,63	4,85	5,37
	ц/м	-26,73	1,50	45,45	45,79	46,51
Регион Урал	ч/м	-9,97	1,50	0,61	1,15	1,76
	ц/м	-26,73	1,50	14,49	15,14	15,84
Регион Сибирь	ч/м	-9,97	1,50	0,09	0,80	1,28
	ц/м	-26,73	1,50	9,92	10,75	11,27

Примечание. Ц/м — цветная металлургия, ч/м — черная металлургия. Составлено по: [2].

ным Федеральной таможенной службы, объем импорта металлов и изделий из них составлял в 2011 г. 5,8 % от общего объема импорта [13]. Особенно важно данное обстоятельство для трубной промышленности, которая играет значительную роль в экономике Волгоградской области. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, по Волгоградской области в январе 2013 г. темп снижения объема производства стальных труб составил 7 % по отношению к январю 2012 года [11].

Особенностью металлургической отрасли является ее зависимость от развития таких отраслей, как строительство и машиностроение,

поскольку металлургия является главным поставщиком конструкционных материалов для машиностроительной отрасли и одним из важных поставщиков данных материалов для строительства. По оценкам аналитиков [9], вступление России в ВТО окажет положительное влияние на строительную отрасль: ожидается снижение стоимости импортной строительной техники, рост инвестиций в инфраструктурные объекты, возводимые к Олимпиаде в г. Сочи, Чемпионату мира по футболу и др. Машиностроительная отрасль находится в более сложном положении, поскольку при снижении таможенных пошлин на импортные автомобили

и оборудование, и низкой конкурентоспособности отечественных производителей, ожидается снижение спроса на ее продукцию, что приведет и к уменьшению заказов металлургам.

Правительство на основе анализа по выявлению потенциальных рисков, связанных с присоединением России к ВТО, и оценки их влияния на отрасли экономики, приняло план действий, направленных на адаптацию отдельных отраслей экономики к условиям членства России в ВТО. План включает в себя более 60 пунктов. Однако согласно отчету о ходе исполнения плана, многие поручения не исполняются вовремя. Значительная часть плана предусматривает введение субсидий, что по оценке экспертов может навредить экономике. Данная точка зрения подтверждается реакцией партнеров России, так, например, в ноябре 2012 г. Европейский суд обратился в ВТО с жалобами на ряд протекционистских мер, принятых Правительством РФ [10], что подтверждает необходимость дальнейшей системной работы в данном направлении.

Дальнейшее развитие предприятий металлургической отрасли связано с необходимостью разработки инвестиционных стратегий, ориентированных на рост конкурентоспособности, максимальное использование сильных сторон отечественных производителей, к которым относятся: значительные запасы руд; имеющиеся производственные мощности по добыче и переработке; наличие транспортной и иной производственной инфраструктуры; наличие энергетических ресурсов; наличие квалифицированных рабочих кадров; опыт реструктуризации предприятий; наличие производственных мощностей для увеличения производства продукции; имеющиеся научные кадры и задел для инновационных разработок; обеспеченность предприятий сырьевыми ресурсами; преимущество по соотношению цена / качество; наличие собственных производств за рубежом; эффективный менеджмент; наличие современных производств.

В настоящее время производство металлов и изделий из них остается привлекательным бизнесом как на внешних рынках, так и на внутреннем. Проблемы дальнейшего развития металлургических предприятий связаны с ростом современных производств в развивающихся странах, усилением конкуренции на внутреннем рынке со стороны иностранных производителей, дальнейшим исчерпанием конкурентных преимуществ в виде низких издержек производства, неопределенностью развития отдельных производств.

Для развития предприятий отрасли необходима их дифференцированная поддержка. В соответствии с этим предприятия делятся на:

1) эффективные, рентабельные предприятия, способные развиваться самостоятельно; для их функционирования требуется четкая ценовая позиция государства;

2) предприятия, имеющие стратегическое значение для государства (предприятия — производители спецсталей); они нуждаются в реструктуризации, модернизации производства, инвестициях, предназначенных для научных разработок;

3) устаревшие технологически, убыточные, неэффективные предприятия, которые необходимо ликвидировать или перепрофилировать, и, поскольку большинство из них являются градообразующими, требуется поддержка государства в решении социальных проблем работников и развития регионов.

Государству необходимо проводить взвешенную политику в области регулирования цен на металлопродукцию предприятий, чтобы, с одной стороны, способствовать развитию предприятий — потребителей металлопродукции, а с другой — не снижать доходности металлургических предприятий. Металлургия является стратегической отраслью, обеспечивающей безопасность страны, что предполагает участие федеральных и региональных органов власти в развитии данной отрасли. Стратегии развития металлургии требуют строительства новых предприятий, транспортной, логистической инфраструктуры, организации геологоразведочных работ. Данные стратегии отличаются затратностью и долгосрочностью, что меняет структуру экономики страны, жизнь многих тысяч людей и невозможно без участия государства. Меры государственного регулирования отрасли могут быть косвенными. Среди них выделяются следующие:

1) поддержка научных исследований предприятий путем предоставления льгот по налогообложению;

2) регулирование таможенных пошлин с целью стимулирования экспорта продукции высоких переделов;

3) развитие государственно-частного партнерства в сферах строительства инфраструктуры (транспортной, логистической) [8];

4) государственные гарантии по инвестиционным проектам предприятий, имеющих общегосударственное значение;

5) поддержка экологически безопасных технологий;

6) взаимодействие с предприятиями по поводу решения социальных проблем предприятий и регионов, а также инструменты прямой поддержки, осуществляемой посредством фи-

нансирования геологоразведочных работ, научных исследований, строительства инфраструктуры, покупки производств, имеющих стратегическое значение.

Таким образом, повышение конкурентоспособности металлургических предприятий будет ключевым фактором реализации благоприятных возможностей и преодоления рисков в результате вступления в ВТО. Это потребует реализации системных мер поддержки отечественных производителей, уточнения стратегии развития металлургической промышленности России с учетом новых экономических реалий. Кроме того, необходимо проведение анализа взаимовлияния последствий вступления в ВТО для различных отраслей и планирования в рамках региональной стратегии комплексных мер поддержки отраслей (в том числе металлургической), оказывающих значительное влияние на экономику региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ и оценка мер, направленных на повышение эффективности системы регулирования внешнеторговой деятельности в условиях присоединения России к ВТО // Счетная палата Российской Федерации — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: [http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/05\(1\)-buletен_doc_files-fl-1637.pdf](http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/05(1)-buletен_doc_files-fl-1637.pdf) (дата обращения: 23.09.2013). — Загл. с экрана.
2. ВТО: ориентир для России? Вступление России в ВТО: аналитический обзор — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.rbc.ru/component/attachments/download/118> File (дата обращения: 12.08.2013). — Загл. с экрана.
3. Деловая репутация актов при вступлении в ВТО // Промышленник России. — 2012. — октябрь. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.promros.ru/magazine/2012/mar/423.phtml> (дата обращения: 13.07.2013). — Загл. с экрана.
4. Митрофанова, И. В. Инновационный менеджмент — стратегический фактор снижения рисков для секторов специализации ЮФО в условиях ВТО / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 21. — С. 2–10.
5. Митрофанова, И. В. Инновационный вектор снижения региональных отраслевых рисков в условиях ВТО / И. В. Митрофанова, Н. П. Иванов // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2013. — № 2. — С. 136–148.
6. Митрофанова, И. В. Хозяйственный комплекс ЮФО: проблемы и перспективы развития в условиях ВТО / И. В. Митрофанова, И. А. Митрофанова, Г. И. Старокожева // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. — 2013. — № 3 (24). — С. 136–142.
7. Мониторинг социально-экономического развития Российской Федерации по состоянию на 7 декабря 2012 года. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: www.economy.gov.ru/mines/activity/sections/macro/monitoring/doc20121207_01 (дата обращения: 14.11.2013). — Загл. с экрана.
8. Морозова, И. А. Государственно-частное партнерство как эффективный механизм инновационного развития экономики / И. А. Морозова, И. Б. Дьяконова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — № 2. — С. 78–81.
9. Портал METALIKA.SU — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.metalika.ru/articles/vstuplenie-rossii-v-vto-ego-posledstviya-dlya-metallurgii.html> (дата обращения: 15.09.2013).
10. Синяева, Ю. Правительство не успевает за планом адаптации России к условиям ВТО / Ю. Синяева // РБК. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949985220203> (дата обращения: 08.08.2013).
11. Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе 2013 г.: доклад / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. — Волгоград: Волгоградстат, 2013. — 176 с.
12. Стратегия развития металлургической промышленности России на период до 2020 г. Утверждена приказом Минпромторга России от 18.03.2009 г., № 150. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/154097> (дата обращения: 13.05.2013). — Загл. с экрана.
13. Федеральная таможенная служба. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=17199&Itemid=1978 (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.

УДК 615.1:334.01
ББК 52.82 + 65.050.9(2)2

КЛАСТЕРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

С.Ю. Соболева

В статье анализируется ситуация, сложившаяся среди предприятий фармацевтической отрасли на различных территориях Южного федерального округа, каждая из которых специализируется на отдельном виде деятельности — научном, производственном, логистическом. Однако, по мнению автора, лишь в условиях кластерной интеграции инновационный потенциал каждого региона может быть реализован наиболее эффективно.

Ключевые слова: кластерная интеграция, формирование фармацевтического кластера, фармацевтическая отрасль, региональная кооперация.

CLUSTER INTEGRATION OF THE PHARMACEUTICAL ENTERPRISES OF THE SOUTH FEDERAL DISTRICT

S.Y. Soboleva

In the article the situation in the pharmaceutical industry of the Southern Federal District is analyzed. Each territory is specialized in different type of activity — science, manufacturing, logistics. However in the author's opinion only under the conditions of cluster integration innovative potential of each region could be fulfilled in the most efficient way.

Key words: cluster integration, formation of a pharmaceutical cluster, pharmaceutical branch of industry, regional cooperation.

Развитие Российской Федерации в настоящее время ориентировано на внедрение инновационных процессов во все сферы экономики, что предусматривает, в том числе формирование новой модели построения экономического пространства по кластерному типу. Данные процессы затрагивают различные отрасли, в том числе и фармацевтику, внимание к которой в последние годы со стороны власти обусловлено социальной значимостью данной сферы, а также наличием большого числа проблем. Так, в Федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», принятой 01.10 2010 г., говорится о том, что «отечественные производители лекарственных средств проигрывают в рыночной конкуренции не только крупнейшим мировым фармацевтическим корпорациям, разрабатывающим новейшие инновационные препараты, но и изготовителям воспроизведенных лекарственных препаратов и сырья для их производства преимущественно из Китая и Индии» [9]. Это обусловлено следующими проблемами: технологическим отставанием России от зарубежных стран на всех этапах жизненного цикла лекарственных препаратов (от разработки до их реализации); несовершенством законодательства в сфере регистрации, декларирования, сертификации, контроля качества лекарственных средств; недостаточным количеством модернизированных отечественных фармацевтических предприятий; практически полным отсутствием инновационных продуктов и др.

Все перечисленные проблемы крайне негативно отражаются на фармбезопасности страны, которая является составной частью национальной безопасности. Для их решения в Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. (ФАРМА 2020), разработанной в 2009 г., предусмотрены поэтапно следующие шаги: 1) локализация разработки и производства лекарственных средств на территории России с переходом на стандарт GMP до 2012 г.; 2) развитие производства дженериков и достижение лекарственной безопасности (до 2017 г.); 3) развитие инновационного производства и выход на зарубежные рынки (до 2020 г.). Основным инструментом реализации поставленных задач является формирование на территории РФ фармацевтических кластеров. При этом в Стратегии установлен ряд регионов, в которых планируется создание фармацевтических кластеров, среди данных регионов указан и Южный федеральный округ (далее — ЮФО) как име-

ющий «высокий потенциал развития фармацевтической промышленности» [6].

В Стратегии социально-экономического развития ЮФО на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 05.09 2011 г. № 1538-р) говорится, что «фармацевтическая промышленность ЮФО уступает другим регионам по объему производства лекарственных средств, но, в то же время, представлена широким спектром предприятий, выпускающих разнообразную фармацевтическую продукцию» [7]. Таким образом, в документе обозначены как проблемные, так и положительные стороны фармацевтической отрасли ЮФО.

К основным проблемам фармацевтической отрасли ЮФО относятся: большая степень износа основных фондов; низкий уровень инноваций, используемых при разработке и производстве лекарственных средств; невозможность в полной мере обеспечивать население ЮФО широкой номенклатурой современных лекарственных препаратов из-за недостатка на территории округа предприятий, обеспечивающих полный цикл их производства; большая доля импортных лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций; рост цен на фармацевтические субстанции; низкая оплата труда квалифицированных специалистов фармацевтической промышленности в ЮФО (по сравнению со многими другими регионами России); низкий уровень оплаты труда преподавателей вузов, готовящих специалистов в области фармацевтической промышленности, а также неразвитая материально-техническая база вузов.

Однако благодаря высокому уровню развития сельского хозяйства и химической промышленности, продукция которых является основой для создания различных лекарственных средств, фармацевтическая промышленность ЮФО имеет хорошие перспективы развития и, по экспертным оценкам, может обеспечить рост объемов производства фармацевтической продукции в 1,6 раза в 2020 г., по сравнению с уровнем 2009 года. Предприятия отрасли сосредоточены в основном в Волгоградской, Ростовской, Астраханской областях и в Краснодарском крае.

Кроме того, регионы ЮФО обладают значительными резервами рабочей силы, а также квалифицированными кадрами. Специалистов в области фармацевтической промышленности готовят Волгоградский государственный медицинский университет, НИИ фармакологии в г. Волгограде, Кубанский государственный медицинский университет, Ростовский НИИ микробиологии и паразитологии, Краснодарский медицинский колледж и Новороссийский медицинский колледж. По экспертной оценке, рост занятости населения в отрасли составил

в 2013 г. 120 – 125 %, а в 2020 г. – 150 % (по сравнению с 2009 г.).

Полноценная реализация потенциала фармацевтической промышленности ЮФО возможна при условии осуществления ряда крупных инвестиционных проектов, предусмотренных Стратегией социально-экономического развития ЮФО. Так, в Астраханской области планируется создание Каспийского биофармацевтического кластера, в рамках которого намечена реализация следующих проектов:

1) производство лекарственных средств на основе новых наносубстанций аморфного гидроксиапатита кальция, магния и цинка для лечения костей и суставов, кожных заболеваний и заболеваний сердца;

2) производство гуанина (жидкий перламутр) из рыбьей чешуи для нужд военной и гражданской промышленности;

3) производство пектина из астраханских арбузов и лектинов из астраханских томатов с помощью технологий мембранной фильтрации, инфузионных растворов для внутривенного введения;

4) производство иммуномодулятора и иммунокорректора с противоопухолевой активностью на основе лекарственного растительного сырья;

5) производство противоопухолевых и сердечно-сосудистых лекарственных средств из растительного сырья с доказанной эффективностью и контролируемым содержанием биологически активных веществ;

6) производство лечебно-столовой минеральной воды «Тинаки» для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта, а также производство сапропелей (лечебной грязи) в качестве лекарственных средств для лечения заболеваний кожи;

7) производство лекарственного контрастного средства «Йогексол».

Кроме того, в настоящее время разрабатывается инновационная продукция – марциальная или «умная» вода» для укрепления и восстановления костной ткани и суставов, для укрепления сосудистой стенки. Также начата реализация инвестиционного проекта по созданию йодного производства.

В Ростовской области приступили к созданию Национального логистического парка в Батайске со специализированными фармацевтическими складами. В Республике Адыгея планируется строительство фармацевтического завода по производству лекарственных препаратов – плазмозамещающих инфузионных растворов.

Основными задачами в рамках проекта являются [3]:

1) создание в России, на территории Республики Адыгея, специализированного фармацевтического предприятия по производству инфузионных растворов, соответствующего мировым стандартам ОМР. Его мощность будет составлять 14,1 млн пластиковых флаконов в год;

2) обеспечение здравоохранения инфузионными растворами, которые по своим фармакологическим свойствам превосходят все мировые аналоги;

3) достижение проектной мощности предприятия и полное замещение в ЮФО импортных поставок инфузионных растворов, что приведет к экспорту производимых лекарственных препаратов;

4) обеспечение постепенной замены препаратов аптечного и внутрибольничного изготовления на высококачественные препараты заводского производства;

5) замена устаревшей и громоздкой практики розлива растворов в стеклянные флаконы на современную пластиковую упаковку.

Кроме того, в Адыгее, в станице Абадзехская Майкопского района, в 2012 г. запущено новое производство БАДов, которое полностью основано на разработках местных исследователей [8].

В Волгоградской области, занимающей одно из ведущих мест в России по подготовке научных кадров, а также по созданию новых оригинальных лекарственных средств в области фундаментальной фармакологии, планируется создание химико-фармацевтического кластера, для чего в регионе имеются все необходимые предпосылки: развитая научная база, учебные заведения по подготовке специалистов, крупные промышленные предприятия по производству сырья, система дистрибуции [4]. В состав участников Волгоградского химико-фармацевтического кластера входят: Волгоградский государственный медицинский университет, ООО «Шарма Фармасьютикалс», ВОАО «Химпром», ОАО «Каустик», ОАО «Волжский Оргсинтез», ЗАО «Европа-Биофарм», ГУП «Волгофарм» [2].

Волгоградская область — один из важнейших промышленно ориентированных регионов Юга России. Химическая отрасль является одной из ведущих отраслей промышленности и представлена такими предприятиями, как ОАО «Каустик», ВОАО «Химпром», ОАО «Волжский оргсинтез» и другими, которые, как предполагается, смогут обеспечить фармацевтические предприятия сырьем для производства фармпрепаратов. Например, фармацевтическая компания ГУП «Волгофарм», обладающая развитой и известной у населения сетью аптек, по-

зволяет ее использовать как инструмент дистрибуции производимых лекарственных средств.

Резидент ООО «Шарма Фармасьютикалс» на территории Волгоградской области — компания «Эдванс Трейдинг» — является официальным поставщиком лекарственных средств (противотуберкулезных антибиотиков и препаратов других фармакологических групп) производства компании «Macleods Pharmaceuticals Limited» (Индия).

В рамках фармацевтического кластера компания ООО «Шарма Фармасьютикалс» предполагает организовать производство лекарственных препаратов с использованием высокотехнологического подхода, применяемого Macleods Pharmaceuticals. В рамках данного подхода планируется осуществление научно-исследовательской и производственной деятельности по следующим направлениям: производство и развитие; аналитические методы анализа; разработка фармацевтических субстанций; центр изучения биозквивалентности. Все вышеназванное полностью соответствует стратегии «Фарма — 2020».

Научной базой для фармацевтической отрасли в регионе является Волгоградский государственный медицинский университет, объединяющий для фармакологических и фармацевтических исследований потенциал научных учреждений региона — НИИ Фармакологии Волгоградского государственного медицинского университета, Волгоградский исследовательский медицинский центр Администрации Волгоградской области, НИИ гигиены, токсикологии и профпатологии, Волгоградский научно-исследовательский противочумный институт Роспотребнадзора. Волгоградский медицинский университет, кроме того, является ведущим учебным заведением региона, обеспечивающим профессиональными кадрами лечебные и фармацевтические учреждения. В 2012 г. Волгоградский государственный медицинский университет стал крупнейшим медицинским вузом страны, присоединив к себе Пятигорскую фармацевтическую академию, которая с этого времени стала его филиалом. В контексте формирования кластера это усиливает его научный потенциал, так как разработки волгоградских ученых дополняются исследованиями пятигорского вуза.

В Федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» прописано формирование «Волгоградского научного центра инновационных лекарственных средств с опытно-промышленным производством», который будет создан на базе Волгоградского государственного медицинского

университета. С целью реализации данного проекта правительство РФ в период с 2012 по 2015 гг. планирует выделить 990 млн рублей. В 2013 г. произошло образование некоммерческого партнерства «Волжский химико-фармацевтический кластер», учрежденного Администрацией г. Волжский и Волгоградским медуниверситетом. Предполагается, что именно эта структура станет организационным центром кластера, уполномоченным на ведение диалога с Министерством регионального развития и зарубежными инвесторами, локализирующими фармацевтические производства в Российской Федерации.

Главными конкурентными преимуществами Волгоградского химико-фармацевтического кластера являются:

1) уникальная научно-исследовательская база для создания фармацевтического кластера. На сегодняшний день в России волгоградские ученые занимают лидирующие позиции в развитии фундаментальной фармакологии [1]. Так, в 2013 г. завершилась доклиническая фаза исследования трех инновационных препаратов (двух психотропных и одного обезболивающего), которые подтвердили свою безопасность и эффективность. В будущем планируется изучение еще одного сахароснижающего препарата;

2) высокий промышленный потенциал для становления фармацевтической отрасли, которая наряду с химической является приоритетным направлением развития экономики региона;

3) выгодное географическое положение и транспортная доступность для рынков Европы, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока;

4) значительные запасы природных ресурсов для производства основных видов сырья фармацевтической промышленности [5].

В целом с учетом инновационных разработок волгоградских ученых для предприятий фармацевтической промышленности ЮФО перспективным является развитие сектора производства лекарственных препаратов, а также создание систем стандартизации, экомаркировки и продвижения региональных брендов.

Таким образом, на территории ЮФО образовалось несколько основных площадок, которые могут стать базой для межрегиональной кластерной интеграции. Сюда относятся: Волгоградская, Астраханская, Ростовская области и Республика Адыгея. В них сосредоточены фармацевтические предприятия и научные центры, занимающиеся разработкой новых препаратов. При этом, каждая территория условно участвует в региональном разделении труда, поскольку специализируется на определенном виде дея-

тельности. Так, в Волгоградской области развивается фундаментальная наука, в Ростовской формируется крупный логистический центр, в Астраханской области и республике Адыгея планируется строительство фармацевтического производства. Отсутствие такового в Волгоградском регионе будет стимулировать местных ученых к поиску промышленных площадок для производства своих инновационных разработок и способствовать, таким образом, развитию кластерной интеграции в ЮФО.

Однако данные процессы должны быть поддержаны на уровне полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, а также региональных министерств экономического развития, которые могли бы обеспечить достаточную степень интеграции, кооперации, разделения труда и учета взаимных интересов областей. При этом для реализации данных функций возможно создание как наблюдательного совета, так и управляющей компании в качестве органов координации деятельности субъектов кластеризации.

К числу приоритетных мер содействия развитию фармацевтической промышленности ЮФО следует отнести:

1) развитие научно-технического и инновационного потенциала отрасли;

2) развитие кадрового потенциала и информационной инфраструктуры отрасли;

3) инвестиции, обеспечивающие технологическое перевооружение, модернизацию и переход фармацевтической промышленности округа на инновационную модель развития.

Сегодня в мире существует тенденция формирования трансграничных или межрегиональных кластеров на близлежащих территориях. Данный процесс может протекать различными способами. Во-первых, с помощью естественного расширения границ кластера на другие регионы как национальные, так и наднациональные. Во-вторых, формирование трансграничных кластеров может происходить за счет реализации инвестиционных проектов на уровне межгосударственных и межправительственных соглашений, а также осуществления проектов государственно-частного партнерства. В-третьих, возможно слияние кластерных ядер Волгоградской, Астраханской областей и др. и формирование единого межрегионального фармацевтического кластера. Это обеспечит устойчивое взаимодействие широкого круга взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих стейкхолдеров, локализованных в соседствующих территориях, что приведет в итоге к синергетическому эффекту в развитии соответствующих территорий и диффузии инноваций между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биофармкластер «Северный» — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://pharmcluster.ru/> (дата обращения: 12.11.2013). — Загл. с экрана.
2. Министерство экономики, внешнеэкономических связей и инвестиций. Официальный портал. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://economics.volganet.ru/folder_5/folder_8/folder_3/ (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.
3. Портал Министерства экономического развития и торговли Республики Адыгея. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minecora.ru/content.php?id=5&pid=98&cid=26> (дата обращения: 09.01.2014). — Загл. с экрана.
4. Соболева, С. Ю. Региональные особенности формирования фармацевтических кластеров на территории Российской Федерации / С. Ю. Соболева, С. В. Животова // Волгоградский научно-медицинский журнал. — 2013. — № 1. — С. 10–14.
5. Соболева, С. Ю. Оценка факторов формирования фармацевтических кластеров с использованием непараметрической экспертизы / С. Ю. Соболева, П. В. Терелянский, А. В. Соболев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История Политология Экономика Информатика. — 2013. — № 15 (158) — Выпуск 27/1. — С. 46–54.
6. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года // Национальный фармацевтический портал. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.pharm-medexpert.ru/pharma2020.php> (дата обращения: 13.01.2014). — Загл. с экрана.
7. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 05.09 2011 г. №1538-р). — Электрон. текст. данные — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55084615/> (дата обращения: 05.11.2013). — Загл. с экрана.
8. Фармацевтический вестник. Информационно-аналитическая газета от 16.08.2012. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.pharmvestnik.ru/publs/lenta/v-rossii/novoe-proizvodstvo-badov-zapushcheno-v-adygee.html#.UePhItLwmWw> (дата обращения: 12.02.2014). — Загл. с экрана.
9. Федеральная целевая программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.fcpfarma.ru/> (дата обращения: 12.01.2014). — Загл. с экрана.

УДК 336.662
ББК 65.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ОСНОВНЫМ КАПИТАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Т.В. Коростелева, Г.Р. Стрекалова

В статье обоснована актуальность управления основным капиталом предприятий пищевой промышленности; предложены направления управления эффективностью основного капитала предприятий пищевой промышленности; разработана модель рационального использования основного капитала предприятий пищевой промышленности.

Ключевые слова: основной капитал, воспроизводство, внеоборотные активы, долгосрочные инвестиции, эффективное управление, финансовые показатели, рациональное использование, информационное обеспечение.

IMPROVEMENT OF THE PROCESS OF THE MANAGEMENT OF THE CORE CAPITAL OF FOOD INDUSTRY ENTERPRISES

T.V. Korosteleva, G.R. Strekalova

The improvement urgency of the core capital management of the food industry enterprises is given. The directions of the efficiency management of the core capital enterprises of the food industry are offered. The development of the model of the rational use of the core capital of food industry enterprises is given.

Key words: fixed capital, reproduction, non current assets, long term investments, efficient management, financial indices, rational use, informational provision.

Значительный износ основных производственных фондов предприятий пищевой промышленности актуализирует проблемы управления основным капиталом, ставя их в разряд приоритетных. От наличия на предприятиях пищевой отрасли действенной процедуры управления напрямую зависит эффективность процессов воспроизводства и использования основного капитала, сложный механизм которого базируется на современных технологиях, объединяющих процессы учета и экономического анализа с целью создания информационной инфраструктуры обеспечения, позволяющей вырабатывать обоснованные управленческие решения.

Классифицируется ли капитал предприятия на собственный или заемный, основной или оборотный, постоянный или переменный, он всегда находится в процессе непрерывного движения, принимая лишь различные формы, которые зависят от конкретной стадии кругооборота [1].

Совокупность кругооборотов различных форм капитала предприятия за период представляет собой его полный оборот простого или расширенного воспроизводства [6].

Рассматривая понятия «внеоборотные активы» и «основной капитал» как тождественные, следует отметить, что основной капитал включает в себя понятия основные средства, незавершенные долгосрочные инвестиции, нематериальные активы и новые долгосрочные финансовые инвестиции. В состав основного капитала также включаются затраты на незавершенные капиталовложения в основные средства на приобретение оборудования. Это та часть затрат на приобретение или строительство основных средств, которая еще не стала основными средствами и не может участвовать в хозяйственной деятельности предприятия [1].

Бизнес функционирует и развивается в результате предшествующего вложения капитала в основные средства. Получение прибыли сегодня — это результат правильных решений о пропорциях вложения капитала в основные и текущие, то есть оборотные средства, принятые еще до начала операционной деятельности предприятия, поэтому эффективное управление основным капиталом предполагает ясное представление о специфике их функционирования и воспроизводства.

При оценке эффективности вложений предприятия в основные средства, анализа их эксплуатации и воспроизводства необходимо исходить из следующих принципиальных положений [9]:

— функциональная полезность основных средств сохраняется в течение ряда лет, поэтому расходы по их приобретению и эксплуатации распределены во времени;

— момент физической замены (обновления) основных средств не совпадает с моментом их стоимостного замещения, в результате чего могут возникнуть потери и убытки, занижающие финансовые результаты деятельности предприятия;

— эффективность использования основных средств оценивается по-разному (по виду, принадлежности, характеру участия в производственном процессе, назначению). Поскольку основные средства обслуживают не только производственную сферу деятельности предприятия, но и социально-бытовую, эффективность их использования определяется не только экономическими, но и социальными, экологическими и другими факторами.

Основные средства и долгосрочные инвестиции в основные средства многопланово и разносторонне влияют на финансовое состояние и результаты деятельности предприятия [9].

Экономическими показателями использования основных средств могут быть показатели, объединенные в следующие группы:

- объем, структура и состав основных средств и их динамика;
- воспроизводство основных средств и оборачиваемость;
- эффективность использования основных средств;
- эффективность затрат на содержание и эксплуатацию основных средств;
- эффективность инвестиций в основные средства;
- эффективность использования нематериальных активов предприятия.

Системообразующим принципом формирования финансовых показателей использования основных средств являются конкретные потребности управления и содержание принимаемых управленческих решений.

Полнота и достоверность расчета и анализа показателей использования основных средств зависят от степени совершенства бухгалтерского учета, отлаженности систем регистрации операций с объектами основных средств, полноты заполнения учетных документов, точности отнесения объектов к учетным классификационным группам, достоверности инвентаризационных описей, глубины разработки и ведения регистров аналитического учета.

Необходимо отметить, что возможности анализа эффективности функционирования основных средств на предприятиях ограничены низким уровнем организации оперативно-технического учета времени работы и простоев оборудования, их производительности и степени загрузки. На предприятиях зачастую не проводится сравнительный анализ данных по ана-

логичным объектам основных средств других предприятий и хозяйственных единиц. Практически отсутствует аналитический учет финансовых результатов по операциям с объектами основных средств. Аналитический учет основных средств на предприятиях ограничен разделением объектов на классификационные группы, а внутри групп — по инвентарным объектам и месту нахождения (эксплуатации) объектов у лиц, ответственных за их сохранность. Аналитический учет капитального строительства объектов и мощностей ограничен информацией паспорта стройки, который в большинстве случаев по полной форме не заполняется.

Перечисленные особенности информационного обеспечения сдерживают возможности применения полноценного факторного моделирования и анализа основных средств для целей управления. Методику расчета финансовых показателей использования основных средств и их применения для управления основным капиталом покажем на примере отдельных аналитических задач.

Следующим направлением управления эффективностью основного капитала предприятия является анализ расчетов резервов увеличения выпуска продукции и фондоотдачи [3]. Ими могут быть ввод в действие неустановленного оборудования, замена и его модернизация, сокращение простоев, повышение коэффициента сменности, более интенсивное его использование, внедрение мероприятий инновационной деятельности предприятия. При определении текущих и перспективных резервов вместо планового уровня факторных показателей учитывается их потенциальный уровень.

Например, резервы увеличения выпуска продукции ($P\uparrow VP_k$), формируемые за счет ввода в действие нового оборудования, определяются умножением дополнительного его количества ($P\uparrow K$) на фактическую величину среднегодовой выработки ($ГВ_\phi$) или на фактическую величину всех факторов, которые образуют ее уровень (см. формулу 1).

Сокращение простоев оборудования за счет конкретных оргтехмероприятий приводит к увеличению среднего количества отработанных дней каждой его единицей за год ($P\uparrow D$). Этот прирост необходимо умножить на возможное количество единиц оборудования (K_b) и фактическую среднедневную выработку единицы оборудования ($ДВ_\phi$) (см. формулу 2).

Чтобы подсчитать резерв увеличения выпуска продукции за счет повышения коэффициента сменности в результате лучшей организации производства, необходимо возможный прирост последнего умножить на возможное количество дней работы всего парка оборудо-

вания и на фактическую выработку (CB_{ϕ}) (см. формулу 3)

За счет сокращения внутрисменных простоев увеличивается средняя продолжительность смены, а, следовательно и выпуск продукции. Для определения величины этого резерва необходимо возможный прирост средней продолжительности смены умножить на фактический уровень среднечасовой выработки оборудования и на возможное количество отработанных смен всем его парком (CM_{ϕ}) (произведение возможного количества оборудования, возможного количества отработанных дней единицей оборудования и возможного коэффициента сменности) (см. формулу 4).

Для определения резерва увеличения выпуска продукции за счет повышения среднечасовой выработки оборудования необходимо сначала выявить возможности роста последней за счет его модернизации, более интенсивного использования, внедрения мероприятий НТП и т. д. Затем выявленный резерв повышения среднечасовой выработки нужно умножить на возможное количество часов работы оборудования T_{ϕ} (произведение возможного количества единиц, количества дней работы, коэффициента сменности, продолжительности смены) (см. формулу 5).

Резервы роста фондоотдачи — это увеличение объема производства продукции и сокращение среднегодовой стоимости основных производственных фондов [6] (см. формулу 6).

Резервы роста фондорентабельности определяют умножением выявленного резерва

роста фондоотдачи на фактический уровень рентабельности продукции:

$$P \uparrow R_{\phi o} = P \uparrow \Phi O_{\phi \phi} \cdot R_{\phi \phi} \quad (7)$$

Разработка методики рационального использования основного капитала требует пересмотра традиционных основ построения предприятий промышленности и их организационной культуры. Такие существенные изменения требуют использования как специальных принципов, так и определенных организационных и экономических условий. Особенную актуальность в рамках разрабатываемой методики рационального использования основного капитала предприятий пищевой отрасли представляет перепроектирование внутренней структуры управления производственным потенциалом предприятия, так как в большинстве случаев он находится в кризисном или предкризисном положении и нуждается именно в кардинальном перепроектировании.

Еще одним перспективным направлением решения проблем, связанных с финансированием основного капитала предприятий пищевой отрасли (с точки зрения его оптимизации и повышения уровня рациональности использования ими своих собственных средств) может стать их вхождение в состав более крупных предприятий пищевой отрасли РФ. Как правило, такие предприятия имеют необходимые ресурсы для финансирования инвестиционной деятельности, располагают более широ-

$$P \uparrow ВП_{\phi} = P \uparrow K \cdot ГВ_{\phi} = P \uparrow K \cdot \Delta_{\phi} \cdot K_{\phi \phi} \cdot П_{\phi} \cdot ЧВ_{\phi}, \quad (1)$$

где Δ_{ϕ} — количество фактически отработанных дней единицей оборудования; $K_{\phi \phi}$ — коэффициент сменности (фактический) работы оборудования; $П_{\phi}$ — фактическая средняя продолжительность смены; $ЧВ_{\phi}$ — фактическая выработка продукции за один машино-час на единице оборудования.

$$P \uparrow ВП_{\Delta} = K_{\phi} \cdot P \uparrow \Delta \cdot \Delta В_{\phi} = K_{\phi} \cdot P \uparrow \Delta \cdot K_{\phi \phi} \cdot П_{\phi} \cdot ЧВ_{\phi}, \quad (2)$$

$$P \uparrow ВП_{KCM} = K_{\phi} \cdot \Delta_{\phi} \cdot P \uparrow K_{\phi} \cdot CB_{\phi} = K_{\phi} \cdot \Delta_{\phi} \cdot P \uparrow K_{\phi} \cdot П_{\phi} \cdot ЧВ_{\phi}, \quad (3)$$

$$P \uparrow ВП_{\Pi} = CM_{\phi} \cdot P \uparrow П \cdot ЧВ_{\phi} = K_{\phi} \cdot \Delta_{\phi} \cdot K_{\phi \phi} \cdot P \uparrow П \cdot ЧВ_{\phi}, \quad (4)$$

$$P \uparrow ВП_{\phi} = T_{\phi} \cdot P \uparrow ЧВ_{\phi} \cdot ЧВ_{\phi} = K_{\phi} \cdot \Delta_{\phi} \cdot K_{\phi \phi} \cdot П_{\phi} \cdot P \uparrow ЧВ_{\phi}, \quad (5)$$

$$P \uparrow \Phi O = \Phi O_{\phi} - \Phi O_{\phi} = \frac{ВП_{\phi} + P \uparrow ВП}{ОП_{\phi} + ОП_{\Delta} - P \downarrow ОП_{\phi}} - \frac{ВП_{\phi}}{ОП_{\phi}}, \quad (6)$$

где $P \uparrow \Phi O$ — резерв роста фондоотдачи; ΦO_{ϕ} , ΦO_{ϕ} — соответственно возможный и фактический уровень фондоотдачи; $P \uparrow ВП$ — резерв увеличения производства продукции; $ОП_{\Delta}$ — дополнительная сумма основных производственных фондов, необходимая для освоения резервов увеличения выпуска продукции; $P \uparrow ОП$ — резерв сокращения средних остатков основных производственных фондов за счет реализации и сдачи в аренду ненужных и списания непригодных.

кими возможностями по привлечению заемных средств, высоким уровнем менеджмента.

Регулирование процессов концентрации в промышленности на уровне региона должно быть направлено на предупреждение возможных негативных последствий слияний и поглощений, согласование интересов развития региональной экономической системы с намерениями и планами представителей крупного бизнеса. Механизмом указанного взаимодействия могут выступать совместные программы развития производства, инвестирования и т. п.

В состав еще одного направления, связанного с управлением эффективностью основного капитала, входят предложения по рациональному использованию основного капитала, что потребует пересмотра традиционных основ проведения анализа и построения работ, при реализации которых возникнет необходимость в принятии оперативных управленческих решений. Такие существенные изменения нуждаются в использовании как специальных принципов, так и определенных организационных и экономических условий. Особую актуальность в рамках разрабатываемой методики рационального использования основного капитала представляет перепроектирование внутренней структуры управления инвестиционным процессом, так как в большинстве случаев он на-

ходится в кризисном или предкризисном положении и нуждается в кардинальном перепроектировании.

Предложенная методика рационального использования инвестиционных ресурсов предприятий пищевой отрасли с учетом специфики нынешнего этапа развития пищевой промышленности и требований локализации рисков реализации инвестиционных процессов и мероприятий в промышленности представлена на рисунке. Как следует из рисунка, основу модели рационального использования основного капитала предприятий пищевой промышленности составляет определение целей его использования. К данным целям можно отнести следующие: пополнение активной части производственных фондов; новое строительство; обновление основных фондов; выбытие основных фондов. Далее проводится оценка и диагностика состава и структуры основного капитала предприятия известными методами и методиками, по данным бухгалтерской отчетности, производственного отдела, отдела маркетинга и т. д. [5].

Результатами такого анализа и диагностики должны стать программы и программные мероприятия по приоритетам направлений управления основным капиталом предприятия.

Диверсификация деятельности повышает устойчивость функционирования предприятий

Рисунок. Модель рационального использования основного капитала предприятий пищевой промышленности

Примечание. Составлено авторами.

во внешней среде, хотя и не всегда приносит доход. Потенциальный доход от нового продукта может быть слишком мал по сравнению с доходом от основного вида деятельности, а затраты могут потребовать большого отвлечения оборотных средств и длительного времени окупаемости, поэтому риск совершенствования инвестиционного процесса может быть высоким.

Тем не менее подобные отвлечения средств могут быть рассмотрены с позиции локализации рисков практической реализации инвестиционных процессов и мероприятий предприятий в целом.

Таким образом, для эффективного управления основным капиталом, предприятию необходимо развивать свою деятельность в сфере инноваций.

Формирование и использование различных денежных фондов для возмещения затрат капитала, его накопления и потребления составляет суть механизма управления основным капиталом на предприятии.

Стоимость основных средств постепенно погашается в течение срока их полезной эксплуатации, что осуществляется путем ежемесячных амортизационных отчислений, которые включаются в издержки производства или обращения за соответствующий отчетный период [1].

В состав основного капитала также включаются затраты на незавершенные капиталовложения в основные средства и на приобретение оборудования. Это та часть затрат на приобретение и строительство основных средств, которая еще не превратилась в основные средства, не может участвовать в процессе хозяйственной деятельности, а поэтому не должна подвергаться амортизации.

Долгосрочные финансовые инвестиции представляют собой затраты на долевое участие в уставном капитале в других предприятиях, на приобретение акций и облигаций на долговременной основе [2]. Затраты на долгосрочные финансовые вложения погашаются в зависимости от характера и вида.

К финансовым инвестициям относятся также:

- долгосрочные займы, выданные другим предприятиям под долговые обязательства;
- стоимость имущества, переданного в долгосрочную аренду на праве финансового лизинга. Лизинг представляет собой долгосрочную аренду машин и оборудования, при которой лизингодатель приобретает в собственность за собственные или заемные средства объект лизинга и передает его лизингополучателю на срок и за плату во временное владение

и пользование с правом или же без права выкупа [2].

Получение прибыли сегодня — это результат правильных решений о пропорциях вложения капитала в основные и текущие (оборотные) средства, принятых еще до начала операционной деятельности предприятия. Поэтому эффективное управление основным капиталом предполагает ясное представление о специфике функционирования и воспроизводства данных капиталовложений [8].

Основные средства и долгосрочные инвестиции в основные средства оказывают многоплановое и разностороннее влияние на финансовое состояние и результаты деятельности предприятия.

Инвестиции в основной капитал (основные средства) осуществляются в форме капиталовложений и включают в себя затраты на новое строительство, расширение, реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий, приобретение оборудования, инструмента и инвентаря, проектной продукции и иные расходы капитального характера [4]. Капиталовложения неразрывно связаны с реализацией инвестиционных проектов. Инвестиционный проект — обоснование экономической целесообразности, объема и сроков проведения капитальных вложений, включая необходимую документацию, а также описание практических действий по осуществлению инвестиций (бизнес-план) [4].

Инвестиционная политика — составная часть общей финансовой стратегии предприятия, которая заключается в выборе и реализации наиболее рациональных путей расширения и обновления производственного потенциала.

При выработке инвестиционной политики предприятию необходимо руководствоваться следующими принципами [4]:

1. Достижение экономического, научно-технического и социального эффекта от рассматриваемых мероприятий. При этом для каждого объекта инвестирования используются конкретные методы оценки эффективности. По итогам такой оценки осуществляется отбор отдельных инвестиционных проектов по критерию эффективности. При прочих равных условиях принимаются к реализации те проекты, которые обеспечивают предприятию максимальную рентабельность.

2. Максимизация прибыли на вложенный капитал при минимизации инвестиционных затрат. Источником прироста капитала и целью инвестиций является получаемая от них прибыль (доход). На практике масса прибыли (П) сопоставляется с инвестиционными затратами (ИЗ) и определяется их эффективность.

Инновационное управление предприятием по своему содержанию представляет уникальную сферу деятельности: здесь используются и взаимодействуют знания из областей техники, экономики и экологии, социальной психологии и социологии, фундаментальных и прикладных наук, теория и практика, производство и управление, стратегия и тактика [7]. Саморазвитие становится возможным благодаря гению человеческой мысли, накоплению капитала и высококачественному производительному труду. Но оно же, это развитие, будучи нацелено на благо человека, обогащает труд и человеческую мысль, расширяет возможности накопления капитала благодаря повышению производительности и качества труда и создает, тем самым, условия для нового этапа развития, обеспечивая его непрерывность.

Таким образом, предприятию в соответствии со своей миссией и динамично изменяющейся внешней средой необходимо выстраивать цели получения устойчивых прибылей, конкурентных преимуществ и выживания в долгосрочной перспективе. Средствами достижения целей, то есть стратегиями, в этом случае служат как интенсивное развитие всех элементов производственно-хозяйственной системы организации, так и их инновационное развитие. Первое обеспечит сохранение потенциала предприятия в случае, если во внешней среде не происходит значительных изменений, что сегодня встречается очень редко. Второе обеспечит повышение уровня организационного потенциала при наличии устойчивой / высокодинамичной внешней среды.

Необходимо также учитывать, что предприятие может считаться успешным лишь тогда, когда оно достигает своих целей. Очевидно, что для предприятия одной из основных целей является получение прибыли. В таком случае текущая эффективность предприятия определяется тем, что создаваемая им стоимость превращается непосредственно в прибыль. Каждому предприятию необходимы ресурсы, что-

бы финансировать свою производственно-торговую деятельность.

Из проведенного исследования следует, что инвестиции и инновации представляют собой важнейшие экономические категории расширенного воспроизводства, которые играют ключевую роль в структурных сдвигах экономики, в формировании народнохозяйственных пропорций на макроуровне, адекватных рыночным формам хозяйствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов, Р. Г. Основной капитал: сущность и определение в современных условиях / Р. Г. Абакумов // Белгородский экономический вестник. — 2004. — № 3–4. — С. 98–103.
2. Абрамов, С. И. Управление инвестициями в основной капитал / С. И. Абрамов. — М.: Экзамен, 2002. — 544 с.
3. Варанкова, М. В. Современные подходы к проблеме обновления основных фондов в России / М. В. Варанкова // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр., посвящ. 100-летию со дня рождения П. З. Захарова. — Томск: Изд-во ТПУ, 2002. — С. 52–54.
4. Дулич, В. А. Инвестиции как средство модернизации основного капитала / В. А. Дулич // Промышленное и гражданское строительство. — 2003. — № 9. — С. 16–18.
5. Захарьин, В. Л. Учет основных средств: оценка, амортизация, выбытие. / В. Л. Захарьин. — М.: Налоговый вестник, 2004. — Вып. 3. — 255 с.
6. Ильин, С. Ю. К вопросу воспроизводства основных фондов / С. Ю. Ильин // Проблемы региональной экономики. — 2002. — № 4–6. — С. 427–431.
7. Индикаторы инновационной деятельности: 2011: стат. сб. / Н. В. Городникова, [и др.]. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. — 456 с.
8. Климов, Д. Ю. Влияние основных производственных фондов на эффективность производственно-хозяйственной деятельности / Д. Ю. Климов // Современные аспекты экономики. — 2007. — № 12. — СПб.: Инфо-да, 2007. — С. 36–42.
9. Ковалев, А. П. Управление имуществом на предприятии: учебник / А. П. Ковалев. — М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2009. — 272 с.

Андрющенко О.Г.

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономики Новочеркасской
государственной мелиоративной академии,
г. Новочеркасск (s0067@yandex.ru)

Аникина И.Д.

доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой корпоративных
финансов и банковской деятельности
Волгоградского государственного
университета, г. Волгоград (anikina@volsu.ru)

Бабков Г.А.

доктор экономических наук, профессор
кафедры экономики и управления
Ростовского международного института
экономики и управления, г. Ростов-на-Дону
(gbabkov@mail.ru)

Бондаренко Л.Н.

доктор экономических наук, профессор
кафедры корпоративных финансов и
банковской деятельности Волгоградского
государственного университета, г. Волгоград
(kfbid@volsu.ru)

Волков С.К.

кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики и
экономической теории Волгоградского
государственного технического
университета, г. Волгоград
(ambiente2@rambler.ru)

Горшкова А.Н.

младший научный сотрудник НИИ механики
и прикладной математики им. И.И. Воровича
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону (ZZ_WW@mail.ru)

Гукова А.В.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института дополнительного
образования Волгоградского
государственного университета, г. Волгоград
(avgukova@mail.ru)

Дядечко О.В.

аспирант Санкт-Петербургского
государственного экономического
университета, г. Санкт-Петербург
(o.v.dyadechko@yandex.ru)

Епинина В.С.

старший преподаватель кафедры
менеджмента Волгоградского
государственного университета, г. Волгоград
(v.epinina@rambler.ru)

Жуков А.Н.

преподаватель кафедры экономики и
управления Волгоградского института
бизнеса, г. Волгоград (labser@volsu.ru)

Залепухин В.В.

кандидат биологических наук, доцент
кафедры географии и картографии
Волгоградского государственного
университета, г. Волгоград (gik@volsu.ru)

Захохова М.Р.

соискатель Института информатики и
проблем регионального управления
Кабардино-Балкарского научного центра
РАН, г. Нальчик (madia_rz@mail.ru)

Иванов Н.П.

доктор экономических наук, профессор,
проректор по стратегическому развитию
Ставропольского государственного
медицинского университета, г. Ставрополь
(ivanovstv@yandex.ru)

Кайль Я.Я.

доктор экономических наук, профессор
Института дополнительного образования
Волгоградского государственного
университета, г. Волгоград
(kailjakow@mail.ru)

Камбарова Е.А.

кандидат географических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального
управления Новороссийского
политехнического института (филиала)
Кубанского государственного
технологического университета, г. Краснодар
(kambarka@mail.ru)

Кан Е.Н.

аспирант Санкт-Петербургского
государственного инженерно-
экономического университета (ИНЖЭКОН),
г. Санкт-Петербург (2494433@mail.ru)

Клинецвич Р.И.

аспирант кафедры экономики производства и
статистики Северо-Кавказской
государственной гуманитарно-
технологической академии, г. Черкесск
(Klintsevich@mail.ru)

Козенко Ю.А.

доктор экономических наук, профессор
кафедры экономической теории и сельской
кредитной кооперации Волгоградского
государственного аграрного университета,
г. Волгоград (kozenko_zn@mail.ru)

Коростелева Т.В.

кандидат экономических наук, доцент кафедры товароведения и технологии общественного питания Казанского кооперативного института, г. Казань (gerta19@list.ru)

Котова Л.А.

преподаватель кафедры менеджмента и экономики Новошахтинского филиала Южного федерального университета, соискатель кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета, г. Новошахтинск (kotova_7777@mail.ru)

Курченков В.В.

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (kurchenkov@volsu.ru)

Липина С.А.

доктор экономических наук, директор Центра зеленой экономики Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского университета «Совет по изучению производительных сил при Минэкономразвития России и РАН», г. Москва (s.lipina@mail.ru)

Логина Е.Ю.

кандидат политических наук, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, г. Кемерово (katrin.2007@mail.ru)

Майорникова М.Г.

соискатель кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (mariya.mayornikova@bk.ru)

Матвеева Л.Г.

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (matveeva_lg@mail.ru)

Матюхина К.Ю.

аспирант кафедры государственного и муниципального управления Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (keprid@volsu.ru)

Месропян К.Э.

научный сотрудник лаборатории социальных и экономических исследований Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону (mesropyan@ssc-ras.ru)

Митрофанова И.А.

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Волгоградского государственного технического университета, г. Волгоград (mitrofanovaia@rambler.ru)

Муратова Л.И.

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Ессентукского института управления, бизнеса и права, г. Ессентуки (gbabkov@mail.ru)

Мытарев М.А.

главный специалист Комитета по охране окружающей среды и природным ресурсам при Правительстве Волгоградской области (econecol@volsu.ru)

Никитаева А.Ю.

доктор экономических наук, доцент кафедры информационной экономики Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (a_nikitaeva@list.ru)

Оксанич Н.И.

доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела экономики и организации Всероссийского научно-исследовательского института организации производства, труда и управления в сельском хозяйстве, г. Москва (N_Oksanich@rambler.ru)

Павлов К.В.

доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе Ижевского института управления, заведующий кафедрой экономики Камского института гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск (kvp_ruk@mail.ru)

Патракеева О.Ю.

научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону (OlgaPatrakeyeva@yandex.ru)

Пожилова И.В.

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (ipozhilova@yandex.ru)

Речко Г.Н.

кандидат экономических наук, доцент, заведующая лабораторией Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, г. Кемерово (rgn.vt@kuzstu.ru)

Родионова Е.В.

аспирант кафедры мировой и региональной экономики Волгоградского государственного университета, г. Волгоград (labser@volsu.ru)

Селютин В.В.

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономической кибернетики Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону (vvs1812@gmail.com)

Соболева С.Ю.

кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономики и
менеджмента Волгоградского
государственного медицинского
университета, г. Волгоград (svetlaso@mail.ru)

Стрекалова Г.Р.

кандидат технических наук, профессор
кафедры менеджмента Института
социальных и гуманитарных знаний,
г. Казань (strekalova-9@mail.ru)

Туманянц К.А.

кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономической теории и
экономической политики Волгоградского
государственного университета, г. Волгоград
(tka210@gmail.com)

Ушканова Е.В.

научный сотрудник НИИ механики и
прикладной математики им. И.И. Воровича
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону (ushkanova@sfedu.ru)

Фридман Ю.А.

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
экономики и организации промышленного
производства Сибирского отделения РАН,
г. Кемерово (yurifridman@mail.ru)

Чепрасов Е.В.

кандидат экономических наук, начальник
финансово-экономического отдела ООО
«Райгород», г. Волгоград
(Cheprasov@Vipoil.com)

Чернова О.А.

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой финансов и
бухгалтерского учета Новошахтинского
филиала Южного федерального
университета, г. Новошахтинск
(chernovaolga71@mail.ru)

Шор Д.М.

кандидат экономических наук, доцент
кафедры корпоративных финансов и
банковской деятельности Волгоградского
государственного университета, г. Волгоград
(shordima@rambler.ru)

ABOUT THE AUTHORS

Andryushchenko O.G.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Chair of Economics, Novocherkasskaya State Melioration Academy, Novocherkassk (s0067@yandex.ru)

Anikina I.D.

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Corporate Finance and Banking, Volgograd State University, Volgograd (anikina@volsu.ru)

Babkov G.A.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of Economy and Management, Rostov International Institute of Economics and Management, Rostov-on-Don (gbabkov@mail.ru)

Bondarenko L.N.

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Corporate Finance and Banking, Volgograd State University, Volgograd (kfbd@volsu.ru)

Cheprasov E.V.

Candidate of Economic Sciences, Head of Finance and Economic Department of Limited Partnership "Raygorod" (Cheprasov@Vipoil.com)

Chernova O.A.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Chair of Finance and Accounting, Novoshakhtinsk Branch of Southern Federal University, Novoshakhtinsk (chernovaolga71@mail.ru)

Dyadechko O.V.

Postgraduate Student, Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg (o.v.dyadechko@yandex.ru)

Dyakova E.B.

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Theory of Finance, Credit and Taxation, Volgograd State University, Volgograd (ebdyakova@yandex.ru)

Epinina V.S.

Senior Lecturer, Department of Management, Volgograd State University, Volgograd (v.epinina@rambler.ru)

Friedman Yu.A.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS, Kemerovo (yurifridman@mail.ru)

Gorshkova A.N.

Junior Scientific Researcher, Research Institute of Mechanics and Applied Mathematics named after Vorovich I.I. of Southern Federal University, Rostov-on-Don (ZZ_WW@mail.ru)

Gukova A.V.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Supplementary Education, Volgograd State University, Volgograd (avgukova@mail.ru)

Ivanov N.P.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice President on the Strategic Development, Stavropol State Medical University, Stavropol (ivanovstvr@yandex.ru)

Kambarova E.A.

Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor, Chair of State and Municipal Management, Novorossiysky Polytechnic Institute (Branch) of Kuban State Technological University, Krasnodar (kambarka@mail.ru)

Kan E.N.

Post Graduate Student, Saint Petersburg State Engineering and Economic University (Inzhekon), Saint Petersburg (2494433@mail.ru)

Kayl Ya.Ya.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of the Supplementary Education, Volgograd State University, Volgograd (kailjakow@mail.ru)

Klintsevich R.I.

Postgraduate Student, Chair of Industrial Economy and Statistics, North Caucasian State Humanitarian and Technological Academy, Cherkessk (Klintsevich@mail.ru)

Korosteleva T.V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair of Merchandising and Catering Technology, Kazan Cooperative Institute, Kazan (gerta19@list.ru)

Kotova L.A.

Competitor for the degree of the candidate of economic sciences, Chair of International and Regional Economy, Volgograd State University, Lecturer, Chair of Management and Economy, Novoshakhtinsky Branch of Southern Federal University, Novoshakhtinsk (kotova_7777@mail.ru)

Kozenko Yu.A.

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Rural Credit Cooperative Societies, Volgograd State Agricultural University, Volgograd (kozenko_zn@mail.ru)

Kurchenkov V.V.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Public and Municipal Administration, Volgograd State University, Volgograd (kurchenkov@volsu.ru)

Lipina S.A.

Doctor of Economic Sciences, Director of the Center of the Green Economy of the Federal State Budgetary Scientific Research University "Council for the Research of the Productive Forces at the Ministry of the Economic Development of Russia and Russian Academy of Sciences", Moscow (s.lipina@mail.ru)

Loginova E.Yu.

Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Economy and Organization of the Industrial Production of the Siberian Branch of the RAS, Kemerovo (katrin.2007@mail.ru)

Matokhina K.Yu.

Post Graduate Student, Chair of State and Municipal Management, Volgograd State University, Volgograd (keprid@volsu.ru)

Matveeva L.G.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Chair of the Informational Economics of the South Federal University, Rostov-on-Don (matveeva_lg@mail.ru)

Mayornikova M.G.

Competitor for the degree of the candidate of economic sciences, Chair of International and Regional Economy, Volgograd State University, Volgograd (mariya.mayornikova@bk.ru)

Mesropyan K.E.

Scientific Researcher, Laboratory of Social and Economic Research, Institute of Social, Economic and Humanitarian Studies of the Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don (mesropyan@ssc-ras.ru)

Mitrofanova I.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair of Economy and Management, Volgograd State Technical University, Volgograd (mitrofanovaia@rambler.ru)

Muratova L.I.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of International Economy, Yessentuki Institute of Management, Business and Law, Yessentuki (gbabkov@mail.ru)

Mytarev M.A.

Chief Specialist, Committee of Environmental Protection and Natural Resources at the Government of the Volgograd region (econecol@volsu.ru)

Nikitaeva A.Yu.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of Informational Economics, South Federal University, Rostov-on-Don (a_nikitaeva@list.ru)

Oksanich N.I.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department of Economy and Organization, All Russian national and research institute of the organization of the production, labour and management in the agricultural sphere, Moscow (N_Oksanich@rambler.ru)

Patrakeeva O.Yu.

Scientific Researcher, Institute of Social, Economic and Humanitarian Studies of the Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don (OlgaPatrakeeva@yandex.ru)

Pavlov K.V.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice President on Scientific Work, Izhevsk Institute of Management, Head of Chair of Economy, Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk (kvp_ruk@mail.ru)

Pozhilova I.V.

Lecturer, Chair of State and Municipal Management, Volgograd State University, Volgograd (ipozhilova@yandex.ru)

Rechko G.N.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of RAS, Kemerovo (rgn.vt@kuzstu.ru)

Rodionova E.V.

Postgraduate Student, Chair of International and Regional Economy, Volgograd State University, Volgograd (labser@volsu.ru)

Selyutin V.V.

Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Chair of Economic Cybernetics, Southern Federal University, Chief Scientific Researcher, Institute of Social, Economic and Humanitarian Research of the Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don (vvs1812@gmail.com)

Shor D.M.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chair of Corporate Finance and Banking, Volgograd State University, Volgograd (shordima@rambler.ru)

Soboleva S.Yu.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of the Economics and Management, Volgograd State Medical University, Volgograd (svetlaso@mail.ru)

Strekalova G.R.

Candidate of Technical Sciences, Professor, Chair of Management, Institute of Social and Humanitarian Research, Kazan (strekalova-9@mail.ru)

Tumanyants K.A.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory and Economic Policy, Volgograd State University, Volgograd (tk210@gmail.com)

Ushkanova E.V.

Scientific Researcher, Research Institute of Mechanics and Applied Mathematics named after Vorovich I.I. of Southern Federal University, Rostov-on-Don
(ushkanova@sfedu.ru)

Volkov S.K.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the International Economics and Economic Theory, Volgograd State Technical University, Volgograd (ambiente2@rambler.ru)

Zakhokhova M.R.

Competitor for the Degree of the Candidate of Economic Sciences, Institute of the Informatics and Problems of Regional Management of the Kabardino Balkarsky Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
(madia_rz@mail.ru)

Zalepukhin V.V.

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Chair of Geography and Cartography, Volgograd State University, Volgograd (gik@volsu.ru)

Zamozhnykh E.A.

Candidate of Political Sciences, Researcher, Scientific and Educational Center of the Ethnical Conflict Studies of the Sociology Institute of Russian Academy of Sciences in the North Caucasian Federal University, Stavropol (Elena-003@jandex.ru)

Zhukov A.N.

Lecturer, Chair of Economy and Management, Volgograd Institute of Business, Volgograd (labser@volsu.ru)

Научно-практический журнал «Региональная экономика. Юг России» предназначен для ученых-экономистов, историков, социологов, политиков и практиков, для преподавателей, аспирантов и студентов, а также для всех интересующихся

проблемами территориального развития.

В журнале публикуются материалы, содержащие вопросы теории и практики пространственной экономики, а также практические рекомендации по усилению конкурентных преимуществ, повышению устойчивости и укреплению экономической безопасности территориальных социоэкономических систем Южного федерального округа разного уровня иерархии.

Авторами журнала могут быть научные сотрудники, аспиранты и докторанты, преподаватели, руководители предприятий, представители региональных органов власти как регионов ЮФО, так и других субъектов РФ.

Журнал «Региональная экономика. Юг России» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Тел./факс: (8442) 46-02-79

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Редакторы: *С.А. Астахова, Ю.С. Самко*

Верстка и техническое редактирование

О.С. Кашук

Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 24.03 2013 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Baltica.

Усл. печ. л. 22,4. Уч.-изд. л. 24,1.

Тираж 200 экз. (1-й завод — 100 экз.).

Заказ . «С» 44.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

С 2013 г. Ежегодник «Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы» выходит в новом формате: научно-практического журнала «Региональная экономика. Юг - России».

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ:

1. Фундаментальные исследования пространственной экономики.
2. Условия, ресурсы, факторы и механизмы развития Юга России.
3. Стратегии, программы и проекты модернизации хозяйственной системы Южного макрорегиона.
4. Агропромышленный и природоохозяйственный комплексы Юга России: проблемы и перспективы развития.
5. Финансовый механизм регулирования социально-экономического развития субъектов Южного макрорегиона.
6. Экономика местного самоуправления и развития муниципальных образований южных регионов.
7. Инновационный вектор развития предприятий Юга России.

Срок выхода в свет – 2 раза в год (июнь, декабрь).

Материалы принимаются до 1 апреля и до 1 октября.

Обязательно наличие следующих сопроводительных документов:

- данные об авторе статьи, включающие фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- выписка из протокола заседания кафедры о рекомендации к опубликованию представленного материала;
- внешняя заверенная рецензия о рекомендации к опубликованию представленного материала;
- письменное обязательство автора (авторов) статьи в том, что он (они) не опубликует ее в других печатных и/или электронных изданиях до выхода в свет журнала «Региональная экономика. Юг России» с данной статьей.

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

Требования к авторским оригиналам на электронном носителе:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word (2000 – 2007) с **расширением *.rtf**;
- имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.rtf);
- электронная версия должна точно соответствовать представленному авторскому оригиналу на бумажном носителе.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Объем статьи:

- для молодых ученых (авторов без ученой степени) – 8 – 10 стр.;
- кандидатов наук – 12 – 14 стр.;
- докторов наук – 16 – 18 стр.

Поля – 2 см с каждой стороны.

Междустрочный интервал текста всей статьи, включая УДК, ББК, аннотацию, ключевые слова, список литературы, – 1,5.

Гарнитуры шрифта – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом.

Размер шрифта:

- текста статьи – 14.
- аннотации, ключевых слов, названий библиографических источников в списке литературы – 12.

Абзацный отступ – 1,25 см (автоматически).

Название статьи набирается прописными буквами полужирным шрифтом; с выравниванием по центру; до и после названия делается отступ в 1,5 интервала.

Ф.И.О. выполняется курсивом с выравниванием по центру.

Ученая степень, звание, должность располагаются под Ф.И.О., набираются строчными буквами (без курсива); с выравниванием по центру.

Аннотация печатается с абзацным отступом через строку после ученой степени, должности автора, объем – 500 – 600 знаков.

Ключевые слова выделяются полужирным шрифтом, курсивом, с абзацным отступом, объемом 8 – 10 слов.

Название статьи, Ф.И.О. автора, аннотация, ключевые слова сначала печатаются на русском языке. Далее вся эта информация через отступ в 1,5 интервала дублируется на английском языке.

Текст, заключенный в рамки и другие фигуры, должен оформляться как надпись («Вставка» — «Надпись»).

Слово «Таблица» и ее номер набираются курсивом с выравниванием по правому краю.

Названия таблиц выделяются полужирным шрифтом с выравниванием по центру; интервал — 1,5.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; не выравнивать столбцы и ячейки пробелами либо табуляцией.

Ссылка на источник под таблицами, рисунками набирается словами: «Источник:» или «Составлено по:» и далее в квадратных скобках указываются номера источников из списка литературы.

Пример:

Составлено по: [26, с. 10; 27; 28, с. 18].

или:

Источник: [22, с. 75].

Схемы, диаграммы и рисунки должны быть выполнены узорчатыми способами заливки и не иметь цветовых выделений (для черно-белой печати).

Номер, название рисунков располагаются под рисунком; выделяются полужирным шрифтом с выравниванием по центру; интервал — 1,5.

Формулы, таблицы, схемы должны оформляться с помощью стандартной панели инструментов.

Формулы, содержащие специальные символы, должны быть набраны как объект **Microsoft Equation** («Вставка» — «Объект»); каждая формула должна быть вставлена как самостоятельный объект.

Пример:

$$y = b_0 + \sum_{i=1}^n b_i x_i \varepsilon.$$

Формулы в одну строку, имеющие лишь числа, буквы, однострочные индексы, скобки и знаки действий, необходимо набирать как текст.

Пример:

$$y^2 = 3325 + 0,1937x_1 + 0,0425x_3...$$

Примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Слова «Список литературы» набираются через отступ в 1,5 интервала после текста статьи прописными буквами полужирным курсивом с выравниванием по центру.

Библиографические источники набираются через отступ в 1,5 интервала после слов «Список литературы»; располагаются в алфавитном порядке; оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания; нумерация осуществляется вручную.

Отсылка на библиографический источник, используемый в тексте статьи, приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и после запятой номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой;

Пример:

[26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57];

или:

[28], [28; 47];

При отсылке к интернет-источнику необходимо указать ссылку на конкретную страницу цитируемого источника, а не ссылку на главную страницу источника (официального сайта).

Пример:

Валовой региональный продукт на душу населения // Регионы России. Социально-экономические показатели, 2010 г. / Федеральная служба государственной статистики. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/lssWWW.exe/Stg/d01/11-02.htm.

Заместитель главного редактора редакционной коллегии:

Митрофанова Инна Васильевна,

тел. **89033270953**; 8-(8442)-46-02-76.

Адрес редакции (для почтовых отправлений):

400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет, ауд. 2-14 В.

Митрофановой И.В.

Адрес электронной почты: labser@volsu.ru; mitrofanova@volsu.ru.